

Маргарет УЭЙС Трэйси ХИКМЭН
ДРАКОНЫ ЛЕТНЕГО ПОЛДНЯ

ЛЕТОПИСЬ ВТОРАЯ

MARGARET WEIS TRACY HICKMAN

DRAGONS OF SUMMER FLAME CHRONICLES

TSR, Inc

МАРГАРЕТ УЭЙС ТРЭЙСИ ХИКМЭН

ДРАКОНЫ ЛЕТНЕГО ПОЛДНЯ

САГА О КОПЬЕ V

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
1996

Перевод с английского
Виктора Анащенко

Уэйс М., Хикмэн Т.

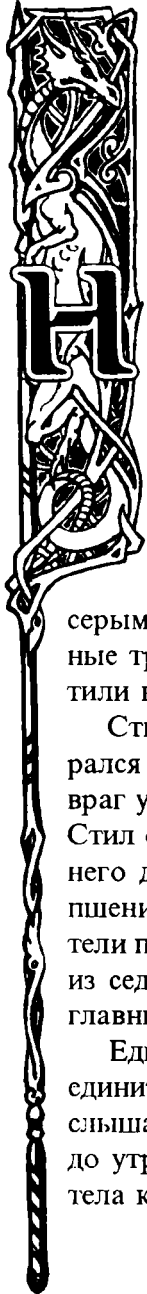
У 97 Драконы Летнего Полдня. Летопись вторая /
Пер. с англ. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 448 с.
ISBN 5-7684-0095-8

Никто не знал, что Войны Копья закончились полной победой Сил Света. Никто не знал, что вновь боевой рог призывает отважных витязей вытащить из пожен клинки. Опять под светлым небом Кринна разнесся лязг мечей...

COPYRIGHT © 1995, 1996 TSR, Inc. All rights reserved.
DRAGONLANCE™ and TSR logo are trademarks of TSR Inc.

ISBN 5-7684-0095-8

1. Возвращение. Испытание. Приговор вынесен

Ночь опустилась на Соламнийскую равнину, но лагерь Рыцарей Такхизис заливал неяркий свет. Армия Тьмы разогнала мрак! Повелитель Ариакан строго запретил разжигать костры: он опасался степного пожара — засуха высушила траву. Но Рыцари Терновника — серые маги — установили громадные хрустальные шары, мерцавшие серым рассеянным светом. Три шара, расположенные треугольником по периметру лагеря, превратили ночь в пасмурный день.

Стил заметил свет издалека. Ариакан не собирался скрывать численность своей армии. Пусть враг увидит, насколько она сильна, и устрашится! Стил оглядел лагерь целиком со спины своего синего дракона. Затем Флэр приземлилась на поле пшеницы, погибшей от жары. Подбежали служители при драконах. Они помогли Стилу выбраться из седла и показали, как пройти в расположение главных сил.

Единственным желанием Флэр было — присоединиться к своим сородичам. Еще не видя их, она слышала их крики и теперь, убедившись, что Стил до утра обойдется без ее услуг, с радостью полетела к ним.

Рыцари Такхизис предпочитали использовать синих драконов. Драконы вообще крайне независимы и весьма невысокого мнения о людях. Большинство драконов считает унизительным подчиняться приказам существ, которых они считают ниже себя. Некоторым видам драконов это представляется попросту невозможным.

Черные драконы злы и глупы. Даже те, кому они подчиняются, совершенно не могут им доверять. Черные не видят надобности в том, чтобы посвящать себя служению чему-либо, кроме собственных интересов. И хотя их можно уговорить сражаться, они вполне способны посреди битвы внезапно передумать и отправиться по своим собственным делам.

Во время Войны Копья многие восначальники, в том числе и знаменитый Повелитель Драконов Верминаард, предпочитали красных драконов. Это громадные, огнедышащие, злобные твари, слишком нетерпеливые для такой войны, какую предпочитал вести повелитель Арнакан. Взятие города красные драконы представляли себе как поджог, разорение и разрушение зданий с неременным уничтожением их обитателей. Мысль о том, что невредимый город с живыми и довольными жителями принесет Владычице Тьмы больше пользы, чем груды дымящихся развалин и горы обгорелых трупов, была красным драконам совершенно недоступна. Пусть дым пожаров и зловоние смерти прославляют Госпожу! И еще, конечно, сияние золота, запрятанного в драконьих логовищах...

Полная бесполезность зеленых драконов стала абсолютно очевидной во время последней Войны Драконов. Зеленые будут сражаться, только если их совсем загнать в угол. Они предпочитали действо-

вать с помощью магии, которой владели лучше, чем все другие виды драконов. Поэтому зеленые драконы не представляли интереса для военачальников, но могли быть использованы Рыцарями Терновника. Драконы соглашались подчиняться серым магам, полагая, что могут извлечь для себя выгоду из их магических знаний.

Белые драконы, живущие в холодных областях, были всем хороши, но совершенно не переносили жары. В это жаркое лето, когда даже в местах их обычного обитания лед таял и драконьи пещеры заливало талой водой, они все куда-то попрятались.

Повелитель Ариакан выбрал для своих рыцарей синих драконов и не жалел об этом. Синие уважали людей и были преданы им. Они подчинялись приказам и в бою представляли собой единое целое со своими всадниками. Самым же важным было то, что они осознавали Дело и свое место в нем.

Флэр отправилась к синей стае; драконы радостно приветствовали ее... Несколько драконов кружили над лагерем, но большинство сидело на земле, отдыхая перед решающей битвой. Ариакан не боялся внезапного нападения. Его тылы были в безопасности. Громадная армия прошла через северный Ансалон, сметая все на своем пути и не оставляя в тылу очагов сопротивления.

Стил вошел в лагерь и остановился, пытаясь разглядеть флаг своего отряда. На равнине расположилось столько войск, что можно было провести всю ночь в бесплодных поисках. Поэтому Стил остановил шедшего навстречу рыцаря, и тот указал ему место расположения отряда.

Тревалин беседовал с офицерами отряда. При появлении Стила он тотчас оставил их и направился к юноше.

— Рыцарь Светлый Меч прибыл, господин! — приветствовал его Стил.

— Светлый Меч, — Тревалин улыбнулся. — Рад тебя видеть. Действительно рад. Некоторые тут думали, что ты можешь и не вернуться.

Стил нахмурился. Это задевало его честь. Он имел полное право встретиться с очернителем лицом к лицу.

— Кто бы это мог быть, командир?

— В первую очередь Черная Госпожа, по милости которой тебя и отправили с этим дурацким заданием, — Тревалин поморщился, как будто попробовал чего-то кислого. — Ничего прямо тебя порочащего она не говорила. Чародейка не рискнула прилюдно оскорблять одного из моих рыцарей, она сделала умнее: почти весь день фланировала неподалеку, отпуская замечания, которые можно было понять и так, и этак... Ладно, успокойся! Забудь об этом! Есть более серьезный повод для беспокойства!

Тревалин больше не улыбался. Лицо его потемнело. Стил гадал, что же еще его ожидает.

— Повелитель Ариакаан приходил сюда. Он искал тебя! Он приказал, чтобы ты немедленно по возвращении явился к нему с докладом! — выражение лица Тревалина смягчилось, он хлопнул Стила по плечу. — Я думаю, повелитель собирается тебя судить. Он поступал так и раньше. «Чтобы дисциплина не расшаталась, меры надо принимать быстро!» — так он всегда говорит. — Тревалин махнул рукой. — Его шатер там, в центре... Я должен лично препроводить тебя! Так что лучше идти прямо туда... Ариакаан приказал немедленно...

Стил похолодел. Его будут судить и скорее всего признают виновным. И, разумеется, ему не избежать

наказания. Глаза его наполнились слезами, но не от страха, а от горького разочарования! Завтра рыцари пойдут на приступ Башни Верховного Жреца. Это будет решающее сражение войны. А он не сможет принять в нем участие!

Все поплыло у него перед глазами, когда он медленно достал из ножен отцовский меч и протянул его Тревалину.

— Я твой пленник, командир.

Это было легендарное оружие: меч принадлежал герою древнего рыцарства — Бертелу Светлому Мечу. Говорили, что он может сломаться только в одном случае — если будет духовно сломлен его носитель. Клинок прошел сквозь века. В роду Светлых Мечей отец передавал его сыну из рук в руки. Если отец погибал, когда сын был еще слишком мал, то меч оставался в руках мертвого отца до вступления наследника в возраст совершеннолетия.

Древнее лезвие поблескивало в руках Стила, но не отраженным светом серых шаров магов Такхизис, а собственным ярким серебристым светом.

Тревалин бросил взгляд на рукоятку, украшенную изображениями Розы и Зимородка — символами Рыцарей Соламнии, — и покачал головой.

— Я не дотронусь до него. Руки мне еще завтра понадобятся! Мне вовсе не хочется, чтобы гнев Паладайна опалил их. Я поражаюсь, как ты вообще можешь касаться этой вещи! Черную Госпожу это тоже удивляет, кстати, сегодня она как раз говорила об этом...

— Это меч моего отца! — ответил Стил, любовно накручивая ремень на ножны. — Повелитель Аршакан разрешил мне его носить!

— Да, я знаю, и Черная Госпожа тоже... Я просто не понимаю, как ты ухитрился вызвать такую

ненависть с ее стороны... Ну ладно. Да и кто их поймет, этих магов! Подожди, я скажу остальным, куда мы уходим.

Идти было недалеко. Суд тоже был недолог.

Их ждали. Как только они приблизились к большой группе офицеров и придворных, ожидавших приема около шатра, над которым развивался флаг Ариакана, дежурный рыцарь сразу провел их внутрь.

Повелитель сидел за небольшим столом черного дерева, который был подарен ему воинами в годовщину учреждения рыцарства. С тех пор он повсюду возил его с собой. Сейчас почти вся черная блестящая поверхность стола была завалена рулонами карт, только посередине было расчищено немного места. Там лежала большая книга в кожаном переплете. Когда выдавалась свободная минута, Ариакан записывал в ней хронику войны. Этим он и занимался, когда вошли Стил и Тревалин.

В центре шатра стоял громадный ящик, наполненный песком и камнями. Ящик Битв был собственным изобретением Ариакана, которым он очень гордился. С помощью песка и камней в нем можно было смоделировать место грядущего сражения. Вот и сейчас в одном его углу большие камни имитировали Вингаардские горы, а в другом располагался Палантас — маленькие золотые домики, окруженные стеной из мелкой гальки. Насыпанные рядом осколки лазурита обозначали Бренгальский залив. В проходе между горами стояла маленькая копия Башни Верховного Жреца из редкого белого камня. Отлигые из серебра фигурки рыцарей вместе с серебряным и несколькими золотыми драконами располагались рядом с ней.

Блестящие черные статуэтки из обсидиана изображали Рыцарей Такхизис; они окружали Башню

со всех сторон. На скалах, все как один повернутые в сторону Башни, сидели драконы из синего сапфира. Расстановка сил и задача каждого из отрядов в будущем сражении становились совершенно ясными. Стил обратил внимание на флаг своего отряда, который держал крошечный рыцарь верхом на синем драконе.

— Рыцарь Светлый Меч, — раздался сильный, глубокий голос Ариакаана. — Подойди!

Под пристальными взглядами приближенных и офицеров, находившихся в патре, Стил и Тревалин приблизились к столу. Стил разглядел аккуратные значки — в книге, как и в Ящике Битв, изображалась схема будущей битвы.

— Бригадир Тревалин с арестованным прибыли по твоему приказу, повелитель!

Ариакаан добавил последний штрих и, минуту полубоававшись на свою работу, отложил книгу на край стола, кивнув помощнику. Тот посыпал страницу песком, чтобы высушить чернила, стряхнул его и убрал книгу.

Глава и основатель Ордена Рыцарей Такхизис поднял глаза на Стила.

Ариакаану было около пятидесяти. Высокий, сильный, великолепно сложенный, он являлся прекрасным бойцом. В молодости его считали необычайно привлекательным. Сейчас же, в середине жизни, тонкий с горбинкой нос и пронзительные черные глаза делали повелителя похожим на морского ястреба. Окружающим это сходство казалось не случайным: говорили, что матерью Ариакаана была богиня моря Зебоим, дочь Такхизис.

Длинные густые черные волосы, слегка тронутые сединой на висках, были отброшены назад и перевязаны на затылке посеребренным кожаным ремеш-

ком. Кожа на его всегда чисто выбритых щеках обветрилась и загорела. Ариакан обладал незаурядным умом, при желании мог быть весьма обаятельным и пользовался глубоким уважением у людей, которые ему служили. Все знали о его честности и справедливости, но вместе с тем он был так же непредсказуем и загадочен, как темные воды океанских глубин. Душой и телом он был предан Владычице Тьмы и требовал не меньшей преданности от людей, служивших ему.

Он смотрел на Стила — человека, которого сам посвятил в рыцари, когда тому было только двенадцать лет, и в глазах его не было ни снисхождения, ни сочувствия. Только печаль. Впрочем, Стил первым разочаровался бы в своем господине, если бы он вел себя по-другому.

— Обвиняемый, рыцарь Светлый Меч, передо мной. Где обвинитель?

— Я обвиняю его, повелитель! — выступила вперед Черная Госпожа. На Стила она даже не посмотрела.

Стил тоже не взглянул в ее сторону. Прямо и гордо смотрел он в глаза Ариакану.

— Бригадир Тревалин, — продолжал властитель. — Благодарю за службу! Ты доставил арестованного, как и было приказано, а теперь можешь возвратиться к своему отряду.

Тревалин отсалютовал, но не ушел, а обратился к Ариакану:

— Господин! Позволь мне перед уходом сказать несколько слов в защиту арестованного! Преданность Делу побуждает меня...

Ариакан удивленно приподнял брови, но кивнул. Ссылка на Дело была очень серьезным аргументом.

— Говори, бригадир.

— Благодарю тебя, повелитель! Пусть мои слова запишут! Стил Светлый Меч — один из лучших воинов, которыми я когда-либо имел честь командовать! Его боевое искусство и храбрость превыше всяких похвал! Он беззаветно предан Делу! Эти его качества неоднократно проверялись в бою и не подлежат сомнению! — При этих словах Тревалин бросил недобрый взгляд на Черную Госпожу. — Потеря рыцаря Светлого Меча будет невосполнимой потерей для всех нас! Это нанесет ущерб Делу!

— Спасибо, бригадир Тревалин, — холодно и отстраненно проговорил Ариакан. — Мы учтем то, что ты сказал. Можешь идти.

Тревалин отсалютовал, повернулся и, прежде чем покинуть шатер, прошептал Стилу несколько ободряющих слов.

Рыцарь благодарно кивнул, но промолчал, судорожно сжимая рукоятку отцовского меча. Сокрушенно покачав головой, Тревалин вышел из шатра.

— Подойди ко мне, рыцарь, — промолвил Ариакан.

Стил сделал шаг к столу.

— Достань меч из ножен и положи передо мной, — продолжил Господин Тьмы.

Стил повиновался. Он достал меч из богато украшенных ножен и положил на стол перед повелителем. Клинок больше не сверкал, он казался серым и потускневшим.

Стил вернулся на свое место и застыл, вытянув руки по швам и глядя прямо перед собой.

Ариакан повернулся к Лилит:

— Обоснуй свои обвинения против этого рыцаря, Черная Госпожа.

Скрипучим голосом Лилит поведала, как Стил вызвался отвезти тела погибших Соламнийских Ры-

царей их отцу. Это был долг чести, — нехотя добавила она. Ариакан понимающе взглянул на Стила и слегка наклонил голову. Повелитель хорошо знал историю Светлого Меча. Свободой, а возможно, и жизнью Стил был обязан Карамону Маджере. Теперь он возвратил этот долг.

Черная Госпожа перешла к тому, как Стил взял на себя ответственность за молодого мага Палина Маджере, дав честное слово магам и предложив ответить своей головой, если приговоренный к смерти узник сбежит.

— И вот рыцарь Светлый Меч здесь, а узника я что-то не вижу! — подвела итог Лизит. — Он не выполнил задание! Он позволил пленнику бежать! Сомнений в этом нет, повелитель, — заметила она, скользя к столу. Придвинувшись к Ариакану и понизив голос, как будто собираясь раскрыть великую тайну, добавила: — Учитывая его происхождение, я уверена, что он помог узнику скрыться!

Выражайся яснее, Черная Госпожа, — в голосе Ариакана прозвучали нотки нетерпения. Хотя он понимал и принимал всю значимость использования силы магов в войне, его, как и большинство воинов, угнетала их привычка весьма туманно излагать свои мысли. Терпеть не могу неопределенности. Если у тебя есть в чем обвинить этого рыцаря, скажи это так, чтобы простой воин вроде меня мог понять!

Да, господин! — сказала волебница. Вернувшись на свое место, она выпрямилась и глянула на Стила с нескрываемой враждебностью. На шее этого рыцаря болтается эльфийская побрякушка! У него меч врага! Я утверждаю, повелитель, что он не может быть действительно верен Владычице Тьмы и Делу! Он изменник, и это подтверждается тем фактом, что узник бежал! Я считаю, его надо заста-

вить заплатить ту цену, на которую он сам, кстати, согласился! Стил Светлый Меч должен быть казнен!

— Я знаю этого человека давно, с самого его детства, — Ариакан перевел взгляд на Стила, — и никогда он не давал мне повода усомниться в его верности! Что же до драгоценности и меча — то Стил получил их от своего отца. Хотя тот действительно был нашим врагом, мы уважаем его за мужество и храбрость. Я знаю о его дарах сыну, — продолжал Ариакан, слегка нахмурившись. — Как и Верховная Жрица Такхизис! Ты сомневаешься в нашей верности, Черная Госпожа?

Лилит была подавлена словами Ариакаана, она не могла себе даже представить, что властитель так истолкует ее слова.

— Конечно же нет, повелитель! Твое решение было несомненно мудрым! *В тот момент!* — она сделала паузу, подчеркивая последние слова. — Но я позволю себе напомнить, что времена меняются, и люди тоже. И к тому же у нас есть узник. Где? — Волшебница повертела головой. — Где Палин Маджере? Если он здесь, живой или мертвый, покажите его мне, и я сниму все обвинения с рыцаря и буду молить его о прощении!

Она улыбнулась и, скрестив руки на груди, бросила на Стила взгляд, полный неприкрытого злорадства.

— Каков будет твой ответ, рыцарь? — Ариакан тоже взглянул на Стила. — Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Ничего, господин, — ответил Стил.

По толпе рыцарей, пришедших посмотреть на разбирательство, прошел гул. Стало заметно, что толпа сильно увеличилась с тех пор, как начался суд, ибо слух о нем облетел лагерь.

— Ничего, рыцарь? — Ариакан, казалось, был неприятно поражен. Он бросил долгий взгляд на Черную Госпожу и слегка покачал головой. И этот жест лучше любых слов показал Стиллу, что Ариакан на его стороне. — Что же, мы выслушали обвинение, теперь послушаем твой рассказ о происшедшем.

Стил мог бы рассказать им, как все было на самом деле. Мог бы добиться снисхождения рассказом о том, как он прошел через знаменитую Шойканову Рошу. Немногие на Кринне решались туда войти, а еще меньше было тех, кто оттуда возвращался. Он, конечно, мог бы оправдаться, сославшись на то, что Палину, несомненно, помог бежать его дядя, знаменитый маг Рейстлин Маджере. Тогда Стил имел бы все основания быть уверенным в том, что решение, вынесенное повелителем Ариаканом, будет в его пользу.

Но вместо этого Стил просто сказал:

— Мне нет оправданий, господин! Я взялся за это задание и не справился с ним! Я давал слово чести, но упустил узника, которого поклялся сохранить! Суди меня, повелитель!

— Я осужу тебя на смерть! — нахмурился Ариакан.

— Я сознаю это, господин, — спокойно ответил Стил.

— Хорошо, но если так, ты не оставил мне выбора, рыцарь.

Ариакан положил руку на рукоять меча Стилла. Болезненная гримаса появилась на его лице — меч был посвящен Паладайну, и все те, кто следовал Путем Тьмы, не могли безнаказанно к нему прикасаться. Но Ариакан не выпустил меча из рук. Медленно, сглотнув зубы, он поднял клинок и направил

лезвие в сторону Стила. Только после этого он заговорил:

— Стил Светлый Меч, пусть твоя смерть наступит от того самого меча, который ты опозорил и обесчестил. Приговор будет приведен в исполнение...

«Немедленно!..» — пронеслось в голове у Стила. Он бывал на подобных судах. «Для поддержания дисциплины меры должны приниматься быстро». Он попытался подготовиться к встрече с Владычицей Тьмы. Что он ей скажет? Кто может заглянуть в себя сам? В чем правда?

Душа его трепетала, однако он твердо стоял на ногах. Но впервые в жизни Стил не расслышал слов Ариакана. Вдох облегчения и раздавшиеся из толпы рыцарей одобрительные выкрики вернули Стила к реальности.

— Что... Что ты сказал, господин? — запинаясь, спросил он, боясь поверить в то, что наконец услышал.

— Приговор будет приведен в исполнение через месяц, — повторил Ариакан.

— Повелитель! — тут же запротестовала Черная Госпожа. — Мудро ли это? Этот человек осужден за предательство! Что́ ему делать среди нас?

— Этот человек осужден за то, что упустил узника, — возразил Ариакан. — Он подвергнут справедливому наказанию. Напоминаю тебе, Черная Госпожа, что его командир, вызывая к Делу, просил позволить этому рыцарю принять участие в предстоящей битве. Я, со своей стороны, соображаясь с интересами Дела, вынес приговор.

Ариакан говорил спокойно, но всем присутствующим было видно, что он взбешен. Черная Госпожа склонила голову, подчиняясь, но перед этим так

посмотрела на Стила, что если бы ее взгляд мог убивать, то Стил был бы убит на месте.

Ошеломленный, все еще не верящий в то, что остался жив, Стил продолжал стоять на месте. Ариакану пришлось дважды повторить приглашающий жест, прежде чем Стил наконец подошел забрать свой меч.

Ариакан протянул ему меч. Его правая рука была обожжена, как будто он схватился за раскаленное докрасна железо.

— Возьми свой меч, рыцарь. У тебя будет возможность загладить вину в предстоящей битве, тогда ты сможешь достойно предстать перед лицом Владычицы.

— Благодарю тебя, господин! — голос Стила срывался от волнения. Он приветственно поднял меч и бросил его в ножны.

— Однако я вынужден приказать тебе снять шпоры. Ты разжалован и будешь командовать отрядом пехотинцев. Ты достаиваешься чести возглавить отряд, который будет штурмовать главные ворота!

Стил поднял голову и улыбнулся. Возглавить отряд пехотинцев. Быть среди тех, кто первым ворвется в Башню, первым встретится с ее защитниками. Он будет среди тех, кто погибнет первым. Ариакан оказал ему великую честь!

— Я понял, господин! Спасибо! Я не подведу тебя!

— Возвращайся пока к своему отряду. Расстаньтесь утром. Если тебе больше ничего мне сказать, ты свободен.

Ариакан давал Стилу еще одну возможность оправдаться.

Стил с трудом удержался. Рассказать, как все было на самом деле! Но он знал, что если бы это

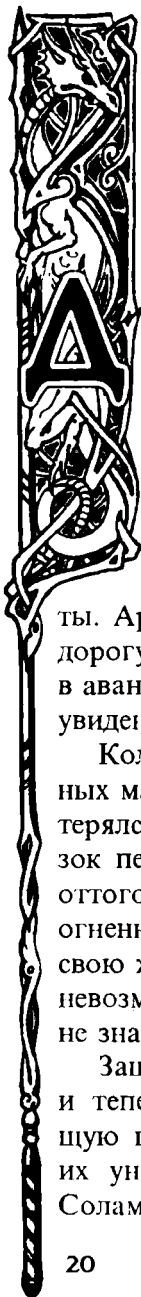
произошло теперь, то принесло бы еще большее разочарование человеку, которого он любил и уважал.

Нет, мне нечего добавить, повелитель! Благодарю тебя еще раз.

Ариакан пожал плечами и, выйдя из-за стола, направился к Яцику Битв. Его тут же обступили офицеры, и, передвигая фигурки, они принялись обсуждать стратегию и тактику предстоящей битвы. Жрец Тьмы поспешил произнести лечебное заклинание для обожженной руки властителя.

Про Стила все забыли. Он выскользнул из шатра и, оставив позади свет и шум, удалился, чтобы побыть наедине с самим собой.

Утром он умрет. Погибнет с честью, избавив своего господина и друзей от догадок по поводу того, что творится в его душе. Ни к чему им знать правду о том, как он колебался на пороге магической лаборатории, и колебался лишь потому, что ему было страшно.

2. План сражения. Внутренняя битва Стила

о восхода солнца оставалось еще несколько часов, но армия Ариакана уже пришла в движение. Покидая равнину, армия углублялась в холмы Вирхиса, направляясь к перевалу, на гребне которого и стояла Башня Верховного Жреца.

Дорога к ней была свободна. У Соламнийских Рыцарей не хватало сил для ее защиты. Армия Ариакана двигалась быстро, освещая дорогу факелами и магическими шарами. Шедший в авангарде Стил оглянулся и замер, пораженный увиденным.

Колонна воинов, повозок со снаряжением, осадных машин растянулась между холмами, конец ее терялся во тьме. Громадные массы людей и повозок передвигались слаженно и организованно, и оттого сверху армия была похожа на гигантскую огненную змею, готовящуюся обвить и задушить свою жертву. Воинов было столько, что казалось невозможным их сосчитать. Никогда еще Ансалон не знал армии такой силы и мощи.

Защитники Башни, наверно, уже заметили ее и теперь смотрели на неотвратимо подползающую грозную змею. Стил мог представить себе их уныние и страх. Любые надежды Рыцарей Соламнии отстоять Башню должны были рассу-

паться в прах от одного только вида приближающейся армии.

Поправляя перевязь меча, Стил вспомнил рассказы о том, как отец один храбро принял бой на стенах той самой Башни, которую теперь будет штурмовать его сын. Стурм Светлый Меч тоже предвидел свою смерть. Но он видел и дальше, ему светил яркий свет победы, за которую он отдал свою жизнь.

Сейчас Стил чувствовал себя ближе к отцу, чем к матери-воительнице. Стурм, конечно, понял бы решение сына: лучше смерть, чем бесчестье! Китиара, его мать, не одобрила бы Стила.

Несмотря на ночную прохладу, Стил ощущал жар битвы в своей душе. Сражения на *этой* войне шли всю его жизнь, разрывая надвое душу. Он отчетливо слышал то голос отца, говоривший о чести и достоинстве, то голос матери, убеждавший его любым путем, пусть даже ложью и притворством, вырваться из беды, в которую он попал.

Битва была долгой и изматывающей, она продолжалась даже во сне, и особенно во сне: он видел синие и серебряные доспехи сражающихся, слышал лязг мечей.

Звук трубы прервал его размышления. Стил почувствовал себя неожиданно бодрым и свежим. Страха больше не было. Вместе со своими воинами — отрядом варваров, вооруженных мечами, копьями и луками, — он двинулся вперед. Дикари были возбуждены предстоящей битвой и так рвались в бой, что Стилу приходилось сдерживать их, чтобы они не наткнулись на копья идущего впереди отряда.

Стил твердо знал, что сегодня умрет. Он погибнет героем, и, когда этой ночью душа его предстанет

перед Владычицей, его верность будет доказана, а сомнениям в душе будет положен конец.

Повелитель Ариакап остановил армию в долине хребта Хаббакук на небольшой ровной площадке, расположенной прямо под Башней Верховного Жреца. Сильнейшая крепость Ансалона не таила в себе неожиданностей для Ариакапа. Она была ему хорошо знакома. Он знал все помещения и галереи Башни, каждый тайный проход был ему известен. Он ясно представлял себе силу и слабость Башни.

Ариакап поднялся на коне на небольшой холмик, чтобы еще раз взглянуть на Башню и уточнить план штурма. Внезапно у него возникло жуткое ощущение, что все это с ним уже было. Правда, окружали его тогда Соламнийские Рыцари, часть из которых сегодня вполне могла оборонять бастионы крепости от армии своего старого товарища.

Как только первые проблески зари окрасили небо, в шатре Ариакапа собрались старшие офицеры. Их было пятеро. Три командира основных ударных сил его армии, командующий драконидами и предводитель отряда, известного как Легион Тьмы, — армии, составленной из гоблинов, хоб-гоблинов, людоседов и людей-наемников, многие из которых скрывались в Халькистовых горах со времен Войны Копья, ожидая возможности реванша. В Легионе был также большой отряд минотавров под предводительством их собственного царя, поскольку минотавры презирали людей и не желали им подчиняться.

Ариакап еще раз напомнил план предстоящей битвы. Ударные отряды должны были идти на приступ крепостных стен. Всем отрядам для разруше-

ния ворот были приданы осадные машины. Задача первого отряда — захватить внешнюю стену и тем самым очистить дорогу для следующих отрядов нападающих.

Легиону Тьмы была поставлена задача атаковать Рыцарский Бастион и, в случае удачи, после его захвата двигаться на помощь основным ударным отрядам.

Отряд драконидов объединялся с Рыцарями Такхизис и должен был напасть с воздуха. Дракониды со спин синих драконов посыпятся сверху на крепостную стену и, уничтожив защитников, расчистят дорогу наступающим. Рыцари останутся в воздухе и будут сражаться с серебряными драконами, которые, несомненно, придут на помощь Рыцарям Соламнии.

Когда все было обговорено, Ариакан отпустил офицеров и приказал подавать завтрак.

Ожидание выматывало. Не в состоянии спокойно сидеть и ждать, Стил, не останавливаясь, ходил взад-вперед. Возбуждение требовало какого-либо выхода. Он пошел посмотреть на механиков, суетившихся вокруг осадной машины, предназначенной для разрушения главных ворот. Стил с удовольствием включился бы в их работу, лишь бы хоть что-нибудь делать. Но он был воином, а не механиком и не мог оказать им никакой помощи.

Громадный таран был сделан из ствола могучего дуба. Его окованный железом передний конец имел форму головы морской черепахи (в честь матери Ариакана — богини моря). Таран помещался на деревянной платформе, на которой его и подвезут прямо к главным воротам Башни. Он был подвешен

на многочисленных кожаных канатах, концы которых соединялись со сложной системой колес и воротов. Благодаря им таран отводился назад, чтобы затем с неимоверной силой ударить по воротам. Сверху его защищала железная крыша.

Рыцари Терновника наделили ужасную машину магическими свойствами. Жрецы, ведомые Верховной Жрицей Такхизис, приблизились и провели черное богослужение, призывая богиню помочь в святом деле. Это было необходимо для успеха, так как огромные ворота Башни были не только окованы сталью, но и укреплены посредством магии. Нападавшие опасались, что без личного вмешательства богини разрушить их не удастся.

Но придет ли богиня посмотреть на величайший триумф своей армии? Стилусу почудилось, что Верховная Жрица запнулась во время молитвы, как будто лишившись на мгновение уверенности. Жрецы, окружавшие ее, казались встревоженными и бросали украдкой взгляды по сторонам. Главный механик, которого вынудили прекратить работы на время молитвы, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая конца обряда.

— Полная срунда, по-моему, — проворчал он Стилусу, когда молитва закончилась. — Не то чтобы я неверующий, — добавил он, оглядываясь, не слышал ли его кто-нибудь из жрецов. — Просто я потратил шесть месяцев, день и ночь работая над чертежами этой машины. А еще шесть месяцев ушло на ее постройку! Жалкое бормотание нескольких жрецов ничем не поможет нам в бою. Уверен, что Владычице Тьмы есть чем заняться, кроме как стучаться в ворота к Соламнийским Рыцарям. — Он с гордостью посмотрел на свою конструкцию. — Моя машина сделает для нас этот пустяк.

Стил вежливо согласился, и они перешли к обсуждению проблем взаимодействия их подчиненных во время штурма. Затем Стил возвратился к отряду варваров.

Дикари играли в какую-то свою варварскую игру. Один из воинов, лучше других говоривший на Общем языке, попытался объяснить Стилу ее смысл. Стил внимательно слушал, стараясь казаться заинтересованным, но скоро запутался в ее сложных правилах. В игре использовались палки, камни, сосновые шишки, а иногда дикари принимались метать, весьма неосторожно, как казалось Стилу, жуткого вида ножи с костяными рукоятками.

Варвар объяснил, что небольшое кровопускание только возбуждает воинов, подготавливает их к битве. Теперь Стилу стало понятно, откуда у дикарей странные шрамы на руках и ногах, на которые он давно обратил внимание. Оставив варваров играть в их опасную игру, он снова принялся ходить взад и вперед, не зная, чем еще занять себя перед боем.

Потом юноша перевел взгляд на стену Башни Верховного Жреца. Крошечные фигурки защитников перемещались там, показываясь время от времени между зубцами. Было уже довольно поздно, обычно штурм начинали гораздо раньше. И если ожидание было мучительно даже для Стила, он мог представить себе, каково было тем, другим, ожидавшим за стенами Башни. Они недоумевают, гадают, что же еще приготовил Ариакан, в тысячный раз прикидывают все возможные варианты своих действий. А между тем страх заползает в их души, и мужество с каждым часом покидает их.

Солнце поднялось выше, и отбрасываемая Башней тень стала совсем короткой. Стил потел в тяже-

лых доспехах и с невольной завистью смотрел на дикарей. Те шли в бой в одних набедренных повязках, их тела были разрисованы дурно пахнущей синей краской, которая, по их уверениям, имела волшебную силу и защищала их от любого оружия лучше всякого доспеха.

Поколебавшись, Стил подошел к своему прежнему отряду, но рыцари готовили драконов к сражению, и всем было не до него. Даже Тревалин, заметив Стила, лишь приветственно помахал рукой, но не подошел поговорить. Он был занят установкой копья — точного подобия знаменитых Копий. Стил поискал глазами Флэр. У нее теперь был новый всадник. Вот уж кому не позавидуешь. Когда она узнала о разжаловании Стила, то пришла в дикую ярость и даже заявила, что отказывается участвовать в битве. Стилу удалось отговорить ее от этого, но было совершенно очевидно, что она до сих пор дуется. Флэр была предана Делу и охотно будет драться, но в отместку за разжалование Стила она приложит все усилия, чтобы максимально усложнить жизнь своему новому наезднику.

подавив зависть и печаль, Стил поспешил обратно, сожалея о том, что поддался эмоциям и оставил своих варваров. Он уже изнемог от жары, и его решительность начала постепенно испаряться, когда движение в центре лагеря привлекло его внимание. Ариакан вышел из шатра... Вокруг него мгновенно воцарилась тишина...

В сопровождении телохранителей, магов и жрецов он сел на коня — вороного скакуна по имени Ночной Мотылек, шерсть которого отливала синевой, — и двинулся вперед. Остановившись невдалеке от последних рядов воинов второго ударного отряда, он приказал поднять боевое знамя.

Вскоре флаги всех отрядов были подняты. В неподвижном жарком воздухе они вяло повисли на флагштоках. Ариакан поднес к губам черный обсидиановый рог, искусно украшенный серебряными лилиями, последний раз окинул взором армию и затрубил.

Чистый сильный звук разнесся в раскаленном воздухе. Стил узнал сигнал — «К бою!» — и почувствовал, что от возбуждения сердце готово выпрыгнуть из груди. Трубы всех, и больших и малых, отрядов откликнулись, сливаясь все вместе в режущую слух какофонию войны. С яростным криком, от которого, казалось, должны были содрогнуться камни, армия Такхизис бросилась на штурм.

3. Беседа старых друзей. Стурм Светлый Меч просит об одолжении

Вместе с первыми лучами солнца Танис Полуэльф поднялся по ступеням, ведущим к зубцам крепостной стены. Он стоял около центральной Башни, недалеко от того места, где кровь Стурма окрасила древние камни. Скоро он займет эту позицию и будет оборонять ее вместе со всем своим отрядом, но пока он был здесь один. Танис сам выбрал этот участок стены. Он словно чувствовал здесь присутствие своего друга. Сейчас он особенно в нем нуждался.

Танис устал, он бодрствовал всю ночь, совещаясь с властителем Томасом и другими командирами. Они искали способ совершить невозможное — победить противника, многократно превосходившего их по силе и численности. Они строили планы. Хорошие планы. Затем они вышли на стену и посмотрели на Армию Тьмы, на море огней, которое окружало холм и захлестывало его склоны. Огни походили на грозно вздымающуюся приливную волну. Волну смерти.

Их было слишком много. Какие уж тут планы. Даже самые лучшие...

Танис опустился на каменный пол, прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Стурм Светлый Меч стоял перед ним. Танис отчетливо видел его... Рыцарь в старинных латах с отцовским мечом в

руке стоял там же, где сейчас отдыхал Танис. Полуэльф почему-то совсем не удивился, увидев своего старого друга. Это казалось правильным и уместным. Стурм должен быть здесь, у зубцов башни, защищая которую он отдал свою жизнь.

— Мне не помешало бы немного твоего мужества сейчас, старый друг, — тихо проговорил Танис. — Мы не можем победить. Это безнадежно. Я знаю. Властитель Томас и воины — тоже. Как можно сражаться без надежды?

— Иногда выигрыш оборачивается проигрышем, — ответил Стурм. — А победы достигаются поражением.

— Ты говоришь загадками, мой друг. Скажи прямо, — Танис уселся поудобнее. — Я слишком устал, чтобы пытаться их разгадать.

Стурм ответил не сразу. Рыцарь прошелся вдоль зубцов, перегнулся через стену и пристально посмотрел на громадную армию, скопившуюся внизу.

— Танис, там мой сын Стил.

— Он там? Что ж... Ничего удивительного. Похоже, мы потерпели неудачу. Он отдал свою душу Владычице Тьмы.

Стурм повернулся лицом к другу.

— Присмотри за ним, Танис.

Танис фыркнул:

— Я думаю, что твой сын более чем кто-либо другой способен посмотреть за собой сам, друг мой.

Стурм покачал головой:

— Мальчик сражается против врага, который сильнее его. Душа его еще не совсем потеряна для нас. Но если он будет побежден, мы его окончательно потеряем. Пообещай мне, что ты присмотришь за ним!

Танис был взволнован и озадачен. Стурм Светлый Меч очень редко о чем-либо просил.

— Я сделаю все, что смогу, Стурм, но я не совсем понимаю — как? Стел — слуга Владычицы. Он отверг все, что ты пытался для него сделать...

— Господин... — послышался чей-то голос.

Если бы ты только объяснил мне...

— Господин! — теперь кто-то еще и тряс его за плечо.

Танис открыл глаза и стремительно приподнялся.

— Что? Что происходит? — его рука метнулась к мечу. — Уже пора?

— Нет, господин. Извини, что я тебя разбудил, но воины ждут твоих распоряжений...

— Да, конечно, — Танис с трудом поднялся на ноги.

Он окинул взглядом стену. Никого, кроме него самого и молодого рыцаря, разбудившего его, там не было. — Извини, я, должно быть, задремал.

— Да, господин, — вежливо согласился рыцарь, — Ты говорил с кем-то во сне.

В самом деле? — Танис потряс головой, пытаясь освободиться от сонного тумана, клубившегося в голове. Я видел очень странный сон.

— Да, господин, — юный рыцарь стоял, терпеливо ожидая продолжения.

Танис потер воспаленные глаза.

Итак, что ты хотел спросить?

Он слушал, отвечал и делал все необходимое, но в голове его отчетливо звучал тихий голос, произносящий:

— *Пообещай мне...*

Рассвело, но солнечный свет только усугубил отчаяние. Защитники Башни смотрели вниз, на море сил Тьмы, которое медленно появлялось на свет из ночного мрака, готовое сломить их своим кровавым приливом. Распространились слухи о прибытии новых громадных вражеских сил. Были слышны резкие голоса командиров, приказывающих своим людям сохранять тишину и оставаться на своих местах. Вскоре стало совсем тихо; раздавались лишь крики серебряных драконов, кружившихся в воздухе над Башней. Они бросали вызов своим синим сородичам.

Рыцари готовились к отражению атаки, но ее не было.

Прошел час, за ним еще один. Воины завтракали на своих боевых постах, не выпуская из рук оружия. Армии, собравшиеся внизу, казалось, не двигались, однако численность их продолжала расти.

Солнце поднималось все выше и выше, жара становилась невыносимой. Воды было мало. Горный ручей, протекавший по акведуку Башни, практически пересох и превратился в едва заметную струйку. Люди, стоявшие в доспехах на каменных стенах под палящими лучами солнца, не выдерживали и падали без чувств.

— Я думаю, мы скоро сможем кипятить масло без помощи огня, — заметил властитель Томас Танису, в очередной раз обходя крепость.

Он указал на большой котел, приготовленный для врагов и полный пузырящегося масла. Жар костра заставлял всех отойти подальше, за исключением людей, поддерживавших пламя. Последние сняли доспехи, разделись по пояс и все равно обильно потели.

Танис вытер пот с лица.

— Как ты думаешь, что собирается делать Ариакан? Чего он ждет?

— Он ждет, что мы утратим хладнокровие, — ответил Томас.

— А ведь может и дожждаться, — с горечью признал Танис. — Прости меня Паладайн, я никогда не видел такую огромную армию! Даже во время той войны, в последний день, перед падением Нераки. Интересно, сколько у него воинов?

— Только Гилеан их считал, — ответил Томас. — А нам не стоит и пытаться. С перепугу каждого врага считают дважды — гласит старая пословица. Да и не так это важно.

— Ты прав, мой господин, — согласился Танис. — Никакой разницы. — Спрашивая, Танис надеялся узнать, как долго, по мнению рыцаря, они смогут удерживать Башню. Однако теперь он понял, что это больше его не интересует.

Тишину разорвал звук трубы.

— Идут! — сказал властитель Томас и быстро направился на свой командный пункт на одном из балконов шестого этажа, недалеко от садов. Танис вздохнул с облегчением и заметил такое же облегчение на лицах своих воинов. Действие было значительно лучше мучительного ожидания. Люди забыли об ужасной жаре, они отбросили страхи и побежали занимать позиции. Теперь они могли наконец действовать. Теперь их судьба в руках Паладайны.

Звуки труб и военных команд заполнили воздух. Армия Тьмы двинулась. Солнце сверкало на чешуе синих драконов, тени их крыльев скользили по стенам Башни, и от их приближения сердца защитников Башни окутывал мрак. Магический ужас, внушаемый драконами, находил свои первые жертвы.

Серебряные драконы и их всадники, вооруженные пылающими Копьями, полетели в битву. Фалан-

га синих сшиблась со строем серебряных драконов. Летели молнии, выдыхаемые синими драконами. Серебряные отвечали клубами морозного пара — иней покрывал крылья врагов, и те, не в силах лететь, падали на землю.

Танис был удивлен малым количеством синих драконов. Он уже начал подозревать, что эта первая атака была только хитростью, когда раздался громкий крик. Люди указывали на запад.

Оттуда приближалась стая синих драконов, их было значительно больше, чем серебряных. Причем каждый из них нес не одного, а множество всадников. Молодые рыцари недоумевали, но ветераны, которые принимали участие в Войне Копья, узнали врагов. В тот же миг, когда первые синие драконы поравнялись с Башней, с неба посыпались темные крылатые тени.

— Дракониды! — закричал Танис, выхватил меч и приготовился к отражению атаки. — Запомните: убитых драконидов нужно немедленно выбрасывать за стену, — предупредил он рыцарей.

Мертвые дракониды были не менее опасны, чем живые. В зависимости от их вида, тела тварей или превращались в камень, сковывая намертво любое оружие, оставшееся в теле, или взрывались, убивая оказавшихся рядом. Иногда же они растекались ядовитой жидкостью, прикосновение к которой было опять-таки смертельно.

Драконид Бозак на расправленных крыльях, державающих падение, приземлился на верхушку стены прямо напротив Таниса. Непривычный к полету, опустился он тяжело и на мгновение был оглушен падением, но быстро пришел в себя. Бозак был не только опытным бойцом, но и магом. Танис бросился в атаку раньше, чем его противник успел

окончательно оправиться от потрясения. Полуэльф взмахнул мечом — голова дракониды отделилась от шеи. Хлынула кровь. Бросив меч в ножны, Танис схватил тело прежде, чем оно успело упасть, подтянул его к стене и перевалил через край.

Мертвый Бозак упал среди отряда варваров, собиравшихся штурмовать стену. Практически в тот же миг тело взорвалось, убив и покалечив многих из них. Варвары в замешательстве отступили.

Однако радоваться Танису пришлось недолго. Мамонты подтащили огромную осадную машину к главным воротам Башни. К стенам приставили лестницы. Танис приказал лучникам выдвинуться вперед и распорядился держать наготове котел с маслом. Если повезет, им, может быть, удастся поджечь осадную машину. Его распоряжения мгновенно исполнялись. Таниса уважали. Его считали рыцарем, если и не по званию, то по духу.

Примчался посыльный. Он поскользнулся на крови дракониды и едва не упал, но удержался на ногах и доложил Танису:

— Послание от властителя Томаса. Если главные ворота падут, тебе с твоими людьми приказано усилить отряд, обороняющий вход.

«Если враги прорвутся через главные ворота, стража не задержит их надолго», — мрачно подумал Танис, но не стал говорить очевидное, просто кивнул и переменял тему:

— Что это за вопли я только что слышал?

Посыльный устало усмехнулся.

— Отряд минотавров пытался проникнуть внутрь по акведуку. Властитель Томас предполагал, что они ползут туда... Там в связи с засухой и вообще... Короче, рыцари их ждали. Больше не сунутся!

— Хорошие новости, — заметил Танис и, отпихнув посланца, бросился на драконида, едва не приземлившегося прямо на голову юноши.

Забрезжившая было надежда скоро угасла. Прилив Армий Тьмы продолжался весь день и со всех сторон. Рыцарей выбивали то с одной, то с другой позиции. Они отступали, восстанавливали боевые порядки, пытались удержать следующий рубеж, но их снова опрокидывали. Танис сражался без отдыха, он задыхался. Все мышцы болели, правую руку, в которой он держал меч, свело судорогой.

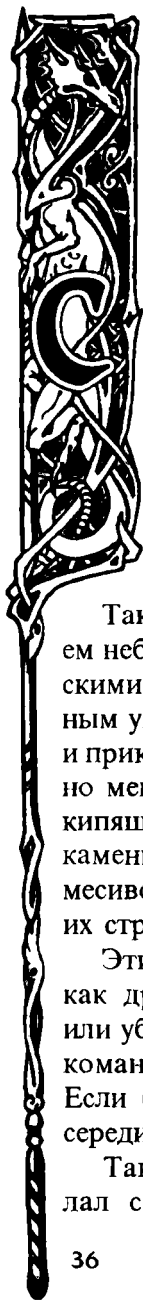
А враги продолжали насаждать. Танис слышал только звон стали, крики умирающих и видел лишь брызги, которые он сначала принял за капли начинающегося дождя. Это оказалась кровь. Драконья кровь лилась с неба. Потом раздался грохот. Низкое, мерное, выматывающее душу буханье громадного тарана. Казалось, будто где-то недалеко билось огромное черное сердце.

Битва на мгновение замерла. Противник чего-то ждал. Танис воспользовался этим и, прислонившись к стене, попытался отдышаться.

Снизу раздался оглушительный треск и радостные крики врагов. Массивные ворота Башни Верховного Жреца наконец подались.

Свежие отряды недругов, которые стояли в резерве за осадной машиной, бросились ко входу. Их вел рыцарь в черных доспехах, сражавшийся пешим. Среди нападавших были и серые маги.

Собрав своих едва державшихся на ногах воинов, Танис поспешил к главным воротам.

4. Обещание дано. Обещание выполнено

тил расположил своих воинов сзади и с обеих сторон осадной машины. Дикари были искусными лучниками. Их луки били дальше, чем у большинства людей, а стрелы издавали в полете жуткий свист. Лучники Стила не позволяли защитникам высовываться из-за стены и мешать работе осадной машины.

Так было везде, на всем фронте, за исключением небольшого участка, обороняемого Соламнийскими Рыцарями, которые оборонялись с мрачным упорством, отбивая атаки драконидов сверху и прикрываясь от стрел дикарей снизу. Они серьезно мешали работе осадной машины: лили на нее кипящее масло и едва не подожгли ее. Огромный камень, брошенный оттуда, превратил в кровавое месиво голову одного из мамонтов. Да и лучники их стреляли с убийственной меткостью.

Эти рыцари держались еще долго после того, как другие защитники Башни были отброшены или убиты. Стил восхищался ими и их невидимым командиром. Вот это мужество! Вот это отвага! Если бы не они, таран разбил бы ворота уже к середине дня...

Так или иначе, но в конце концов таран сделал свое дело — проломил тяжелые створки

ворот. Стил повел своих воинов вперед, готовясь ворваться в образовавшийся проход, когда к нему подбежал главный механик, успевший бегло осмотреть вход.

— Проклятие, там опускная решетка! — Механик выглядел так, как будто это неожиданное препятствие оскорбляло его лично. — На карте повелителя Ариакана ее не было!

— Опускная решетка? — Стил нахмурился, припоминая. Он входил этим путем в Башню пять лет назад, но решетки не помнил. Хотя погодите-ка... Как раз в то время здесь вовсю велись какие-то работы. — Очевидно, они сделали ее позднее. Ты можешь ее сломать?

— Нет, господин. Таран здесь использовать не удастся. Это работа для мага.

Стил согласился и отправил посыльного сообщить новость Ариакану.

Делать было нечего, приходилось ждать. Он вспомнил, как входил в эти ворота, когда пришел в Келью Паладайна, чтобы отдать дань уважения памяти своего отца... Тело лежало на погребальных носилках в полной сохранности. Говорили, что его хранила чудесная сила талисмана эльфийской принцессы. В холодных руках отец сжимал меч предков... Юноша испытывал восхищение храбростью и мужеством умершего, сожаление, что не довелось знать отца, надеялся быть на него похожим. Душу Стила наполнили благоговение и любовь. И отец ответил на эту любовь. Он дал сыну то единственное, что Стурм Светлый Меч мог ему дать, — Камень-Звезду и меч. Волшебные дары, благословенные и проклятые одновременно.

Несмотря на палящие лучи послеобеденного солнца, Стил почувствовал легкий озноб.

В его памяти всплыло предостережение Ариака-на: *«Берегись, юноша. Проклятие падет на тебя, если ты узнаешь имя своего отца. Не пытайся сделать это».*

Это было давно, тогда он был еще совсем молод. Стил не послушался, а зря. Проклятие упало как топор, разделив его душу надвое. Но вместе с проклятием снизошло и благословение. Теперь у Стила был меч отца, и он чувствовал себя наследником чести Стурма Светлого Меча.

Там, наверху, у тех самых зубцов стены, которую защищали с таким упорством и храбростью, кровь его отца окрасила камни. Кровь сына окрасит скалы внизу. Один защитник, другой захватчик. И оба считают свое дело высоким и правым...

Посыльный вернулся и привел с собой трех Рыцарей Терновника. Поверх лат они носили серые одежды магов. Юноша с облегчением убедился, что среди них не было его обвинителя — Черной Госпожи. Стил узнал их командира — Магистра Ордена Терновника. Этот уже немолодой человек принимал участие в Войне Копья и был приближенным магом Ариака-на. Он привык быть вместе с воинами, прекрасно владел и мечом, и магическим искусством.

Маг направился прямо ко входу в Башню. Громким голосом, легко перекрывая шум битвы, он крикнул Стилу:

— Повелитель приказал нам устранить препятствие. Мне нужно, чтобы твои воины прикрыли нас, пока мы будем работать.

Стил послал дикарей вперед. Маг с помощниками заняли позиции в тылу. Облако пыли, клубившееся сзади, показывало, что подходит штурмовой отряд второго эшелона, его введут в бой, как только путь будет расчищен. Магистр махнул рукой. Стил

поднял меч в боевом приветствии Владычицы... Со звонким боевым кличем он повел воинов через разбитые ворота внутрь Башни Верховного Жреца. Маги в серых одеждах следовали за ним.

Путь во внутренний двор крепости преграждала стальная опускаемая решетка. Через нее защитники вели ураганный обстрел из луков.

Хорошо знакомые с подобными защитными приспособлениями, Магистр и два его помощника, маги более низкого ранга, сделали свое дело быстро и четко. Пока лучники Стила ответными выстрелами заставляли защитников держаться на расстоянии, сам он, не вполне доверявший магии, со все возрастающим изумлением и восхищением наблюдал за работой магов.

Несколько стрел, выпущенных Соламнийскими Рыцарями, упало среди магов. Но два Серых Рыцаря заранее позаботились о защите. Несколько заклинаний — и стрелы либо отскакивали от невидимого барьера, либо рассыпались в воздухе на части.

Магистр Ордена Терновника работал так спокойно и сосредоточенно, словно находился в полной безопасности. Он достал из своей сумки большой сосуд с похожей на воду жидкостью, бросил туда щепотку грязи, закрыл сосуд крышечкой и начал медленно, нараспев произносить слова заклинания. Затем, продолжая говорить, он вновь открыл сосуд и выплеснул его содержимое на камни, окружавшие решетку.

Жидкость ручейками стекла вниз. Маг аккуратно убрал сосуд в сумку, хлопнул в ладоши, и в тот же миг камни начали растекаться, превращаясь в грязь.

Сделав свое дело, маг спрятал руки в рукава одеяния и отступил назад.

— Вышибите ее, — бросил он Стилу.

Рыцарь подозвал к себе трех самых крупных дикарей. Они навалились плечами на решетку, после двух или трех попыток выломали ее из гнезд в стене и бросили на землю.

Волшебник со скучающим видом отошел к своим помощникам.

— Если я более не нужен для чего-либо существенного, мы возвращаемся к нашему господину, — сказал он Стиллу.

Стил кивнул, соглашаясь. Он был благодарен магу за помощь, но его уход отнюдь не опечалил рыцаря.

— Сообщите мне, когда Башня падет, — добавил маг. — Я хотел бы заглянуть в сокровищницу.

После этих слов он удалился, помощники поспешили за ним.

Стил приказал своим воинам убрать луки и стрелы, обнажить мечи и приготовить копья. Впереди их ждала рукопашная схватка. За спиной рыцарь слышал выкрики команд. Это строился в боевые порядки отряд второго эшелона.

Стил провел воинов через разбитые ворота, мимо лежащей в грязи решетки, по галерее, ведущей к центральному двору Башни Верховного Жреца.

В конце галереи он остановил отряд и огляделся. Во дворе царила пустота. Стил ожидал сопротивления, но его не наблюдалось. Все было тихо внутри высоких крепостных стен. Слишком тихо.

Похоже на ловушку...

Дикари не имели опыта взятия крепостей и потому бесстрашно рвались на открытое пространство. Стил дважды повторил команду, и только тогда они поняли, что нельзя действовать без его приказа. Что же до рыцаря — он не спешил и внимательно изучал обстановку.

Двор имел форму креста. Справа от Стила располагались две железные двери, помеченные знаком Паладайна. Они вели в глубь Башни. В дальнем конце креста виднелась еще одна решетка. Насколько было известно Рыцарям Такхизис, она закрывала вход в драконью ловушку — история подобных ловушек уходила в глубокую древность. С обеих сторон от решетки были видны лестницы, которые, изгибаясь, уходили за зубцы стены. На них стоило обратить пристальное внимание.

Приказав дикарям сохранять тишину, он внимательно вслушивался, пока наконец не услышал характерный звук — скребущий звук доспехов, трущихся о камни.

Значит, вот где они прячутся. Что ж, он выманит их отсюда. Он знает, как это сделать.

Указав дикарям на двери справа, помеченные знаком Розы и Зимородка, Стил громко приказал:

— Выломайте эти двери. Там, внизу, могилы проклятых Соламнийских Рыцарей. Нам приказано их разграбить!

Дикари бросились исполнять приказание. Несколько человек навалились на дверь своими мускулистыми телами, рубя мечами замки.

Стил вошел во двор подчеркнуто важно, с видом неоспоримого хозяина Башни. Снял шлем, приказал подать ему мех с водой и принялся не спеша утолять жажду. Дикари сгрудились вокруг него, болтая и смеясь. Забыв обо всем, они принялись насмехаться над своими товарищами, которые безуспешно пытались сломать дверь.

Стил и не предполагал, что они смогут это сделать. Он не получал приказа грабить могилы и не собирался допускать варваров в священный склеп.

Но его уловка сработала. Приблизившись к ступеням лестницы, он явственно услышал звяканье металла о металл и даже тихий яростный ропот, впрочем, быстро умолкнувший.

Продолжая притворяться, будто ничего не слышал, Стил отошел к дикарям и начал громко бранить их:

— Вы слабаки! Я что, должен посылать за магами каждый раз, когда на нашем пути оказывается дверь?! Лучше бы мне иметь дело с овражными гномами, чем с вами! Что, кишка тонка?..

Внезапно слева раздался топот, звон мечей и боевые крики. Защитники Башни покинули свое убежище и атаковали. Группа Рыцарей Соламнии ворвалась в самую середину отряда Стила. Внезапное и стремительное нападение застало врасплох даже его самого. Несколько дикарей пали мертвыми, не успев даже обнажить мечи.

У Соламнийских Рыцарей был, по всей видимости, умный и проницательный предводитель. Они нападали не по всей линии, а узким клином, разрезая отряд дикарей и не нарушая при этом свой собственный строй.

Тем временем сзади в галерее, из которой вышли воины Стила, скопились воины следующего штурмового отряда. Они перекрыли выход, и отряду Рыцарей Такхизис некуда было отступать. Воины оказались запертыми в ловушке крепостного двора.

Стил, впрочем, это предвидел. Он и не надеялся своими силами разбить противника — только очистить дорогу второму эшелону войска Ариакана.

Когда противник нанес удар, Стил оставил своих воинов сражаться, а сам решил попробовать отыскать командира Соламнийцев, возможно, того самого, что так замечательно бился на стене.

«Срубил голову, а тело само упадет», — любил повторять Ариакан.

Надев шлем и опустив забрало, Стил пробирался сквозь строй сражавшихся воинов. Он поднимал меч только для того, чтобы расчистить себе дорогу. Все его внимание было направлено на поиск неведомого вождя. Это оказалось делом нелегким. На рыцарях были одинаковые доспехи, иззубренные ударами меча и обильно политые кровью. Отличить их друг от друга было весьма сложно.

И все же, прорубившись к центру схватки, Стил услышал сквозь шум сражения громкий голос, отдающий приказы, и почти сразу же увидел предводителя рыцарей.

Он был без шлема, возможно, он снял его, чтобы воинам были лучше слышны его команды. Доспехи его были неполными — только нагрудник и наплечники поверх куртки из тисненной кожи. Стил не видел лица — командир Рыцарей Соламнии стоял к нему спиной. Седина в длинных каштановых волосах выдавала человека немолодого. Вероятно, он был ветераном многих битв.

Доспехи его были изрублены, а ремешок, стягивающий нагрудник сзади, разрезан, оставляя незащищенной часть спины. Но Стил скорее бы умер, чем напал со спины на кого-либо.

Пробившись вперед, Стил оказался наконец около предводителя и, привлекая внимание противника, положил руку на его плечо. Человек резко обернулся. Бородатое лицо его было залито кровью. Спутанные, мокрые от пота волосы падали на глаза. Стил вздрогнул. Что-то внутри его говорило: ты знаешь этого человека! И почти сразу же пришла догадка, от которой перехватило дыхание:

— Полуэльф!

Командир рыцарей удержал занесенный меч, отступил и пристально посмотрел в лицо Стила. Рыцарь готов был проклинать судьбу, сыгравшую с ним жестокую шутку. Законы чести не позволяли ему сражаться с тем, кто однажды спас ему жизнь.

Яростным движением Стил поднял забрало:

— Ты знаешь меня, Танис Полуэльф. Я не буду сражаться с тобой, но я могу и буду требовать, чтобы ты сдался!

— Стил? — Танис опустил меч. Он был удивлен этой встречей... Хотя, впрочем, не так уж и удивлен... — Стил Светлый Меч, — выговорил он.

Юный рыцарь, стоявший рядом с Танисом, бросился вперед мимо Полуэльфа, вскидывая копьё и целясь в незащищенное лицо Стила. Стил попытался отразить удар, но поскользнулся в луже крови и упал. Его меч, отцовский и дедовский меч, выпал из руки. Соламнийский Рыцарь был уже возле него.

Стил хотел встать, но тяжелые доспехи сковывали движения, лишив его так необходимой ловкости. Рыцарь поднял копьё, целя ему в горло. Внезапно рыцарь куда-то исчез вместе с копьём, а над Стилом склонился Танис. Он протягивал Стилу руку, собираясь помочь рыцарю подняться. Гордость побуждала Стила отказаться от помощи врага, но здравый смысл и Дело подсказывали ему с благодарностью принять ее.

— Снова я обязан тебе жизнью, Полуэльф, — не скрывая горечи, сказал Стил, поднявшись на ноги.

— Не благодари меня, — мрачно возразил Танис. — Я обещал... — Внезапно глаза Полуэльфа широко раскрылись, лицо свело судорогой, и он качнулся вперед, вскрикнув от боли.

За его спиной стоял один из дикарей, он как раз высвободил меч — лезвие обагрела кровь. Танис

пошатнулся, ноги не держали его. Стил подхватил Полуэльфа и бережно опустил его наземь. Он чувствовал, как теплая кровь Таниса стекает по его пальцам.

— Полуэльф, — с трудом выговорил Стил. — Это не я ударил тебя, клянусь.

Танис посмотрел вверх, лицо его исказилось, потом легкая улыбка осветила его:

— Я знаю... Ведь ты... Светлый Меч.

Он мучительно напрягся всем телом и с хрипом вобрал воздух. Из рта тоненькой струйкой потекла кровь. Взгляд Полуэльфа скользнул мимо Стила, словно Танис силился разглядеть что-то, находящееся за спиной Черного Рыцаря.

— Стурм, я сдержал слово, — улыбка в последний раз вернулась на лицо Полуэльфа, он вздрогнул, закрыл глаза, вздохнул с облегчением и благодарностью за наконец наступивший покой.

И умер.

— Полуэльф! — вскричал Стил, хотя уже знал, что не услышит ответа. — Танис...

Внезапно Стил осознал, что над ним, присевшим рядом с Танисом, стоит Рыцарь Соламнии. Воин смотрел на тело с мукой и сожалением. У него не было ни шлема, ни оружия. Одет он был в старинные доспехи. Рыцарь стоял безмолвно и недвижимо. Он взглянул на Стила, и взгляд его был одновременно исполнен сожаления и гордости.

Стил понял, кто стоит над ним. Не сон. Не видение. А если видение, то, значит, его воображение подарило ему форму и тело.

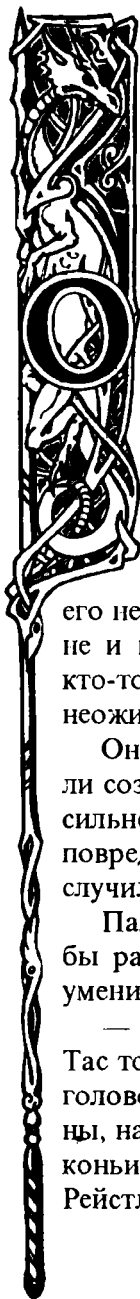
— Отец! — прошептал Стил.

Стурм Светлый Меч ничего не ответил на призыв сына. Он поднял на руки тело своего друга,

Таниса Полуэльфа, и, медленно повернувшись, мерной поступью ушел с крепостного двора.

Яростные крики и звон мечей вернули Стила к реальности. Железные двери, помеченные символом Паладайна, резко распахнулись, и новый отряд Соламнийских Рыцарей ворвался во двор на помощь своим товарищам. Один из воинов закричал, что Танис убит, другой воззвал к Паладаину с просьбой отомстить за его гибель. Потом их взгляды обратились к Стиллу.

Черный Рыцарь поднял меч, готовясь к встрече.

5. Драконы молчат.
Дверь открыта.
Кто-то ждет по ту сторону

Ой! — испуганно вскрикнул Тассельхоф Непоседа. Затем он запричитал: — Я разбил его. Я не хотел, Палин. Я всегда все разбиваю. Это проклятие. Сначала Глаз Дракона, а теперь — устройство для путешествий во Времени. Что я наделал! Я разрушил Врата Бездны!

— Ерунда! — буркнул Палин, и в голосе его не было осуждения. Однако если кто на Кринне и может «разрушить» Врата Бездны, то этот кто-то, несомненно, — Тассельхоф. Мысль была неожиданной и тревожной.

Он постарался рассуждать здраво. Врата были созданы могущественными силами с помощью сильнейшей магии, и никакой кендер не может их повредить. Так-то оно так, но что же все-таки случилось?

Палин осторожно приблизился к Вратам, чтобы рассмотреть поближе, и остановился в недоумении.

— Ты знаешь, Палин, я видел их райьше, — Тас тоже посмотрел на Врата и печально покачал головой. — Они были действительно великолепны, на свой ужасный лад. Пять разноцветных драконьих голов, и все они пронзительно кричали, а Рейстлин творил заклинания, и внутри них кружи-

лись огоньки, а еще слышался жуткий смех с той стороны, и... и... — Тас вздохнул и мрачно уставился в пол. — А посмотри на них сейчас...

Палин смотрел. Он тоже видел Врата раньше, но не в реальности, а в иллюзии, созданной когда-то для него Даламаром. Кроме того, в процессе обучения Палину, как и любому магу, о них рассказывали. Они имели вид огромной арки, установленной на возвышении. Врата были украшены и охранялись головами пяти драконов, их извивающиеся шеи змеились вверх от подножия арки. Пять голов смотрели внутрь: две с одной стороны, три с другой. Пять глоток были раскрыты в бесконечном безмолвном гимне Владычице Тьмы.

Внутри арки царил мрак, который могли пронзить только глаза мага. Как только занавес, закрывающий Врата, поднимался, пять голов оживали. Четыре головы светились синим, зеленым, красным и белым цветами, а пятая была черна, как безлунная и беззвездная ночь. Они могли убить и разорвать любого мага, достаточно глупого, чтобы попытаться войти туда самому, как во время Испытания...

Свет ослепил Палина. Головы драконов засверкали ярче. Теперь он мог слышать, что поет каждая из них.

— От тьмы к тьме мой голос отражается в пустоте!

— От слова к слову мой голос наполняется жизнью!

— От тьмы к тьме я взываю. Под моими ногами — твердь!

— Время, текущее время, остановись!

И наконец последнее:

— Даже боги низвергнуты судьбой, так восплачем же вместе со мной...

Его взор померк, и слезы потекли по щекам, когда он попытался взглянуть сквозь слепящий свет внутрь Врат. Разноцветные огоньки начали свой беженный танец, вращаясь вокруг великой, зияющей, крутящейся пустоты в центре.

— Ой, смотри! — воскликнул Тас. Он вскочил и, подбежав, схватил Палина за рукав. — Я вижу, Палин! Я вижу! А ты?

Палин вздохнул, он тоже видел. За Вратами простирался плоский серый пустырь под унылым серым небом.

Пять драконьих голов были серы и молчаливы. Глаза драконов, которые должны были бы гневно гореть, оставались безжизненными и пустыми.

— Это Бездна, — торжественно заявил Тас. — Я узнал ее. До некоторой степени узнал. Вот только цвет не тот. Я не помню, говорил я тебе или нет...

— Да, да, — пробормотал Палин, зная, что Тас все равно не остановится.

Тот продолжал:

— Но я был в Бездне только раз, и я был ужасно разочарован! Столько всего о ней наплели, там, дескать, куда ни плюнь, всюду злые духи и бесы, оборотни и привидения, души в адском пламени... Ну, думаю, сейчас такое увижу! А на самом деле Бездна пустая, жуткая и скучная. Я чуть не помер от скуки.

Что одному человеку рай, то другому — ад, гласит пословица. Что ж, по-видимому, и для кендеров это так.

— Так же скучно, как здесь, — добавил Тас.

Палину стоило бы обратить на это внимание — в устах кендера это утверждение звучало весьма зловеще. Но Палину было не до того, он ломал себе голову, пытаясь объяснить необъяснимое. Что же случилось с Вратами?

Тас подпрыгнул от нетерпения:

— Я же отчетливо помню, что Бездна не была серая. Она была скорее розоватая, вроде как подсвеченная далеким пламенем. Так сказал тогда Карамон. Может, Владычица Тьмы решила перекрасить ее? — Кендера явно ободрила эта мысль. — Хотя, конечно, могла бы выбрать цвет и получше. Не по мне вся эта серость. А впрочем, *любое* изменение здесь — к лучшему, — Тас одернул одежду, проверил, на месте ли все его сумки, и решительно двинулся вперед. — Пойдем посмотрим.

Палин невнимательно слушал товарища, его мысли были заняты другим. Он пытался припомнить все, что когда-либо читал или слышал о Вратах и Бездне. Однако та часть его сознания, которая находилась постоянно настороже, когда кендер был рядом (весьма полезное свойство для человека, намеренного выжить, имея его поблизости), прервала его размышления, дав сигнал тревоги. Он прыгнул вперед и успел схватить Таса за миг до того, как тот вступил внутрь Врат.

— Что? — спросил Тас, изумленно тараща глаза. — Что-то не так?

Палин тяжело и трудно дышал.

— Заклинание... может быть, еще действует... Внутрь нельзя... Ты можешь погибнуть...

— Наверно, могу, — задумчиво проговорил Тас. — Но, с другой стороны, может быть, и не погибну. Это вроде пользы от Огненного Шара, как любил говаривать Фисбен. Кроме того, Рейстлин, по-моему, теряет последнее терпение. Я думаю, не очень-то вежливо заставлять его ждать.

У Палина перехватило дыхание. Он похолодел, сердце его сжалось:

— Мой... дядя...

— Да вон же он стоит, — Тас указал на пустой серый пейзаж. — Разве ты его не видишь?

Палин оперся на магический посох и крепко сжал его, ища в нем поддержку. Он взглянул внутрь Врат, страшась того, что может там увидеть.

Тело Рейстлина безжизненно свисало, подвешенное на стене за запястья, черные одежды были изодраны в клочья, голова опущена на грудь, длинные седые волосы упали на лицо. От груди до паха все тело было разодрано. В ранах, оставленных громадными острыми когтями, были видны внутренности. Палин внезапно осознал, что означал звук падающих капель, достигавший его слуха. Это кровь Рейстлина капля за каплей стекала в большой каменный бассейн у его ног.

Рейстлин, одетый в черные одежды, стоял, скрестив руки на груди. Он опустил голову, погруженный в печальные размышления, но время от времени бросал короткие взгляды внутрь Врат, как будто ожидая кого-то. А затем снова возвращался к своим мыслям, весьма невеселым, если судить по мрачному выражению, застывшему на тонком, бледном лице.

— Дядя... — это был шепот, Палин сам с трудом слышал свой голос.

Но Рейстлин услышал. Великий маг поднял голову, и взгляд золотистых глаз со зрачками в форме песочных часов обратился на Палина.

— Почему ты колеблешься, племянник? — сухой, скрежещущий голос казался раздраженным. — Поспеси, ты и так потерял уже много времени! Кендер бывал здесь раньше, он проводит тебя.

— Это я! — возбужденно закричал Тас. — Это он обо мне! Я буду проводником! Я никогда еще никого не водил! Только однажды Таниса и наших

к Тарсису, который оказался не у моря, хотя должен был быть у него. Но уж здесь-то я ни при чем! — он крепко схватил Палина за руку. — Вперед! Следуй за мной! Я знаю, что делать...

— погоди, я не могу... — Палин с трудом высвободил свою руку из цепких пальцев Таса. — Дядя! — крикнул он. — Что случилось с Вратами? По законам магии, мы не можем...

— Законы, — тихо и неожиданно мягко сказал Рейстлин. Он смотрел вдаль, на бесконечное светло-серое небо. — Все законы отменены, племянник, все правила нарушены. Ты можешь спокойно пройти Врата. Никто не остановит тебя. Никто.

Законы отменены... Правила нарушены!.. Какие странные слова. Однако у Палина прямо перед глазами было доказательство. Или что-то очень похожее на доказательство. Он мог войти во Врата без помех. Владычица Тьмы не попытается остановить его. Опасности больше нет.

— Ты ошибаешься, племянник, — сказал Рейстлин, отвечая на его мысли. — Ты в величайшей опасности. Ты и все другие смертные на Кринне. Иди сюда, ко мне, и все сам поймешь, — зрачки его сузились. — Если не боишься, конечно...

Палин боялся. Он имел на то веские причины, но постарался, чтобы голос его прозвучал спокойно:

— Я зашел так далеко не для того, чтобы идти назад, дядя.

— Хорошо сказано, племянник. Я рад видеть, что не зря тратил на тебя время. Окажешься здесь, найди меня.

Палин глубоко вздохнул, быстро схватил в одну руку магический посох, а другой крепко сжал ладонь Тассельхофа. Вдвоем они поднялись наверх и встали перед пятью драконьими головами.

— Мы *войдем*, — сказал им Палин, и они с кендером сделали шаг вперед.

Драконы не двигались, не кричали, не видели, не слышали.

— Врата не разрушены, — тихо сказал Палин сам себе. — Они... мертвы.

Тас и Палин миновали Врата с такой же легкостью, с какой могли бы пройти через кухонную дверь в доме у Тики.

6. Бездна. Поиск. Совет Бессмертных

Они стояли в самом центре серой мглы: серая земля, серое небо. И никаких признаков жизни, даже проклятой. Рейстлина тоже нигде не было видно.

— Дядя! — позвал Палин.

— Тихо! Тихо! Не надо! — закричал Тас, бросившись на Палина и едва не сбив его с ног. — Не говори *ни слова*. Даже *не думай*.

— Что? Почему нет? — удивился Палин.

— Очень странные вещи происходят в этом месте, — прошептал Тас, быстро оглядываясь. — Когда я был здесь в прошлый раз, я думал о том, как хорошо было бы увидеть дерево. И оно появилось. Вот так прямо взяло и появилось. Только это было не зеленое живое дерево. Это было мертвое дерево, призрак дерева, понимаешь? А потом я подумал о Флинте, поскольку, если верить Фисбену, я должен встретить Флинта как раз под деревом На Том Свете. И гном появился, только это был не Флинт. Это был злой гном по имени Арак, и он подошел ко мне с ножом и...

— Я понял, — тихо сказал Палин. — Мы получим все то, что пожелаем, но только не совсем то. Ты думаешь, что Рейстлин... что он был только иллюзией? Потому что я хотел видеть его?

— Он казался чертовски реальным, не так ли? — ответил Тас после минутного раздумья. — Все эти его загадочные слова про отмененные законы и нарушенные правила — в этом весь Рейстлин, это так на него похоже. И потом эта его манера — что-то там о встрече, а сам исчезает, не дождавшись, пока мы войдем...

— Но он велел нам поспешить... — припомнил Палин. — Законы отменены... Правила нарушены... Когда будете здесь, найдите меня... Тас! — внезапная мысль поразила его. — Как ты передвигался здесь? Не пешком же, а?

— Нет, но мы можем и пешком... Что в этом такого?.. Не считая того, что мы не знаем, куда направляемся... Известно хоть, куда нам надо идти?

Палин отрицательно покачал головой.

— В таком случае я бы не советовал, — сказал Тас. — Прошлый раз шастала тут премерзкая тварь, по глаза заросшая бородой, и с запахом, как на пикнике у овражных гномов, даже еще хуже. Этот типчик сцапал меня и поволок показывать Владычице Тьмы... Не самое приятное воспоминание, — добавил Тас сурово. — Так вот, она сказала мне...

— Как вы попали к Владычице? — прервал его Палин, возвращая Таса к предмету разговора. Он хорошо знал, что если кендера не останавливать, то разговор может свернуть в любую сторону и продолжаться бесконечно.

Тас поднял брови, размышляя:

— Так, это была не повозка, я помнил бы это... Я думаю... Да. Тот мерзкий тип положил руку, это была скорее лапа, чем рука, насколько мне помнится, да, в общем, хватать лапой медальон, висевший на шее, и в одну минуту мы так и сиганули из одного места в другое.

— Ты уверен, что у него был медальон? — разочарованно спросил Палин.

— Да, конечно. Я запомнил, это был замечательный медальон — на нем были пять драконьих голов. Я был бы рад позаимствовать его, на время, конечно, чтобы хорошенько рассмотреть и...

— Посох, — задумчиво произнес Палин.

— Нет, медальон, Я уверен, я...

— Я к тому, что, может быть, нам удастся использовать посох и с его помощью найти моего дядю. Возьми меня за руку. — Палин поудобнее перехватил посох.

— Магия! — радостно воскликнул Тас. — Я страсть как люблю магию! Помнится, Рейстлин однажды волшебным образом зашвырнул меня в пруд, полный уток. Это было...

Палин не обращал на него внимания. Закрыв глаза, он крепко сжал в руке посох, ощущая ладонью гладкое теплое дерево. Он стал думать о своем дяде, вспоминал, как он выглядел, когда Палин видел его последний раз и слышал его голос. Отчетливо прозвучали слова: *«Поспеши. Иди ко мне»*.

— Ого! — Тас задохнулся от восторга. — Палин, смотри, действует, мы движемся.

Палин открыл глаза. Серый однообразный ландшафт скользил под ногами, серое небо окружало их, мир проносился мимо все быстрее и быстрее. У Палина закружилась голова.

Крутящаяся серая мгла окружала их и, клубясь, уносилась назад. Земля осталась далеко внизу, но мгла не рассеивалась.

Оборот... еще оборот... еще...

Чувства и мысли покидали Палина, словно нити, разматывающиеся с веретена...

Оборот, еще оборот, нити становились все тоньше и тоньше...

И наконец *лопнули*.

Палин задыхался. Его рот зажимала чья-то рука. Он начал бороться, пытаясь освободить руки и отбросить противника.

— Тихо, — прошептал едва слышный голос. — Молчи и не издавай ни звука. Никто не должен знать, что мы здесь.

Палин открыл глаза. Прямо на него смотрели золотые глаза со зрачками в форме песочных часов. Рука, закрывающая ему рот, была тонкой и костлявой, с длинными и изящными пальцами. Ее туго обтягивала золотистая кожа. Палин узнал руку Рейстлина, своего дяди. Вот, оказывается, кто его держал. Палин кивнул, дескать, понял. Рейстлин убрал руку.

Кто-то закопошился сбоку от него. Тассельхоф что-то говорил, но Палин его не слышал. Он видел, как открывался и закрывался рот кендера, но не мог различить ни слова.

Тассельхоф, явно недоумевая, ощупал горло и заговорил снова. Ничего. Приставив ладонь к уху, Тас попробовал еще раз. Звуков не было. В замешательстве кендер высунул язык и, скосив глаза, попытался осмотреть его.

— Заклинание не слишком надежное. Не спускай с кендера глаз, — прошептал Рейстлин, вплотную приблизившись к Палину.

Тот кивнул, хотя и не особенно понимал, зачем Рейстлину понадобилось тащить сюда кендера. Палин хотел было спросить об этом у мага, но Рейстлин лишь свирепо взглянул на него и продолжал упорно хранить молчание.

Все трое скрывались в тени огромной колонны из мерцающего белого мрамора с черными и крас-

ными прожилками. Рядом, со стороны Палина, находилась еще одна колонна — черного цвета, прожилки — красные и белые. Третья колонна была красной с черными и белыми отметинами на мраморных боках. Под ногами у них не наблюдалось ни земли, ни пола. И колонны и они сами как будто висели в плотной темноте.

Палин тихо ахнул... Сильная рука Рейстлина тотчас крепко схватила его плечо, тонкие пальцы больно впились в тело. Палин затаил дыхание и старался не производить ни малейшего звука. Только сцапал Таса, который начал было потихоньку отползать в сторону. Все втроем они уставились вниз...

Теперь там стояла группа людей. Они расположились кружком на мраморном полу, в центре которого зиял провал; в нем, казалось, отсутствовало само пространство. Остальная поверхность была поделена на три сектора: белый, черный и красный. Люди разговаривали, спорили.

Палин в замешательстве глянул на Рейстлина. Маг слегка качнул головой в сторону людей и прикоснулся к уху.

Палин прислушался... И воистину онемел, осознав чудовищную важность того, о чем говорилось. Теперь он не смог бы издать ни звука, даже если бы захотел. Он слушал и смотрел с неослабным вниманием, душа его трепетала. Даже Тас затих, пораженный услышанным. Люди, за которыми они сейчас тайком наблюдали, были богами Кринна.

— Это вина Хиддукель, — сказала Чизлев, богиня, одетая в развевающиеся зеленые одежды. Ее темно-каштановые волосы были увиты листьями и цветами. Она указала пальцем на коренастого бога, стоящего на черном секторе. — Он обманул и меня и гнома. Правда, Реоркс?

Гном в когда-то красивых, но сильно поношенных одеждах сжимал в руках шляпу с пером. Он выглядел подавленным, но глаза его горели гневом.

— Чизлев говорит правду. Да, я выковал этот проклятый булыжник... Хотя и по ее просьбе, но идея принадлежала Хиддукель!

Высокий толстый бог с неумовимо скользкими манерами отстраненно улыбался, демонстрируя безразличие. Однако его взор то и дело обращался в сторону красивой женщины, одетой в черные доспехи; во взгляде сквозило беспокойство. У женщины было холодное лицо и ледяные глаза.

— Итак, Хиддукель? — голос Такхизис, казалось, вызывал ощущение тьмы. — Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Все, что я делал, я делал по закону, Владычица, — ответил Хиддукель, и голос его прозвучал гладко и масляно. — Мы все знаем историю Серой Драгоценности Гаргата, нет необходимости повторять ее. Маленький безобидный заговор, имевший целью лишь преумножение твоей славы...

— И немалую выгоду для тебя самого!

— Нельзя же совсем не заботиться о себе, — заскулил Хиддукель, съезживаясь при виде гнева Такхизис. — Если у некоторых, — его жирное лицо обратилось к Чизлев, — хватило глупости, чтобы попасться на эту удочку, то при чем здесь я? И если другие, — Хиддукель пренебрежительно глянул в сторону Реоркса, — оказались настолько неумны, чтобы попытаться изловить Хаос...

— Это была всего лишь случайность! — прорычал Реоркс. — Я намеревался ухватить только кусочек, крошечный кусочек, поверь мне, — пытаюсь всем своим видом изобразить покорность, гном повернулся к высокому богу в серебряных доспехах.

Тот стоял на белом секторе, но рядом с Такхизис, и лицо его было мрачнее тучи.

— Я не собирался ловить его, — уже тише добавил Реоркс, и голос его звучал совсем подавленно.

— Понимаю, — отозвался Паладайн. — Мы все виноваты.

— Только одни меньше, другие больше. Нужна могущественная магия, чтобы поймать Хаос, — проворчал Саргонас, высокий рогатый бог, стоявший возле Такхизис. — И вообще, мне кажется, что больше всех виноваты наши непослушные дети, — добавил он.

Три бога магии вместе выступили вперед.

— Мы здесь ни при чем, — сказал Лунитари.

— Мы ничего не знали об этом, — поддержал его Нунитари.

— Никто не советовался с нами, — запротестовал Солинари.

— Это Лунитари потерял Серую Драгоценность, — проворчал Реоркс.

— Твой чумазый коротышка гном украл ее! — вспыхнул в ответ Лунитари.

— Если бы кто-нибудь вовремя обратился ко мне, — заметил Зивилин, — я заглянул бы в будущее и предостерег бы вас.

— Предостерег бы? — саркастически усмехнулся Моргион. — Да ты еще шесть-семь тысячелетий разбирался бы, какое будущее где!

Младшие боги принялись громко спорить, обвиняя друг друга. На каждом лице и в каждом голосе были видны страх и неуверенность. Казалось, спорам и обвинениям не будет конца. Гилсан, исполняя то одну, то другую просьбу, читал длинные выдержки из своей Книги, пытаясь установить или опровергнуть чью-либо виновность. Реоркс произнес

пылкую речь в свою защиту. Хиддукель превзошел всех в многословии. Он говорил долго, но сказал мало. Саргонас возлагал вину за случившееся на слабые, ничтожные, вечно хныкающие расы эльфов, людей и людоедов. Он заявлял, что если бы у них хватило разума стать слугами минотавров — бедствия никогда не случилось бы. Зивилин возражал ему, демонстрируя бесчисленное количество вариантов прошлого и будущего. Ничего не прояснив, это окончательно запутало дело.

Спор богов был столь продолжителен, утомителен и непродуктивен, что в течение его Палин несколько раз засыпал. Он испуганно просыпался от звуков какого-нибудь особенно громкого голоса, но вскоре его вновь клонило ко сну.

Он очень хорошо чувствовал течение времени. Вот только текло оно где-то в стороне, а вовсе не здесь. Палин порывался спросить об этом Рейстлина, но каждый раз, когда он пытался заговорить, тот качал головой и его золотые глаза сужались. Маг выглядел очень недовольным в отличие от Тассельхофа, который, тихонько посапывая, спал в стороне.

Наконец, когда Хиддукель начал говорить о том, что он приготовил и сейчас предложит вниманию собравшихся несколько вполне законных прецедентов, каждый из которых имеет прямые аналогии с рассматриваемым делом, Паладайн и Такхизис, не принимавшие участия в споре, молча переглянулись.

Внезапно полыхнул яркий свет... В круге остались стоять только трое старейших богов. Всех младших изгнали.

— Бесполезно было призывать их сюда, — с горечью заметила Такхизис.

— Мы должны были попытаться, — ответил не высказывавшийся ранее Гилеан. Он держал в руках

большую Книгу, в которой непрерывно писал. — Вдруг мы действительно узнали бы что-нибудь такое, что могло бы помочь.

— Я сразу понял: ни один из них не знает, как это произошло, — возразил Паладайн. — Каким-то образом Хаос оказался частично запертым внутри Серой Драгоценности, и справедливо или нет, но он обвиняет в этом нас.

— *Если* он вообще говорит правду, — заметила Такхизис. — Это может быть уловка.

— Я уверен, что он *действительно был пойман*, — задумчиво сказал Гилеан. — Я тщательно изучил все обстоятельства, это предположение многое объясняет. Те разрушения, которые вызвала Серая Драгоценность по всему Кринну, то, что мы не в состоянии управлять...

— Твои Эрды как-то справились, братец, — прервала его Такхизис, бросив обвиняющий взгляд на Паладайну.

— Не они ею, а она ими управляла, — сурово ответил Паладайн. — Хаос в конце концов нашел существ, которыми он может манипулировать, — достаточно сведущих в магии, чтобы освободить его, но все же недостаточно сильных, чтобы его остановить. Они заплатили за свое безрассудство.

— А теперь он хочет заставить заплатить еще и нас. Вопрос в том, братья, сможет ли Хаос это сделать? Достаточно ли он силен? Ведь и наша сила за прошедшие века возросла...

— Увы, явно не настолько, чтобы справиться с Хаосом, — со вздохом сказал Гилеан. — Ты, сестра, сама говорила, что Хаос вызвал образование трещины в Бездне. Его сила тоже возросла и, боюсь, далеко превзошла все, что мы можем себе представить. Он собирает теперь свое воинство: демонов-воителей,

живые тени, огненных драконов. Он собирается напасть на Кринн. Его цель — уничтожить все, что мы создали. И когда это будет сделано, трещина в Бездне еще расширится и углубится и наконец поглотит весь мир. Все, что сейчас существует, — исчезнет!

— А что будет с нами? — поинтересовалась Такхизис. — Что он собирается сделать с нами?

— Хаос дал нам жизнь, — тяжело проговорил Паладайн. — Он может и забрать ее.

— Вопрос в том, что *мы* будем делать, — сказал Гилеан, по очереди взглянув на брата и сестру.

— Он играет с нами, — заметил Паладайн. — Хаос может уничтожить нас одним движением пальца. Но он хочет увидеть, как мы страдаем, хочет полюбоваться страданиями мира, который мы создали.

— Я предлагаю уйти, братья, ускользнуть прежде, чем он поймет, что нас уже нет. В конце концов, — Такхизис пожала плечами, — мы всегда можем создать новый мир.

— Я не оставлю тех, кто верит в меня, — голос Паладайна был суров. — Если потребуется, я пожертвую собой ради них!

— Возможно, удалившись, мы окажем им услугу, — задумчиво произнес Гилеан. — Если мы уйдем, Хаос, вполне вероятно, последует за нами.

— *После того*, как он разрушит этот мир, — хмуро уточнил Паладайн. — Нашу, по его выражению, игрушку. Он никого не пощадит. Я останусь и буду сражаться с ним. Даже если я останусь один.

Два других бога молчали, задумавшись.

— Возможно, ты прав, брат, — сказала наконец Такхизис с внезапной обезоруживающей улыбкой. — Мы *должны* остаться и сражаться с ним, но нам будет нужна помощь смертных, вы согласны?

— Им придется драться за свою жизнь, так будет точнее, — возразил Паладайн, с плохо скрываемым недоверием глядя на сестру.

— Мы не в состоянии уничтожить Хаос, — сказал Гилеан, — но, возможно, мы могли бы вынудить его удалиться. И вот в этом-то смертные и могут нам помочь.

— Если только они будут едины, — добавила Такхизис. — Еще не хватало, чтобы армии людей и эльфов повернули оружие друг против друга, вместо того чтобы воевать с легионами Хаоса!

— Они будут едины, — мрачно сказал Паладайн. — У них не останется другого выбора.

— Может, и так, а может, и нет. Так мы осмелимся рискнуть, братья? И ради них, и ради самих себя?

— На что ты намекаешь, сестра, объясни прямо, — потребовал Паладайн. — Я вижу, у тебя кое-что есть на уме!

— И наверняка весьма выгодное для нее кое-что, — тихо шепнул Гилеан на ухо брату.

Но Такхизис услышала и обиделась: дескать, ну как они могли так неправильно истолковать ее слова?

— То, что выгодно одному, окажется выгодно и всем нам, если только действительно поможет избавить мир от Хаоса. Разве не так, дорогие мои братья?

— Так что же ты придумала? — повторил Паладайн.

— Все очень просто. Отдайте власть над Ансалоном моим рыцарям. Под их управлением установятся наконец закон и порядок. Закончатся бесконечные войны и препирательства между смертными. В Ансалон придет мир! Смертные наконец будут объединены и готовы отразить натиск Хаоса!

— Единство? Единство рабов! Умиротворение тюрем! Трудно поверить, что ты способна на такое, сестра! — гневно ответил Паладайн. — Мы никогда еще не встречались с подобной опасностью. Но даже сейчас, когда само наше существование висит на волоске, ты плетешь интриги! Я никогда *не соглашусь* с таким планом!

— Подожди минуточку, брат, — успокаивающе попросил Гилеан. — Несомненно, наша возлюбленная сестра жульничает, пытаясь играть с обеих сторон против середины. А чего ты еще ожидал? Но в ее предложении есть свои достоинства. Объединенный и мирный Ансалон, даже если он объединен под властью Тьмы, будет лучше подготовлен к встрече с армиями Хаоса, чем раздробленный и воюющий.

Паладайн угрюмо задумался. Он посмотрел на Такхизис, потом перевел взгляд на Гилеана:

— Так ты поддерживаешь ее?

— Да, брат, боюсь, что я должен сделать это, — мягко сказал Гилеан. — В противном случае я не вижу надежды.

— Присоединяйся, брат, не будь глупцом, — насмешливо предложила Такхизис. — Ты только что очень красиво говорил о том, что пожертвуешь собой ради своих драгоценных созданий. Но когда доходит до дела, ты артачишься. Что же это, одни только разговоры? Или ты действительно подразумеваешь то, что сказал?

Паладайн молчал очень долго. Лоб его избородили морщины. Скорбный взор устремился вовне — на мир. Наконец он кивнул:

— Я не могу прозреть будущее. Пламя и дым застилают мой взор. Я не уверен, что вы правы, однако если вы оба против меня, то выбора у меня

не остается. С большой неохотой, но все же я соглашаюсь, сестра, — сказал он с тяжелым вздохом. — Ансалон будет твоим.

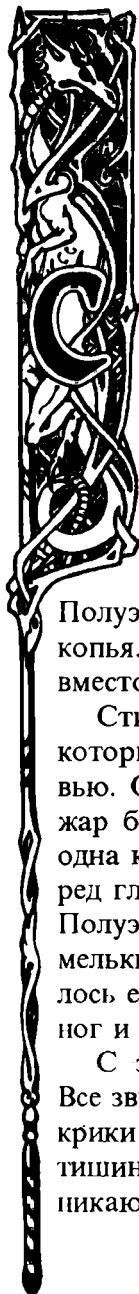
— Ты сделал мудрый выбор, брат, — сказала Такхизис, холодная, темная и великодушная в своем торжестве.

— Но ты правишь только до того момента, когда будут разбиты силы Хаоса, — уточнил Паладайн.

— Или мы сами, — угрюмо добавил Гилеан. — Может статься, мои дорогие, что я дописываю последнюю главу, — он указал на Книгу, в которой продолжал вести записи.

— В таком случае, — сказала Такхизис, — надо достойно завершить ее. Всего доброго, братья. У меня есть своя битва, которую тоже надо выиграть.

Такхизис исчезла. Паладайн удалился вслед за ней. Гилеан остался один. Он сел, раскрыл Великую Книгу и углубился в свои записи.

7. Разочарование. Победа. Капитуляция

тил Светлый Меч остался жив. Он не хотел этого и не рассчитывал на это. Он должен был погибнуть, доблестно погибнуть в бою во время штурма Башни Верховного Жреца, отдав свою жизнь Темной Воительнице и восстановив тем самым свою честь.

И он был бы мертв. Он пал бы, пронзенный копьем благородного врага, но Танис Полуэльф помешал судьбе свершиться, спас его от копья. Но никому не дано обмануть судьбу, и вместо Стила смерть унесла самого Полуэльфа.

Стил стоял посреди крепостного двора. Меч, который он держал в руке, был весь покрыт кровью. Он не совсем понимал, что же произошло, жар битвы все еще горел в его груди. Но лишь одна картина недавнего боя явственно стояла перед глазами: Стурм, отец, уносящий тело Таниса Полуэльфа, своего друга. На мгновение у Стила мелькнула надежда, что все это только померещилось ему в пылу сражения, но кровь Таниса у его ног и на его руках была настоящей...

С этого момента он уже ничего не помнил. Все звуки битвы: стоны умирающих, лязг оружия, крики команд — куда-то исчезли, поглощенные тишиной, затопившей его изнутри. Тишиной, возникающей в сознании воина, полностью скон-

центрировавшегося на сражении и не позволяющего чему-либо постороннему отвлечь или рассеять его внимание. Стил сражался.

Он вновь пришел в себя, когда в поисках очередного противника огляделся кругом и понял — никого.

— Победа! Мы победили! — крикнул бригадир Тревалин, широкими шагами входя во двор. Его доспехи были помяты и покрыты кровью.

— Сообщи повелителю Ариакану! — приказал он, подтолкнув к выходу одного из воинов. — Скажи ему, если, конечно, он еще не знает, о том, что Рыцари Соламнии хотят обсудить условия сдачи!

Тревалин оглядел двор и, увидев потерянно стоящего посередине Стила, подошел и обнял его.

— Стил! Вложи меч в ножны! Мы победили!

— Победили... — повторил за ним Стил. Сражение кончилось, а он был жив.

— Славная битва! — оживленно продолжал Тревалин. — Память о ней сохранится навечно! Впервые в истории Башня Верховного Жреца пала! Ошеломляющая победа! Палантас будет следующим! Как только они услышат, что Соламнийские Рыцари разбиты, а добрые драконы разлетелись, город сам упадет к нашим ногам, как перезревший плод. А ты, мой друг! О твоей доблести рассказывают легенды! Говорят, ты сразил Таниса Полуэльфа!

— Нет, — пробормотал Стил. Огонь, горевший в его крови, медленно гас, оставляя только дым и пепел. — Нет, я не убивал его, он спас...

Но Тревалин уже не слушал его, от Ариаkana прискакал посыльный, его лошадь, резвая, но не привычная к битве, хрипела и пятилась, косясь на валяющиеся по всему крепостному двору трупы и чуя запах свежeproлитой крови. Гонец пытался

удержать ее и одновременно выискивал кого-нибудь из офицеров.

— Господин! — обратился он к Тревалину. — Его высочество увидел на башне белый флаг. Посланцы доносят, что защитники готовы обсудить условия сдачи. Кроме того, повелителю стало известно, что золотые и серебряные драконы покинули сражение. Хотя что-нибудь из этого правда?

— Да-да, все правда! Я собственными глазами видел, как улетели так называемые «добрые» драконы! — Тревалин засмеялся. — Должно быть, Паладайн прислал им приказ отступить.

Гонцу, однако, было не до смеха. Лошадь под ним плясала, ее копыта скользили по залитым кровью камням. Он прилагал отчаянные усилия, сдерживая ее во время разговора с Тревалином.

— Повелитель подозревает какую-то хитрость!

Тревалин, посуровев, кивнул головой:

— Я не удивлюсь, если драконы улетели только для того, чтобы перегруппироваться, и, возможно, они даже явятся с подмогой. Тем более стоит побыстрее принять капитуляцию защитников и разместить в Башне свой гарнизон!

Во дворе появились три Рыцаря Соламнии.

— Это их командиры? — тихо спросил гонец, наклоняясь к Тревалину. — Вот эти, что направляются к нам?

Все трое были без шлемов, которые они не то сняли, не то потеряли где-то в пылу сражения. Доспехи рыцарей носили следы недавней битвы: они были помяты и покрыты грязью и кровью. Впереди, сильно хромя, шел Магистр Ордена Розы, при каждом шаге на лице его мелькала болезненная гримаса. За ним с одной стороны шел рыцарь, все лицо которого было залито кровью, он бережно поддер-

живал одну руку другой. У шедшего с другой стороны на одном из глаз была грубая повязка, кровь из-под которой каплями стекала по щеке.

Они несли кусок белой ткани.

— Да, это офицеры, — подтвердил Тревалин.

Гонец подъехал к ним и, сдерживая коня, приветствовал рыцарей.

Побежденный командир Соламнийцев поднял изможденное лицо. Он был средних лет, но казался много старше.

— Ты от повелителя Ариакана? Отнесешь ему наше послание?

— Да, господин рыцарь! — вежливо ответил гонец. — Что я должен передать его величеству?

Соламнийский Рыцарь провел рукой по лицу. Что он вытирал — кровь, или, может быть, слезы?

— Скажи его высочеству, — мы просим разрешения похоронить мертвых, — с тяжелым вздохом промолвил он.

— Значит ли это, господин, что вы сдаете Башню?

Рыцарь медленно наклонил голову.

— При условии прекращения кровопролития, — добавил он. — Слишком многие умерли сегодня!

— Его высочество может потребовать безоговорочной сдачи, — заметил гонец.

— В таком случае мы будем сражаться до тех пор, пока последний из нас не падет замертво! — сурово ответил старый воин. — Жестокая и бессмысленная трата сил.

Один из рыцарей хотел было что-то добавить, но командир остановил его повелительным жестом.

— Мы уже все обсудили. Я не пошлю более ни одного из молодых рыцарей на бессмысленную гибель! Я знаю Ариакана! Он поступит достойно! Ну, а если нет... — он покачал головой и повернулся к

посланнику: — Таковы наши условия. Передай своему господину, что он волен принять или отвергнуть их!

— Я передам, господин.

С места послав лошадь в галоп, гонец вылетел за пределы крепостного двора.

Побежденные рыцари остались стоять неподвижной обособленной группой. Они молча глядели прямо перед собой, отказываясь замечать столпившихся вокруг врагов.

— Ариакан примет условия, — предсказал Тревалин. — Сражение выиграно. Все дальнейшее будет просто бессмысленным убийством. Я говорил, он захочет поскорей захватить Башню, пока золотые и серебряные драконы не вернулись. Ну а теперь я должен вернуться к своему отряду. Тебе, наверно, приятно будет узнать, Светлый Меч, что Флэр в битве не получила ни единой царапины. Она хорошо сражалась, хотя мне и показалось, что без воодушевления. Я думаю, скучает по своему настоящему хозяину. Я... Что это, Стил?..

— Мой меч, — безнадежно проговорил Стил. — Я твой пленник, командир.

Тревалин опешил. Потом он вспомнил:

— Великая Тьма! Я совсем забыл! — Он отпихнул протягиваемый меч и, приблизившись, тихо сказал: — Слушай, Стил. Не вспоминай об этом. Его высочество все забудет! А что до Черной Госпожи, так ведь Ариакан еще услышит о твоей сегодняшней доблести! Ну что значит болтовня гнусной ведьмы, подумаешь, потерял какого-то паршивого мага. Чушь это по сравнению с твоей схваткой с Танисом Полуэльфом! Выигранной схваткой!

— Я твой пленник, бригадир. — Стил был холоден и спокоен.

— Черт бы тебя побрал, Светлый Меч!.. — начал Тревалин раздраженно, но Стил уже расстегнул ремень и теперь держал клинок в руках.

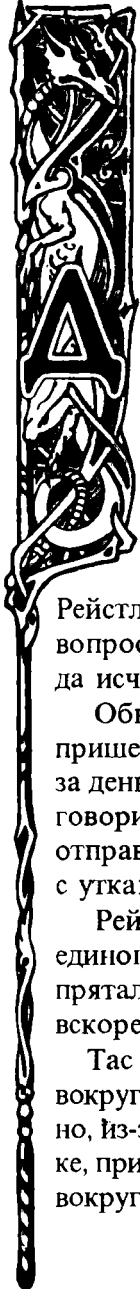
— Ладно, Светлый Меч. Я посажу тебя под арест, — сдался Тревалин. — Но первое, что я сделаю после этого, — лично поговорю о тебе с Ариаканом. Учитывая твоё мужество...

— Пожалуйста, не надо, командир, — произнес Стил тем же холодным тоном. — Спасибо, но я прошу тебя ничего не говорить. Повелитель может подумать, что я выпрашиваю его милость. Просто отведи меня туда, где держат узников.

— Ну что ж, — вздохнул Тревалин после минутного замешательства, надеясь, что Стил изменит решение. — Как хочешь... — он указал на дверь в дальнем конце крепости.

За стенами Башни гудели трубы и раздавались радостные крики победителей. Стил слышал стук копыт. Приближался повелитель Ариакан. Сегодня он с триумфом въезжал в крепость, в которую когда-то его ввели как пленного.

Стил не хотел ничего видеть. Он не хотел омрачать этот радостный момент. Не хотел, чтобы в час своей славы повелитель видел его позор. Подняв голову и расправив плечи, Стил пошел по окровавленным камням к тюремной камере Башни Верховного Жреца.

8. Врата. Возвращение старых друзей. Признание Тассельхофа

а, — пробормотал Тассельхоф Непоседа. — Славное жаркое из крысятинки, как сказала бы Бупу. — Он мигнул и задохнулся от восторга. — Я слышу! Голос вернулся! Рейстлин, ты слышал? Я...

— Дядя! — в ужасе воскликнул Палин. — Что это...

— Не сейчас, кендер, — прервал Таса Рейстлин. — Ты, племянник, тоже подожди. Все вопросы потом. Сейчас нам надо побыстрее отсюда исчезнуть, пока нас не заметили.

Обнаружив, что он опять может говорить, Тас пришел в восторг еще и от того, что второй раз за день они воспользуются магией, *вжикнутся*, как говорил кендер. Он надеялся, что теперь они тоже отправятся в интересное место. Например, в пруд с утками.

Рейстлин не произнес ни слова и не сделал ни единого жеста, но колонна, в тени которой они прятались, внезапно стала растворяться, таять и вскоре исчезла.

Тас вращался вокруг магии или магия вращалась вокруг него, сказать точно он бы не смог. Возможно, из-за потрясающе приятного ощущения в желудке, прилипшем к спине, или хохолка, обмотавшегося вокруг головы и полностью закрывшего глаза.

Когда вращение остановилось и желудок наконец вернулся на свое законное место, Тас убрал с глаз волосы и разочарованно вздохнул: ну ничего интересного, даже пруда и того нет, только серая земля под серым небом. Они вернулись туда, где начинали свое путешествие по Бездне.

Они были у Врат. За Вратами была магическая лаборатория, совершенно не изменившаяся с тех пор, как они ее покинули: вся уставленная колбами и банками со всевозможными интересными и ужасными вещами, книги и свитки, а может быть, там было и магическое кольцо, или даже целых два. Магические кольца нравились Тасу больше всего, они таили в себе неисчислимые возможности. Лаборатория показалась кендеру небезынтересной еще до того, как они вступили в Бездну. В сравнении с серой землей и серым небом она представлялась ему столь же замечательной, как рынок в Устричном.

Кендер совсем уж было собрался рвануть обратно через Врата, но внезапно вспомнил о хороших манерах. Он повернулся и протянул Рейстлину свою маленькую руку:

— Ну, до свидания, Рейстлин. Очень рад был тебя повидать, хотя ты и убил беднягу Гнимша, но я простил тебя, ведь Карамон мне сказал, что ты пытался закрыть Врата, пожертвовав собственной жизнью, хотя и догадывался, что Владычица Тьмы дожидается тебя, готовая выпустить тебе кишки...

В этот миг кендеру пришла в голову интересная мысль.

— А кстати, Владычица Тьмы не собирается вернуться, и приковать тебя к стене, и содрать с тебя шкуру? Нет, не то чтобы мне этого хотелось. Это, должно быть, ужасно неприятно. Но если она

железно настаивает на этом, мне ну очень хотелось бы посмотреть...

Зрачки Рейстлина сузились.

— Ты полагаешь, тебе это понравится, господин Непоседа? Я, пожалуй, мог бы попросить ее Темное Величество выпустить *твои* кишки.

Тас обдумал это кошмарное предложение и покачал головой:

— Это очень мило с твоей стороны, Рейстлин, подумать обо мне. Внутренности у меня еще действительно никогда наружу не торчали, но я не думаю, что долго протяну, если это все-таки случится. Тannis всегда советовал мне, прежде чем делать что-либо, сначала подумать о том, приведет ли это дело к долгой жизни, и если нет, то просто этого не делать. Твое предложение как раз из той, второй категории.

— Дядя, а Владычица Тьмы *не придет*? — Палин выглядел не на шутку испуганным. — Чтобы... чтобы мучить тебя...

— Она бы с удовольствием, если бы могла. Такхизис никогда и ничего не забывает и никому не прощает. Она отомстила бы мне, если бы смогла, но я надежно защищен от ее гнева, — сухо ответил Рейстлин. — В награду за жертву, как и сказал кендер.

— То есть пытать тебя не будут? — спросил Тас.

— Извини, но вынужден тебя разочаровать — не будут, — усмехнулся Рейстлин.

— Что ты, я вовсе не разочарован! — успокоил его Тас. — Это путешествие и так было просто великолепным. Увидеть всех богов! Да еще так близко! Мне, конечно, сильно не хватало Фисбена, но он такой растяпа, что от него было бы немного толку в нынешней, столь отчаянной ситуации. Зато теперь-

то я видел, каков Паладайн, когда он не сует бороду в огонь и не теряет постоянно свою дурацкую шляпу. А Гилеан показался мне чертовски знакомым, вот только никак не могу вспомнить, где же я его раньше видел? А правда, Чемош ужасно безобразный? Не лицо, а просто череп какой-то! А жирный Моргион!.. Все-таки, наверное, надо было мне поздороваться с Паладайном. Получилось очень неудобно, он может подумать, что я невежа и забыл о нашей долгой дружбе! Но что-то случилось с моим языком!

— Вам пора, — твердо сказал Рейстлин. — Вы зря теряете время!

— Я готов! — объявил Тас и двинулся по направлению к Вратам. — До свидания, Рейстлин, — добавил он, обернувшись. — Я передам твой привет Карамону, хоть ты его и не передавал.

Тут кендер понял, что идет один, и удивился:

— А ты, Палин, разве не идешь?

Палин не двигался, лишь пальцы его нервно барабанили по посоху. Наконец он посмотрел на Рейстлина и спросил:

— Ты не идешь с нами?

— Нет, племянник.

— Но ты ведь мог бы, если бы захотел! Ты же не мертв! Ты же дал мне посох, и ты перенес нас сюда!..

— Ты прав, — спокойно проговорил Рейстлин. — Я мог бы вернуться. Я не мертв. Впрочем, в то же время я и не совсем жив. Да и зачем мне, собственно, возвращаться? Много ли радостей я видел в мире, когда я там был? Свое дело я сделал — перенес вас сюда и показал вам опасность. Вы были свидетелями совета богов. Еще никому из смертных не удавалось видеть подобное. Теперь вы должны вернуться и предостеречь людей! Предостеречь всех: рыца-

рей Паладайна и Такхизис, магов всех трех лун и этих, в серых одеждах. Предостереги отца, и пусть он пошлет весть другим. Расскажите всем им, что вы видели и слышали!

— Я расскажу им, — кивнул Палин. — Но я не уверен, что я все правильно понял. Я могу предупредить их о намерении Хаоса разрушить мир. Я могу сказать, что Паладайн отдал нас в руки Тьмы. Но кто я такой? Сомневаюсь, что мне хоть кто-нибудь поверит. Другое дело ты, дядя. Ты великий маг, тебе поверят все. Пожалуйста, пойдем со мной!

Рейстлин внимательно взглянул на Палина.

— Это единственная причина, по которой ты хочешь, чтобы я вернулся?

Палин покраснел и тихо ответил:

— Нет, дядя... Я пришел сюда найти тебя... Потому что я хотел, чтобы ты учил меня...

— В мире бесчисленное множество учителей магии. Ты очень одаренный юноша. Несомненно, многие хотели бы иметь такого многообещающего ученика.

— Наверное, в принципе ты прав, но именно я не могу найти себе учителя, — Палин покраснел еще больше.

— Но почему? — неожиданно мягко спросил Рейстлин.

— Потому... Потому, что... — Палин замялся.

— Из-за меня? — усмехнулся Рейстлин. — Они до сих пор так сильно меня боятся?

— Не в обиду тебе будет сказано, Рейстлин, — встрял Тас, — но временами ты бывал не самым приятным человеком на свете!

Рейстлин перевел взгляд золотых глаз со зрачками в форме песочных часов на кендера.

— Кажется, я слышал, как кто-то тебя звал.

— Да ну! — Тас прислушался, но ничего не услышал. — А где?

— Вон там, — указал Рейстлин.

И тут Тас действительно услышал, как низкий и до боли знакомый голос ворчит:

— Что *ты* здесь делаешь, Тассельхоф Непоседа? Не к добру это, я полагаю? Опять ты ввергаешь в бесконечные несчастья всех тех олухов, которых угораздило с тобой связаться... И конечно, эти напасти не обойдут и тебя самого...

Тас обернулся так стремительно, что клапаны расстегнулись, и содержимое его многочисленных сумок высыпалось на землю. Впервые в жизни Тас не обратил на это никакого внимания.

— Флинт!

Длинная седая борода. Ворчливый, неодобрительный, грубый голос и все остальное. Это был он! Тас уже собирался обнять Флинта, не обращая внимания на то, хочет гном того или нет (обычно он был против, но, согласитесь, сейчас случай был особый), когда заметил за его широкой спиной еще две фигуры.

— Стурм! — Тас задохнулся от восторга. — И Танис! Что вы здесь делаете?! Подождите! Я сам знаю! Приключения заждались нас! Куда мы идем? Куда бы мы ни направлялись, у меня есть карта, я уверен! Теперь у меня точные карты. Тарсиса у моря больше нет, то есть я имею в виду, моря около него нет, а сам Тарсис где всегда был, там и есть. Флинт! Да постой же ты спокойно, чтобы я мог тебя обнять.

— Как же, позволю я кендеру подойти ко мне ближе чем на фут, тем более обнять меня! Держись-ка лучше подальше, мой кошелек мне еще пригодится! — фыркнул Флинт.

Не обращая внимания на привычное ворчание Флинта, Тас попытался его обнять, но обхватил руками пустоту, серый воздух. Кендер попятился:

— Что за шутки, Флинт? Как же мы снова отправимся на поиски приключений, если ты все время куда-то пропадаешь?

— Боюсь, Тас, что тебе с нами не по дороге, — вежливо произнес Танис. — Не потому, что мы против...

— Впрочем, нельзя сказать, что мы очень за, — пробурчал Флинт.

Танис улыбнулся и положил руку на плечо гнома.

— Мы пришли сюда потому, что твой старый друг хотел поговорить с тобой.

Старый гном покраснел и, смущенно переступая с ноги на ногу, поглаживал бороду.

— Да? А о чем? — подавленно спросил Тас. В носу у него засвербило от какого-то странного ощущения. Он чувствовал какую-то неправильность происходящего, но не мог понять, что же не так. Сердце его защемило от боли. Уж Танису-то здесь точно неоткуда было взяться!

— Так что же ты хотел мне сказать, Флинт? — борясь с нехорошими предчувствиями, повторил Тас.

— Понимаешь, парень, — наконец начал Флинт, прочистив глотку и тяжело вздохнув. — Я говорил Танису, как только его увидел...

Сердце Таса болело все сильнее, и скоро боль стала совсем невыносимой. Он прижал руку к груди, надеясь, что боль пройдет или хотя бы утихнет.

— Я сказал Танису, что мне... Ну... Как бы это поточнее сказать... Стало немного одиноко...

— Ты имеешь в виду, под твоим деревом? — уточнил Тас.

— Хоть раз в жизни пойми меня правильно! — проворчал Флинт. — У меня все в порядке! Мое дерево — просто прекрасное. Оно совсем такое же, как валлины у нас дома. Танис сам так сказал, как только его увидел. И потом там тепло, рядом с горном Реоркса, да и не скучно совсем. Понимаешь, Творение никогда не останавливается, то одну часть, то другую надо подправить. Реоркс кует и рассказывает истории, удивительные сказки о других мирах, в которых ему довелось побывать.

— Истории! — восхитился Тас. — Обожаю слушать истории! А как ты думаешь, он согласится послушать несколько моих, ну, например, о том, как я встретил волосатого слона?..

— Я еще не закончил! — взревел Флинт.

— Извини, Флинт, — миролюбиво сказал Тас. — Продолжай!

— Я забыл, где остановился, — мрачно возразил тот.

— Ну, что-то про одиночество... — напомнил Тас.

— Вспомнил! — Флинт скрестил руки на груди, набрал побольше воздуха и на одном дыхании выпалил: — Я хотел сказать, парень, что если ты когда-нибудь соберешься меня навестить, то я буду очень этому рад! — Гном выглядел чрезвычайно сконфуженным. — Да и... Я, конечно, еще пожалею о том, что скажу, но я... Я, кажется, начинаю скучать по тебе, парень.

— Ну конечно, так и должно быть, — подтвердил Тас, поражаясь, что гном раньше этого не понял. — Я так и думал! Надеюсь, твое дерево не обидится, но сидеть все время на одном месте и смотреть на то, как другие здорово куют мир, не кажется мне особенно вдохновляющим. Да, кстати, о богах... Мы только что видели Реоркса. И всех

остальных тоже! А самое замечательное, то есть я хотел сказать, ужасное — то, что происходит в мире! Погодите минутку, я сейчас позову Палина, пусть он вам расскажет, у него это лучше получится. А то я опять чего-нибудь перепутаю, — кендер повернулся и, махнув рукой, пронзительно крикнул: — Палин! Кстати, Рейстлин тоже здесь. Вот здорово! Мы опять все вместе, как раньше... Правда, Палина вы не знаете. Как странно он себя ведет, почему бы ему не подойти поздороваться с вами? — продолжал он.

Палин обернулся и помахал рукой, как бы говоря: тебе весело, очень хорошо. Продолжай в том же духе, а меня оставь в покое.

— Он нас не видит, простофиля, — пояснил Флинт, который уже несколько раз порывался что-то сказать, но не мог остановить болтовню кендера.

— Да нет! Он прекрасно видит, — слегка раздраженно возразил Тас. — Это Танису были нужны очки...

— Больше не нужны, Тас, — заметил Танис. — Палин не может нас увидеть, потому что он жив. Мы с ним теперь в разных мирах.

— Танис, но ведь ты не... — прошептал Тас.

— Боюсь, что...

— Ты, наверное, сделал что-то, не ведущее к долгой жизни, — поспешно продолжил Тас, моргая и вытирая глаза рукой. Потом он посуровел. — Должен сказать, что это не очень-то умно с твоей стороны, Танис. Сам всегда советовал мне не делать что-либо, не ведущее к долгой... долгой... — голос его задрожал.

— Полагаю, я просто не думал об этом, — улыбнулся Танис. — Я прожил хорошую жизнь. В моей

жизни было много удач и счастья. Конечно, мне было трудно покидать тех, кого я люблю, но здесь у меня тоже есть друзья, — добавил он.

— Как и враги, — мрачно сказал Флинт.

Лицо Таниса потемнело:

— Да, здесь тоже будет своя битва!

Тас достал носовой платок (платок Палина) и вытер глаза и нос. Затем он придвинулся к Флинту и громким шепотом, который было слышно чуть ли не по всей Бездне, заявил:

— Открою тебе секрет, Флинт. Я больше не искатель приключений, каким был всегда. Нет, — кендер глубоко вздохнул. — Я иногда думаю... я знаю, ты мне неверишь, но я иногда думаю: не вернуться ли мне домой и не поселиться ли там навсегда? Просто не знаю, что со мной? Это грустно, ты понимаешь, о чем я говорю?

— Дурья твоя башка! — грубовато заметил Флинт. — Что тут понимать?! Ты просто стареешь.

— Я? Старею?! — поразился Тас. — Но я вовсе не чувствую себя старым. Я имею в виду, в душе. Вот только иногда болят руки и спина, да так и тянет вздремнуть у камина, вместо того чтобы пойти подразнить минотавров... Ты знаешь, они становятся *просто бешеными*, особенно если крикнуть «му-у-у»... Поразительно, как быстро может бежать взбешенный минотавр, когда гонится за тобой... Впрочем, я отвлекся.

— Не удивительно, — заметил Танис. — До свидания, Тас, и пусть минотавр никогда тебя не догонит.

— Сказать «му-у-у» минотавру! — фыркнул Флинт. — Запредельная дурь. Побереги себя, парень! — он резко повернулся и очень быстро пошел прочь, покачивая головой. Последнее, что услышал

Тас, было «му-у-у», которое бормотал себе под нос гном.

— Милость Паладайна всегда пребудет с тобой, — произнес Стурм и удалился вслед за Флинтом.

— Ты думаешь? — с запоздалым сомнением отреагировал Тас. — Но это было так давно, и огненный шар он уже давным-давно не пускал... Помниг ли он меня? Ведь у него вечно были проблемы с памятью...

Он всматривался вдаль до тех пор, пока не перестал различать силуэты друзей. Произошло же это очень быстро, так как в серой мгле они пропали почти мгновенно.

— Танис! Флинт! — несколько раз позвал Тас. — Стурм! Извини, я как-то случайно позаимствовал твой ремень.

Никто не ответил. Кендер разрыдался. Потом вытер глаза и нос рукавом (носовой платок был уже совершенно мокрым от слез) и тяжело вздохнул.

— Я нужен людям. Так сказал Танис. Такое впечатление, что сами, без меня, они просто ничего сделать не могут: тут вампира прогони, там с гоблином дерись. Ну ни минуты покоя. Как будто я герой какой-то. Но, с другой стороны, если хорошенько подумать, то что мне остается? Как ни крути, получается, что я просто должен делать все это наилучшим образом.

Собирая разлетевшееся содержимое своих многочисленных сумок, кендер медленно побрел к Вратам, волоча ноги по серому песку. Палин с Рейстлином все еще продолжали разговор.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты передумал! Возвращайся, Рейстлин. Отец будет очень рад!

— Будет ли... — усомнился Рейстлин.

— Да! Конечно, а почему бы... — начал было Палин, но остановился, засомневавшись.

Рейстлин пожал плечами и улыбнулся:

— Вот видишь. Лучше оставить все как есть... Посмотри! — добавил он. Врата начали слабо светиться. — Владычица вновь направила свои мысли в эту сторону. Она знает, что сейчас Врата открыты. Вам нужно немедленно возвратиться и как можно быстрее закрыть их! Используй посох. Скорее!

Небо потемнело, мгла сгустилась почти до полной темноты. Палин с тревогой наблюдал за изменениями, но все еще колебался...

— Дядя... — вновь попробовал он.

— Иди, Палин, — холодно прервал его Рейстлин. — Ты не представляешь себе, *чего* ты от меня хочешь.

Палин вздохнул, потом взглянул на магический посох, который по-прежнему сжимал в руке, и снова посмотрел на Рейстлина.

— Спасибо, дядя! Спасибо, что ты веришь в меня. Я тебя не подведу! Эй, Тас! Поторопись! Стражи Врат возвращаются.

— Иду, — откликнулся Тас, но продолжал еле волочить ноги.

Даже мысль о разноцветных драконьих головах, каждая из которых, возможно, готовилась разорвать его в клочья, не очень взволновала Таса. А если это все же и показалось ему не лишенным некоторого интереса, то разве только чуть-чуть, самую капельку.

— До свидания, Рейстлин! Я передам твои слова Карамону... Ого! Привет, Китиара! Гош! Вот удивительно, люди просто выпрыгивают здесь из ниоткуда. Помнишь меня, Китиара? Это же я, Тассельхоф Непоседа.

Темноволосая женщина в доспехах из синей драконьей чешуи с мечом на поясе грубо отпихнула кендера и встала, закрывая Палину дорогу к Вратам.

— Рада наконец встретиться с тобой, племянник, — сказала она с кривой усмешкой. Вытянув руку вперед, воительница сделала еще один шаг к нему. — Почему бы тебе немного не задержаться? Кое-кому очень хотелось бы побеседовать с тобой...

— Осторожно, Палин! — предупреждающе вскричал Тас.

Китиара вытащила меч, лезвие светилось неярким лунно-серым светом. Она медленно приближалась к Палину.

— Ты слышал то, что не предназначалось для твоих ушей. Моя Госпожа не терпит шпионов!

Китиара взмахнула мечом. Палин поднял посох, блокировал удар и попытался отпихнуть ее. На мгновение оба замерли в неподвижности. Затем Китиара резко подалась назад, и Палин, не удержавшись, покачнулся. Воительница снова бросилась в атаку.

Тассельхоф взглядом искал что-нибудь, что можно было бы кинуть в Китиару, но не нашел ничего, кроме содержимого своих сумок и, конечно, себя самого. Прикинув, что его сокровища, хотя и представляют немалую ценность, вряд ли способны помешать расходившейся Китиаре, Тас резко оттолкнулся обеими ногами и прыгнул в ее сторону, надеясь сбить воительницу с ног и не напороться при этом на меч.

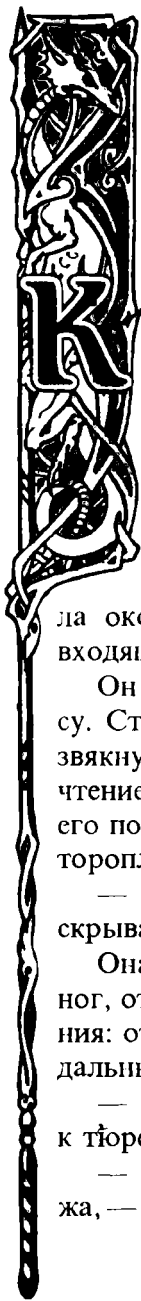
Он совсем забыл о том, где они находятся. И о том, что у Бездны свои законы. Тас пролетел сквозь Китиару, не встретив ни малейшего сопротивления, и, упав на четвереньки, обалдело озирался по сторонам. Однако кое-чего он все-таки добился: в

полете он задел ее меч, который, как это ни странно, оказался реальным. Меч Китиары, направленный в сердце Палина, отклонился в сторону.

Палин отшатнулся, и кровь показалась на его белых одеждах. Он схватился за плечо и, застонав, опустился на одно колено. Китиара выругалась и, снова поднимая меч, двинулась к нему.

Тас вскочил на ноги, собираясь вновь кинуться на Китиару и попытаться выбить меч из ее рук, когда услышал голос Рейстлина, произносящий странные слова. Перед лицом Таса мелькнули черные одежды мага. Драконьи головы Врат завопили, и в этот самый интересный момент что-то ударило Таса прямо между глаз.

Из глаз его посыпались звезды, он почувствовал, что падает, и неожиданно погрузился в сон.

9. Узник. Бичевание

люч повернулся в замке, и дверь камеры отворилась.

— К тебе гость, Светлый Меч! — сказал тюремщик. Стил сел на соломенном тюфяке и потер глаза, просыпаясь. Он не имел ни малейшего представления о том, какое сейчас время — день или ночь. Его камера, расположенная в толще стен Башни, не имела окон. Стил прищурился, пытаясь разглядеть входящего.

Он услышал шорох одежд и заметил серую рясу. Стил медленно поднялся, и цепь на его ноге звякнула. Он должен был продемонстрировать почтение этой женщине, поскольку она была старше его по чину, но не собирался проявлять излишней торопливости.

— Черная Госпожа! — отчетливо произнес он, скрывая беспокойство.

Она приблизилась и осмотрела его с головы до ног, отмечая все приметы его нынешнего положения: от грязных одежд и спутанных волос до кандалных цепей на руках и ногах.

— Оставь нас, — велела Лилит, повернувшись к тюремщику. — Закрой дверь.

— Не задерживай его надолго, Черная Госпожа, — проворчал тот, вставляя горящий факел в

кольцо на стене. — Ему надо будет еще кое-что сделать.

— Я не надолго, — Лилит дождалась, пока тюремщик вышел из камеры, и повернулась к Стиллу.

Глаза ее горели гневным огнем. Казалось, своим взором она хотела пронзить непокорного рыцаря насквозь.

— Зачем ты пришла, Черная Госпожа? — наконец спросил Стилл, которому надоела эта мрачная сцена. — Насладиться картиной моего падения?

— Мне самой это не нравится, Светлый Меч, — резко ответила Лилит. — Все, что я делаю, я совершаю во имя Владычицы. Я пришла объяснить тебе, почему ты должен умереть.

— Ты зря теряешь время, — пожал плечами Стилл. — Я знаю, почему. Ты уже говорила. Я упустил пленника, вверенного моему попечению.

— Так и предполагалось, — холодно заметила она. — Я послала тебя с этим дурацким поручением, прекрасно зная, что ты его потеряешь. Я, правда, не ожидала, что ты вернешься. Я надеялась, — бесстрастно продолжала она, — что вы оба погибнете в Шойкановой Роще. Кроме того, я была уверена, что если вам и удастся попасть в Бездну, то там Владычица Тьмы убьет и тебя, и мага. Этого тоже не произошло. К счастью, сейчас маг уже мертв. Да и ты скоро отправишься за ним следом... За ним вслед, — вновь повторила она, покачивая головой.

Стилл растерянно молчал. То, что эта женщина так яростно его ненавидит, причем без всякого повода с его стороны, было недоступно его пониманию. Затем, видя, что она ожидает каких-то слов с его стороны, он сказал:

— Я так и не понял, зачем ты пришла, Черная Госпожа. Если затем, чтобы мучить меня...

— Нет, все это не доставляет мне никакого удовольствия. Я хочу, чтобы ты понял. Мне совершенно не нужно, чтобы, представ перед Владычицей Тьмы, ты обвинил меня в том, что я добила твоей казни по ошибке или несправедливо. Ее Величество может быть... очень мстительна...

Лилит замолчала в грустном раздумье. Стил не был склонен ей сочувствовать.

— Твои действия — это попытка убийства, Черная Госпожа. Вероломного убийства без всякого повода одного из рыцарей Ариакана.

— Я заглянула в будущее, — возразила она. — И увидела там тебя вместе с этим магом, белым магом. И вы сражались вместе! Я видела молнию, поразившую Башню, смерть и разрушение, гибель рыцарского Ордена. — Ее горящие глаза вновь обратились к Стилу. — Вы оба, и ты, и белый маг, должны умереть! Только тогда катастрофа будет предотвращена. Ты понимаешь? Я уверена, что ты, рыцарь, поймешь и примешь это как необходимость!

— Я принимаю приговор моего господина, — сказал Стил, тщательно подбирая слова. — Если моя смерть принесет пользу рыцарству, то так и будет.

Черную Госпожу, казалось, не устроил такой ответ. Она поджала губы и принялась барабанить пальцами по сияющим камням на застежке своей сумки.

Дверь камеры отворилась, и появился тюремщик:

— К тебе еще один посетитель, Светлый Меч.

Вслед за ним вошел бригадир Тревалин. Он весьма огорчился, обнаружив в камере Черную Госпожу,

и не скрыл своего огорчения от присутствующих. Она также не обрадовалась его появлению и, резко развернувшись, быстро вышла из камеры. Серые одежды развевались вокруг ее тонкой, как клинок, фигуры. Тревалин отступил в сторону, стараясь избежать ее прикосновения.

— Что *она* здесь делала?

— Колдунья сказала... — проговорил глубоко обеспокоенный Стил. — Знамения и тому подобное... — он в замешательстве замолк. — Она сказала, что моя смерть необходима, иначе Орден Рыцарей Такхизис падет. Она сказала, что таково ее предвидение.

— Бред! — фыркнул Тревалин. Он понизил голос и продолжал: — Я знаю, повелитель возлагает большие надежды на магов, но мы-то с тобой воины. Мы-то знаем, что будущее таково, каким мы его делаем вот этой штукой! — Тревалин похлопал по эфесу меча. — Ты замечательный босц, Светлый Меч! Ты заслужил награду!.. Не думаю, что мне удастся убедить тебя, но... Может быть, ты все-таки поговоришь с повелителем?

Мысль о том, что он покинет эту грязную камеру, вернется в отряд и вновь полетит в битву, была так заманчива, что он уже почти согласился. Сейчас было время славы Ариакана, величия Владычицы. Армия Рыцарей Такхизис двигалась через Ансалон, сметая все на своем пути. Палантас пал. Рыцари готовились к войне с эльфами. А он все это пропустит! Закованный в кандалы, с цепями на руках и ногах, он занят рабским трудом в такое время! А через две недели он последний раз переступит порог камеры, идя на казнь...

Нужно только поговорить с Ариаканом! Но что ему сказать?.. Правду?

— Я сожалею, командир, — ответил наконец Стил и улыбнулся, видя неподдельное беспокойство Тревалина. — Мне нечего сказать.

Тревалин с ожиданием смотрел на него, надеясь, что Стил передумает. Стил стоял молча и неподвижно. Наконец Тревалин склонил голову.

— Мне тоже очень жаль, Светлый Меч. Ладно, я сделал все, что мог, — он положил руку на плечо Стила. — Наш отряд отправляется сегодня. Нас посылают на помощь воюющим за Северный Эргот. Я мог бы взять тебя с собой, а теперь боюсь, что больше тебя никогда не увижу... Пусть милость Владычицы Тьмы пребудет с тобой!

— С тобой тоже, командир! Спасибо тебе за все!

Тревалин покинул камеру, а вместо него вошел тюремщик.

— На работу, Светлый Меч!

Стил двигался нарочито медленно, тянул время. Он не хотел, чтобы Тревалин видел, как его, законного по рукам и ногам, с позором поставят в строй вместе с прочими узниками и погонят на работу. Убедившись, что шаги Тревалина затихли, Стил вышел из камеры.

Его присоединили к группе узников, Рыцарей Соламнии, капитулировавших в Башне или захваченных ранее. Большинство из них были очень молодые, моложе Стила.

Соламнийские Рыцари знали, что он был их противником. Они считали его виновным в гибели Танниса Полуэльфа. Увидев его здесь, они сначала приняли его за шпиона. Потом от стражи стала известна его история: как Стил потерял пленника, как добровольно вернулся, чтобы понести наказание — смерть. Мужество рыцаря и его верность долгу чести вызвали их невольное уважение. Они ничего не

сказали Стилу, но перестали избегать его и спокойно разговаривали между собой в его присутствии. Иногда, в краткие минуты отдыха, даже пробовали втянуть его в разговор. Попытки эти ни разу не увенчались успехом. Стил холодно молчал в ответ на все обращенные к нему слова.

Глубокое отчаяние и безнадежность переполняли душу Стила. Он шел, бездумно переставляя ноги, и сам не узнавал себя.

Ариаган не был жесток к своим пленникам. Впрочем, и особой мягкости в отношении к ним он тоже не проявлял. Он следил за тем, чтобы все они были одеты и накормлены, слабые и больные не назначались на тяжелые работы, но его надсмотрщики не знали пощады и заставляли узников трудиться, не жалея бича, чтобы подхлестнуть их усердие.

Ариаган одержал большую победу, но война еще не была выиграна окончательно, и повелителю было об этом известно. Он хорошо знал драконов, изучил их нрав и не доверял им. Повелитель полагал, что серебряные и золотые чудовища улетели за подмогой, и рано или поздно обязательно вернутся и нападут на его войска. Думая так, он держал войска в постоянной готовности и заставлял пленных работать день и ночь, восстанавливая и укрепляя Башню Верховного Жреца.

Пленные Рыцари Соламнии ожидали, что Стил воспользуется своим званием и положением для того, чтобы добиться поблажек. И, конечно, он бы преуспел в этом. Им восхищались не только враги. Его добровольное возвращение, его храбрость в битве, безупречная стойкость во время постигших его тяжких испытаний и мужество перед лицом неизбежной казни — все это, разумеется, вызывало удивленное восхищение и тюремщиков.

Стил с презрением отвергал все возможные послабления. По его мнению, он не заслужил их. Поэтому юноша отказывался брать добавочную пищу, которую приносили ему стражники, выливал даже дополнительную воду. Он работал плечом к плечу с пленными Соламнийскими Рыцарями, вырубая огромные каменные блоки в каменоломнях на склонах близлежащих гор, вместе с другими пленными перетаскивал их к Башне и устанавливал там. И все это под палящими лучами беспощадного солнца. Правда, его никогда не били, не стегали кнутом, как всех других узников. Стил был так угнетен своим униженным положением, что не замечал этой разницы.

Как обычно, узники направились в каменоломни. Сегодня они должны были уложить на сани большие гранитные блоки. В дальнейшем огромные монстры перетащат эти сани к Башне.

Мысли Стила были сосредоточены на своем бывшем отряде, на словах Тревалина. Он представлял себе своих товарищей, лежащих в битву с эрготианцами, людьми необычайной доблести и храбрости, которые отстояли свои земли во время Войны Копья и сейчас вовсе не собирались сдаваться превосходящим силам Ариакана.

Стил представлял себе бой, картины воображаемой битвы проплывали перед его взором. Веревка, которую он должен был тянуть, ослабла... Внезапно раздавшиеся крики и проклятия заставили его вернуться к действительности. Громадный гранитный блок наклонился и опрокинулся, перевернув сани.

— Проклятый ублюдок! Смотреть надо, что делаешь! — заорал надзиратель и взмахнул кнутом. Но ударил он не Стила, а юного Соламнийского

Рыцаря, стоявшего за ним следом. На голой спине юноши появилась кровоточащая полоса, ударом его опрокинуло на землю, а надсмотрщик уже стоял над ним, и кнут был занесен для следующего удара.

Стил схватил мучителя за руку.

— Это я виноват, — воскликнул рыцарь. — Его не за что бить. Это я упустил веревку.

Надзиратель остолбенел и с изумлением уставился на Стила. Остальные узники тоже с удивлением смотрели на него. Наконец надсмотрщик пришел в себя и возразил:

— Я все видел, рыцарь. Этот Соламнийский...

— Не сделал ничего, заслуживающего наказания, — продолжил за него Стил. — И не зовите меня рыцарем. Я больше не рыцарь. Мне не нужны послабления и в будущем тоже не понадобятся!

Он подошел к Соламнийскому Рыцарю и помог ему подняться на ноги.

— Мне очень жаль, что так вышло! Больше такого не случится! Ты примешь мои извинения?

— Да, — потрясенно пробормотал юноша. — Да, конечно.

Стил удовлетворенно кивнул и обернулся к надсмотрщику:

— Бей меня!

— Ладно, хватит зря терять время. Иди работай, — проворчал тот.

— Бей меня! — повторил Стил. — Так же, как ты ударил его. Иначе я доложу повелителю, что ты пренебрегаешь своими обязанностями!

Надзиратель, до сих пор не слишком понимавший происходящее, вышел наконец из себя и, как следует обозлившись на Стила, с удовольствием исполнил его просьбу. Он с такой силой стегнул его

по обнаженным плечам, что кнут порвал кожу и достал почти до кости.

Стил перенес боль совершенно невозмутимо. Он не издал ни звука, лицо его не дрогнуло. Надзиратель хлестнул его еще раз и пошел прочь, грязно ругаясь себе под нос.

Стил вернулся к работе. Открытые раны на спине кровоточили, вокруг него начали кружиться мухи.

Тем временем надсмотрщик велел другим узникам уложить на салазки злополучный камень. Юный рыцарь воспользовался этой возможностью и передвинулся поближе к Стилу, неуклюже пытаясь его отблагодарить.

Стил отвернулся. Ему не нужна была благодарность. Он поступил так не из сострадания и не хотел быть неправильно понятым. Удар бича вернул его к действительности. Он не имел права даже представлять себя одним из тех, на кого пал выбор Такхизис. Владычица Тьмы знала о его вине.

Он постепенно начинал понимать, что мог бы тогда войти в лабораторию мага. Дверь оставалась открытой еще целый миг, которого вполне хватило бы ему, чтобы войти следом за Палином. Но он замешкался, промедлил всего одно мгновение, не решаясь войти в глухо бормочущую, смертоносную темноту. А тем временем дверь закрылась.

Такхизис заглянула ему в душу. Она знала, что он трус. Поэтому Владычица и отказала ему в достойной гибели, и сейчас посылала ему следующее наказание. Он не мог остаться в стороне и смотреть, как вместо него наказывают другого.

Стил поднял веревку и вернулся к работе. Соленый пот, попадавший в открытые раны, огнем жег спину. Теперь он был действительно в таком же положении, что и остальные узники.

Если в ближайшие две недели, до дня праздника Середины Лета, Палин Маджере не вернется или не будет пойман, Стил Светлый Меч умрет. Если верить Черной Госпоже (а можно ли ей верить?), то его смерть спасет Рыцарство Такхизис, как спасла когда-то Соламнийских Рыцарей смерть его отца. Если бы наверняка знать, что это так... Тогда он, по крайней мере, мог бы умереть спокойно.

Стил, однако, не собирался оправдывать Черную Госпожу перед лицом Такхизис, даже если ему придется служить Чемошу целую вечность.

10. Местъ Владычицы Тьмы. Выбор Рейстлина

Тассельхоф очнулся. Голова его раскалывалась от боли. Он ощущал себя так, как будто его лягнул волосатый слон, вроде того, которому он однажды помог спастись от злого волшебника.

— Кто это меня так? — недоуменно спросил он, садясь и потирая лоб.

— Ты стоял на дороге, — коротко ответил Рейстлин.

Тас еще раз потер лоб и закрыл глаза. Голова болела, а перед глазами плавали радужные круги.

— Да где же это я? — выразил он вслух свое недоумение.

Внезапно он все вспомнил. Они были в Бездне. Драконьи головы ярко сверкали, а им надо было вернуться. Пройти через Врата обратно.

— Иди сюда, кендер, — приказал Рейстлин. — Мне нужна твоя помощь.

— Вечно им нужна моя помощь, — проворчал Тассельхоф. — И это *после того*, как они меня чуть не пришибли, потому что я мешал пройти. Да, а зовут меня Тассельхоф, если кто не помнит...

Он поморгал еще немного и наконец смог осмотреться кругом. Рейстлин склонился над

неподвижно лежащим на серой земле Палином. Тас заставил себя подняться и поспешил к ним.

— Что это с ним, Рейстлин? С ним все будет в порядке? Он как-то нехорошо выглядит. Что это Китиара с ним сделала?

— Заткнись, — бросил великий маг и зло сверкнул на него глазами.

— Конечно, Рейстлин, — кротко сказал Тас. Он действительно собирался помолчать немного, но слова вылетали изо рта как бы помимо его воли: — Я только хотел узнать, что случилось...

— Моя возлюбленная-сестра чуть было его не заколола, только и всего. И не вмешайся я, она довела бы дело до конца. Впрочем, тягаться со мной ей не под силу, и она сама прекрасно это понимает. Поэтому и удалилась за подмогой.

Тас опустился на колени и осмотрел рану.

— На первый взгляд ничего страшного не видно, — резюмировал он. — Повреждено правое плечо... В правом плече у человека вроде бы нет ничего особенно важного. Так ведь? Почему же он без сознания?..

— Разве я не велел тебе заткнуться? — заметил Рейстлин.

— Вроде бы велел, — Тас тяжело вздохнул. — Всегда ты так.

Против обыкновения, кендер выглядел усталым и подавленным. Он хотел добавить что-то еще, но в это время Палин застонал и начал метаться, корчась от боли.

— Да что же это с ним, Рейст? — испуганно спросил Тас. — Кажется, он... Мне хотелось бы ошибиться, но он, кажется, умирает...

— Да. Он действительно умирает. Палин должен срочно вернуться в свой мир.

— Но рана не выглядит серьезной...

— Он ранен мечом, принадлежащим *этому* миру! Не вашему миру, кендер! Ты пытался ей помешать, и тебе это почти удалось, но лезвие все-таки вошло в тело и сейчас вершит свою губительную работу. Если он умрет здесь, то его душа тоже останется здесь — в плену у Чемоша.

Рейстлин поднялся и посмотрел на Врата. Драконьи головы уставились на него. Небо оставалось серым, но на нем появились темные извивающиеся полосы, как будто с высоты к ним тянулись гигантские щупальца.

Тас посмотрел на Рейстлина, на Врата и снова на Рейстлина:

— Думаю, я смогу протащить его, даже и так далеко, но что я буду с ним делать, когда мы снова окажемся в лаборатории? — Он на минуту задумался и просиял. — Знаю! Наверняка есть заклинание, которое ему поможет, а ты мог бы меня ему научить! А, Рейстлин? Ты научишь меня немного колдовать?

— Много у меня грехов перед миром, — сухо заметил маг. — Но уж если обучу кендера магии, то точно буду проклят, — с усмешкой добавил он.

— Ну тогда ты должен вернуться вместе с ним, — заявил Тас. — Я надеюсь, ты *можешь* вернуться?

— Могу, — ответил Рейстлин. — Мое физическое тело еще живо. Я могу вернуться. Другое дело, хочу ли я этого? Единственную радость в том мире мне доставляла магия, а если я вернусь... Ты думаешь, боги позволят мне сохранить мою силу?

— А как же Палин? — настаивал Тас. — Если он останется здесь, он умрет!

— Да, — вздохнул Рейстлин. — Как же Палин? — Великий маг горько усмехнулся и бросил

неприятный взгляд на серое небо. — Итак, я возвращаюсь. Ты этого добивалась? Возвращаюсь слабым и беззащитным! Вот, значит, какова твоя месть, Владычица!

Тассельхоф ничего не понял. Жалобно всхлиывая, он подошел к Палину и склонился над ним. Губы Палина посинели, его кожа была холодная, а по лицу начала разливаться смертельная бледность.

— Рейстлин! — в ужасе закричал Тас. — Решай скорей!

Рейстлин наклонился над Палином и положил ладонь на его шею:

— Да, дело зашло далеко. — С внезапной решимостью он осторожно приподнял Палина за плечи. — Берись, кендер, понесли!

— Меня зовут Тассельхоф. Как ты не можешь запомнить! — Тас бросился помогать, но вдруг запнулся обо что-то и упал. — А как же посох? — спросил он.

Рейстлин посмотрел на магический посох. Его тонкие пальцы нервно подергивались. Оставив Палина, он стремительно поднялся, приблизился к посоху и прогянул к нему дрожащую руку.

— С другой стороны... Должен же быть какой-то еще выход... — нервно бормотал он.

Наконец Рейстлин отдернул руку и обернулся к Тассельхофу.

— Ты понесешь посох, а я позабочусь о Палине, — тихо сказал он. — Пспеши! Мы должны успеть!

— Я? — Тас задохнулся от восторга. — Я? Я понесу... волшебный посох?!

— Прекращай свои восторги, делай, что тебе сказано! — приказал Рейстлин.

Тас протянул руку и поднял знаменитый посох. Он мечтал дотронуться до него с того самого момента, когда впервые увидел Рейстлина с этим посохом в зале «Последнего Приюта». И вот его мечты сбылись.

— Я готов! — заявил кендер, то и дело бросая горделивые взгляды на посох в своей руке.

Рейстлин был недостаточно силен, чтобы поднять Палина, поэтому ему пришлось ухватить того за плечи и волочить к Вратам по земле.

Драконьи головы сверкали. И были довольно красивы на свой ужасный лад. Кендер не мог не отметить это.

Рейстлин остановился, тяжело дыша. Впервые за это время Тас услышал его кашель.

— Кендер, — раздался прерываемый кашлем голос. — Подними посох! Подними повыше, так, чтобы Владычица могла его увидеть.

Преисполненный восторгом до кончиков своих зеленых ботинок, Тас сделал, что было велено. Он поднял посох так высоко, как только мог.

Драконьи головы предупреждающе закричали, но Врата оставались открытыми.

Тас, крепко сжимая в руке посох, вошел во Врата. Это был момент величайшего торжества кендера. Ради таких минут стоило жить.

Волоча Палина, Рейстлин последовал за ним. Головы угрожающе кричали, но не пытались их остановить.

Холодная грязная темнота лаборатории сомкнулась вокруг них. Рейстлин аккуратно положил Палина на пол. Потом бывший великий маг выпрямился и сделал шаг обратно, в сторону Врат.

— Я возвращаюсь в Бездну! — отчаянно закричал он. — Позволь мне вернуться! Делай со мной

что хочешь, Такхизис, только не оставляй меня здесь, лишившегося силы!

Вспыхнул ослепительный свет, на который больно было смотреть. Тасу очень хотелось зажмуриться, глаза его саднили и слезились, но он не закрывал их, боясь пропустить что-нибудь интересное. И кендер продолжал таращиться изо всех сил и даже для надежности придерживал веки пальцами.

Кашляя, Рейстлин сделал еще шаг к Вратам. Свет стал еще ярче. Глаза Таса закрылись сами собой. Последнее, что он успел увидеть, — Рейстлин поднял руку, как будто отражая удар...

Потом прозвучало какое-то ругательство. Тас услышал постепенно затихающий звук и сквозь веки ощутил исчезновение слепящего света.

Тас рискнул открыть глаза.

На Вратах снова висел занавес. Из-под него пробивался слабый рассеянный свет. Вся остальная лаборатория была погружена в темноту.

Рейстлин стоял перед занавесом, уставившись на него. Затем резко повернулся и исчез в темноте. Тас услышал удаляющиеся шаги.

Мрак, окутывающий лабораторию, не был обычной темнотой. Он был вовсе не такой, какой бывает темнота в спальне, когда, мягкая и уютная, она приглашает уснуть и навевает приятные сны. Здесь была темнота совсем другого рода: холодная, затхлая, шепчущая тьма, от которой хотелось поскорей убраться подальше.

— Рейстлин! Где ты? — позвал Тас.

Он вовсе не испугался, совсем нет, но просто подумал, что немного света здесь не помешало бы и было бы совсем не плохо воспользоваться посохом. Тас знал магическое слово, он был совершенно уверен, что знает его, и когда он уже совсем было

собрался произнести это слово, из темноты раздался голос Рейстлина. Голос был, как и мрак вокруг, — холодным и глухим:

— Я около выхода. Оставайся около Палина. Дашь мне знать, если он пошевелится или заговорит. И положи посох!

Тас переполз поближе к Палину. Он услышал шорох, а потом зажегся свет, мягкий и уютный. Подошел Рейстлин со свечой в металлическом подсвечнике, сделанном в форме птичьей лапы. Он поставил подсвечник на пол рядом с кендером.

— Кажется, ему лучше, — проговорил Тас, дотронувшись до лба Палина. — По крайней мере, теперь он теплее, чем был раньше. Но он все еще не пришел в себя.

— Проклятие все еще студит его кровь, но теперь его можно вылечить. — Рейстлин строго взглянул на Таса. — Я велел тебе положить посох!

— Но я ведь положил! — запротестовал Тас. К полному своему изумлению он обнаружил, что продолжает сжимать посох в руке. — Ого! Это неспроста! Я думаю, он меня полюбил. Может быть, мне удастся зажечь на нем огонек?.. Ну всего один разок... Что за слово ты говоришь для этого? Шилак? Шилей? Шилейлак?

Сморщившись от досады, Рейстлин взялся за посох и потянул к себе, пытаясь заставить кендера разжать пальцы.

— Рейстлин! Разреши мне, всего только один раз... Ну пожалуйста! Извини, что взял тогда твои магические очки. Если я их когда-нибудь найду, я сразу же тебе их отдам! Как странно! Кажется, мои пальцы окостенели...

Рейстлин высвободил посох, отнес его в дальний угол лаборатории и прислонил к стене. Казалось,

маг столь же неохотно расставался с ним, как и кендер мгновением ранее. Рейстлин не спешил отвести руку от дерева, а губы его двигались, сплетая магические слова.

Но ничего не произошло.

Рейстлин убрал руку и отвернулся. Он подошел к огромному каменному столу, зажег еще одну свечу и обернулся к Палину.

— Тас? — слабым голосом пробормотал Палин.

— Да! Я здесь! — Тас мгновенно забыл про посох и повернулся к нему. — Как ты себя чувствуешь?

— Плечо горит... И холодно... очень холодно... — отвечал Палин, лязгая зубами. — Что... Что случилось?

— Я, в общем, и сам не очень понял, — начал Тас. — Я поздоровался с Китиарой и собирался пожать ей руку, как вдруг вижу: она достает меч и собирается тебя заколоть, а тут еще Рейстлин ка-ак налетит на меня, ну я и отключился...

— Что? — Палин непонимающе уставился на Таса, но потом память вернулась к нему. Он приподнялся и попытался сесть. — Врата! Владычица Тьмы! Нам надо возвращаться...

— Мы вернулись, — успокоил его Тас, стараясь снова уложить его. — Мы сейчас в лаборатории. Рейстлин тоже здесь.

— Дядя? — Палин нашел взглядом Рейстлина. На золотистой коже лица мага, обрамленного длинными седыми волосами, играли блики от свечи. — Ты решил вернуться!

— Он прошел сквозь Врата, чтобы спасти тебя, — пояснил Тас.

— Спасибо, дядя! — бледное лицо Палина осветила улыбка. — Большое спасибо! — Он лег и закрыл глаза. — Что же со мной? Мне так холодно...

— Тебя ранили проклятым оружием Бездны, — объяснил Рейстлин. — По счастью, только ранили. Если бы клинок попал тебе в сердце, то сейчас ты бы уже служил Чемошу... Я думаю, у меня здесь есть кое-что, что тебе поможет.

Рейстлин отошел в глубь лаборатории и принялся рассматривать запыленные склянки, стоявшие в ряд на полке.

— Что это была за женщина? — внезапно спросил Палин. — Кто-то из любимых слуг Владычицы Тьмы?

— Можно сказать и так, хотя я не сомневаюсь, что действовала она не по приказу, а из каких-то своих собственных соображений. Это была моя сестра, — ответил Рейстлин. — Твоя покойная тетушка — Китиара.

— Вот уж действительно повстречались с кучей старых друзей, — заметил Тас. — И хотя, пожалуй, я не мог бы сейчас причислить Китиару к друзьям, но много лет назад мы дружили. Я помню, она еще тогда в пещере спасла меня от страшного медведя. Ну в самом деле, откуда я мог знать, что это пугало всю зиму спит, а просыпается жутко голодным и злым?.. А вот и она умерла, — Тас тяжело вздохнул. — Танис тоже теперь мертв, и вообще многие... умерли... По крайней мере, — добавил он, слегка оживляясь, — хоть один вернулся назад. Как я рад, что ты снова с нами, Рейстлин.

— Похоже на то... — согласился Рейстлин. Он закашлялся. Приступ был так силен, что маг сгорбился и, задыхаясь, схватился за грудь. Наконец ему полегчало и, вытерев губы рукавом и с трудом вбирая воздух, Рейстлин продолжил:

— Уверяю тебя, вернулся я почти произвольно.

— Он пытался уйти назад, — пояснил Тас. — Но драконьи головы так закричали... Это было просто поразительно! А Рейстлин задернул занавеску! Я думал, может, взглянуть на них, ну, посмотреть, что там головы делают...

— Не вздумай! — раздраженно прервал его Рейстлин. — Или ты снова окажешься в забвении, но на этот раз так скоро оттуда не выберешься!

Найдя нужную склянку, маг снял ее с полки и открыл крышку. Заглянув в нее и удовлетворенно кивнув, направился к Палину. Склонившись над ним, он положил на рану голубоватую мазь.

— Поначалу может немного жечь.

— Я так понимаю, богам пока не известно, что мы их подслушивали, — проговорил Палин сквозь стиснутые зубы. Затем он попытался приподняться и посмотреть на рану. Бледность постепенно покидала его лицо, он перестал дрожать. — Мне уже лучше. Мазь магическая?

— Да, — ответил Рейстлин, — правда, делал ее не я. Это подарок жрецов Паладайна.

— Я думаю, это подарок от госпожи Крисании, — встрял Тас и задумчиво покачал головой. — Она часто вспоминала тебя, Рейстлин.

Лицо Рейстлина не выразило никаких чувств. Постояв немного, он вновь отправился к полке и стал рассматривать теснящиеся там банки и бутылочки.

— Замолчи, Тас! — прошипел Палин, очередной раз шокированный бестактностью кендера.

— Но почему?! — громко прошептал в ответ Тас. Он был искренне удивлен. — Это же правда!

Палин невольно взглянул на дядю. Если маг и слышал их разговор, то, по крайней мере внешне, не обратил на него никакого внимания.

Тас уныло повесил голову. Он вновь почувствовал себя глубоко несчастным, вспомнив, что Танис умер. Никогда больше ему не услышать его смеха, не увидеть улыбки, не позаимствовать носовой платок... И к тому же сейчас ему было так скучно и одиноко!

Тас прекрасно понимал, что стоит ему дотронуться до чего-нибудь в лаборатории, пусть даже до вон той дохлой летучей мыши, как Рейстлин с Палином сразу зашикают на него. Ну а если они на него закричат, то он не останется в долгу и может наговорить такого, что им не понравится... И тогда тот или другой вполне могут превратить в летучую мышь самого Тассельхофа Непоседу, хотя, конечно, это звучит очень смешно и можно надеяться на то, что эта летучая мышь будет живая...

Тас вздохнул, подошел к двери лаборатории и попытался ее открыть.

— Пропади все пропадом! Мы здесь застряли!

— Нет, — холодно откликнулся Рейстлин. — Мы выйдем отсюда, но когда я буду готов, не раньше.

— Снаружи тихо. Я совершенно в этом уверен, — заметил Тас, пристально вглядываясь в дверь. — Когда мы уходили, Стил молотил по ней как сумасшедший, а уж грохоту было... Я думаю, он и Аша, да и Даламар наконец устали и пошли пообедать.

— Аша! — воскликнул Палин, вскакивая с кресла. Но ноги не держали его, и он тут же опустился обратно, скрипнув зубами и презирая собственную слабость. — Надеюсь, с ней все в порядке! Ты должен познакомиться с ней, дядя!

— Они знакомы, — заметил Тас. — В некотором роде... Все-таки она его дочь...

— Дочь! — фыркнул Рейстлин. Он перекладывал сушеные листья из большой сумки в маленький

кожаный кошелек. — Если она утверждала это, значит, она лгунья. У меня нет дочери.

— Нет, она не лгала. Обстоятельства ее появления... м-м-м... были весьма необычны, дядя, — вступился за Ашу Палин. Он опять встал с кресла и с трудом отошел в угол лаборатории, где стоял посох. Взявшись за него, он сразу почувствовал себя сильнее.

— У тебя вполне *может быть* дочь, хотя ты и не знаешь об этом. Волшебство Эрдов.

Рейстлин кашлянул, кивнул головой, а затем внимательно посмотрел на Палина:

— Эрдов? И как бы им это удалось?

— Я... Ну, в общем, рассказывают про тебя одну историю... Отец никогда не обращал на это внимания... Кто бы и что бы ни говорил, он всегда заявлял, что это *Ачушь*.

— Интересно было бы послушать эту сказку, — сказал Рейстлин, и усмешка зазмеилась на его тонких губах.

— Говорят разное, но большинство сходится на том, что произошло это, когда вы с отцом возвращались после твоего Испытания из Вайретской Башни Высшего Волшебства. Ты был болен. Погода испортилась, и вы остановились на отдых в гостинице. Туда же, чуть позже, попросилась на ночлег женщина. Она была так закутана в плащ, что лица ее не было видно. На нее напали какие-то грубияны, а вы с отцом ее спасли. Женщина пыталась скрыть лицо, но шаль упала, и все увидели, как она прекрасна... — Палин помолчал, потом вдруг продолжил с затаенной улыбкой. — Могу представить себе, что ты почувствовал, глядя на нее! Кто-кто, а я-то могу тебя понять! — Он снова замолчал, погрузившись в свои собственные воспоминания.

— А что было дальше? — спросил Рейстлин, прервав его мечты.

— Ну... м-м-м... — Палин запнулся. — Ну, короче говоря, ты и она... Ну, ты...

— Трахнулись, — подсказал Тас и, видя смущение Палина, бодро продолжил: — Вы трахнулись, а Эрды с помощью магии (ты же знаешь, они в ней сильны) сделали так, что ты ничего не запомнил. У женщины родился ребенок с золотыми глазами. Эрды почти сразу же забрали девочку к себе.

— Я был близок с прекрасной женщиной много лет назад и впервые в жизни об этом слышу. Вот ведь незадача какая, — усмехнулся Рейстлин.

— Да, получилось не очень-то хорошо, ей, конечно, надо было бы тебе все рассказать... Она тебе понравится, дядя, — начал Палин и с воодушевлением продолжил. — Она очаровательна, добра и очень, очень красива.

— Из чего следует, что она не мой ребенок, — ехидно заметил Рейстлин, — ибо дети, как правило, наследуют хоть что-нибудь от своих родителей. Если же она и впрямь такова, как ты описываешь ее... — Маг закрыл кошелек, затянул его ремешком и аккуратно прицепил к своему ремню. — Нам пора. Дел предстоит много, а времени у нас очень мало. Боюсь, прошло уже много дней.

— Днэй? Нет, дядя, не может быть. Когда мы уходили отсюда, было утро. Сейчас, наверно, уже темнеет. — Палин замолк и огляделся вокруг. — Разве ты не берешь Книгу Заклинаний или какие-нибудь другие книги? Я уже значительно лучше себя чувствую и мог бы помочь тебе их нести...

— Нет, — холодно ответил Рейстлин, даже не взглянув в сторону книжных полок.

Палин опешил, а затем спросил:

— Но ты не будешь против, если я их возьму? Я надеялся, что ты, быть может, научишь меня хотя бы некоторым заклинаниям.

— Заклинаниям Великого Фистандантилуса? — уточнил, улыбаясь, Рейстлин. Казалось, его искренне позабавили слова Палина. — Твои одежды должны стать гораздо темнее, прежде чем ты сможешь их хотя бы просто прочесть, племянник.

— Может быть, и нет, дядя, — спокойно возразил Палин. — Я знаю, никогда еще под Тремя Лунами Черный маг не брал в ученики Белого, но откуда известно, что это невозможно? Отец рассказывал мне, как ты однажды изменил смертоносное заклинание на исцеляющее. Это было, когда дядя Тас укололся отравленной иглой в Неракском Храме. Я знаю, мне будет очень сложно и тяжело, но я готов на все, готов все отдать, чтобы обрести Силу!

— Готов ли? — Рейстлин внимательно посмотрел на Палина и повторил: — Действительно готов? — Он приподнял брови и задумчиво продолжил. — Что ж, посмотрим, племянник, посмотрим. А теперь нам пора идти. Я уже говорил, времени у нас мало. Сейчас действительно вечер, но совсем не того дня, когда вы отправились в Бездну. Пока вы были там, в Ансалоне прошел месяц.

— Не может быть! Прошло... всего несколько часов!.. — выдохнул Палин.

— Для тебя — да, но время в этом мире течет значительно быстрее, чем в мире богов. Месяц назад Ариакан с триумфом вступил в Башню Верховного Жреца. После ее падения ничто уже не могло его остановить. Рыцари Такхизис сейчас правят Палантасом.

— Что, если призрак все еще тут? — прервал их Тас, который пытался посмотреть наружу через за-мочную скважину.

— Стражи нет. Даламар, правда, еще здесь, но это не надолго. Скоро башня опустеет, совсем как после Катаклизма.

— Даламар уйдет! Просто не верится... — Палин был ошеломлен. — Дядя, но если у власти Черные Рыцари, куда же *мы* пойдем? Если так, то на всем Ансалоне не осталось для нас безопасных мест!

Рейстлин не ответил, но в его молчании чувствовалась мрачная решимость.

— Я давно собирался... — произнес он наконец неожиданно мягко. — Мы пойдем домой, племянник. Я хочу побывать дома.

1. Меняющийся мир. Гостиница. Неожиданный посетитель

падением Палантаса весь северный Ансалон оказался под властью Рыцарей Такхизис. Великий древний город остался цел, потому что не было надобности разрушать его. Прибрав к рукам богатства города и его порт, Ариакан не стал тратить время на захват близлежащих земель. Вместо этого он занялся подготовкой армии к грядущим тяжелым боям.

Слухи стали чуть ли не сильнейшим его оружием. Они летели быстрее рыцарей на синих драконах. Повсюду шептали об отряде властителя Сота, состоящем из одних скелетов, которые убивали все живое и выпивали кровь своих жертв. Многие этому верили. Магический ужас, навеваемый драконами, а также рассказы о кровожадных дикарях, нанизывающих младенцев на пики и поджаривающих их на кострах, окончательно запугали людей. Когда отряды армии Ариакана подходили к крупнейшим городам страны, их жители уже не находили в себе мужества сопротивляться и в панике открывали ворота, сдаваясь на милость Рыцарей Тьмы.

Через месяц Ариакан уже контролировал Нордамар на севере и Соламнио с Абанасией на западе; его власть простиралась на восток до Халькисто-

вых гор и на юг до Пыльных Равнин. Северный Эргот еще держался, его темнокожие обитатели отважно сражались и не собирались сдаваться. Ариакан не посягал еще на эльфийские земли Сильванести и Квалинести. Он знал, что это дорого ему обойдется, и поэтому ожидал, пока плод сам не упадет к нему в руки, подгоченный и сгнивший изнутри.

Пыльные Равнины Ариакана не особенно интересовали, ценность их была ничтожна. Когда остальной континент окажется в его руках, тогда он и займется рассеянными племенами жителей равнин. И легко разберется и с ними, и с их предводителями, супругами, которые носили истинно варварские имена — Золотая Луна и Речной Ветер.

Что же касается гномов горы Небеспокойсь, то их, к сожалению, пришлось предоставить самим себе. При первых же слухах о готовящемся вторжении Черных Рыцарей они немедленно запустили все свои наиболее мощные оборонительные машины. Никто точно не знает, что случилось, но вскоре Северный и Южный Эргот потряс страшный взрыв. Огромное черное облако окутало гору. Когда по прошествии недели облако рассеялось, оказалось, что верхушка горы исчезла. Жертвы и разрушения оказались весьма значительны, но клацающие звуки и удары молотов по-прежнему отчетливо доносились из-под горы. Понятия катастрофы для гномов не существовало — они признавали только случайности.

Кендермор был захвачен после ожесточенного сопротивления, организованного хитрой предводительницей Паксиной, дочерью героя Войны Копья Кронины Чертополоха. Задолго до нападения Паксина Чертополох узнала, что Ариакан считает кендеров «бесполезными надоедами» и собирается всех перебить. Паксина рассказала об этом, надеясь

задеть самолюбие кендеров и вдохновить их на бой, но они в ответ только пожимали плечами, зевали и удивлялись:

— Что, собственно, в этом нового?

Чтобы разозлить кендеров, нужны были другие доводы. Тогда она распустила слух, что Рыцари Такхизис идут в Кендермор грабить и украдут все ценности, которыми владеют кендеры.

Это подействовало!

Возмущившись, кендеры сражались с такой яростью, что хотя и были разбиты, но заслужили восхищенное внимание самого Ариаkana. Он решил, что кендеры тоже могут пригодиться, если удастся определить их на службу Владычице Тьмы. Поэтому Кендермор сохранили, к большому неудовольствию рыцарей, вынужденных служить там.

За считанные недели Ариакан стал хозяином значительно большей территории, чем та, которую удалось захватить всем Повелителям Драконов во время Войны Копья. Причем потери с обеих сторон нельзя было не признать минимальными.

Жизнь на покоренных землях менялась, но не так радикально, как многие предполагали. Те, кто, вспоминая Войну Копья, опасались поголовного истребления или обращения в рабство, с изумлением обнаружили, что рыцари правят завоеванными областями хотя и сурово, но справедливо. Были установлены точные законы, которые холодно и безжалостно, а иногда и просто жестоко проводились в жизнь. Школы, за исключением тех, где изучали заветы Владычицы Тьмы, закрыли. Любой маг, пойманный за пределами Вайретской Башни, подвергался серьезной опасности. Нарушителей законов казнили, не принимая во внимание никаких оправданий. Буйный город Устричный, известный грубо-

стью и задиристостью жителей, стал к концу месяца подавленным, тихим и мирным.

Одним казалось, что наконец установившийся мир — это хорошо. Кругом царило спокойствие, и жизнь простых честных людей стала безопаснее. Другие же полагали, что цена этого мира — принесенного им вместо свободы — слишком высока.

Тика Вейлан Маджере заперла дверь за последним посетителем и, задвинув тяжелый деревянный засов, тяжело вздохнула. Дел было еще много, и она позволила себе немного передохнуть. Предстояло еще вымыть и высушить кружки, очистить и отнести на кухню тарелки, вымыть столы. Тика стояла перед дверью гостиницы с поникшей головой, теребя в пальцах передник. Она молчала так долго, что Карамон бросил протирать стойку бара и подошел к жене.

Он попытался ее обнять, Тика уклонилась и взяла его руки в свои.

— Что случилось? — мягко спросил он.

— Ничего. — Тика покачала головой и снова вздохнула. — Просто ужас какой-то. — Она вытерла глаза и продолжала. — Ой, Карамон, ты же знаешь, я никогда раньше не радовалась, когда надо было закрывать на ночь, мне становилось грустно, когда уходил последний посетитель. А теперь! Мне грустно, когда я открываю гостиницу поутру. Как все изменилось!

Она спрятала лицо на груди мужа и разрыдалась. Карамон молчал и нежно гладил ее по рыжим волосам.

— Ты просто устала, дорогая. Забегалась. Пойдем сядем, оставим все до утра... Ничего с этими

грязными тарелками не случится. Сядь здесь, посиди, я принесу тебе стакан холодной воды.

Тика села. Ей вовсе не хотелось воды, которая к тому же могла быть в лучшем случае только прохладной. При такой жаре ничто не могло остаться холодным, даже эль. Посетителям приходилось привывать к теплему пиву. Но Карамону нравилось заботиться о жене, и поэтому Тика послушно села и позволила ему суетиться: принести воды и ее любимого печенья, прогнать овражного гнома Рафа, рвавшегося «чистить» тарелки, как обычно поедая оставшуюся на них еду.

Вот уж действительно: когда рядом овражный гном, мусорный бачок ни к чему.

Тика слышала разочарованный скулеж Рафа на кухне. Карамон с мрачной гримасой отрезал больший кусок хлеба, бросил ему и вновь плотно прикрыл дверь. Скулеж затих.

Тика надкусила печенье. Она совсем не хотела есть, но знала, что Карамон не успокоится, пока она не поест хоть чуть-чуть. И действительно, он широко улыбнулся, сел напротив и погладил ее по руке.

— Я так и знал, что печенье тебе понравится!

— Да, дорогой, оно очень вкусное, — соврала Тика. У печенья был вкус пыли. Последние дни ей казалось, что все имеет вкус пыли. Карамон, глядя, как она ест, просветлел, и радость, отразившаяся на его лице, каким-то образом повлияла на вкус печенья. Тика с удивлением обнаружила, что ест уже третью штуку подряд.

— Ах, Карамон, — вздохнула она. — Что же мы будем делать?

— С чем делать?

— Со всем... Ну, со всем... этим. — Тика неопределенно махнула рукой.

— Ты насчет Черных Рыцарей? Ну что мы можем с ними сделать, дорогая? — начал Карамон. — Надо отдать им должное, при них дела пошли лучше. — Он на минуту замолчал, а потом продолжил, тихо и неуверенно. — Некоторые даже говорят, что их правление — не такая уж плохая вещь.

— Карамон Маджере! — вспыхнула Тика. — Да как ты *можешь*?!

— Я так не считаю, — уточнил Карамон. — Я сказал только, что некоторые так говорят. И у них есть основания для подобных утверждений. Дороги стали безопасны. Когда чертова жара спадет — а это, я уверен, вопрос нескольких дней, — люди снова начнут путешествовать. Рыцари благородны, это тебе не дракониды, захватившие город во время прошлой войны. Ариакан не посылает драконов сжигать все дотла. Его воины не грабят. Когда они что-либо берут, то платят за это. Они даже не напиваются и не буянят. Они...

— И не люди вовсе, — с горечью закончила Тика. — Они вроде жутких гномьих машин, которые решили, что они люди, и выглядят соответственно, а внутри как были машинами, так ими и остались! У этих твоих рыцарей нет ни души, ни сердца. Да, они вежливы со мной, но я прекрасно знаю, что, если им прикажут во славу Владычицы Тьмы содрать с меня живьем кожу, они сделают это без колебания.

— Ну да, это, конечно, так, — допустил Карамон.

— А как насчет... — Тика не на шутку разозлилась. — Как насчет людей, которые просто исчезли? Вроде Тодда Возчика.

— Тодд уже давно нарывался. Он всегда был скандалистом и грубияном, — помрачнев, заметил Карамон. — Я не раз вышвыривал его отсюда за

хулиганство, да и выволакивать его, когда он напивался до бесчувствия, тоже приходилось. Ты же сама велела ему здесь больше не появляться.

— Это так, — согласилась Тика. — Но воины Владычицы Тьмы увели Тодда вовсе не потому, что он пропойца, а потому, что он не вписывался в их великий план. Потому, что он человек беспокойный и мятежный.

— Согласись, однако, что без него *стало* значительно спокойнее, — возразил Карамон. — Они поддерживают законность и порядок...

— Спокойствие! — возмутилась Тика. — Законность и порядок! Да, конечно, все это мы получили! У нас столько законов, что от них овражный гном и тот задохнется. А уж порядок! Некоторые люди просто боятся перемен, боятся всего отличающегося от привычного хода вещей. Они идут безопасным, хорошо наезженным путем, потому что им страшно с него сойти. Этот твой Ариакаан выкопал на дороге уютную колею и хочет, чтобы все шли только по ней, а те, кто не соглашается, кто решает пойти по другой стороне или просто покинуть дорогу, — исчезают в ночи. Ты будешь жив и здоров в объятиях Тьмы, Карамон, но не думаю, что ты многого достигнешь.

Карамон кивнул. На протяжении всей Тикиной тирады он молча резал хлеб, клал на него сыр и пододвигал к жене. Закончив с печеньем, она принялась за хлеб с сыром.

— Они прекратили эльфийские войны, — заметил Карамон.

Тика вгрызлась в большой ломоть хлеба и принялась яростно его пережевывать, как будто перемалывала крепкими зубами ненавистных рыцарей.

— Да, и они же превратили сына нашего Таниса в безмозглую куклу! — проговорила она.

— Если верить Портису, — холодно сказал Карамон. — Это он утверждал, что Гилтас собирался продать рыцарям, чтобы спасти свою шкуру. Я встречал молодого Ги́ла, и я о нем лучшего мнения! Он сын Тани́са и Лора́ны, а это что-нибудь да значит! Черные рыцари убили его отца. Я не знаю, в какую игру он играет, но совершенно уверен, что не в ту, что предполагают рыцари! Квалинести, кстати, до сих пор держится!

Тика покачала головой, но не возразила. Разговоры о Танисе до сих пор ее расстраивали. Та ночь, когда Лорана принесла печальную весть о его смерти, глубоко отпечаталась в ее памяти. Тогда они втроем сидели в темноте, опасаясь зажигать свет, и сквозь слезы говорили о прошлом.

— Кроме того, — продолжал Карамон, нарезая еще сыра для жены, — тяжелое время сближает людей — как мы видели во время Войны Копья.

— Всего несколько исключений, — пробормотала Тика. — Большинство же с радостью подняло белый флаг, а на то, что Владычица Тьмы сделает с соседом, им наплевать.

— Ну, я лучше думаю о людях, — улыбнулся Карамон. — А как насчет сладкого пирога напоследок?

Тика посмотрела на стол, увидела крошки хлеба, сыра и печенья и рассмеялась. Смех сменился слезами, но это были слезы любви, а не горя. Она погладила большую руку мужа и, в свою очередь, улыбнулась.

— Теперь мне понятен твой план. Нет, я совсем не хочу пирога после всего этого. Вполне достаточно, спасибо.

— Пока, наверно, и вправду хватит. За десять минут ты съела больше, чем за прошедшие десять

дней. Тебе нужно поддерживать силы, любимая! — Карамон сжал руки Тики в своих. — Я не хочу тебя потерять! — добавил он сдавленным голосом.

Тика наклонилась к нему, ощущая, как и всегда, что он — ее лучшее утешение и величайшая радость.

— Ты не потеряешь меня, дорогой. Я буду больше думать о себе. Я обещаю... Просто я... Я все думаю о Палине... — Она вздохнула и взглянула на темноту за окном. — Если бы хотя бы его могила была здесь... Вместе с двумя другими мальчиками... Я бы по крайней мере знала...

— Его могилы здесь нет, потому что он жив! — прервал ее Карамон.

— Карамон, — печально возразила Тика. — Ты же слышал рассказ Даламара... Палин вместе с Тасом вошли в лабораторию, а обратно не вышли. Уже больше месяца от них ни слуху ни духу...

— Он *жив*! — повторил Карамон. — Я приготовлю нам по чашке тарбеанского чая, — добавил он и, поднявшись, направился в кухню.

Тика знала, что теперь Карамону надо побыть одному, чтобы справиться с собой. Она вздохнула и огляделась вокруг, затем еще раз вздохнула и поднялась со скамьи. Войны, Черные Рыцари и злые драконы приходят и уходят, а грязную посуду все равно надо мыть.

Она начала собирать тарелки в стопки и внезапно услышала какой-то неясный звук. Тика остановилась и, затаив дыхание, прислушалась.

Ничего.

Она попыталась припомнить, на что же был похож этот звук. Это было непросто, потому что из-за звяканья тарелок она слышала его неотчетливо. Больше всего он походил на звук тихих, крадущихся шагов.

Подождав некоторое время, Тика решила, что ей показалось, а возможно, это просто прошла кошка. Она вернулась к прерванному занятию, и когда, собрав большую стопку тарелок, направилась в кухню, услышала скребущий звук металла по дереву.

Повернувшись, она успела заметить, как засов сам собой приподнялся, а дверь начала открываться...

Она бросила тарелки, разлетевшиеся по полу со страшным звоном, и бросилась к тяжелой чугунной сковороде. Схватив ее за длинную ручку, Тика встала за дверью. Пусть только Черные Рыцари попробуют покуситься на нее, мужа или малюток-дочерей, она разобьет голову любому, кто только сунется...

— В чем дело... — Карамон выскочил из кухни.

— Тсс! — Тика поднесла палец к губам и подняла сковородку.

Неизвестный открыл дверь и вошел внутрь. Тика видела его неотчетливо, на нем был серый плащ, голова не покрыта. Она хорошо видела только затылок. Тика прицелилась...

Внезапно Карамон с громким криком бросился вперед, сметая на своем пути столы и ломая стулья.

— Палин!.. — прошептала Тика. Не в силах сдвинуться с места, она откинулась назад и, опершись о стену, сквозь слезы смотрела на то, как Карамон обнимает сына.

— А где мама? — удивился Палин, оглядываясь кругом.

— Прячется за дверью, — ответил Карамон сквозь слезы. — Собирается прибить тебя сковородкой.

Тика покраснела, отшвырнула в сторону свое не пригодившееся оружие и кинулась к сыну.

— Палин, дорогой Палин! — плакала и смеялась она. — Все эти дни я молилась, чтобы ты вернулся невредимый, а когда ты наконец пришел,

я сама тебя чуть не убила. Я решила, что это... Один из них.

— Все в порядке, мама, — успокаивал ее Палин, обнимая. — Я все понимаю. Я знаю, что происходит кругом. Мы говорили с Даламаром...

— Мы? — Тика удивленно посмотрела на него.

Палин отступил на шаг и посмотрел на родителей.

— Мать, отец, я не один. Со мной человек, которого вы очень, очень давно не видели. Он просит меня узнать... Он не уверен... Ну, что вы будете рады...

С диким, исполненным боли криком Карамон бросился к двери и распахнул ее.

На крыльце стоял человек в одеждах чернее ночи. Когда он увидел Карамона, то откинул с головы капюшон, и свет, падающий из двери гостиницы, заиграл на золотистой с металлическим отливом коже, отразился в золотых глазах со зрачками в форме песочных часов.

— Рейст! — воскликнул Карамон и покачнулся.

Рейстлин пристально поглядел на брата, но не тронулся с места.

— Карамон, — наконец начал он тихо, с трудом выговаривая слова. — Карамон, если можешь... Если можешь... — Он закашлялся, но попытался закончить. — Прости...

Карамон обнял брата за плечи и ввел его в дом.

— Твоя комната готова, Рейст. Она всегда ждала тебя.

2. Сожаления. Указания. Выбор

однимающееся солнце блестело за цветным стеклом гостиничного окна. Близнецы сидели за столом. Тика давно уже отправилась спать, как и Палин, все еще не оправившийся от раны. Карамон с Рейстлином были одни. Они бодрствовали всю ночь за разговором о далеком прошлом, былых ошибках и нынешних сожалениях.

— Если бы ты знал, как все повернется, поступил бы ты иначе, Рейст? — спросил Карамон.

— Нет, — ответил Рейстлин с долей своей прежней раздражительности. — Тогда выбирал не я.

Карамон не совсем понял, о чем идет речь, он привык недопонимать брата, и это его не беспокоило. Он принялся рассказывать о семье.

Рейстлин сидел, сгорбившись, в углу, баюкая в руках чашку с отваром, успокаивающим кашель, и слушая нехитрые рассказы Карамона. Перед его мысленным взором, словно наяву, вставала жизнь Палина и его братьев. Он уже знал о них больше, чем сам Карамон. Все те долгие годы, которые он провел в ином далеком мире, в мирной дреме, подозрительно напоминающей смерть, — все это время он мечтал о чем-то подобном.

И только перед самым рассветом, в самые темные часы ночи, заговорили они о настоящем... И о будущем.

И вот сейчас Карамон сидел, взволнованный и обеспокоенный, и молча смотрел, как восходит солнце, играя лучами на хрупких золотых листьях валлинов.

— Конец всего, ты говоришь, — пробормотал Карамон. — *Всего*, — повторил он, поворачиваясь к брату. — Я знаю, что я умру, все вокруг, даже эльфы, когда-нибудь умрут. Но... Я всегда знал, что все это... — Карамон широким жестом охватил окно, деревья, траву, землю и безоблачное небо. — Останется, когда меня уже не будет. А ты говоришь: ничего... *Ничего* не останется?

— Когда Хаос придет разрушить эту «игрушку богов», земля разверзнется и пламя хлынет из разломов. Ветер с силой тысячи штормов обрушится на землю, разрушая дома и раздувая пламя. Огненные драконы с дьявольскими всадниками пронесутся над землей, и огонь пожрет все вокруг. Озера испарятся, океаны закипят. Даже воздух будет настолько раскален, что люди будут умирать, просто вдохнув его. Никто и ничто не уцелеет.

Рейстлин говорил холодным, невыразительным голосом, но от этого его слова становились еще более пугающими и убедительными. На Карамона повеяло холодным, находящимся за пределами слов ужасом.

— Ты рассказываешь так, как будто ты сам это видел, — тихо сказал он.

— Я видел, — Рейстлин перевел взгляд на пар, поднимающийся от чашки с отваром. Затем он снова посмотрел на брата. — Ты забываешь о том, ЧТО я вижу этими глазами. Я наблюдаю время,

время, текущее сквозь нас, и я видел, как оно остановилось.

— Но так же *не должно* быть, — возразил Карамон. — Я слишком хорошо знаю, что мы сами творим будущее.

— Верно, — согласился Рейстлин. — Возможны варианты.

— Какие? — настаивал Карамон, и надежда вспыхнула в его глазах.

Рейстлин молчал, уставившись на остывающий отвар.

— Я поведал тебе худшее из того, что может случиться, брат. — Он задумался и, помолчав, добавил. — А может быть, это как раз — лучшее.

— Что? — Карамон был ошарашен. — Лучшее? Люди, сгорающие заживо! Кипящие океаны! Это ты называешь лучшим?!

— Это с какой стороны посмотреть, братец. — Рейстлин отодвинул чашку. — Не могу больше его пить. Совсем остыл, — покашливая, он поплотнее закутался в одежды, несмотря на то что на улице уже становилось жарко.

— Не можем же мы просто сидеть и ждать! — возмутился Карамон. Он поднялся и направился в кухню. Вернувшись с чайником кипящей воды, он продолжал: — Мы будем драться. Если надо будет, то бок о бок с богами.

— О да, конечно, — согласился Рейстлин. — Мы будем сражаться, и многие из нас падут в битве. Может даже случиться, что мы победим. И это, возможно, станет величайшим из поражений.

— Не понимаю, Рейст... — начал Карамон.

— Не понимаю, Рейст, — передразнил Рейстлин.

Карамон густо покраснел и опустил голову. Рейстлин вздохнул.

— На этот раз я и сам не понимаю... Нет, воды мне больше не надо. У нас нет времени. Перед нами еще длинный путь.

— Нами? Ты.. Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? — запинаясь, спросил Карамон.

— Конечно, — резко ответил Рейстлин. — Я нуждаюсь в твоей поддержке. К тому же ты единственный человек, который знает, как правильно приготовить вот это. — Он положил тонкую руку на чашку.

— Без сомнения, Рейст. Я пойду с тобой куда угодно. Куда мы направимся?

— К Вайретской Башне. Даламар нас там встретит. Он собирает Конклав магов.

— Тогда мы возьмем Палина с собой...

— Нет, Палину в другую сторону. Он должен отправиться в Палантас.

— Один? — Карамон нахмурился. — Дорога туда опасна для него...

— Он отправится не по дороге, — раздраженно прервал его Рейстлин.

— А-а, ты отправишь его туда с помощью магии.

— *Не я,* — коротко бросил Рейстлин и продолжал. — Кстати, о Палине. Мне надо поговорить с ним, — и, видя, что Карамон продолжает стоять посреди комнаты с чайником в руках, добавил: — Поторапливайся, братец, каждая прошедшая минута приближает нас к катастрофе. Мы должны быть готовы к выходу в течение часа.

— Конечно, Рейстлин, — согласился Карамон и направился на кухню. В дверях он задержался и оглянулся на брата. Рейстлин, опираясь на стол, медленно поднялся на ноги. Раньше он опирался на посох. Он взял сумку с травяным сбором от кашля и привесил ее на пояс, обвивавший его тощую та-

лию. Других сумок у Рейстлина не было. Ни для книг, ни для свитков... Карамон запоздало удивился тому, что не чувствует запаха розовых лепестков... Внезапно он все понял...

— Они лишили тебя магической силы, так, Рейст? — тихо спросил он.

После долгого молчания Рейстлин невпопад сказал:

— Я заметил, что ты не пьешь ничего, крепче воды.

— Да, — недоуменно согласился Карамон. — Но что...

— Почему, почему только воду? — продолжал Рейстлин, как будто не услышав ответа.

— Ты же знаешь, Рейст. Я упрям, как гном. Раз начав, я уже не могу остановиться... — Карамон замолчал и в задумчивости поднял брови. — Ты хочешь сказать, что и с тобой так же? Ты?..

— Вероятно, я не устоял бы перед искушением, — спокойно ответил Рейстлин.

— Но... В том, что грядет, как же мы без твоей магии?..

— У нас есть Палин, — заметил Рейстлин.

Карамон побледнел и с мукой в голосе проговорил:

— Как же это может быть? Он еще так молод и неопытен...

— Я был не старше, брат, — мягко возразил Рейстлин. — И не опытнее.

— Да, — согласился Карамон, сглотнув слезы. — Но ты... Но ты...

— Смог вам помочь? — усмехнулся Рейстлин. — Да, я помог вам тогда. Со мной был Фистандан-тилу́с. Но Палин тоже не будет одинок. Палин тоже... — Он закашлялся и упал в кресло. — И не

волнуйся, братец, у Палина будет возможность вы-
браться. Такая же, как была в свое время у меня.

Подобная перспектива вовсе не обрадовала Карамона. Он ушел в кухню, оставив брата-близнеца сидящим за столом и наблюдающим, как разгорается новый день, горячий, как пламя зимнего очага.

Проснувшись и спустившись вниз, Палин обнаружил суматоху в доме. Мать стояла за стойкой и нарезала толстые ломти теплого пирога с ягодами, который она пекла всегда, когда кто-либо из семьи отправлялся в путь. «Походный пирог» — так называли его ее сыновья и всегда ели его на ходу. Походный пирог был сытным и плотным. Старший сын Тики, Стурм, пошутил однажды, что если на пирог наступить, то это не принесет ему никакого вреда и не отразится на его качестве.

Запах пирога вызвал в памяти воспоминания болезненные и живые. Палин был вынужден остановиться на ступенях и, крепко сжав посох, переждать, пока снова сможет видеть сквозь слезы, застлавшие глаза, и успокоится сердцебиение в груди. Он спустился как раз в тот момент, когда появился Карамон, притащивший к двери большой заплечный мешок.

— Отец! — удивленно воскликнул Палин. — Ты тоже пойдешь с нами в Вайрет?

— Он пойдет со мной, Палин, — повернулся к нему Рейстлин. — Рад, что ты проснулся, я как раз собирался тебя будить.

— Ты ведь собирался взять с собой меня, — возразил Палин. — Я уже хорошо себя чувствую! Плечо еще немного побаливает, но я положил сегодня побольше той мази, и рана уже затягивается...

— Какая рана? — резко спросила Тика, отрываясь от работы.

— Небольшая царапина, полученная в путешествии. Ничего серьезного, — заметил Рейстлин.

— Сейчас посмотрим, — сказал Карамон и, уложив пирог в заплечный мешок, повернулся к Палину. — А ты, юноша, сядь, чтобы я мог посмотреть, что там у тебя. Не зря меня вчера удивило, что ты не снял плащ.

— Мама! — воскликнул Палин и, почувствовав, что краснеет, умоляюще посмотрел на дядю. — Со мной все в порядке, мама. Не надо суетиться вокруг меня...

— Тика, — прервал его Карамон. — У нас действительно мало времени...

Тика уперла руки в бока и заявила:

— На нас что, Карамон, драконы нападут в ближайшие пять минут?

— Нет, конечно, — начал тот. — Но...

— Значит, время есть! — заключила Тика и пошла к креслу. — Садись, молодой человек, я посмотрю твое плечо. Куда ты дел испачканную кровью одежду? Положил под кровать, как ты поступал в детстве?

Палин повернулся к отцу, безмолвно прося о помощи, но Карамон был уже разбит наголову и ретировался с поля боя. Дядя с подобием улыбки на лице сел напротив.

— Я пока дам тебе указания, племянник, — проговорил Рейстлин. — Кроме того, иногда совсем не так уж неприятно, когда суетятся вокруг тебя.

Карамон удивленно уставился на брата, а затем улыбнулся горькой улыбкой, кивнул и вернулся к укладыванию мешка.

Палин обнажил плечо и предоставил его нежным материнским пальцам.

Тщательно осмотрев и ощупав рану, Тика удовлетворенно кивнула и постановила:

— Рана заживает, но ее необходимо промыть. К ней пристали кусочки ткани. Я сейчас вернусь.

— А пока, племянник, — сказал Рейстлин, — слушай меня внимательно. Мы с твоим отцом отправимся в Вайрет. Я хочу, чтобы ты вернулся в Палантас...

Палин открыл уже рот, чтобы возразить.

— Ты говорил о девушке, — продолжал Рейстлин. — Той самой, что назвалась моей дочерью. Я хочу, чтобы ты ее нашел.

— Да, дядя! — Палин сразу забыл о возражениях и так быстро и с таким пылом согласился, что Карамон поднял голову и долго и внимательно на него посмотрел. — Ты поверил в ее историю?

— Нет, — холодно ответил Рейстлин. — Меня занимает ее связь с Эрдами.

— Я с удовольствием отыщу ее для тебя, дядя, — сказал Палин и, не обращая внимания на появившуюся на лице отца гримасу и протяжный вздох, продолжил: — Ты уверен, что она все еще в Палантасе?

— Если верить Даламару, она там. Он попросил одну чародейку в Палантасе не терять ее из виду. Она знает, где ее найти.

— Я вижу, вы с Даламаром уже все обсудили, но почему не позвали меня?

— Ты отдыхал, — ответил Рейстлин. — И мы не стали тебя беспокоить. Вот. — Он нащупал что-то в кармане своих черных одежд и, достав простенькое на вид кольцо, протянул его Палину. — Возьми. Я договорился с Даламаром о твоём возвращении в Палантас.

— Он доставит меня, — со вздохом пробормотал Палин. Юноша взял кольцо и, внимательно посмотрев на него, убрал в кошелек. — Потому что я сам на такое не способен. Но ты, дядя, *ты* ведь можешь сотворить заклинание *перемещения в пространстве и времени*. Хотел бы я услышать это заклинание, хотя сам я, конечно, вряд ли смогу его воспроизвести... Что, отец? В чем дело? — Палин обратил наконец внимание на отца, который хмуро смотрел на него, покачивая головой.

— Твой дядя не очень хорошо себя сегодня чувствует, — строго сказал Карамон. — Делай что тебе велено и не надоедай ему.

— Я не имел в виду... — Палин заметил, что Рейстлин необычайно бледен. — Конечно... Ты плохо себя чувствуешь...

— Со мной все в порядке, — оборвал его Рейстлин. — По крайней мере настолько, насколько это вообще для меня возможно. Ты заслуживаешь того, чтобы знать правду. Я более не владею магией. Меня лишили этой способности. Таково было условие моего возвращения в этот мир. Я вынужден был его принять.

— Но ты же не хотел возвращаться! Ты вернулся из-за меня. Дядя, я...

— Не вздумай меня жалеть, — резко бросил Рейстлин, и его золотые глаза сверкнули ярче утреннего солнца. Казалось, их сияние обжигало.

Палин запнулся и умолк.

— Будем рассматривать это как комплимент, — продолжил Рейстлин уже спокойнее. — Это значит, что она боится меня по-прежнему. Но довольно разговоров. Карамон, мы давно уже должны быть в пути. Пойди попрощайся с Тикой и передай ей

мою благодарность за гостеприимство, а я пока скажу пару слов Палину.

— Конечно, Рейст, — отозвался тот, но не двинулся с места, а продолжал смотреть на сына.

— Иди, Карамон, — повторил Рейстлин. Он хотел продолжить, но закашлялся и только просипел с натугой. — Да иди же ты! Не выводите меня из себя.

Карамон, еще колеблясь, перевел взгляд с сына на брата, а затем медленно направился к кухне.

Когда они остались одни, Рейстлин знаком велел Палину приблизиться и прерывающимся от кашля шепотом начал:

— Когда найдешь эту девушку, не помню, как ее зовут...

— Аша, — тихо подсказал Палин.

— Не перебивай меня! Я и так говорю с трудом. Повторяю, когда ты ее найдешь, возьмешь ее с собой, и вы направитесь в Великую Палантасскую Библиотеку. В полночь дня Праздника Середины Лета я вас там встречу.

— Я понял, — покорно ответил Палин. — В полночь дня Праздника Середины Лета. Мы там будем.

Кашель отпустил мага, и, отдышавшись, Рейстлин продолжил:

— Ну а теперь тебе тоже пора прощаться с матерью и двигаться в путь. Пользоваться кольцом очень просто: надень его на палец и представь себе Палантас — и кольцо доставит тебя туда.

— Да, дядя, все очень просто, — печально согласился Палин. — Ни с чем более сложным я все равно бы не справился.

Рейстлин немного помедлил, а затем понимающе положил руку на плечо Палина. Его рука была неестественно горячей. Прикосновение просто обжигало. Палин с трудом удержался от того, чтобы

высвободиться. Он старался не подать виду, что тонкие пальцы мага причиняют ему боль. Рейстлин наклонился к его лицу и прошептал, обжигая дыханием щеку Палина:

— Тебе будет сделано предложение, как когда-то мне... Тебе предложат выбрать.

— Когда? — Палин стиснул руку дяди. — Скоро? Как я узнаю об этом?

— Большого я тебе сказать не могу. — Рейстлин выпрямился и отодвинулся. — Я и так сказал больше, чем собирался. Сделай мудрый выбор.

— Я сделаю! — заявил Палин, вставая. — Я уже думал об этом. Я знаю, что выбрать!

— Тем лучше, племянник, — холодно улыбнулся Рейстлин.

Палин натянул рубашку, морщась от боли в раненом плече.

— Ну а теперь отправляйся к матери. Да, и поторопи отца. В отличие от нас, время не стоит на месте.

3. Братья. Снова вместе

авным-давно, во времена правления Истарского Короля-Жреца, миром правили силы добра. По крайней мере, сами они называли себя именно так. Некоторые сомневались, что предубеждения и нетерпимость, казни и преследования являются добродетелями в глазах Паладайна, но Король-Жрец успешно истреблял подобные сомнения вместе с сомневающимися. Их имущество пополняло казну жрецов. Так продолжалось до тех пор, пока все это не переполнило чашу людского терпения. Тогда даже сам король-жрец вынужден был признать злоупотребления и слегка ограничить корыстолюбие своих сподвижников.

Король-Жрец и его приспешники боялись всех тех, кто не был на них похож. Если бы был составлен их список, то был бы он очень длинен и пополнялся бы ежедневно, но маги, несомненно, возглавляли бы его. И однажды жрецы натравили на магов чернь. Толпа набросилась на всех магов без различия цветов их одежд и области применения магического искусства. Озверевшие люди штурмовали их башни, громили школы, забрасывали камнями или сжигали попавших к ним в руки кудесников. Конечно, маги могли, используя подвластные им силы, нанести ответный удар, но они

понимали, что все это лишь умножит кровопролитие. Они решили отступить и покинули мир, укрывшись в безопасном месте — Башне Высшего Волшебства в Вайрете.

Как раз в ней-то и собирались маги сейчас. Правда, по иронии судьбы спасались они ныне не от сил света, а от темных сил.

Говорят, что невозможно незаметно приблизиться к Башне, да и просто найти ее. Она сама, первая, обнаружит пришельца, а уж что случится потом, зависит от того, с какими целями ее ищут. Ты можешь устроиться ночевать на уютной, покрытой мягкой травой поляне, а проснуться на следующее утро в лесной глуши. Выберешься ты оттуда или нет — зависит лишь от решения магов, находящихся в Башне.

Все живые твари боятся Башни, не исключая даже драконов. Вне зависимости от цвета и того, кому они служат, ни один из них ни за что не подлетит к ней. Черный дракон, посланник Даламара, который должен был быстро и безопасно перенести Рейстлина с Карамоном через Харолисовы горы, не посмел даже пересечь дорогу, ведущую к Башне.

Дракон приземлился и тут же начал хлопать крыльями, выгибать шею, шипеть и вообще всячески выражать свое неудовольствие. Он рыл лапами землю и искоса поглядывал на Рейстлина, желая как можно скорее покинуть это место, но в то же время опасаясь проявить неуважение к великому магу. Карамон помог брату спуститься на землю и снял заплечные мешки. Дракон поднял голову и с тоской уставился в небо.

— Можешь улетать, — разрешил ему Рейстлин. — Но недалеко. Смотри за дорогой. Если мы не найдем того, что ищем, ты еще нам будешь нужен.

Дракон качнул головой, и красные глаза его сверкнули. Он взмахнул крыльями, мощно оттолкнувшись лапами, взмыл в воздух и направился назад к северу.

— Ух, — проворчал Карамон и с отвращением бросил заплечные мешки, которые собирался поднять. — Ну и запах! Пахнет смертью. Этот запах напомнил мне то время в Кзак Цароте, ну когда черный дракон схватил тебя, и если бы не Золотая Луна с Голубым Хрустальным Жезлом, всем бы нам пришел там конец.

— В самом деле? Что-то не припоминаю, — отстраненно заметил Рейстлин. Он искал что-то в своей дорожной сумке. Не торопясь, достал несколько кошель и подвесил их к поясу.

— Ты не помнишь? — Карамон изумленно уставился на него. — Не помнишь Бупу и Верховного Блопа? Смерть и воскрешение Речного Ветра? И...

Не обращая внимания на брата, Рейстлин молча стоял в своих испачканных одеждах и напряженно всматривался вдаль, через поле высохшей поникшей пшеницы. Ничего не увидев, он нахмурился, поджал губы и покачал головой.

— Время, — проворчал он. — Время уходит. Ну чем эти идиоты заняты?

— Ты не помнишь Кзак Царот и вообще ничего, что там было? — продолжал настаивать Карамон.

— О чем ты? — Рейстлин повернулся к брату. — А-а, война. — Он пожал плечами и продолжал: — Кое-что из того, что ты упомянул, я припоминаю. Правда, мне кажется, что все это происходило не со мной, а с кем-то совсем другим.

Карамон печально и с беспокойством посмотрел на брата.

Рейстлин опять пожал плечами и заметил:

— У нас есть более насущные проблемы. Я не вижу леса.

— Мне кажется, что его никогда нет, если его ищешь, — Карамон поморщился. — Давай действовать так, как будто нам он вовсе и *не нужен*. И помняи мое слово, он тут же появится прямо перед нами. Интересно, есть ли тут поблизости хотя бы один не пересохший ручей? Хотелось бы смыть с рук драконью слизь, пока меня еще не вырвало. Может, пойдем его поищем?

— Куда ни иди, похоже, все едино, — с мрачным юмором проворчал Рейстлин.

Братья покинули дорогу и пошли через поле. Дорога была нелегкой: высохшие стебли пшеницы, торчащие из растрескавшейся земли, цеплялись за одежду, кололи ноги и набивались в ботинки. Стояла ужасная жара, полуденное солнце немилосердно палило. Пыль от их шагов поднялась столбом. Карамон расчихался, а у Рейстлина пыль вызвала такой сильный приступ кашля, что он вынужден был схватиться за брата, чтобы устоять на ногах.

— Подожди меня здесь, — наконец предложил Карамон, когда они прошли чуть более половины пути до видневшейся за полем рощи. — Я пойду посмотрю, что там.

Рейстлин, продолжая кашлять и сжимать его руку, потряс головой.

— Что с тобой? — с беспокойством спросил Карамон.

— Помолчи! — просипел Рейстлин, пытаясь сдержать кашель. — Я что-то слышал...

— Что? Где? — Карамон окинул окрестности быстрым взглядом.

— Голоса. В роще. — Рейстлин дышал тяжело и прерывисто.

— Ты наглотался пыли, — сказал Карамон. — Ну и что мы будем делать дальше? Пойдем назад?

— Нет, братец. Это будет слишком подозрительно выглядеть. Мы подняли столько шума, словно армия гномов в походе. И уж конечно, нас увидели и слышали. Теперь нам нельзя поворачивать. Кто бы это ни был, я хочу посмотреть, кто за нами наблюдает.

— Может, это просто фермер, которому принадлежит это поле, — предположил Карамон, но рука его потянулась к поясу.

— Что ему здесь делать? Урожай собирать? — ядовито спросил Рейстлин. — Нет. Есть какая-то причина, по которой Вайретский лес не показывается нам, хотя он не может не знать, что нам крайне необходимо в него попасть. Возможно, ответ мы найдем в роще.

— Ах, если бы ты по-прежнему владел магией, — вздохнул Карамон, пробираясь далее по мертвому полю. — Да и я уже не такой лихой рубака, каким был когда-то.

— Это не важно. Твой меч здесь мало чем поможет. Кроме того, я не так уж беспомощен. Я предполагал, что, возможно, возникнут некоторые трудности, — Рейстлин открыл один из кошелей, висевших у него на поясе. — О, смотри, я был прав. Вон там, в тени деревьев.

Карамон прищурился и огорченно проговорил:

— Не могу разглядеть, кто это или что это.

— Рыцари Терновника. Серые маги Такхизис. Их шестеро.

— Черт побери! — тихо выругался Карамон. — Что будем делать?

— Воспользуемся мозгами, а не мышцами, — Рейстлин надвинул черный капюшон плаща на го-

лову, совсем скрыл лицо и продолжил. — А значит, ты не должен открывать рот. Предоставь вести разговор мне.

— Конечно, Рейст, — улыбнулся Карамон. — Со всем как в былые годы.

— Иначе, чем ты думаешь, братец, — тихо проговорил Рейстлин. — Иначе.

В рощу они вошли вместе. Рейстлин держался за руку брата, правда не за ту, которой Карамон обычно сражался.

Серые Рыцари их уже ждали. Поднявшись с травы, они образовали полукруг, а затем практически мгновенно окружили братьев.

Рейстлин поднял голову в притворном удивлении:

— Приветствую вас, собратья! Откуда вы здесь взялись?

Отпустив руку брата, Рейстлин скрестил руки на груди поверх черных одежд. Маги настороженно смотрели на него, но поскольку руки его были на виду — скрещены на груди — и обратился он к ним «собратья», рыцари немного успокоились.

— Приветствуем тебя, маг Черных Мантий, — ответил один из них. — Я Черная Госпожа Лилит. Что привело вас сюда?

— То же, что и вас, я полагаю, — улыбнулся Рейстлин. — Я хочу попасть в Вайретский лес.

Серые Рыцари быстро переглянулись.

Черная Госпожа, без сомнения главная среди них, заметила:

— Мы слышали, что Темный Даламар собирает магов на Конклав. Мы надеялись принять в нем участие.

— Вы должны! — возразил Рейстлин. — Вы услышите многое такое, что вас потрясет, и прежде всего

своевременные предупреждения — если будете *слушать*... Однако я сомневаюсь, настоящая ли это причина, по которой вы хотите попасть на Конклав. Сколько ваших братьев прячется в округе? — Рейстлин с интересом огляделся. — Двадцать? Сто? Вы полагаете, этого хватит, чтобы захватить Башню?

— Ты ошибаешься, — спокойно ответила Черная Госпожа. — Мы не представляем угрозы ни для тебя, ни для твоих братьев.

Лилит поклонилась. Рейстлин поклонился в ответ. Выпрямившись, Лилит вернулась к разговору, пытаясь в то же время рассмотреть под надвинутым капюшоном лицо Рейстлина.

— Что ты имел в виду, говоря о «своевременных предупреждениях»? Предупреждение о чем?

— О грозящей опасности окончательного разрушения, верной смерти мира, — холодно произнес Рейстлин.

Черная Госпожа уставилась на него, а затем удивленно рассмеялась.

— Ты смеешь угрожать *нам*? Владыкам Ансалона? Просто восхитительно! Так и передай Даламару при встрече.

— Это не пустые угрозы. Это реальность, а Даламар вовсе не посылал меня к вам. Карамон! Ну, что ты стоишь как столб? Тебе нужна была вода, так и иди к ней.

— Карамон? — повторила Лилит, поворачиваясь к нему. — Карамон Маджере?

— Да, это я, — мрачно подтвердил Карамон, бросив недоуменный взгляд на брата.

Ему страшно не хотелось уходить, но он не смел послушаться брата. Уходя, он по крайней мере постарался не поворачиваться спиной к серым рыцарям. Отойдя в сторону, Карамон спустился вниз по

склону холма и, найдя маленький ручеек, с наслаждением умылся и наполнил водой походный мех.

Рейстлин, оставшись без поддержки брата, подошел к стволу громадной ивы и оперся на нее спиной.

— Карамон Маджере, так называемый герой Войны Копья, — медленно проговорила Черная Госпожа, и взгляд ее скользнул обратно к Рейстлину. — Путешествует в компании черного мага. Очень странно.

Рейстлин убрал руки с груди и откинул капюшон:

— Что странного в том, что братья путешествуют вместе?

Карамон, увидев близнеца, уронил почти полный мех.

Лицо Рейстлина больше не было желтым, оно было бело, как кость, кожа на руках приобрела тот же цвет. Губы были синими. Из тьмы глазниц мерцали зеленым зрачки в форме песочных часов.

У Лилиг перехватило дыхание. Она отступила на шаг.

— Рейстлин Маджере! Во имя Чемоша! — закричала она. — Ты мертв!

— Да, — спокойно ответил тот. — И тем не менее я стою перед тобой. Можешь прикоснуться ко мне! — Он протянул ей бледную руку.

— Не надо! — отозвалась Черная Госпожа, покрываясь бледностью. Ее кожа вмиг стала бледнее серебряной цепи, висевшей у нее на шее. Остальные серые маги схватились за книги заклинаний и волшебные талисманы.

— Прекратите ваши магические потуги, — сурово скомандовал Рейстлин. — Я не причиню вам вреда. Как я уже говорил, я пришел, чтобы передать предостережения. Наша Владычица сама послала меня.

— Тебя послала Такхизис? — ошеломленно переспросила Лилит.

— Конечно! — подтвердил Рейстлин. — У кого еще есть власть одеть мой неупокоенный дух костями и плотью? Если вы мудры, то немедленно отправитесь и передадите мои предостережения своему повелителю — Ариакану.

— Что мы должны передать повелителю Ариакану? — К Черной Госпоже постепенно стало возвращаться самообладание. Она внимательно смотрела на Рейстлина.

Карамон, выловив из воды мех, снова наполнял его, придерживая одной рукой. Другую он предпочел держать поближе к мечу.

— Передай Ариакану следующее: его победа была напрасна. Сейчас, в час своего триумфа, он находится в большей опасности, чем когда-либо. Предостерегите его от потери бдительности и порекомендуйте ему усилить ее многократно. Обратите внимание на Север, ибо оттуда грядет рок.

— Откуда? От Рыцарей Соламнии? — Лилит усмехнулась. — Те, кто выжил, сдались нам и теперь заперты в тюрьмах собственных замков. Я не думаю, что они...

— Ты осмеливаешься насмехаться над словами Владычицы? — прошипел Рейстлин. Он протянул вперед руки со сжатыми кулаками и внезапно раскрыл ладони. — Берегись ее силы!

Раздался взрыв, и языки яркого пламени метнулись к серым рыцарям. Они прикрыли глаза руками, а Лилит потеряла равновесие и, поскользнувшись на склоне, прокатилась почти до середины холма. Облако отвратительно пахнущего зеленовато-черного дыма медленно поднималось в раскаленный неподвижный воздух. Когда дым рассеялся, то на

месте исчезнувшего Рейстлина осталось только пятно выжженной травы.

Карамон снова уронил мех с водой.

Лилит удалось наконец подняться. Хотя она и прилагала все свои силы, чтобы выглядеть спокойной, пережитое потрясение ясно читалось на ее лице. Остальные маги собрались вокруг нее, то ли чтобы помочь, то ли в поисках защиты.

— Что будем делать, Черная Госпожа? — спросил один из них.

— Мы должны немедленно передать повелителю Ариагану послание Владычицы! — тут же предложил другой.

— Я отдаю себе в этом отчет, — огрызнулась Лилит. — Надо подумать. — Она подозрительно посмотрела на выжженную траву и перевела взгляд на Карамона, который по-прежнему стоял в ручье и недоуменно озирался по сторонам. В воздухе отчетливо ощущался запах серы.

— Где твой брат? — нахмурившись, поинтересовалась Лилит у Карамона.

— Отправился в троеисполною без меня, госпожа, — ответил тот.

Лилит, прищурив глаза, долго и подозрительно смотрела на него и наконец заметила:

— Я чувствую здесь какой-то подвох, но... — Она подняла руку, останавливая возражения остальных. — В любом случае, правда это или нет, но Ариаган должен знать, что Рейстлин Маджере свободно разгуливает в нашем мире. Возможно, его действительно послала Владычица, но вполне может случиться и так, что он преследует здесь свои собственные интересы. Такое уже случалось не раз и всегда доставляло нам кучу неприятностей. В любом случае мы должны быть готовы.

Черная Госпожа посмотрела через поле в сторону предполагаемого расположения Вайретской башни, а затем продолжила:

— Раз уж Рейстлин беспрепятственно покинул Бездну, то можно быть абсолютно уверенным, что и его племянник тоже с ним вернулся. Мы потеряли здесь довольно времени. Возвращаемся домой, — заключила она и, сделав грациозное круговое движение точеной рукой, исчезла.

Остальные маги не мешкая последовали за ней. Бросая последние недобрые взгляды на обгорелую траву, они бормотали заклинания и один за другим растворялись в воздухе.

Карамон выбрался из ручья и бросился к громадной иве. Он выставил вперед руки и, шаря ими в пустоте, испуганно и недоумевающе шептал:

— Рейст? Где ты? Ты... Ты же не покинешь меня здесь?.. Правда ведь, Рейст?

— Я здесь, братец, — послышался смеющийся голос. — Только ты должен мне помочь.

— Но, Рейст... — Карамон в полнейшей растерянности поднял голову. Голос шел из дерева. Он сглотнул.

— *Внутри* дерева, дубоголовый кретин! Обойди ствол!

— Внутри... — Карамон поспешил приблизиться к стволу рядом с обуглившейся травой. Раздвинув ветви, он наконец увидел руку — белую истощенную руку брата, высывающуюся из толстого ствола ивы.

— Рейст! Ты жив! Но... — Он недоуменно при- свистнул. — Но как ты попал внутрь дерева?

Рейстлин фыркнул, но когда он заговорил, стало очевидно, что он собой очень доволен.

— Во имя Хиддукель и Трикстер, не говори мне только, что ты поймался на этот старинный трюк! Итак, помоги мне. Я не в состоянии двигаться. За что-то зацепился.

Карамон взял брата за руку и с радостью обнаружил, что она теплая. Он пробрался ближе к стволу и наконец обнаружил брата, смотрящего на него из дупла в основании громадного ствола ивы.

Поняв наконец, в чем дело, Карамон нервно рассмеялся.

— Не побоюсь признаться, что ты меня напугал, Рейст, а видел бы ты этих серых магов! Одежды их больше не серые, по крайней мере у большинства... Ага, вот здесь, не двигайся. Я понял, в чем дело. Твой капюшон зацепился за лиану. Подайся немного вперед. Не могу достать... Еще немного... Ага!.. Все в порядке!

Рейстлин выбрался из дупла и принялся отряхивать пыль, сухие листья и кусочки коры, застрявшие в его седых волосах и прицепившиеся к одежде.

Карамон с гордостью смотрел на брата.

— Да, это было просто потрясающе! Белая краска, и вообще... Когда ты успел все подготовить?

— Пока летели на драконе, — самодовольно ответил тот. — Помоги мне спуститься к ручью. Надо смыть краску. Она начинает раздражать кожу.

Они вдвоем спустились к руслу ручья. Карамон поднял мех. Рейстлин вымыл лицо и руки, и белая краска, делавшая его похожим на ожившего мертвеца, уплыла вниз по течению.

— Было так похоже на правду! Я уж решил, что магическая сила вернулась к тебе, — восхищенно проговорил Карамон.

— То есть ты думал, что я соврал тебе, говоря, что не владею ею более, — уточнил Рейстлин.

— Нет, что ты, Рейст! — запротестовал Карамон с несколько излишней горячностью. — Я не думал, нет. Честно. Я только... Ну... Ты как бы намекнул...

Рейстлин улыбнулся и кивнул.

— Ты совершенно не умеешь врать, мой дорогой брат. Достаточно посмотреть на твое открытое лицо, и все становится понятно. Вот и Черная Госпожа, я полагаю, что-то подозревала.

— Тогда почему же они не осмотрели окрестности?

— Потому что я дал им великолепный повод достойно отступить. Как ты понимаешь, братец, они пришли сюда для того, чтобы напасть на Вайретскую Башню. Они полагали, что смогут незамеченными войти в волшебный лес.

Рейстлин поднял голову и пытливо осмотрел окрестности.

— Все верно. Я все еще чувствую магию. Пытаюсь найти путь, они использовали разнообразнейшие заклинания. Безуспешно. Сомневаюсь, что Черной Госпоже хотелось возвращаться к Ариакану с неудачей, а так у них есть и повод вернуться, и важные сведения в придачу.

— Ты знал это! — восхитился Карамон. — Еще до того, как мы тут оказались.

— Нет, конечно, — возразил Рейстлин. — Кстати, нечего тут стоять, помоги-ка мне лучше подняться на холм. Я предполагал, что в пути нам могут встретиться препятствия, а потому подготовился, вот и все. Палин рассказывал мне некоторые из наиболее интересных легенд обо мне, вот я и подумал, что будет довольно просто извлечь пользу из сложившейся ситуации. Немного белой краски на руки и лицо, чуть-чуть сажи из очага, Тикина фис-

ташковая краска на веки, две горсти взрывчатого порошка — и готово! Мертвый Маг из Бездны!

— Все понятно, но исчезновение! Вот что меня поразило больше всего. — Карамон помог брату подняться на маленький холмик.

— Ну, то была непредвиденная удача. — Рейстлин вернулся к иве и указал на ствол. — Я вовсе не собирался этого делать, но когда я прислонился к дереву и почувствовал, что в стволе имеется большая трещина... Я заглянул внутрь и обнаружил, что часть ствола полая. Судя по содержимому дупла, местные ребятишки играют там в домик. Попасть внутрь под прикрытием взрыва и дыма было совсем просто. К сожалению, я несколько крупнее ребятишек, и выбраться наружу оказалось слегка затруднительным. Но тут ты, братец, как всегда, пришел мне на помощь...

— Ну, все, что я могу сказать, это что ты... Во имя... Из какой Бездны они здесь взялись?.. — Карамон, осмотрев дупло, обернулся и чуть не врезался в огромный дуб.

Мгновение назад там ничего не было. Он повернулся налево и обнаружил еще дуб, справа еще один, и еще... Мертвое поле, высохшая пшеница и даже ручей — все исчезло. Он стоял в густом темном лесу.

— Успокойся, братец, неужели прошло столько лет, что ты забыл? — Рейстлин вновь скрестил руки на груди поверх одежд. — Вайретский лес наконец явил нам себя.

Деревья раздвинулись, и обнаружился проход, ведущий куда-то вглубь.

Карамон мрачно посмотрел на него. Он уже несколько раз проходил этим путем, и не мог вспомнить об этом ничего приятного.

— Ты знаешь, Рейст, одного я понять не могу. Ведь серые маги смеялись над твоими предостережениями, и Ариакан тоже только посмеется. Не будут они сражаться на нашей стороне...

— Будут, брат, — со вздохом ответил Рейстлин. — Нет больше «сторон», нам всем придется *вместе* сражаться или *вместе* погибать.

Они постояли немного молча. Листва на деревьях тревожно и беспокойно шумела, птичьих голосов не было слышно.

— Что ж, — проговорил наконец Карамон, крепко стискивая рукоять меча и сурово глядя в глубину леса. — Так или иначе, нам пора двигаться.

Рейстлин положил руку ему на плечо и мягко сказал:

— Я пойду один, Карамон. Ты отправляйся домой.

— Покинуть тебя? — Карамон остолбенел. — Нет! Я не...

— Братец, — укорил его Рейстлин. — Как быстро, однако, к тебе вернулись былые привычки. Спасибо, что проводил меня так далеко. Дальше мне твоя помощь не потребуется. Твое место... — тонкие пальцы стиснули плечо Карамона, — вместе с семьей, с народом Соламнии. Ты должен вернуться и подготовить их к тому, что грядет.

— Они не поверят мне, — печально возразил Карамон. — Я и сам с трудом...

— Ты что-нибудь придумаешь, брат. — Рейстлин ненадолго закашлялся и, вытерев губы белой тряпицей, продолжил: — Я верю в тебя!

— Правда? — Карамон расплылся в довольной улыбке. — Ты знаешь, может, и получится. Я сначала скажу, что организую тайное сопротивление...

— Да, да, — прервал его Рейстлин. — Ты, главное, не увлекайся. Ну а теперь мне пора идти. Я и так потерял массу времени. Возвращайся к дороге. Дракон тебя заметит и быстро отвезет назад.

Карамон выглядел совершенно несчастным, но по опыту знал, что возражать брату бесполезно.

— Ты еще придешь к нам? — озабоченно спросил он. — Тика сделает пудинг с мясом и грибами... Ты наверняка никогда такого не пробовал...

— Не могу обещать, — ответил Рейстлин после небольшого раздумья.

Карамон открыл было рот, чтобы продолжить разговор, но, перехватив недовольный взгляд брата, запнулся. Вместо этого он прокашлялся и закинул мешок за спину.

— Позаботься о Палине, если сможешь, — попросил он.

Улыбка тронула тонкие губы Рейстлина.

— Конечно, братец. *Это* я тебе обещаю!

4. Отец и дочь

ля Гильдии воров Палантаса наступили тяжелые времена.

Сначала некоторые члены этой почтенной организации приветствовали грядущую победу Владычицы Тьмы. По мере своих сил они помогали приближению того времени, когда тьма покроет землю, и рассчитывали на щедрое вознаграждение.

Их ожидало жестокое разочарование.

Рыцари Такхизис победоносно вступили в Палантас. Подкованные железом копыта их коней звонко цокали по улицам города. Украшенные черепом и лилией флаги слабо реяли в неподвижном раскаленном воздухе. Горожанам было приказано отпереть дома и радостно приветствовать повелителя Ариакана. Маленьким детям раздали цветы и велели кидать их к его ногам. Дети испугались жутких ухмылок на стягах, шлемов рыцарей и голых, раскрашенных голубой краской варваров, которые к тому же делали зверские лица и оглашали воздух леденящими душу воинственными криками. Они побросали цветы и с плачем вцепились в материнские юбки. Родителям пришлось увести детей, несмотря на гнев Черных Рыцарей.

Так что появление Ариакана было встречено растоптанными цветами, детскими слезами и все-

общим страхом. Повелителя это не особенно волновало, ни на что другое он, собственно, и не рассчитывал. А если, проезжая по улицам, Ариакан время от времени слышал из толпы приветственные крики, то, отыскав взглядом кричащего, он указывал на него своим помощникам. Одним из подобных персон был некто Джеффри по прозвищу Висельник, который, напившись как свинья, пронзительным голосом выкрикивал приветствия.

Протрезвившись на следующий день, он пошел засвидетельствовать свое почтение повелителю, но допущен к нему не был. Безутешный в своем горе, он стал являться ежедневно, и наконец через несколько недель Джеффри Висельник, он же глава достопочтеннейшей Гильдии воров, был принят самим Ариаканом.

Ариакан занял дом на центральной площади, рядом с дворцом правителей Палантаса, последний из которых находился там под домашним арестом. Он мог бы разместиться и во дворце, но Магистр Рыцарей Такхизис не собирался надолго задерживаться в Палантасе. Ариакан намерен был вернуться в Башню Верховного Жреца и оттуда руководить захватом всего Ансалона. Здесь же он решил остаться лишь до тех пор, пока не будет сформировано верное Делу правительство, что означало бы окончательный захват города.

Его знаменитый стол установили в центре обеденного зала. Ариакан проводил за ним все дни, подписывая распоряжения и редактируя законы. Слуги и помощники стояли рядом, готовые отправиться куда угодно по первому его знаку. Визитеры и просители ожидали приема его высочества в маленькой гостиной, у дверей которой стоял рыцарский караул.

Джеффри Висельнику пришлось дожидаться среди прочих не один час, прежде чем его пригласили к повелителю. Джеффри не расстраивался по этому поводу. Он с выгодой для себя провел время — стащил кошелек у верховного жреца Чемоша.

Наконец Висельник предстал перед правителем города. Вор дерзко и чванливо приветствовал Ариакана:

— Давно уж пора нам встретиться, повелитель!

Перед столом Ариакана не было стульев. Джеффри, настроившийся на долгий разговор, нашел взглядом ближайший стул и, недолго думая, подтащил его к столу. Свободно устроившись на стуле, он задрал свои тощие ноги и положил башмаки на стол.

Ариакан не промолвил ни слова. Он, казалось, не замечал вора. Его внимание было полностью поглощено уточнением формулировки очередного закона. Он даже не поднял глаз.

Сверкнуло лезвие боевого топора, и подошвы отделились от башмаков Джеффри. На счастье вора, ноги задеты не были, но он тут же убрал их под стол и громко выругался.

Ариакан, не поднимая головы, сделал легкий жест указательным пальцем.

Один из его помощников тут же направился к Джеффри. Взяв его за шиворот, он рывком поставил вора на ноги и, убрав стул, холодно приказал вести себя в присутствии повелителя подобающим образом, быстро изложить свое дело и выкатываться.

Джеффри Висельник собрал остатки своего достоинства и начал говорить. В качестве вступления он щелкнул пальцами и заявил, что он и повелитель Ариакан находятся на одной стороне, что им — двум вождям — есть о чем поговорить. Ведь он, Джеффри, — глава Гильдии воров, так же как Ариа-

кан — глава Черных Рыцарей. Гильдия, если судить по словам Джеффри, очень надеется на содействие рыцарей в одном задуманном ими предприятии, и, конечно, и рыцарям кое-что с этого перепадет...

С этими словами он достал и положил на стол кошелек. К его огорчению, Ариакан никак не прореагировал на его тираду: он продолжал что-то писать, не поднимая глаз.

Возможно, Джеффри просто выкинули бы вон, но на его беду в зал ворвался красный как рак верховный жрец Чемоша и закричал, что у него украли кошелек.

Ариакан поднял наконец голову, посмотрел на кошелек и обнаружил там символ Чемоша — череп, трубящий в рог.

Вор, нагло усмехнувшись, пожал плечами:

— Так оно и должно быть, не так ли? Ибо таков мой путь служения Владычице Тьмы, — с легким смешком пояснил глава Гильдии воров.

Ариакан поднял голову и посмотрел на Джеффри Висельника в первый и последний раз.

— У меня иной путь, — сказал Ариакан. — Повесить его.

Приговор немедленно был приведен в исполнение. Джеффри повесили на крепостной стене. Процедура прошла гладко, для Висельника это не первой, — говорили в толпе.

Новость о неожиданном конце главы повергла Гильдию воров в шок. Потом воры пришли в неистовство и поклялись отомстить рыцарям за то, что они сочли наглым предательством. Большинство тут же перешло на сторону противника Черного Рыцарства. За десять минут Паладайн приобрел почитателей больше, чем целая толпа жрецов могла бы обратить за всю свою жизнь. Предполагая, что

рыцари в любой момент могут ополчиться против них, воры приняли меры предосторожности. Они послали всем членам этого почтенного ордена приказ немедленно явиться в зал собраний Гильдии. Когда все собрались, лидеры раздали оружие, содрали с окон занавеси и, зарядив арбалеты и подготовив луки, стали ждать нападения.

Слезы по Джеффри Висельнику пролили очень немногие, Аши среди них уж точно не было. Он нашел ее, когда она снимала комнату над таверной, заставил работать официанткой в той же таверне, а затем, развалившись у нее на кровати, недвусмысленно дал понять, что именно он желает получить от нее за свое великодушие. С негодованием и яростью она отвергла его гнусные предложения.

Висельник был не тот человек, который успокаивается, стоит ему услышать «нет», он мог бы попытаться силой заставить ее быть сговорчивей. Однако в тот вечер у него были неотложные дела, а потому Джеффри решил не терять зря времени и отложить расправу со строптивой девчонкой на потом. В тот день он удалился, но продолжал преследовать Ашу своими домогательствами.

К своему ужасу она очень быстро поняла, что люди, к которым она попала, вовсе не рыбаки. Точнее, они были рыбаками особого рода — выуживали не рыбу, а чужие кошельки. Она также поняла, что тот, кто попал в воровской мир и узнал его секреты, имеет очень мало шансов выйти оттуда живым.

— Ну, если только магия поможет тебе, Рейстлинова дочка! — так, усмехаясь, заявлял Джеффри Висельник после очередного отпора с ее стороны. Имя это вызывало смех окружающих, и все так и стали называть ее, а жрец Хиддукеля вылил круж-

ку эля ей на голову и тем освятил церемонию крещения. С этого дня к ней иначе, чем «Рейстлинова дочка», никто не обращался, причем обращение всегда сопровождалось усмешкой, а то и просто громким ржанием.

Аше не к кому было обратиться за помощью, никто не мог ей помочь. Дуган Красный Молот исчез. Она надеялась, что он вернется. Ей хотелось спросить, почему он оставил ее на этих ужасных людей, но он не возвращался. Да и как он сумел бы помочь ей теперь, даже если бы и вернулся! Воры не спускали с нее глаз, кто-нибудь из них постоянно наблюдал за ней.

Даже в своей комнате Аша не чувствовала себя в одиночестве. Ее часто навещала ворона. Без всякого приглашения она влетала в открытое окно Ашиного жалкого жилища. Попытки избавиться от нее, закрыв окно, не увенчались успехом: ворона била клювом по стеклу до тех пор, пока Аша, опасаясь гнева хозяина, не впустила ее внутрь. В комнате ворона принималась прыгать всюду и клевать все подряд. По счастью, Аша успела спрятать магические предметы, полученные от Эрдов, в матрас, и ворона не могла их найти, но она и сама, опасаясь ее желтых вороньих глаз, не рисковала доставать их.

Ее обучили воровскому «ремеслу», отказаться она не посмела. Первым делом она научилась «высокому искусству карманника». Этому ее обучала поистине кошмарная старуха, которая подвешивала к одежде множество маленьких колокольчиков, а затем приказывала Аше попытаться украсть что-либо — кошелек, носовой платок, ожерелье или брошь — так, чтобы ни один из колокольчиков не звякнул. Если же какой-нибудь колокольчик хотя бы раз звенел, то старуха била девушку палкой.

После этого Ашу обучили без единого звука пробираться через темную комнату, заставленную разнообразными предметами. Ее обучили полностью сосредотачиваться на цели и достигать ее вне зависимости от того, что творится вокруг. Потом ей пришлось научиться карабкаться по стенам, лазать по веревке, проникать в здания через любые окна. Поначалу Аша была нерадивой ученицей, но потом девушке пришла в голову мысль, что с помощью преподаваемого ей искусства она сможет спастись от своих учителей.

С этого момента воры не могли нарадоваться, глядя на ее успехи.

Все это было почти месяц назад. В тот самый день, когда Джеффри повесили, она почувствовала себя готовой и решила бежать.

Все собравшиеся в зале собраний Гильдии были пьяны от вина и собственной дерзости. Воры готовились биться то ли до последней капли крови, то ли до последней капли «гномьей водки», в зависимости от того, что раньше закончится.

Время тянулось медленно. День был душный и жаркий. Головы употребивших для храбрости слишком много зелья начали склоняться к столам и подоконникам.

Подступившая ночь взбудрила воров. В темноте они всегда чувствовали себя лучше. Разведчики ничего тревожного не сообщали. Прилегающие улицы были спокойны. По словам разведчиков, рыцари занимались своими обычными делами. Не было заметно ни их скоплений, ни каких-либо приготовлений к битве. Большинство воров полагало, что это попытка ввести их в заблуждение. Они забаррикадировались и продолжали ждать штурма.

Вместе с ними в зале собраний воровской Гильдии была и Аша. Ей тоже дали оружие — небольшой кинжал, но использовать его она не собиралась. Как-то раз, прячась от приставаний пьяного Джеффри, она обнаружила тайный ход, который вел за пределы крепостной стены, к гавани. Накануне предполагаемого побега Аша прибралась в комнату, собрала в узел свои немногочисленные пожитки — немного одежды и магические предметы, полученные от Эрдов. Узел она положила у себя в ногах под стойкой. Аша собиралась воспользоваться неразберихой, которая неизбежно возникнет, когда рыцари пойдут на штурм, и бежать.

Вырвавшись из этого кошмарного дома, она найдет свою лодку и покинет проклятый город. Единственное, о чем она сожалела, так это о том, что покидает Палина, но вот уже несколько недель от него не было никаких известий. Аша начала сомневаться в помощи богов, скорее всего, она больше никогда его не увидит.

К полуночи в городе по-прежнему не было видно военных отрядов. Ворам постепенно становилось очевидным, что нападать на них рыцари не собираются.

— Да они нас боятся! — слышались пьяные голоса.

И веселье пошло на всю катушку. Были раскупорены новые бочки с вином, пивом и «гномьей водкой», и пьянка продолжалась.

Действительно, по крайней мере в тот момент, ворам ничего не угрожало. Ариакан вовсе не испугался воровской Гильдии. Он намеревался в свой черед разорить разбойничье гнездо, о чем и сообщил своим помощникам. Он включил это в свои планы, но не считал первоочередной задачей. Вору вызвали его раздражение, и не больше. В такой

сложный, критический момент, во время войны за контроль над Ансалоном, он не собирался «тратить силы на разгребание кучи дерьма».

Воры всего этого не знали. Не дождавшись нападения, они решили, что одержали верх над грозными Рыцарями Такхизис. Всю ночь они провели, празднуя победу — пьянствуя, хлопая по спине и поздравляя друг друга. Они подняли такой шум, что не сразу слышали стук в дверь.

Мурф, овражный гном, который по известной только богам причине мог пить сколько угодно, не напиваясь, был единственным, кто услышал тихие скребущиеся звуки со стороны двери. «Наверно, крысы», — подумал он и, чувствуя, что слегка проголодался, отправился ловить себе ужин. Он приоткрыл глазок на двери и выглянул наружу. За дверью он не увидел ничего, кроме полной темноты.

Решив, что выдалась просто безлунная ночь, овражный гном открыл дверь.

На пороге стоял человек в черном плаще с опущенным капюшоном. Он стоял неподвижно, и Мурф, озабоченный поисками ужина, его не заметил.

Человек явно хорошо знал привычки овражных гномов. Он терпеливо ждал до тех пор, пока Мурф в поисках спрятавшейся крысы не приподнял край его плаща, и в тот же миг прижал руку овражного гнома ногой, обутой в тяжелый ботинок.

Мурф повел себя так, как и любой другой овражный гном в подобных обстоятельствах. Он пронзительно заверещал.

Услышав его вопль, который был так громок, что, казалось, его могут услышать в Утехе, воры побросали недопитые кружки и схватились за оружие. Их нынешний предводитель, грабитель по имени Майк Вдовец (стоило ему жениться, как тут же

очередная его жена скоропостижно умирала), бросился к двери. Шестеро здоровенных громил следовали за ним по пятам.

Оставшиеся в зале притихли, тревожно уставившись на дверь. Было непонятно, почему наблюдатели, которые должны были бы предупредить о неожиданном посетителе, как только тот направился в сторону зала собраний Гильдии, не сделали этого. Вдовец широко распахнул дверь, и фонарь в его руке осветил гостя. Человек, стоящий на пороге, мог быть только черным магом.

Ашу охватила паника. Даламар нашел ее! Ей хотелось бежать, но она не могла сделать ни шагу. Ноги не повиновались ей, все тело как-то заковано. Она не отрываясь смотрела на мага.

Человек поднял тонкую руку и начертил в воздухе знак.

Вдовец остолбенел и в недоумении оглянулся на своих спутников.

— Он знает пароль, — пробормотал он, и воры опустили оружие, хотя и не узнали человека. Маги — а в воровской Гильдии было несколько чародеев — начали лихорадочно рыться в сумках и карманах, готовясь защитить собратьев, если пришелец вздумает злоупотребить гостеприимством.

Мурф тем временем продолжал орать как резанный, несмотря на то, что маг давно уже убрал ногу с его руки.

— Заткни пасть! — рявкнул на него Вдовец и основательно пнул. — Смотреть надо! — добавил он несколько неуверенно, поскольку Мурф был единственным, кто обнаружил присутствие незнакомца.

— Что тебе надо от нас, маг? — обратился он к пришедшему. — Лучше бы тебе прийти с добрым делом, а не то придется дорого расплачиваться.

— Я разыскиваю кое-кого, — раздался спокойный голос из-под капюшона. — Я не причиню вам вреда, а возможно, буду даже полезен.

Голос незнакомца не был похож на голос Деламара, но он говорил так тихо, что никакой уверенности у Аши не было.

В этот момент девушка обнаружила, что снова может двигаться, и, решив, что незнакомый маг — повод ничуть не хуже любого другого, начала медленно продвигаться к тайному ходу.

Она была уже на полпути, но вдруг какой-то вор схватил ее за руку и, уставившись на нее налитыми кровью пьяными глазами, прохрипел:

— Нацеди мне еще эля!

Опасаясь, что отказ привлечет к ней ненужное внимание, она решила выполнить его требование. Не поднимая головы, Аша прошла к стойке, взяла кувшин и начала наливать эль, когда маг вновь заговорил.

— Я ищу свою дочь.

Аша задрожала. Кувшин выскользнул из ее рук и, упав на пол, с грохотом разлетелся в куски.

— Вы слышали, он потерял дочку! У нас! — расхохотался Майк. — Эй, Малютка Салли, как ты считаешь, пусть войдет и поищет? А?

Высокая плотная женщина, одетая в красную тунику, с пояса которой свисали бесчисленные кошельки и сумочки, кивнула.

Человек вошел. Вдовец закрыл за ним дверь и тщательно ее запер.

— Откинь капюшон. Я люблю смотреть людям в глаза, — шутливо предложил он.

Незнакомец медленно поднял руки и не спеша откинул капюшон. Затем он повернулся к Вдовцу и посмотрел ему в глаза. Вор отшатнулся.

Маг был худ. Желтая, поблескивающая в неровном свете светильников кожа туго обтягивала череп. Волосы его были седые, хотя маг явно был еще не стар. Но самыми странными казались его глаза — их зрачки формой напоминали песочные часы.

— Ради Хиддукея! — вскрикнул Вдовец, часто моргая, и хрипло продолжил. — Ну и лицо у тебя, маг, прямо из ночного кошмара. Жаль твою дочь, если она на тебя хоть немного похожа.

— Моего ребенка стоит пожалеть в любом случае, — тихо проговорил маг.

Взгляд его золотых глаз безразлично скользил по присутствующим в зале до тех пор, пока не наткнулся на Ашу.

— Как тебя зовут? — обратился он к ней.

Аша не смогла ответить. Она вообще не могла выговорить ни слова, даже дыхание давалось ей с трудом. Перед ее глазами, казалось, играли языки пламени.

— Ее? — усмехнулся Вдовец. — Мы зовем ее Рейстлинова... Рейст...

Не закончив фразу, он издал неопределенное шипение.

В наступившей мертвой тишине послышался шумный вздох Малютки Салли.

С неожиданным проворством она подбежала к вору и, вцепившись ему в рукав, прошептала на ухо имя вошедшего.

Майк отшатнулся и смертельно побледнел. Имя пошло шепотом передаваться по залу, шипение раздавалось со всех сторон, казалось, в зале собрались не люди, а змеи.

Малютка Салли отстранила Вдовца, который икал и бормотал что-то невразумительное, и решительно указала на Ашу.

— Вот твоя дочь, господин! Забирай ее. Мы ее и пальцем не тронули. Клянусь! Что бы она там ни говорила... Мы же не знали... Ну кто бы мог подумать? Я не к тому... Не сочти за оскорбление...

— Довольно, — оборвал ее маг. — Убирайтесь. Все вон.

Он говорил тихо, но его голос достигал самых дальних углов и, казалось, клубился туманом по комнате. Вдовец издал придушенный смешок и попытался возразить:

— Убраться вон? Нам? Ну чем мы заслужили такое? Почему мы должны уходить? И потом, это же *наш* зал.

Рейстлин нахмурился. Его золотые глаза сузились и сверкнули. Он медленно протянул руку к одному из кошельков, висящих у него на поясе.

— Кретин! — взвизгнула Малютка Салли и принялась колотить Майку в грудь. — Это же Рейстлин! Рейстлин Маджере! Великий маг, победивший саму Владычицу Тьмы! Да он, если захочет, закинет этот зал на любую из трех лун, и нас вместе с ним!

Вдовец все еще колебался. Он не отрываясь смотрел на Рейстлина.

Маг был спокоен, он отцепил кошелек от ремня и начал неторопливо его открывать...

Зал начал стремительно пустеть. Воры бросались к дверям, выпрыгивали из окон с профессиональной ловкостью и сноровкой.

Через пару минут Рейстлин и Аша остались одни.

Аша была сильно напугана. Она застыла, со страхом глядя на человека, которого она объявила отцом.

Рейстлин достал из кошелька горсть сушеных листьев, подошел к ближайшему столу, выбрал чашку, которая казалось чистой, и высыпал в нее листья.

— Принеси горячей воды, — обратился он к девушке.

Аша моргнула, удивленная просьбой, но поспешила ее исполнить. Она поспешно сходила к очагу и вернулась с большим черным чайником. Старательно пытаясь унять предательскую дрожь в руках, Аша налила воду в чашку. Из чашки потек по залу странный малоаппетитный запах.

Рейстлин осторожно взял чашку и начал медленно пить. Аша вернула на место чайник и, убедившись, что узелок ее по-прежнему на месте, вернулась к столу и села напротив мага.

Он поднял голову. Его черные одежды зашелестели. Теперь ноздрей Аши достигла сложная смесь запахов: пахло розами, пряностями, смертью.

Девушка подалась назад и опустила глаза. Она не могла заставить себя смотреть на это холодное металлическое лицо.

Тонкая рука коснулась ее головы, и Аша съежилась. Прикосновение было нежным, но пальцы были холодными. Правда, живыми, а не мертвыми, как у трупа, чего она боялась. Они хранили остаточное тепло души мага. Когда-то давно, как она слышала, огонь, бушевавший в груди этого человека, был так силен, что пожрал и его самого, и всех, кто был рядом. Теперь пламя утихло, топливо прогорело. Вновь его не зажечь.

Он погладил Ашу по голове, взъерошил серебристые волосы. Потом пальцы скользнули вниз и коснулись подбородка. Рейстлин поднял ее лицо и заставил посмотреть в странные пугающие зрачки своих золотых глаз.

— Ты не мой ребенок, — заключил он холодно.

Казалось, его это совсем не занимало, но Аше показалось, что она уловила легчайшую нотку сожа-

ления. Как под крепким льдом озера продолжает теплиться жизнь рыб, так и в глубинах холодной тьмы, наверно, остаются человеческие чувства.

— Я могу быть твоей дочерью, — страдая, сказала она.

— Ты можешь быть чьей угодно дочерью, — сухо заметил он. Помолчал, ожидая ее реакции. Холод от его пальцев, казалось, распространялся по всему телу девушки.

— Ты не знаешь, *кто* твой настоящий отец, так ведь? — Он посмотрел ей в глаза. — Почему ты решила выбрать меня?

Аша сглотнула. Ей хотелось отстраниться от его прикосновения. Пальцы Рейстлина обжигали кожу, как лед.

— Кендер... Он рассказал мне легенду... Я подумала... В общем, все подходило... Тебя все боятся... Мне было так одиноко и... — Она опустила голову. — Мне очень жаль... Я не хотела ничего плохого.

— Со мной не может случиться ничего плохого, — вздохнул маг. — Но ты сама чуть было не попала в беду. Я удивился... — Он не закончил фразу и пригубил чашку.

— Они ничего мне не говорили, — начала Аша, чувствуя необходимость дальнейшего объяснения.

— Под «ними» ты подразумеваешь Эрдов?

Она кивнула. Рейстлин собирался что-то сказать, но внезапный приступ кашля сотряс его тощее тело. Узкие губы окрасились кровью.

— С тобой все в порядке? Могу я чем-нибудь помочь? — Аша вскочила.

Рейстлин схватил ее за запястья и продолжал сжимать их, кашляя и задыхаясь. Он делал ей больно, но Аша не отнимала рук. Наконец приступ про-

шел. Маг задышал спокойнее и вытер кровь с губ рукавом плаща.

— Сядь, — приказал он едва слышно.

Аша опустилась в кресло. Он ослабил захват, но не убрал руки, а Аша уже не пыталась высвободиться. Она даже придвинулась ближе и почувствовала, что руки мага уже не так холодны, как прежде. Наверное, ей удалось немного согреть их своим теплом.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Аша.

— Аша... — тихо повторил он. — Знаешь ли ты, что означает твое имя?

— Нет, — удивленно отозвалась она. — Я никогда не думала над этим. А разве оно должно что-то означать? Это, ну... Просто имя.

— Имя, пришедшее из иного мира и иного времени. «Аша» означает Утренняя Заря. Я удивлен... — Рейстлин задумался, глядя на нее. — Знал ли значение твоего имени тот, кто давал его тебе? Было ли у него или у нее предвидение? Интересно было бы узнать.

— Я могу быть твоей дочерью. — Ашу мало интересовало ее имя. Недавно она панически боялась мага, а сейчас ей хотелось оказаться дочерью этого человека. И для него это было столь же важно, как и для нее. Она чувствовала его одиночество и усталость, чувствовала, как тяжелы для него черные одежды и непомерная гордость, заполнившая его душу. Его истощенная рука продолжала лежать на ее руке.

— У меня золотые глаза. Совсем как у тебя.

— У твоей матери были такие же, — ответил маг.

Аша уставилась на него. Она вновь почувствовала нарастающий голод, от которого страдала всю жизнь. Эрды пытались бороться с этим, пичкая ее

засахаренными фруктами, пирожными и разного рода конфетами. Никто не понимал, в чем дело. Ей было необходимо чудовищно много еды, чтобы расти и развиваться.

— Ты знаешь, кто мои родители! — воскликнула она и сжала узкую ладонь мага. — Ты знаешь, кто я! Пожалуйста, скажи мне! Как ты узнал? Ты был у Заста? Как он, помнит ли меня?

— Я не был у Эрдов, — ответил Рейстлин. — В этом не было необходимости. Когда-то я был известен как Властелин Настоящего и Прошлого. Время не было для меня преградой. Я мог попасть туда, куда хотел. — Он глотнул чая и продолжил, потирая грудь. — Когда я впервые услышал о тебе, о том, за кого ты себя выдаешь, меня это не заинтересовало. Мой брат Карамон рассказал мне легенду о том, как меня соблазнила неизвестная женщина и унесла в себе мое семя, наложив на меня заклятье забвения. В такое я поверить не мог. Какой же силы должна была быть ее магия, чтобы навсегда изгладить из моего сердца воспоминания о том, что однажды и я был любим! — Он помолчал и тихо добавил. — Только Смерть была бы на такое способна!

Аша молчала, надеясь и боясь услышать продолжение.

— А потому я не обратил внимания на твои претензии, — продолжил Рейстлин. — Карамон заверил меня, что не ты первая, были и до тебя попытки использовать мое имя, наверняка будут и после. Я не вспоминал об этом вплоть до того момента, пока не принял участие в Конклаве магов в Вайретской Башне. Там вновь называлось твое имя вместе с моим, но только на этот раз все было гораздо серьезнее. Темный Даламар сделал заявление... Да, девочка, ты не зря вздрагиваешь при

упоминании о нем. — Голос мага посуровел. — Он намеревался использовать тебя. Если его слова были бы правдой, он обретал власть надо мной.

Выбора у меня не оставалось, так или иначе мне необходимо было узнать истину! Я вошел в темную Реку Времени. По ее ледяным водам я добрался до стоячего пруда Эрдов. Я узнал правду. — Он снова закашлялся. На этот раз приступ был гораздо слабее. — Я не знаю, откуда родом твои родители. Так далеко я не спускался. Когда я впервые увидел их, они были захвачены минотаврами и превращены в рабов. Они прислуживали на корабле минотавров. Эти чудища не слишком добры к рабам, и однажды ночью твои родители решили отдать свои жизни в руки Зебоим. Они обратились к ней с мольбой о милости и бросились в бурное море...

Зебоим всегда была капризной богиней. Ее милость и гнев непредсказуемы. Она может яростно обрушиться на своих верных слуг и наградить менее усердных. Отчего-то Зебоим польстило, что эти двое попросили ее покровительства, и она помогла им. Она сделала так, что им попались обломки судна, которые они смогли использовать как плот, и направила их к земле. Тут, я думаю, богиня решила пошутить и вынесла плот к тайному острову Эрдов.

Эрды нашли их на побережье скорее мертвыми, чем живыми, и пожалели их. Они дали твоим родителям воды и пищи. Позаботились о твоей матери, когда пришло время тебе родиться. Хотя Эрды не были такими дикими и жестокими, как минотавры, они тоже причиняли страдания людям. Невольно, — уточнил маг, пожав плечами. — Они просто не понимали, что нужно людям. Когда твои родители поправились, они захотели вернуться домой в родные края, но Эрды воспротивились этому. Они

опасались, что твои родители откроют их тайну миру. Они стали узниками на острове. Твой отец не выдержал этого и восстал против них. — Рейстлин взглянул Аше прямо в глаза. — И Эрды убили его.

— Нет! — вскрикнула она в ужасе. — Это неправда! Я не верю! Они не могли этого сделать! Почему Заст даже не заикался о подобном?

— Они не хотели. Ты же знаешь их, Аша. Ты вполне можешь представить себе, как все происходило. Они были разгневаны на него. Они хотели только проучить человека, но их магия оказалась слишком сильной, они слишком далеко зашли. Потом Эрды пытались оживить его, но ни их искусство целительства, ни магия не смогли помочь.

Вскоре после этого родилась ты. Однажды ночью твоя мать, хорошенько запеленав тебя и положив в колыбель, пошла на побережье и бросилась в море. Эрды поутру обнаружили ее следы, но найти тело так и не удалось. Похоже, в конце концов Зебоим получила то, что принадлежало ей по праву.

Аша сидела с опущенной головой, слезы текли по ее щекам.

— Полные раскаяния, Эрды воспитали тебя, — продолжал маг. — Они были очень добры к тебе, ни в чем тебе не отказывали, но не могли рассказать, кто ты. Не могли сказать правду, не говоря всего...

— Я понимаю, — прошептала Аша, — Эрды не хотели сделать меня несчастной.

— Они не хотели признать, что поступили неправильно, — резко возразил Рейстлин. — Гордость и высокомерие, которые привели к упадку их расы в древности, сейчас чуть было не навлекли погибель на всех нас, — добавил он. — Впрочем, не будем несправедливы, они заплатили за свою...

Аша не слушала, погруженная в свои мысли. Она перебирала воспоминания детства и пыталась найти хотя бы какой-нибудь обрывок воспоминаний о матери, прикосновении ее рук, взгляде ее любящих глаз. Наконец она подняла голову.

— Что ты сказал? Прости, я была невнимательна.

— Ничего, это не существенно, — Рейстлин поднялся. — Я должен идти, но сначала я дам тебе совет, Аша, чье имя значит Утренняя Заря. Ты собиралась покинуть Палантас, сбежать от «учителей».

Аша остолбенела.

— Но откуда ты...

— Не стоит этого делать, — прервал ее Рейстлин. — Твое обучение закончено. Ты вольна покинуть этот дом сейчас и никогда более сюда не возвращаться.

— Они не позволят мне, — начала Аша.

— Я полагаю, зная, кто ты, они не станут чинить тебе препятствий.

— Что ты имеешь в виду? — Аша подняла на него глаза. — Ты... Ты не собираешься говорить им...

— Не вижу причин делать это. Все останется между нами, возможно, я расскажу правду Даламару, если он зарвется. Кроме того, есть еще одна причина, по которой я хочу, чтобы ты осталась. Некто сейчас приближается к Палантасу. Он будет тебя искать, а ты, я полагаю, хотела бы быть там, где он сможет тебя найти. Этот некто, — сухо добавил Рейстлин, но слабая улыбка тронула его тонкие губы, — будет очень рад узнать, что мы с тобой *не родственники*.

— Палин? — прошептала Аша. — Он жив? Он придет сюда, за мной?

— Я дал ему такое поручение, — сказал Рейстлин. — Он принял его с большой радостью.

Ашу бросило в жар. У нее закружилась голова, как будто она выпила шипучего вина. Она даже ощутила на языке его вкус и расслабленно откинулась в кресле, ощущая необычайный прилив радости и счастья от того, что ей отвечают взаимностью. Внезапно вместо вкуса вина во рту стало кисло, а пузырьки исчезли. Она осознала, что ей придется признаться Палину, что она лгала ему, чудовищно лгала.

Ощущение горечи в сладком напитке — вот на что было похоже это чувство. Она с надеждой обратилась к Рейстлину, но оказалось, что он исчез. В полном недоумении она оглядела все кругом. Она не заметила, как он ушел, хотя дверь была открыта настежь. Аша бросилась к двери и выглянула на улицу. Если маг и был еще там, то он растворился во тьме, превратившись в одну из ночных теней.

— Рейстлин? — позвала она.

Единственным ответом ей было недовольное карканье вороны откуда-то сверху. Опустив голову и вздрагивая от холода, она подняла свой узелок и пошла к себе в комнату.

5. Возвращение в Палантас. Магическая лавка. Подозрение Серых Рыцарей

После того как рассеялся туман от магии кольца, Палин обнаружил, что находится на улице города. После минутного замешательства он узнал Палантас. Кроваво-красные шпили минаретов Башни Выше-го Волшебства мрачно сверкали в лучах восходящего солнца. Находящийся неподалеку храм Паладайна оставался в тени, его белый мрамор казался тусклым, как будто затененным облаками, но в пронзительно голубом небе не было ни облачка.

Палин огляделся вокруг. По счастью, он материализовался на одной из боковых улиц, по всей видимости, в торговой части города. Вдоль улицы тянулись лавки и магазинчики. Несколько прохожих, пораженных его появлением, остановились и уставились было на него, но, увидев белые одежды мага, предпочли молча расступиться и вернуться к своим делам. Стараясь казаться невозмутимым, Палин быстро снял кольцо с пальца и сунул его в кошелек.

Он был немало удивлен, увидев оживление на улицах города. Большинство людей спокойно направлялось по своим делам, как будто ничего не случилось и был обычный будний день. Он и сам толком не знал, что же он собирался увидеть в

городе, захваченном Черными Рыцарями. Запершихся в своих домах жителей? Патрули на улицах или вереницы закованных в железо рабов? Город выглядел совершенно обычно — шли на рынок домохозяйки, ребяташки привычно цеплялись за их юбки. Как всегда, спешили куда-то мастеровые. Даже празднующиеся бездельники привычно фланировали вдоль улиц, а зажиточные горожане сидели за столиками, выставленными перед пивными, и собирались группами на углах.

Город был настолько похож на тот Палантас, который был ему так хорошо знаком в прошлом, что Палин даже засомневался — не ошибся ли дядя. Может быть, город вовсе и не захвачен рыцарями Тьмы? Он был в полном недоумении. Еще более удивительным казалось то, что кольцо перенесло его не в Башню, которую он представлял себе, собираясь воспользоваться услугами кольца, а на оживленный перекресток незнакомых улиц. У Даламара должны были быть на это свои причины.

Палин начал присматриваться к надписям на домах, пытаясь понять, в какой же район города он попал, и практически сразу получил ответ. Прямо напротив на противоположной стороне улицы он заметил лавку, где торговали необходимыми для магов предметами. По крайней мере вывеска над дверями с изображением трех лун — серебряной, красной и черной — говорила об этом.

Даже если это не входило в планы Даламара, лавка подвернулась весьма кстати. В ней вполне могло оказаться что-нибудь полезное. Почти не колеблясь, Палин направился к ней.

Дверь в лавку оказалась приглашающе распахнута, что само по себе его не удивляло: середина дня — самое время для торговли. Удивительно было

другое — отсутствовал на сей раз огромный и свирепый на вид охранник, который обычно стоял перед дверью и отгонял зевак, ротозеев и кендеров, вечно липнувших к магическим лавкам, как пчелы к меду.

Палин вошел в магазин и остановился за дверью, ожидая, пока глаза привыкнут к царящему в помещении полумраку после яркого сияния утра. Знакомая обстановка развеяла его беспокойство, он почувствовал себя как дома — сладкий аромат засушенных цветов, который не мог полностью перебить запаха тления, и поверх всего — затхлый аромат старой кожи.

Лавка была большой и по всей видимости богатой. От двери просматривалось по крайней мере шесть больших застекленных витрин. Чего там только не было: брошки, кольца, брелки, камни и браслеты — многие из них богато украшенные, некоторые казались просто великолепными, другие же выглядели совсем невзрачными. Стекланные сосуды с разнообразнейшим содержимым: от глаз тритона, погруженных в какую-то вязкую жидкость, до корней лакрицы, обвивающих нечто, находящееся в тени. (Палин никогда не слышал о заклинаниях с использованием сладостей, и единственное, что пришло ему в голову, — лакрица предназначалась магам-сладкоежкам.) На полках вдоль стен рядами стояли книги заклинаний, рассортированные по цвету переплетов. В пыльном углу были свалены свернутые в рулоны и перевязанные разноцветными лентами свитки. Футляры для них, сделанные из сафьяна, кожи или раскрашенной ткани (для беднейших из магов), были выставлены на отдельном столике вместе с кошельками, сумочками и замечательной коллекцией кинжалов.

В лавке было все необходимое. Не хватало только владельца.

Красная портьера закрывала дальний угол лавки. Полагая, что хозяин скрывается именно там, Палин уже совсем было собрался окликнуть его, когда за его спиной послышался голос.

— Если ты ищешь волшебницу Йенну, то она ненадолго вышла. Может быть, я смогу тебе помочь?

Палин резко обернулся. Перед ним стоял человек, одетый в серые одежды мага, но с мечом на поясе. Должно быть, он прятался в тени возле двери.

Палину было знакомо имя владелицы: волшебница Йенна была могущественным алым магом, и к тому же, по общему мнению, любовницей Даламара.

— Нет, спасибо, — вежливо ответил Палин. — Я подожду госпожу Йенну. У меня есть к ней несколько вопросов по необходимым компонентам заклинания.

— Возможно, я смогу на них ответить, — сказал Серый Рыцарь.

— Сомневаюсь, — возразил Палин. — Заклинания, которыми пользуюсь я, наверняка не имеют ничего общего с привычными для тебя. Если не возражаешь, я бы предпочел дождаться хозяйки. Не хотелось бы тебя задерживать. Ты, должно быть, собирался уходить из лавки, когда я вошел.

— Нет, я никуда не ухожу, — проговорил Серый Рыцарь. Он был изысканно вежлив; казалось, ситуация забавляла его. — Я здесь на посту. Между прочим, я не видел, чтобы ты расписался в книге. Если ты согласишься взглянуть туда... — Серый Рыцарь указал на небольшой столик, стоящий слева от двери.

На столике лежала большая книга в кожаном переплете. Палин подошел и взглянул на нее. Страницы книги были разлинованы, и, наклонившись,

Палин увидел список имен, за каждым из которых следовал перечень предметов — по-видимому, покупок. Имен было немного, а последняя запись сделана два дня назад.

— Напиши здесь свое имя. — Рыцарь указал на следующую свободную линию. — А потом я должен попросить тебя предъявить все твои магические принадлежности. Не волнуйся, я верну их назад, за исключением тех, что указаны в списке запрещенных как могущие представлять опасность для государства. Если таковые окажутся, то они будут конфискованы, но с компенсацией.

— Опасность... Конфискованы... — Палин усомнился, что правильно понял рыцаря. — Ты... Ты серьезно?

— Уверяю тебя, маг Белых Мантий, это абсолютно серьезно. Таков закон, и ты, несомненно, знал его, идя сюда. Если стража у городских ворот тебя пропустила, значит, ничего особенно могущественного у тебя быть не может.

Палин хотел было сказать, что он не проходил через городские ворота, но вовремя спохватился. Конечно, можно сражаться, но чем? Его кинжал против меча Серого Рыцаря? И вообще, почему серые маги носят мечи? Ни одному магу на Крине до сих пор не позволено было сочетать меч с волшебством. Воистину Владычица Тьмы щедро жалует своих приверженцев!

Палин знал, что серый маг, без сомнения, могущественнее его. Он мог только покориться и молить Солинару, чтобы серый маг не особенно пристально рассматривал волшебный посох.

Небрежно прислонив посох в углу, как предмет, не представляющий никакой ценности, Палин с величайшей осторожностью принялся снимать с пояса

кошельки и футляры со свитками. Он разложил их перед Серым Рыцарем. Тот, не прикасаясь к ним, пробормотал несколько слов заклинания.

Кошельки и футляры засветились рассеянным красноватым светом.

Убедившись, что это действительно магические предметы, серый рыцарь приказал выложить на стол их содержимое.

Палин притворно возмущился, но сделал, что было велено. Кольца, включая кольцо Даламара, закатились в желобок для перьев. Палин достал свитки и, сняв стягивающие их резинки, позволил магу просмотреть заклинания. Во время всей этой процедуры, несмотря на нарастающий гнев, Палин думал о том, как же поступить в том случае, если серый маг все же обратит внимание на посох. Он внимательнейшим образом оглядел лавку в поисках возможного оружия. Броши и другие предметы чародейства были надежно заперты в витринах, к тому же на них наверняка лежали защитные заклятия. Он не имел ни малейшего представления о том, как действуют все эти предметы. Даже если бы ему удалось чем-нибудь завладеть, это вполне могло оказаться более опасным для него самого, чем для серого мага. То же самое можно было сказать о свитках и книгах заклинаний, так как не было времени разбираться с ними.

«В крайнем случае ударю его банкой по голове», — мрачно решил Палин и присмотрел сосуд побольше.

Рыцарь, склонив голову, просматривал одну из малых книг заклинаний.

Палин начал потихоньку перемещаться к выбранной банке и уже протянул к ней руку, когда маг поднял голову.

— А, вот ты где. Что ты там делаешь?

— Да вот, решил посмотреть, свежий ли в ней майоран, — ответил Палин, снимая банку с полки. Он открыл крышку и понюхал. — Вполне хорош. Хочешь попробовать?

Серый Рыцарь подозрительно прищурился.

— Поставь банку на место и иди сюда! Это, — он указал на гору из свитков, колец (кольцо Даламара тоже было там) и других магических предметов, — я забираю, а это, — он указал на маленькую книгу заклинаний, кошелек с песком и еще один, с пометом летучей мыши, — можешь оставить себе.

Палин принялся было яростно протестовать, но маг безразлично повернулся к посоху.

— Так, а что у нас здесь?

— Просто обычный дорожный посох, — Палин с трудом выдавливал слова. — Ты же сам видишь, мой ранг невысок. Откуда у меня магический посох?

— Действительно, откуда? Вот только украшение для простого дорожного посоха больно уж необычное — драконья лапа, сжимающая камень. Не возражаешь, если я проверю его поподробнее?

Серый маг произнес заклинание, которое должно было обнаружить магическую природу посоха, как это случилось со всеми остальными волшебными предметами, которые были у Палина.

Палин в ужасе ожидал, что посох ярко засияет. Когда Серый Рыцарь дотронулся до посоха, он готов был наброситься на него и опрокинуть на пол.

Но с посохом ничего не произошло.

Палин даже задохнулся от изумления. Магический посох, один из наимогущественнейших волшебных предметов на Крине, спокойно стоял в углу, чистый и невинный, как какой-нибудь кендерский хупак.

Рыцарь нахмурился. Он был уверен, что посох на самом деле не простой. Однако и признаться в том, что не доверяет собственному заклинанию, ему тоже было трудно. Он подозрительно посмотрел на Палина, не собирается ли тот ускользнуть.

Палин стоял, засунув руки в карманы, и широко улыбался.

— Я же говорил тебе!

— Да, ты говорил, — согласился рыцарь. Он снова взглянул на посох, размышляя, не стоит ли произнести заклятие еще раз. Решив, что этим он только поставит себя в глупое положение, рыцарь повернулся к Палину.

— Такой прихотливый посох может навлечь на тебя беду, юноша, — проговорил он наконец. — Если ты хочешь продолжать игру в волшебника, подожди до дня Праздника Середины Лета. По крайней мере, заработаешь себе на праздничный пирог.

Палин покраснел. В груди его вспыхнула ярость, но он не имел возможности спорить. Смирив гордость, он успокоил себя, представив, как вытянулось бы лицо серого мага, если бы он каким-нибудь образом узнал о том, что насмехается не над чем-нибудь, а над магическим посохом самого Рейстлина.

— Напиши свое имя. — Рыцарь подтолкнул книгу к Палину.

Взяв гусиное перо, Палин уже собрался писать, когда звуки шагов, шуршание одежд и распространявшийся по лавке запах экзотической косметики заставили его поднять голову.

Женщина, обладательница привлекательной и экстравагантной внешности, вошла в лавку. Она была одета в алые, весьма дорогие одежды из шелка и вельвета с золотым шитьем. Она использовала сильно пахнущие благовония, чтобы отбить дурной

запах магических компонентов, которые носила в шелковых кошельках, свисавших с изящного пояса из посеребренной кожи. Пояс туго охватывал осиную талию. Женщина была очаровательна, могущественна и загадочна. При появлении кудесницы даже Серый Рыцарь уважительно поклонился ей.

— Как поживаешь, господин маг? Я Йенна, хозяйка этой лавки. Надеюсь, ты извинишь мое отсутствие в момент твоего появления. Меня позвали во дворец повелителя. Один из слуг разбил очень ценную вазу, и меня попросили помочь. Мелочь, с такими делами я обычно не связываюсь, но теперь, когда в городе осталось так мало магов... Чем могу быть полезна?

— Госпожа Йенна, — восхищенно сказал Палин. — Меня зовут Пал...

— Палас! Палас Марголе! — воскликнула Йенна и быстро подошла к Палину, взяв его за руку. — Мой дорогой мальчик! Я сама должна была тебя узнать! Ах, сколько лет прошло! Ты так изменился! Когда же мы последний раз виделись? Почти пять лет назад. Во время твоего Испытания. И вот ты здесь, хочешь научиться составлять свитки. Нескольким рановато, но ничего. В ближайшие дни я не слишком занята, — добавила она, холодно взглянув на Серого Рыцаря.

Затем Йенна повела Палина в глубь лавки, к занавеси.

— Он еще не расписался в книге, госпожа! — проговорил Серый Рыцарь.

Йенна резко остановилась и взглянула на мага с таким вызовом, что кровь застыла у Палина в жилах.

— Да, конечно, мы должны расписаться в книге, — согласилась Йенна. — А то как же Рыцарям

Такхизис проследить путь тех, кто еще меня посещает и осмеливается что-то покупать? Не так-то уж и много осталось желающих купить что-либо. Скоро я разорюсь, и тогда никого больше не заставят расписываться в книге! О! Ты только посмотри, кто-то рассыпал майоран! Палас, помоги мне убраться.

Палин послушно стал сгребать щепотку просыпанных им сухих листьев.

Йенна приблизилась к нему, делая вид, что помогает собирать, и прошептала:

— Они тебя разыскивают! Есть приказ о твоём аресте!

Рука Палина дрогнула, он чуть было вновь не просыпал листья мимо банки, куда собирался их высыпать. Йенна подправила его руку и, закрыв крышку, поставила банку на полку.

— Пойди распишись в книге, Палас. Да не мешкай! Я буду ждать в рабочей комнате. За портьеру и вниз по ступенькам.

Она прошла за портьеру, и звук ее шагов затих в отдалении. В голове Палина царило смятение, то ли от пережитого волнения, то ли от того, что был так близко к волшебнице, а может, и от обеих причин сразу. Он аккуратно написал вымышленное господой имя, промокнул чернила, под неотрывным подозрительным взглядом Серого Рыцаря отдернул портьеру и чуть не полетел головой вниз по ступенькам, начинавшимся сразу за ней. Он начал двигать портьеру...

— Оставь открытой! — приказал Серый Рыцарь и подошел к началу лестницы. Отсюда ему были видны и входная дверь, и лаборатория.

Палин уселся перед Йенной, которая положила перед собой восковую дощечку.

— Преимущества записи магических заклинаний на свитки очевидны, — начала она громким поучающим голосом. — Ты не должен постоянно держать в памяти заклинание, а можешь прочитать его, когда пожелаешь. Следовательно, запись отдельных заклинаний, в особенности это относится к заклинаниям повышенной сложности, позволяет не слишком загружать память. Главным недостатком является сложность написания заклинания, правильно записать его значительно труднее, чем произнести. При письме ты должен не только в определенном порядке записывать слова, но и очень точно изображать руны. Достаточно малейшей ошибки, и заклинание не будет действовать. Конечно, мы не станем сейчас пытаться записать заклинание. Для этого твоих знаний еще недостаточно. Для начала потренируемся в правильном написании букв. Писать станем на воске, чтобы ты мог сразу исправить ошибки. Начнем!

Йенна взяла стило и начала писать, мягко надавливая на воск. Палин, изучавший эту премудрость год назад и, конечно, умеющий записывать заклинания, не особенно вслушивался в ее слова. Он был зол на себя. Несомненно, рыцари должны были его разыскивать. Он был полным идиотом, не учтя этого!

Йенна приподняла бровь, сурово посмотрела на него и пододвинула восковую дощечку.

— А теперь ты попробуй написать то же самое.

Палин взял дощечку, стило и посмотрел на буквы. Потом внимательнее пригляделся к написанному, и тут до него наконец дошло, что происходит. Йенна вовсе не давала ему урока магии, она писала: *«Далаймар предупредил меня о тебе. Я пыталась найти Ашу. Я думаю, что она все еще в Палантасе,*

правда, где именно, мне не известно. Я мало чем могу помочь. За мной постоянно следят».

Палин стер надпись и, в свою очередь, написал: *«Как мне найти ее?»*

«Для тебя слишком опасно показываться в городе. Рыцари держат нас железной рукой. Патрули, проверки. Все жители должны иметь при себе бумаги, удостоверяющие их личность. Но не падай духом! Мой агент ищет ее. Он говорит, что уже близок к цели. Может быть, сегодня все окончательно выяснится».

— Что-то у вас там чертовски тихо! — заметил Серый Рыцарь, пытаясь сверху разглядеть, чем же они заняты.

— А что, собственно, ты ожидал? Мы занимаемся! — ледяным тоном парировала Йенна.

Тусклый серебряный колокольчик, висевший на витом шелковом шнурке, тихо трижды прозвенел. Йенна, однако, не двинулась с места.

— Это покупатель? Передай, что я сейчас поднимусь!

— Я тебе не слуга, — язвительно заметил Серый Рыцарь.

— Что ж, не смею тебя задерживать в моей лавке, ты волен покинуть ее, — усмехнулась волшебница. Она стерла надпись и наклонилась к Палину. — Возможно, пришел тот самый агент, — прошептала она.

Тяжелые сапоги рыцаря прогрохотали по направлению к двери. Затем послышались пронзительные крики и звуки потасовки.

— Это он, — сказала Йенна и, быстро вскочив, бросилась вверх по лестнице.

Палин побежал следом и наткнулся на нее, когда наверху она внезапно остановилась.

— Ты его не знаешь! — быстро шепнула она Палину. — Ни слова! Говорить буду я!

Удивленный Палин кивнул, и Йенна величественно вступила в лавку.

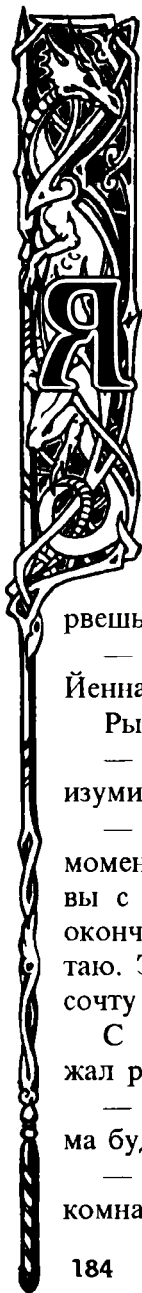
— Что здесь происходит? — поинтересовалась она.

— Кендер, — мрачно ответил Серый Рыцарь.

— Это я и сама вижу! — констатировала Йенна.

Палин вытаращил глаза, но как раз вовремя вспомнил, что по имеющейся легенде с данной персоной он не знаком.

В руках рыцаря извивался Тассельхоф Непоседа.

6. Агент Йенны. Гусак и гусыня. Чертовски приятное имбирное пиво

Ой, ой, больно! Руку сейчас оторвешь. Самому бы тебе так! Небось не понравилось бы? Я же тебе говорил, что госпожа Йенна меня ждет не дождется! Я ее агент! О-о, я дико извиняюсь. Я и не собирался вовсе тебя кусать. Очень надо! А нечего руки мне в рот совать. А что, сильно больно? Я... А-а, ой-ой, отпусти! Ты мне все волосы вырвешь! А-а, спасите! Помогите, убивают!

— Да отпусти ты его, ради Гилеана! — сказала Йенна.

Рыцарь держал Таса за хохолок.

— Пустить кендера в магическую лавку? — изумился рыцарь.

— Это *моя* лавка, по крайней мере в данный момент, — резко заметила Йенна. — Так что, пока вы с вашими рыцарями еще не разорили меня окончательно, вас не касается, с кем и как я работаю. Это мое дело, и я буду вести его так, как сочту нужным! Отпусти кендера!

С видимым неудовольствием серый маг разжал руки.

— Прекрасно, но за последствия, госпожа, сама будешь отвечать.

— На твоем месте я бы поднялась наверх в мои комнаты и промыла рану, — предложила Йенна. —

Или пусть ее обработает кто-нибудь из ваших жрецов. Никогда нельзя быть уверенным, что кендер не бешеный.

— Не удивлюсь, — холодно ответил рыцарь. — Позволь напомнить, что твой магазин все еще открыт только благодаря терпимости Рыцарей Такхизис. Мы можем закрыть эту лавочку в любую минуту, и никто не посмеет нам помешать, а многие твои соседи просто спасибо нам скажут! Так что не испытывай мое терпение!

Йенна гордо вскинула голову, но промолчала. Серый Рыцарь отправился наверх, придерживая раненную руку здоровой, а Тассельхоф моргал и тер голову.

— Глаза у меня теперь косые и узкие, как у Даламара, да? По крайней мере, я так чувствую. Он дергал с такой силой, что брови у меня теперь на макушке. Недобрый какой-то человек, — заявил кендер и, приблизившись к Йенне и понизив голос, добавил: — Немного приврал, я и собирался его укусить.

— Он в этом не сомневается, — улыбнулась Йенна. — Но в следующий раз будь осторожнее, меня может и не оказаться поблизости. И вообще я не подряжалась выпутывать тебя из всех неприятностей, которые ты ищешь на свою голову! Нашел ли ты ожерелье, за которым я тебя посылала? — добавила она громче, чтобы было слышно наверху.

Кендер посмотрел на Палина и вытаращил глаза, однако так же громко ответил:

— Да, госпожа Йенна. Не сомневайся. Я его нашел. Теперь я точно знаю, где оно!

— Надеюсь, ты его не трогал? — с беспокойством спросила Йенна. — Не показал владельцу, что оно представляет хоть какой-то интерес?

— Да хозяин меня даже не видел! — ответил Тас. — И ожерелье тоже, — тихо добавил он.

При этих словах Йенна нахмурилась и покачала головой. Она повернулась к Палину.

— Господин маг, ты ведь собирался провести весь день здесь за занятиями. Сейчас время полуденной медитации. Не мог бы ты оказать мне любезность — приобрести для меня ожерелье? Оно магическое, но владелец этого не знает и не представляет себе его истинную ценность.

Палин уже понял — под ожерельем надо понимать Ашу. При одной мысли о том, что он увидит ее, его сердце забилося сильнее и кровь веселее побежала по жилам. Все мысли о возможной опасности тут же улетучились или, по крайней мере, отошли далеко на задний план.

— Я буду счастлив, госпожа, выполнить любое твое поручение. Я добуду ожерелье, — ответил Палин, стараясь, чтобы голос его звучал равнодушно, в то время как ему хотелось кричать от восторга. — Где оно?

— Кендер тебе покажет. Отправляйтесь немедленно, пока я не закрыла лавку.

Она показала глазами наверх. Палин понял. Он молча поклонился. Йенна протянула ему руку.

— Удачи! — тихо пожелала она.

Палин взял ее руку и благоговейно поднес к губам.

— Спасибо, госпожа! — прошептал он и смущенно добавил: — Я так понял, что Рыцари следят за тобой. Тебе самой опасно здесь оставаться...

Йенна пожала плечами и улыбнулась.

— Я единственная оставшаяся в городе волшебница. Конклав решил, что моя деятельность здесь очень важна. Не волнуйся, Палин Маджере, я впол-

не могу за себя постоять. Да осветит Лунитари твой путь!

— Да пребудет с тобой милость Солинали! — ответил Палин.

— Спасибо, Тас, — обратилась Йенна к кендеру и, вынув из его кошельков и сумочек несколько вещей, перекочевавших туда с полок, проводила его вместе с Палином за дверь.

— На самом деле я нашел не ожерелье, — признался Тас, когда они оказались на улице.

— Я понял, — торопливо сказал Палин. — Ни слова больше, пока мы не окажемся подальше отсюда! — Он быстро зашагал вдоль улицы, время от времени оглядываясь, чтобы убедиться, что за ними никто не гонится.

— М-м-м, ни слова. — Кендер вприпрыжку бежал рядом с Палином. — А как Карамон с Тикой? Драконы не сбросили гостиницу на землю, как во время прошлой войны? А где Рейстлин?

— Заткнись! — прошипел Палин, тревожно оглядываясь. — Не упоминай...

— У меня целая прорва вопросов к Рейстлину! Ну там, как оно быть мертвым, и вообще... — продолжал Тас, не слушая Палина. — Даламар прямо сразу *вжикнул* меня из башни, я ни единого вопроса задать не успел. Рейстлин, тот всегда на вопросы отвечает. Ну, почти всегда. Иногда, конечно, и он не отвечает, но потом почему-то обычно теряет ту вещь. Ну, про которую я спрашивал. А когда я ее нахожу, ему ничего другого не остается, и он, как вежливый человек... Так куда, говоришь, отправился Рейстлин?

— Ничего я не говорю! — мрачно бросил Палин. Два идущих им навстречу Черных Рыцаря подозрительно смотрели на кендера с магом. — Не упоминай этого имени! Куда мы направляемся?

— Да так, никуда, — уклончиво ответил Тас. — Просто в одну маленькую гостиницу. Там потрясающее имбирное пиво!

— Что?! — Палин схватил кендера за шиворот. — Нет у нас времени распивать имбирное пиво!

Рыцари замедлили шаг, с интересом прислушиваясь к их разговору.

— Это же мой, маленький воришка! — Палин схватил за первый попавшийся ремешок, торчащий из кармана Таса. К своему глубокому изумлению он обнаружил, что выгащенный кошелек действительно принадлежал ему. Один из тех, что отобрал Серый Рыцарь.

— Ты, наверно, обронил... — начал Тас.

Рыцари расхохотались и прошли мимо. Палин затащил Таса в переулок.

— У нас нет времени на посещения гостиниц! Я должен найти Ашу и привести ее сегодня вечером в Великую Библиотеку на встречу с Рейстлином.

— Это не сложно, — уверил его Тас. — Только мы никак не можем к ней пойти, пока не стемнеет. Воровская Гильдия на этот счет очень строга. Я знаю неподалеку одну маленькую гостиницу...

— Воровская Гильдия! — задохнулся Палин. — Ты хочешь сказать, что Аша... воровка?

— Печально, правда? — сочувственно заметил Тас. — Я просто обалдел, когда услышал. Воровство — тяжкое преступление, как говаривала, бывало, моя мать, и я лично никогда...

— Ты уверен? — нервно спросил Палин. — Может, тебя ввели в заблуждение?

— Я не рассказывал тебе, как я ее обнаружил? Мы могли бы отправиться в эту маленькую...

В переулок зашли два других рыцаря и неторопливо прошли мимо.

Поняв, что маг, стоящий в переулке и разговаривающий с кендером, выглядит еще подозрительнее, чем те же двое, но куда-то идущие, Палин наконец согласился отправиться в гостиницу. Они продолжили свой путь по улицам Палантаса.

— Так, — вспоминал Тас. — Первая ночь, когда я оказался в Палантасе, — это ночь, когда Рейст... Я имею в виду Ты Знаешь Кто... позволил нам покинуть лабораторию, а Даламар был так невероятно поражен и совсем не рад нас видеть. Потом он и Ты Знаешь Кто немного побеседовали наедине. Ты помнишь?

— Помню, помню, — Палин с трудом сдерживал нетерпение. — Расскажи мне об Аше!

— Ага, здесь поворачиваем направо и в конец улицы. Да, так значит, первую ночь в Палантасе я провел в тюрьме. Так, маленькое недоразумение с одним ремесленником, который изготавливает такие маленькие свистящие чайники. Я просто хотел посмотреть, что это они такое кладут внутрь, чтобы заставить их свистеть, но...

Палин нахмурился.

— И я попал в тюрьму, — быстро закончил Тас. Он тяжело вздохнул. — Палантасская тюрьма уж не та, что была раньше. Сейчас там заправляют Рыцари Такхизис. Я подумал, что там будет очень интересно, ну там, например, мучают узников, подвешивая их пятками кверху и тыкая раскаленными докрасна железяками. Но нет. То есть я имею в виду: не мучают они никого. Рыцари очень холодны и суровы, они постоянно строили нас, заставляли стоять, сидеть там, не двигаясь, и молчать. И когда вели куда-либо, то тоже — молчи, и все тут. И ни одного кендера, но об этом после. Вот наша гостиница. Снаружи она выглядит слегка обшарпанной,

да и внутри не намного лучше, но зато имбирное пиво здесь просто замечательное.

Гостиница «Гусак и гусыня» располагалась на углу, где улица делилась надвое, в вершине образовавшегося треугольника. Поэтому она была длинной и узкой, как кишка. Расположенная неподалеку от кузницы, она вся была покрыта долежавшей оттуда сажей. Серые кирпичные стены выглядели на редкость мрачно. Видимые попытки вымыть подслеповатые окна привели только к тому, что грязь оказалась размазанной по стеклам. Гусак и гусыня с переплетенными шеями, нарисованные на вывеске и бывшие изначально белыми, ныне выглядели так, как будто они только что вылезли из угольной кучи.

— Тас, я совсем не хочу пить, — сказал Палин.

Два посетителя как раз выходили из таверны. Это были подозрительно выглядящие бородатые мужики, к тому же прикрывающие лица тыльной стороной руки. Оба они мрачно посмотрели на мага с кендером.

— Конечно, хочешь! — заявил Тас и, не дожидаясь Палина, вошел внутрь.

Непроизвольно задержав дыхание, Палин последовал за ним.

— Никаких кендеров! — Хозяин гостиницы, удивительно тощий человек с бледным болезненным лицом, смотрел на Таса с застарелой неукротимой неприязнью.

— Мы уходим, — сказал Палин, пытаясь остановить кендера.

Вместо этого Тас схватился за рукав его одежды.

— Имбирное пиво тут чертовски замечательное! Я знаю!

Посетители таверны устали на них.

Поняв, что кендер явно никуда не собирается уходить, Палин решил уступить и достал кошелек.

— Столик на двоих. Кендер под мою ответственность.

Хозяин перевел взгляд с набитого кошелька Палина на его белые одежды мага, сшитые из тонкой шерсти, и, пожав плечами, согласился.

— Деньги вперед и садитесь в глубине зала, — проворчал он. — Одна железная монета сверху за обслуживание.

— Давай сюда, — позвал Тас, пробираясь к столу недалеко от кухни.

Это было худшее место в таверне, но Палина оно вполне устраивало. Он хотел поговорить без помех. Звон тарелок, грохот сковородок и стук кувшинов и кружек, доносившиеся из кухни, перекрывали звук голоса, и подслушать разговор было невозможно. Палин с трудом слышал собственную речь.

— Пища отвратительная, а вино и того хуже, — радостно заметил Тас. — А потому Рыцари Такхизис сюда не заглядывают, — добавил он и подмигнул Палину.

Хозяин поставил перед ними кружку пива и стакан вина. Тас отхлебнул пива.

— Нам надо еще еды, — сказал он.

— Я не голо... — начал было Палин, но кендер пнул его ногой под столом.

— Принеси нам хлеба и две тарелки бобов, не забудь положить в них побольше перца, — распорядился Тас.

— Я пришлю служанку, — буркнул хозяин и отошел.

— Расскажи мне об Аше! — попросил Палин, подавшись к Тасу, чтобы лучше слышать.

Тас внимательно осмотрел таверну и, кивнув каким-то своим мыслям, продолжил рассказ.

— На чем я закончил? Да, я был в тюрьме. В камере со мной сидел гном. Он меня сильно развлекал — все-таки вор, и вообще. Он сказал, что мой набор отмычек (рыцари у меня его потом отобрали) — один из лучших, когда-либо им виденных. Если я захочу их продать, то он бы очень ими заинтересовался, по выходе оттуда, разумеется. Однако гном полагал, что случится это не скоро — рыцари очень плохо смотрели на воровство и делали все возможное, чтобы очистить город от воров. Потому-то кендеров в тюрьме и не было.

Кендер замолчал, сделал еще глоток имбирного пива и окинул взором зал. Палин нервно стучал пальцами по столу, с нетерпением ожидая окончания истории, и надеялся, что конец у нее все-таки есть.

Кендер вытер рукавом пену с губ и продолжил:

— Да, я вспомнил, что Даламар просил меня поискать Ашу, а никто так не знает город, как воры. Поэтому я спросил гнома, не знает ли он кого-нибудь, похожего на Ашу, и рассказал, как она выглядит. Он сказал, что женщина, недавно прибывшая к ворам, вполне подходит под это описание. Она оказалась способной ученицей и была бы великолепной воровкой, если бы Рыцари Тьмы не захватили город и все не полетело к черту!

— Ты не думаешь, что он мог ошибиться? — с надеждой спросил Палин. — Ведь это могла быть и другая девушка, пусть и похожая на Ашу.

Кендер скосил на него глаза поверх кружки с пивом.

— Полагаю, нет, — со вздохом заключил Палин. — *Должна* быть она. Я знаю, где находится

дом воровской Гильдии. Мы со Стилом были там. Как же нам проникнуть туда? Там, вероятно, стража. Нам нужно попасть туда до вечера. Я же говорил, что я обещал... кое-кому... встретиться в Великой Библиотеке.

— Да, посещение воровской Гильдии кажется опасным делом, — спокойно сказал Тас. — Люди говорят, Рыцари собираются ее спалить.

— Но ты сказал... Аша... Она там?

— С ней все в порядке, — успокоил его Тас. — Можешь спросить гнома. Вон он сидит у столика возле окна.

Палин резко обернулся.

Гном, который давно уже наблюдал за ними, поднял кружку, приветствуя их.

— Рад снова видеть вас, парни!

— Ты... Ты... — Палин откинулся и оперся спиной на стул.

— Дуган Красный Молот, — улыбаясь, представил Тас. Вызывающе одетый гном с трудом поднялся из-за стола.

— Не возражаете, если я к вам присоединюсь? — Он подмигнул. — Палин Маджере, если я правильно помню.

— Я... Я... — Палин судорожно сглотнул. — Я тебя знаю. Ты...

— Спокойно, парень, — тихо сказал Дуган. — Тут много любопытных глаз и ушей. На твоём месте я бы заказал чего-нибудь поесть, ты бледно выглядишь.

— Тут есть официантка, — усмехнулся Тас, глядя на Дугана, который в свою очередь тоже усмехнулся и погладил свою роскошную бороду.

Девушка, несущая поднос с кружками на кухню, остановилась около них. Волосы, мокрые от пара и

пота, падали ей на лицо. Одета она была необычно — в мужскую рубашку с длинными рукавами, заправленную в длинную хлопковую юбку, подвязанную спереди, чтобы не наступить на подол. Она бросила на них беглый взгляд и отвернулась к кухне.

— Что вам принести? Решайте побыстрее, у меня еще гора грязной посуды.

— Аша! — Палин с трудом нашел силы подняться. Затем он выскочил из-за стола. — Аша, это я!

При звуке его голоса, произносящего ее имя, Аша чуть было не уронила поднос с кружками. Палин поймал его. Их руки встретились под тяжелым подносом.

— Палин! — с трудом выговорила она. — Я боялась, что ты умер! Я не надеялась увидеть тебя снова! Откуда ты? Что ты здесь делаешь?

— Меня привел Тас. Это долгая история. Я не мертв. Я ищу тебя!

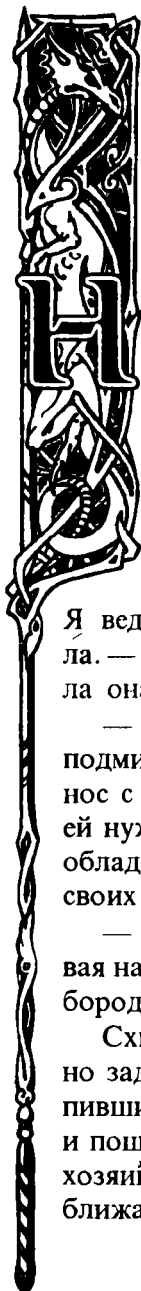
Они стояли, глядя друг другу в глаза, не замечая, что держат поднос с кружками, безразличные ко всему окружающему.

— Ты нашел меня, — тихо проговорила Аша.

— Я никогда больше не покину тебя, — пообещал Палин.

Дуган Красный Молот подкрутил усы и с сомнением посмотрел на Палина.

— Хочешь пари? — приподняв бровь, спросил гном.

7. Ссора. Спасение. Воровской путь

Нечего тратить время на болтовню с посетителями, красотка, — прервал их беседу подошедший хозяин гостиницы. — За работу!

— Виноват. — Палин отобрал поднос у Аши и вручил растерявшемуся хозяину. — Она больше у вас не работает!

— Что? Палин, но я не могу уйти! Я... Я ведь... — Аша зажала рот рукой и покраснела. — Мне нужна эта работа, — тихо проговорила она наконец.

— Слыхал, ей нужна эта работа! — Хозяин подмигнул Аше. Усмехнувшись, он поставил поднос с кружками на стол. — Еще бы она не была ей нужна. Где еще она сможет так просто узнать обладателей толстого кошелька и навести на них своих дружков-воров? Вроде вот этого гнома.

— А ну-ка повтори! — взревел Дуган, вскакивая на ноги. — Кого это ты назвал вором! Клянусь бородой Реоркса, это тебе даром не пройдет!

Схватив кресло, гном поднял его над головой, но задел сидевшего позади него кузнеца. Подвыпивший кузнец пришел в ярость, вскочил на ноги и пошел искать обидчика. Гнома, сцепившегося с хозяином, он не заметил и начал приставать к ближайшим посетителям таверны.

Хозяин отлетел от гнома и обалдело стоял, держась за челюсть. Тассельхоф схватился за завязки его передника и волчком завертелся вокруг него.

— Скелет, скелет! — дразнился он. — Да ты боишься отравиться собственной стряпней! Не зря тебя зовут Покойник Билл!

Хозяин безуспешно пытался отцепиться от Таса. Кузнец пытался затеять драку, остальные посетители подошли поближе, подзадоривали его и заключали пари — с кем же он наконец подерется.

Про Палина с Ашей все забыли. Дуган обернулся к ним:

— Уматывай отсюда, парень, и ты, девчушка, тоже давай с ним. Я разберусь с этой ерундой!

— Рад был снова встретиться с тобой, уважаемый. Надеюсь, наша следующая встреча произойдет при более благоприятных обстоятельствах.

— Я тоже рад, парень. Клянусь Реорксом, я тоже! — Дуган шумно вздохнул. — Все в руках богов...

Глиняная кружка опустилась на голову гнома и разлетелась на куски, эль залил ему бороду — кузнец наконец нашел обидчика.

— Ага, — удовлетворенно сказал гном. — Приступим! — Он засучил рукава и, вскочив на стол, съездил противника по физиономии. — Лучше бы тебе поспешить, парень! — добавил он.

— Сюда, — Аша вывела Палина из гостиницы через заднюю дверь.

Снаружи они слышали громкий свист. В ответ раздался топот множества ног и голоса, выкрикивающие команды. Они поспешили спрятаться в тень.

— Рыцари, — сообщил Палин, выглянув за угол. — Сюда приближается патруль.

— А как же Дуган? — забеспокоилась Аша. — Мы не можем его оставить! Тас тоже там!

— Я уже здесь, — раздался жизнерадостный голос.

Из-за кучи отбросов появился Тассельхоф. Его одежда была в полнейшем беспорядке и местами порвана, многочисленные сумочки висели криво, лицо припухло, а хохолок прилип к щеке.

— Я в полном порядке! — заявил он.

— Четверо рыцарей идут сюда. Нам надо исчезнуть как можно скорее, до того, как их станет больше.

— Но Дуган! — настаивала Аша, порываясь вернуться в таверну. — Он был добр ко мне...

— О, с ним ничего не случится, — успокоил ее Тас. — В конце концов, он все-таки бог.

— Что?! — остолбенела Аша.

— Нам надо уходить! — Палин взял Ашу под руку и почти насильно повел прочь.

— Он бог, — безапелляционно заявил Тас, поспешая за ними. — Реоркс, я знаю. Видишь ли, я много вертелся среди богов. С Паладайном так мы вообще лучшие друзья, а Владычице Тьмы я так понравился, что она предлагала мне остаться с ней, ну там, в Бездне. А вот теперь Реоркс, Дуган то есть, это, понимаешь ли, его второе имя... Славную мы с ним драчку устроили, жаль, под конец ему по голове здоровым кувшином заехали.

— Что он несет? Ты знаешь, о чем он говорит? — негромко спросила Аша Палина.

— Я потом объясню, — прошептал тот.

— Куда теперь? — живо поинтересовался Тас.

— В Великую Палантасскую Библиотеку.

— А-а, Астинус. — Тас ликовал. — Видишь? Когда я был в Бездне, во второй раз, не в первый, я

наконец понял, откуда же я его знаю. Он со мной тоже знаком.

Со стороны гостиницы раздавались крики и звон стали. Они достигли конца переуллка, и Палин выглянул за угол на улицу.

Аша дернула его за рукав.

— Что ты делаешь? Тебе опасно просто так ходить по улицам!

— Дорогая, — вежливо, но твердо ответил Палин. — Нам надо спешить. Если рыцари и заметят нас, им не придет в голову связывать нас с дракой в таверне. Они решат, что мы обыкновенные горожане, вышедшие на вечернюю прогулку.

— Вот-вот, — возразила Аша. — Только горожане вечерами больше не гуляют. Оглянись вокруг. Ты видишь кого-нибудь?

Палин огляделся кругом и понял, что Аша права: на улицах никого не было, за одним исключением. И этим исключением были рыцари.

— Посмотри в своем удостоверении личности, — тихо сказала Аша. — Некоторым позволено находиться вне домов по ночам, тогда в документах ставят особую отметку.

— Удостоверение личности? — удивился Палин. — Что ты имеешь в виду?

— Зачем мне удостоверение? Я и так знаю, кто я, — поддержал его Тас. — Я им вчера ночью в тюрьме прямо так и сказал!

— В Палантасе все должны теперь иметь подобные бумаги, — Аша задумчиво переводила взгляд с одного на другого. — Даже приезжие. Рыцари дают их каждому у ворот города. Вы уверены, что вам ничего не дали? Как же вас пропустили в город без документов?

— Ну, — начал Тас. — Даламар сказал что-то вроде *оогл, богл, болг* и...

— Это не важно, — быстро прервал его Палин. — Скажем так, мы оба попали в город не совсем обычным образом. Никаких документов или бумаг, что-то там удостоверяющих, у нас нет. Я даже не совсем понимаю, что это, собственно, такое. Давно у вас такие порядки?

Дверь гостиницы отворилась, и появились Черные Рыцари. Они вели с собой несколько человек, включая кузнеца и хозяина гостиницы. Последний умолял не закрывать его заведение. Следом вышли еще четверо рыцарей, неся за руки и за ноги неподвижного гнома. За ними выскользнули посетители и растворились в ночной тьме.

Тас, Палин и Аша замерли и стояли неподвижно, пока Рыцари не скрылись. В окнах гостиницы продолжал гореть свет. Из-за двери боязливо выглянула повариха и, убедившись, что улица пуста, бросилась бегом домой, на ходу снимая фартук.

— Понимаете, — объяснила Аша, — все запуганы. Когда Рыцари захватили Палантас, они приказали всем горожанам явиться во дворец правителя (там теперь их логово) и зарегистрироваться. Надо было сообщить свое имя, кто были родители и их имена, давно ли живешь в Палантасе и так далее. Тех, кто говорил неправду, забирали, а куда — никто не знает. Все семьи Рыцарей Соламнии бесследно исчезли, а их дома конфискованы... Тихо!

В переулок вошел патруль из трех Рыцарей. Они прошли совсем рядом, и мерный звук их шагов затих в отдалении.

— Они ввели комендантский час, — тихо продолжила Аша. — После наступления темноты жители должны сидеть по домам, а чтобы было легче

поддерживать введенный ими порядок и «дабы убереечь добропорядочных горожан от бандитов и грабителей», уличные лампы приказано было более не зажигать.

— Лампы, — пробормотал Палин. — Раньше все было иначе — ночью в Палантасе было не темнее, чем днем.

— Никто не выходит теперь прогуляться вечером. Таверны приносят одни убытки. Только жители окрестных домов иногда заглядывают, но и то их становится все меньше — боятся попасться патрулю. — Аша махнула рукой вслед ушедшим рыцарям.

— Даже если повод твоего появления на улице совершенно невинен, все равно тебя заставят пойти с ними в их контору и ответить там на бесконечные вопросы. Затем, *если* ответы их удовлетворят и *если* твои документы *в порядке*, они проводят тебя в то место, куда ты собирался. Если же они поймают на лжи, то остается только надеяться на милость богов! Ну а тебя, Палин, без документов да еще в компании с кендером...

Аша поехала.

— Кендерам вообще запрещено появляться в городе, — добавил Тас. — Утром меня и еще нескольких кендеров вышвырнули за ворота! Я, конечно, тут же вернулся назад, но это тоже оказалось не так просто, как раньше. Большую часть трещин и дыр в стене заделали, хотя некоторые все же остались...

— Тем не менее мы не можем стоять столбами в этом переулке, — прошептал Палин. — К полуночи мы должны быть в библиотеке! Придется попытаться счастья на улицах. Еще немного, и мы опоздаем!

— Может, воспользуемся волшебным кольцом? — с надеждой предложил Тас. — Глазом моргнуть не успеем, и уже там. Люблю *вжикаться!*

— Кольцо могло бы доставить туда только *меня*, ни тебя, ни Ашу переместить не удастся, — возразил Палин. — Пойдем. Нам надо двигаться, пока рыцари не вернулись.

— Есть другой способ, — сказала Аша после продолжительного молчания. — Боюсь только, что он вам не понравится.

— Почему? — похолодев, спросил Палин. — Что за способ?

Аша вскинула голову, отбросив назад серебряные волосы.

— Мы можем пройти так называемым Воровским путем. Там... я уже говорила, тебе вряд ли понравится.

Даже в бледном свете Солинали Палин заметил, как потемнело ее лицо. Она выдернула свою руку из его.

— Аша, — начал с трудом Палин.

— Мне нечего было есть! — вызывающе проговорила она. — Мне некуда было пойти, негде переночевать! Меня подобрал гном — Дуган Красный Молот. Он привел меня в Гильдию Воров. Там вопросов не задавали. — Аша укоризненно посмотрела на Палина. — *Они* приняли меня в свой круг, позволили ощутить себя дома, нашли комнату, дали работу. Сделали для меня намного больше, чем *некоторые*.

Палин смутился. Неожиданно виноватым оказался *он сам*.

— Извини, — поспешно сказал Палин. — Но я...

— Я не крада! — распаляясь и сверкая черными глазами, продолжала Аша. — Ни единой вещи!

Воры меня только еще обучали. Но Дуган говорил, что у меня дар.

— Аша, не надо больше ничего говорить, я все понял! — Он нежно взял ее руки в свои.

Их глаза встретились, и на мгновение Палин забыл, где он и что делает. Их губы соединились, и они припали друг к другу, обнимаясь на темной улице захваченного врагами города. В объятиях друг друга они чувствовали себя безопаснее, чем где-либо еще на Крине.

Медленно и неохотно Палин отодвинулся от Аши.

— Так нельзя, — твердо сказал он. — Ты дочь моего дяди. Моя двоюродная сестра!

— Палин... — смущенно проговорила Аша. — То, что я говорила тебе, это не совсем так... — Она помолчала и снова заговорила: — Ну, я не сказала тебе правду... — Аша окончательно смутилась и замолчала.

— Правду о чем? — улыбнулся Палин, пытаясь казаться невозмутимым. — О том, что ты делала у воров? Но ты же мне все объяснила, а я понял.

— Нет, я не о том, — вздохнула она. — Впрочем, не важно.

Палин почувствовал, что кто-то дергает его за рукав.

— Прошу прощения, — вежливо сказал Тас. — Здесь становится ужасно скучно. Кстати, а когда нам надо быть в библиотеке?

— Тас прав! Мы должны идти. Мы воспользуемся твоим путем.

— Следуйте за мной. — Аша повела их в глубь переулка, закончившегося тупиком.

Плотные облака закрыли луну. Свет из окон разоренной гостиницы не доходил сюда. Аша впо-

мах что-то искала. Тас наступил на кошку, которая с громким воплем убегала. Палин устало прислонился к стене.

— Нужен свет, — пробормотала Аша.

— Это не опасно?

— Долго мы здесь не задержимся. — Аша быстро огляделась вокруг.

— *Ширак*, — тихо произнес Палин, и камень на посохе засветился холодным бледным светом. Он высоко поднял посох, но сколько ни вглядывался, не заметил ничего интересного. С трех сторон их окружали глухие стены.

— Аша, как?..

— Помолчи! — прошептала она и опустилась на колени. — Лучше помоги мне отодвинуть эту решетку!

— Канализационный сток! — воскликнул Тас, затем тоже встал на колени и начал с энтузиазмом дергать решетку. — Мы попадем в канализацию! Я слышал о Палангасской канализационной системе, там должно быть чертовски интересно, но мне никогда не приходилось туда спускаться. Вот здорово, а, Палин?

Палин подумал, что для определения своего отношения к прогулке по канализации многонаселенного города он бы тоже мог подобрать несколько слов. Вот только «здорово» среди них, пожалуй, отсутствовало бы.

Он наклонился над Ашей как раз тогда, когда они с Тасом наконец сумели отодвинуть решетку.

— Здесь, наверно, можно надежно спрятаться, но как мы попадем в библиотеку?.. О-о!

Из дыры поднимались испарения с кошмарным запахом. Казалось, их волны образовывали призрачную фигуру, колыхавшуюся в жутком подобии

жизни. Палин отшатнулся и зажал рукой нос. Тас, глядевший с открытым ртом в открывающуюся дыру, отлетел, как будто от удара.

— Тьфу! Ух! Ого! — Кендер зажал нос. — Да уж, действительно, это... это...

— Невыразимо, — мрачно закончил Палин.

— Возьмите, завяжите себе рот и нос. — Аша протянула им полоски ткани, висевшие до того у нее на поясе. — Вскоре притерпитесь.

Тряпки пахли не многим лучше. Палин взял свою, но все еще колебался.

— Аша...

Она начала укорачивать юбку, подбирая полы и засовывая их под ремень.

— По канализационной системе можно попасть в любое место Палантаса. Может быть, даже в Башню Высшего Волшебства. Я не знаю. Не самый приятный путь, но...

— Гораздо приятнее, чем попасться Черным Рыцарям, — заметил Тас, пытаясь завязать носовой платок (один из тех, что были у Палина) поверх рта и носа. — К тому же сюда идут три рыцаря.

Палин с тревогой обернулся. Несколько силуэтов показались в начале переулка. Лунный свет блестел на их черных доспехах. Палин уменьшил свет от посоха. Аша с тряпкой, обернутой вокруг рта, уже спускалась в люк по железным скобам, вделанным в стену канализационного колодца. Тас последовал за ней. Палин пристроил на лице тряпку, глубоко вдохнул и, пытаясь задержать дыхание, приблизился к отверстию. Он сжал посох и, прошептав заклинание, спланировал вниз и коснулся ногами дна почти одновременно с тем, как Аша сорвалась с лестницы в самом ее конце.

Палин подхватил ее, чтобы она не упала в грязь.

— Как ты... — Аша с изумлением посмотрела на него.

— Магия.

Тас, быстро и ловко спускаясь по железным скобам, добрался до конца лестницы.

— Не думаю, что рыцари дойдут по переулку до нашего тупика, но если они все-таки дойдут, то обнаружат, что решетка сдвинута. Они поймут, что кто-то туда спустился, — сообщил он.

— Нам нельзя мешкать, — согласилась Аша. — Пойдем.

Она взяла Палина за руку и повела во тьму тоннеля. Тас спрыгнул на дно, поправил многочисленные сумочки и поспешил за ними.

— *Ширак*, — произнес Палин и удивленно огляделся по сторонам.

Никто точно не знал, как возникла канализационная система под Палантасом, но она представляла собой настоящий лабиринт. Некоторые полагали, что она была задумана и спроектирована самими строителями Старого города, а потом росла и развивалась вместе с ним. Другие же настаивали на том, что система пещер и тоннелей существовала на месте города задолго до начала его строительства и являлась не чем иным, как подземным городом давно забытого племени гномов. Согласно одному из вариантов этой истории, гномы были изгнаны людьми, когда те задумали построить сверху город. Место для города оказалось необыкновенно удобным и выгодным.

Канализационная система действительно напоминала небольшой город глубоко под землей. Стены тоннелей были выложены камнем и перекрыты сверху каменными же арками, пол ровный и гладкий. Местами обнаруживались вделанные в стену

железные кольца, которые, если судить по закопченному потолку над ними, служили когда-то для закрепления факелов.

Высота тоннеля была невелика. Только Тас мог идти выпрямившись. Аше с Палином пришлось согнуться чуть ли не вдвое. Идти нужно было очень осторожно: поверхность пола была мокрой и скользкой, местами попадались кучи мусора и нечистот. При приближении людей во все стороны разбегались крысы. Палин с Ашей и кендером шли, ведомые светом посоха, и чем темнее становилось вокруг, тем ярче разгорался камень на его навершии.

Тоннель, по которому они пробирались, шел параллельно переулку. Возможно, они шли всего в нескольких футах под рыцарями. Пока тоннель сохранял направление, Палин еще представлял себе, где они находятся по отношению к городу наверху, но когда, сделав несколько поворотов, тоннель привел их в зал, из которого в разных направлениях отходили три прохода, он растерялся. Куда идти дальше, было совершенно непонятно.

— Это безнадежно! — сказал он. От ходьбы согнувшись болела спина, а от запахов и мыслей об их источнике просто тошнило. Воздух Палантаса никогда не казался ему особенно свежим, но сейчас Палин был готов отдать все, только бы снова вдохнуть его. — Как мы узнаем, где находимся?

— Ты ничего не слышишь? — спросил Тас, подходя к нему. — Мне показалось, что я слышу какие-то звуки.

— Овражные гномы, — пояснила Аша, ее голос из-под повязки звучал глухо. — Посвети здесь, — попросила она Палина, указывая на стену одного из проходов.

Стену покрывали надписи и рисунки. Их можно было разделить на две большие группы. Одни из них были невероятно древними — разноцветные мозаичные письмена, во многих местах осыпавшиеся, покрытые трещинами и грязью. Эти знаки напоминали гномьи. Ниже располагались недавние пометки. Они представляли собой просто грубые рисунки, нацарапанные на стене чем-то острым, скорее всего ножом. Казалось, рисовал ребенок, там были квадраты, круги, а под ними стрелки.

Аша внимательно их изучала.

— Хочу обратить ваше внимание на то, что я продолжаю что-то слышать, — настаивал Тас. — Шаги... Может быть, голоса.

— Мыши. Нам сюда, — сказала Аша и повернулась к центральному тоннелю, отходящему налево.

— Как ты определила? — удивленно спросил Палин. Он тоже услышал какой-то шум и оглянулся назад, в непроглядную тьму.

— Вот указатель, — Аша показала пальцем на один из рисунков. — Это Великая Библиотека.

Палин присмотрелся, но не увидел ничего, кроме треугольника, под которым были нарисованы несколько линий. Он покачал головой.

— Это крыша, — объяснила Аша, показывая на треугольник. — А линии — это колонны. В чем дело? Ты мне не веришь?

Она выдернула свою руку из его. Палин попытался вновь прикоснуться к ее кисти, но безуспешно.

— Конечно, я тебе верю. Это... так странно, — оправдывался он. — Кто нарисовал эти картинки?

Аша молчала.

— Я понял, вору! — радостно заявил Тас, внимательно изучая рисунки. — Они сделали метки, чтобы всегда можно было найти дорогу. Смотри,

вот дворец правителя — этот, с пятью шпилями, а вот большой высокий прямоугольник с маленьким треугольником наверху — я думаю, Башня Высшего Волшебства, круг с пятью точками — храм Паладайна. Здорово! Стрелки внизу указывают направление. Аша, а еще указатели здесь есть?

— Они есть на каждой развилке. Так мы идем? — добавила она, заносчиво глянув на Палина. — Ты, кажется, куда-то спешил?

— Я поведу! — заявил Тас. — Может, мне повезет найти еще значки.

Он двинулся вперед. Аша поправила повязку на лице и собралась последовать за ним. Палин схватил ее и удержал.

Аша рванулась, а затем повернула к нему голову и неуверенно посмотрела на него, как будто снова собираясь что-то ему сообщить, но не решаясь этого сделать.

— Аша, — спросил Палин. — Что это?

Ее глаза сверкнули. Она резко сдернула повязку.

— Палин, я...

— Эй, где вы там? — крикнул Тас, эхо его голоса разнеслось по тоннелю. — Я... — Он внезапно завопил. — Бегите! Палин, бегите! А-а...

Все стихло.

8. Страшная встреча. Спасение. Ашины друзья

ас? — крикнул Палин.

Он услышал неясные звуки — возможно, драки, потом грубый мужской голос выругался. Палин двинулся вперед.

Что-то чернее самой тьмы появилось перед ним и схватило его поперек груди.

— Заткни ему пасть! Это маг, — слышался грубый голос, и мозолистая рука запечатала Палину рот.

Он ухитрился не потерять в схватке посох, и тот продолжал светиться. Приближающийся из-за поворота тоннеля человек также нес какой-то светильник. Тьму на мгновение прорезала желтая полоса света, но тут же по приказу обладателя грубого голоса исчезла.

— Прекратите! Эй вы, там! — крикнула Аша. — Десятипалый Джек, ты меня не узнаешь?

Раздался лязгающий звук камня по металлу, и загорелась свеча. Ее пламя осветило Ашу. Она стояла, уперев руки в бока, глаза ее сверкали, тени от колеблющегося пламени метались у нее за спиной.

— Во имя Хиддукеля, да это же Дуганова девчонка! — пророкотал грубый голос. — Пусть себе идет. Что там у тебя, Аллен Шрам?

— Кендер, — мрачно ответил тот. — Он пырнул меня ножом, — добавил он, подходя и протягивая к свету руку с кровоточащим порезом.

Это оказался крупный человек с лицом, обезображенным длинным грубым шрамом. В здоровой руке он нес извивающегося и невнятно ругающегося кендера. Его рот был заткнут платком, но это не останавливало Таса, он подробно излагал, что именно он думает о самом обидчике, его родителях и происхождении, его запахе и умственных способностях.

Из темноты послышалось хихиканье, эхом отразившееся от стен тоннеля.

— Кендер! Рах, кто еще? — Десятипалый Джек сплонул в грязь. — Не хватало только этого маленького воришки!

— Он мой друг! — запротестовала Аша. — И маг тоже! Отпусти меня, Малютка Салли!

Аша выскользнула из рук схватившей ее женщины средних лет, одетой в красную тунику поверх кожаных штанов. Та посмотрела на Джека. Он кивнул. Женщина отошла в сторону.

— Отпусти моих друзей! — настаивала Аша.

Джек с опаской посмотрел на Палина.

— Ладно, отпусти заклинателя, но заberi его посох и поясные сумки. А ты, маг, держи руки на виду и рот закрытым! Малютка Салли, присмотри за ним. Как только он откроет рот для заклинаний — сразу придуши его.

Женщина молча кивнула и подошла поближе к Палину. Гном с длинной белой бородой держал фонарь, который называли темным, потому что он имел специальную заслонку, позволяющую убрать свет, не гася огня. Гном поднес фонарь прямо к лицу Палина, почти ослепив его.

— Что ты делаешь здесь, девочка? — хмуро поинтересовался Девятипалый Джек. Это был невысокий, крепко сбитый человек, с головы до ног одетый в черную кожу. Свое имя он получил благодаря отсутствию указательного пальца на левой руке. У него были длинные черные волосы и черная борода. Кожа лица была темной и шелушащейся. — Воровских дел у тебя этой ночью нет, по крайней мере с Гильдией ты их не согласовывала, — уточнил он весьма зловещим тоном. — Не думаешь ли ты стать независимой, а, девочка?

— Я не на «дело», Девятипалый Джек, — ответила Аша и бросила косой взгляд на Палина. — Моему другу магу необходимо добраться к полуночи до Великой Библиотеки. Ты сам видишь, он принадлежит к Белым Мантиям, к тому же у него нет документов.

— Лучше не говори ничего, Аша, — предостерег ее Палин. — Вполне возможно, что они просто отдадут нас Черным Рыцарям, особенно если те заплатят за это!

— Нет, господин маг, не отдадут, — раздался из темноты женский голос.

На свет вышла молодая женщина. Ее лицо было частично скрыто намотанной вокруг головы шалью. Она была одета в черные вдовьи одежды и держала на руках спеленутого ребенка.

— Они не выдадут вас Рыцарям Тьмы, — мягко повторила она. — Они спасли от них нас с малышом. Мой муж был Соламнийским Рыцарем. Он погиб в Башне Верховного Жреца, — она прижала к себе спокойно спящего ребенка и продолжала. — Вчера в дверь моего дома постучались Черные Рыцари и велели быть готовой к тому, что сегодня они проводят нас с ребенком в некое «место перемеще-

ния». Я испугалась. О подобных местах я слышала. Мне некуда и не к кому было пойти. Потом ночью пришел он, — она кивнула на Десятипалого Джека, — и предложил переправить нас в безопасное место. Я больше не думаю о себе. — Слезы потекли из ее глаз. — Моя жизнь закончилась со смертью мужа, но ребенок...

Она опустила лицо и спрятала его, уткнувшись в сверток с младенцем. Малютка Салли обняла ее за плечи, успокаивая молодую женщину, как мать успокаивает дитя. Тас прекратил ругаться и спокойно висел в руке большого вора.

— Это правда? — Палин повернулся к Десятипалому Джеку. — Вы отправите ее туда, где она будет в безопасности?

— Наши дела тебя не касаются, — прорычал Джек. На его лице появилась гримаса, которую можно было при некотором воображении счесть улыбкой. — Скажем так, славная будет шутка, когда эти чернодоспешные дьяволы явятся за ней, а птичка-то улетела.

— Похоже, мое мнение о ворах не совсем верно, — с трудом проговорил Палин. — Прошу меня извинить, если так.

— Не стоит думать о нас слишком хорошо, маг. — Десятипалый расхохотался так сильно, что был вынужден прислониться к стене рядом с Палином. — Да встретиться ты мне в темном переулке с набитым кошельком на поясе, ты бы и глазом моргнуть не успел, как расстался бы с деньгами, а возможно, и с жизнью. То, что мы делаем сейчас, мы делаем вовсе не из любви к человечеству. Мы мстим этим черным ублюдкам, которые своими патрулями и комендантским часом лишили нас возможности жить по-нашему, как мы привыкли. Мы делаем все,

чтобы им навредить, и будем отравлять им жизнь до тех пор, пока они не уберутся из города. Те, кто доживет.

Джек вытер выступившие от смеха слезы, высморгался в два пальца и, вытерев их об одежду, окинул взором всех троих.

— Вот так-то. И мне совсем не хочется, чтобы вы разболтали о наших путях. Я должен быть уверен, что этого не случится. Девчонка была не права, приведя вас сюда и открыв вам нашу тайну.

— Что бы ты там ни собирался делать, делай не мешкая, Джек, — ледяным тоном заметила Малютка Салли. — Лодка, что увезет госпожу, уже ждет. Если ты хочешь укоротить эти языки, поторопись, нам давно пора быть там!

— Отпусти нас с миром Джек, — попросила Аша. — Я отвечаю за своих друзей. Они будут немые как рыбы!

— Мои братья были Рыцарями Соламнии. Клянись их могилами, я не сделаю ничего, что могло бы повредить этой госпоже.

Джек пристально посмотрел на Палина. Наконец медленно проговорил:

— Белый маг. Да, пожалуй, он сдержит слово. Это их общая слабость. Ладно, катитесь. Точно следуй меткам, девочка. Потерявшиеся здесь попадают на обед крысам.

Он махнул рукой. Огромный вор со шрамом бросил Таса лицом прямо в грязь. Первым ушел гном с фонарем, за ним последовали Малютка Салли, молодая женщина с младенцем и все остальные. Через мгновение, равное нескольким ударам сердца, вора исчезли так же быстро и бесшумно, как и появились.

Палин продолжал ошолобенело стоять в темноте, пытаясь сдержать бешено бьющееся сердце и осмыс-

литель произошедшее. Он был очень смущен. Его представление о мире, такое цельное и хорошо уравновешенное, оказалось буквально вывернутым наизнанку. Он вспомнил слова отца, говорившего о том, что некоторые благодарны Черным Рыцарям, принесшим мир на беспокойную землю. Потом перед ним как наяву встал бог Паладайн, горько произносящий: «мир тюрьмы».

— Можно опять зажечь свет, теперь это безопасно, — мягко сказала Аша.

— *Ширак*, — послушно произнес Палин, и свет посоха разогнал тьму. Палин в замешательстве посмотрел на Ашу. — Похоже, ты хорошо знаешь этих людей, а они тебя.

Аша побледнела, ее губы подергивались.

— Да, я их знаю! Они мне помогли. Я уже объясняла тебе. Это что, допрос?

Палин вздохнул. Опять получалось, что виноватым оказывался он. Решив сменить тему, он спросил:

— Ты начала говорить что-то, когда они появились. О чем ты хотела сказать?

— Не важно, — отвернулась Аша и наклонилась, чтобы помочь Тасу. — Как ты? — участливо спросила она.

Кендер стоял, кашлял, плевался и пытался стереть грязь с лица.

— Аша, ты слышала, как назвал меня этот тип? Воришка! — Тас был глубоко возмущен. — Да как он посмел? Да еще забрал с собой мой кинжал! Правда, это был не мой кинжал. Я бы сказал, Палин, что это был твой кинжал, но зато теперь этот вор не досчитается *своего*. Вот он, смешно, правда? Наверно, он его обронил...

9. Великая Библиотека.
Бертрем в ужасе.
Астинус Палантасский

Мы на месте, — тихо сообщила Аша. Она остановилась у ведущей наверх лестницы. В неверном свете посоха можно было разглядеть над головой решетку.

— Куда она выходит? — спросил Палин.

— К сожалению, прямо на середину улицы, но зато точно напротив библиотеки, — голос Аши был холоден, она говорила с магом, как могла бы говорить с незнакомцем.

— Пойду посмотрю, — предложил Тас и, не дожидаясь ответа, вскарабкался по лестнице, приподнял решетку и выглянул наружу. Оглядевшись, он уронил решетку с таким лязгом, что, казалось, его могут услышать в Северном Ерготе.

— Патруль, — предостерег Тас, быстро спускаясь.

— Дулак! — погасил Палин свет посоха.

Над ними раздались тяжелые шаги. Один из рыцарей наступил прямо на решетку. При этом скрежещущем звуке Аша придвинулась к Палину и схватила его за руку, их пальцы встретились.

Рыцари прошли, и все с облегчением вздохнули.

— Прости меня, — начал он.

— Прости меня, — прошептала она в тот же миг. Оба замолчали, улыбаясь.

— Ну, я пошел обратно наверх, — Тас собрался забраться на лестницу, но Палин остановил его.

Стоя у лестницы, он смотрел вверх на решетку, закрывающую вход в канализационную систему, и размышлял. Эта решетка в отличие от той, с которой они начали свое подземное путешествие, не была тайной. Она находилась на оживленной улице в центре города. Ее нельзя бросить открытой, необходимо положить ее на место так, чтобы никто ничего не заподозрил. В противном случае у рыцарей могут возникнуть подозрения, и они вполне могут начать прочесывать канализацию. Они не найдут там Палина, но вполне могут наткнуться на Деятипалого Джека и женщину, которой тот помогал.

— Надо спешить! — напомнила ему Аша. Она стояла в темноте совсем рядом, он чувствовал тепло ее тела. — Патрули ходят каждые четверть часа.

— Я попробую, — сказал Палин, с трудом пытаясь сосредоточиться, и обнаружил, что когда Аша так близко, да еще касается его руки, у него почему-то ничего не получается. Он не мог вспомнить ни одного подходящего заклинания. — Нет, так не пойдет.

— Встань здесь, — он взял Ашу за плечи и подвел к началу лестницы. — Тас, становись рядом. По моей команде начнете быстро подниматься.

— А ты что будешь делать? — заинтересованно спросил Тас. — Ты собираешься использовать магию? Можно, я с тобой?

— Стой, где тебе веле~~но~~! — резко возразил Палин.

Он вскарабкался вверх по лестнице, придерживая одной рукой посох, и, приподняв решетку, осмотрел улицу.

Высоко в небе сияла Солинали, в ее серебряном свете все предметы резко выделялись на общем черном фоне. Улица была пуста.

Снимая с запястья кожаный браслетик, который он обычно носил, он припоминал слова заклинания. Нужно произнести слова в строгой последовательности, сопровождая каждое определенным жестом. Голоса Аши и Таса, звучащие внизу, мешали ему сконцентрироваться, но он попытался не обращать на них внимания.

Палин закрыл глаза и сосредоточился. Он отвлекся от всего. От того, что он находится в Палантасской канализации и его разыскивают рыцари. Он никуда не спешил и не сознавал рядом присутствия женщины, ради которой был готов пожертвовать жизнью. Он был поглощен магией.

Палин поднял кожаное кольцо и начал медленно описывать им круги прямо под решеткой. Одновременно он заговорил на магическом языке, обращая особое внимание на правильное произношение и ударения в каждом слове. Сначала нетерпение и беспокойство еще жили в нем, но постепенно странное тепло возникло в его груди, сначала у сердца, а потом неторопливой волной растеклось по всему телу. Такое случалось только с немногими избранными. Только они и могли быть магами.

Он почувствовал, как тепло побежало по его жилам, он узнал эту изысканную радость и живую силу, вливающуюся в кровь. Магия играла и бурлила в нем, как пузырьки газа в игристом вине, рвалась наружу. Он произносил довольно простое заклинание, посильное для любого мага даже невысокого ранга. Однако и за простейшее надо платить. Когда все заканчивается, пузырьки взрываются, и ты остаешься совсем без сил, в унынии и со

странным ощущением, что никогда уже ничего подобного больше не сможешь сотворить.

Палин был уверен в своем искусстве. Он поднес кольцо браслета к решетке и описал им круг, пронося магические слова. Решетка поднялась в воздух. Палин управлял ею движением руки: с каждым новым кругом решетка поднималась немного выше. Когда она поднялась достаточно для того, чтобы из-под нее можно было вылезти, Палин прекратил описывать круги рукой, и решетка неподвижно зависла в ночном воздухе.

— Тас, Аша! — тихо позвал он. — Пора, быстро вверх!

Тас начал быстро взбираться, бесчисленные сумочки били его по ногам. Аша поспешно поднималась за ним. Палин выбрался из-под решетки, что требовало немалой ловкости, так как рука с кольцом должна была оставаться под решеткой.

— Наблюдай! — коротко велел Палин кенде-ру. Тас кивнул, перебежал улицу и встал в тени куста.

Следом легко поднялась Аша. Тас приглашающе махнул рукой, и она быстро перебежала к нему.

Палин начал медленно опускать кожаную петлю, ведя ее по спирали к земле. Тут он услышал в отдалении мерно звучащие шаги.

Он не мог спешить. Если убрать кольцо сейчас, то решетка свалится на землю с ужасающим скрежетом. Шаги приближались. Палин вращал рукой так быстро, как только мог, но ему все равно казалось, что решетка опускается безумно медленно. Тяжелые шаги тем временем слышались все ближе и ближе.

— Палин, — громко прошептал Тас, высовываясь из-за куста. — Ты слышишь?..

— Помолчи! — отмахнулся Палин. Решетка была почти на месте, она уже едва не касалась его руки, лежащей на земле.

Теперь предстоял еще один сложный этап. Надо было убрать из-под решетки руку, но как только кожаное кольцо браслета будет вынуто, она, освобожденная от силы заклинания, немедленно начнет падать. Ее предстояло «поймать», удержать и возобновить заклинание уже с другой стороны, и все это за несколько секунд. Осторожно Палин вынул руку с кольцом из-под решетки, мгновенно перевернул кольцо и возобновил вращательные движения.

Шаги раздавались уже совсем рядом, не дальше чем в полуквартале. Дома пока еще закрывали его от взора рыцарей, но когда они выйдут на перекресток улиц у здания библиотеки, в ярком свете луны Палин будет виден как на ладони.

Палин услышал, как в кустах завопили и затем раздался голос Таса:

— Нет, Аша, не ходи. Жди здесь, это слишком опасно.

Палин уложил решетку на место. Тепло магии покинуло его, оставив ослабевшим, опустошенным и холодным. На мгновение ему захотелось бросить эту бесполезную и бессмысленную борьбу. Может быть, лучше спокойно подождать, пока подоспевшие рыцари заберут его.

Но Палин был уже знаком с подобным чувством оцепенения и разочарования, наступающим после произнесения заклинаний, и знал, что должен бороться. Рыцари были уже совсем близко. Медленно ступая, маг скрылся в тени кустов в тот самый миг, когда рыцари появились в пределах видимости.

На их черных доспехах играл свет луны. Они шагали молча и бесстрастно, как неживые. При-

таившаяся в кустах троица старалась не дышать. Сердца их стучали так громко, что, казалось, могли их выдать.

Рыцари прошли. Улица снова была пуста.

Палантасская Великая Библиотека была одним из старейших зданий на Кринне. Ее белораморный фасад, прорезанный узкими темными окнами и украшенный портиком с колоннами, приводил в трепет и восхищение любого, кому доводилось оказаться поблизости. Рядом с ней люди невольно понижали голос; чудилось, сам ветер, шумящий в кронах окружающих ее деревьев, шептывает секреты давно ушедших эпох. Палину показалось, что, будь у него время, он точно услышал бы какой-нибудь из них.

Правда, времени у него не было. Не только потому, что приближался назначенный час свидания с дядей, — рыцари непременно вернутся, и очень скоро. Громадные двустворчатые двери центрального входа были сделаны недавно вместо поврежденных во время прошлогодней битвы за Палантас. Двери были выполнены из бронзы и имели форму книги — символа Гилеана. Они были закрыты и казались совершенно неприступными. Палин толкнул их. Как он и предполагал, двери были заперты.

— Наверно, они открываются изнутри, — пробормотал он. — Но должен же быть какой-нибудь способ...

— А как насчет этого, Палин? Может быть, что-нибудь произойдет. — Тассельхоф держал конец длинной веревки, свисавшей откуда-то сверху.

— Не смей, Тас... — Что бы Палин ни собирался сказать после этого, его слова были заглушены звонном большого бронзового колокола.

Звуки колокола разнеслись по ночному воздуху, порождая эхо вдали.

— Ого, — сказал Тас и отпустил веревку.

Колокол продолжал звенеть. Звук был так силен, что они чуть было не оглохли. В окнах библиотеки зажегся свет. Свет показался и в окнах домов вдоль улицы. Внезапно открылась маленькая потайная дверца, скрытая в больших дверях.

— В чем дело? Что происходит? Пожар? — слышался взволнованный голос. Голова с тонзурой боязливо высунулась в темноту. — Где горит?

Палину наконец удалось поймать веревку колокола, и звон умолк:

— Это не пожар, брат. Я...

На лице пожилого монаха возникло странное выражение. Он уставился на мага в грязно-белых одеждах, на Ашу в подоткнутой юбке и башмаках, заляпанных грязью, на Тассельхофа, который безуспешно пытался выдрать засохшую грязь из своего хохолка. Принюхавшись, монах демонстративно заткнул нос двумя пальцами.

— Библиотека закрыта! — заявил он и попытался закрыть дверь.

— Подожди! — Тассельхоф бросился вперед и вклинился в дверной проем. — Привет, Бертрем! Ты меня помнишь? Я — Тассельхоф Непоседа! Я здесь уже бывал...

— Да, — холодно ответил Бертрем. — Я помню. Но я, кажется, ясно выразился: библиотека закрыта. Приходите утром. И не забудьте принять ванну, — он отступил назад, еще раз попробовал захлопнуть дверь и нервно добавил. — Только, пожалуйста, без кендера. — Затем он вытолкнул Таса и уже почти захлопнул дверь, когда Палин всунул туда кончик своего посоха.

— Пожалуйста! Прошу тебя! Ты просто обязан пустить нас! Мне очень жаль, но мы добрались сюда через канализацию...

— Воры! — взвизгнул Бертрем. — Помогите! Помогите! Воры! — голос его достиг высоты, нестерпимой для уха.

— Сюда кто-то идет, — предостерегающе произнесла Аша.

— Мы не воры, — попытался объясниться Палин. — Я собирался встретить здесь моего дядю. Он велел мне ждать его в кабинете Астинуса. Пожалуйста, проведите нас туда.

Слова Палина настолько поразили монаха, что он едва не выпустил из рук многострадальную дверь.

— Убийцы! — заорал он. — Помогите! Они хотят убить Мастера!

— Рыцари... — прошептала Аша. — Кажется, идут прямо сюда...

— Бертрем! — раздался голос из глубины библиотеки.

Монах подпрыгнул, побледнел и оглянулся:

— Да, Мастер?

— Пусть они войдут. Я ждал их.

— Но, Мастер...

— Не заставляй меня повторять, Бертрем!

— Да, Мастер... То есть я имел в виду: нет, Мастер...

Бертрем широко распахнул дверь, отступил назад и прикрыл нос рукавом своего одеяния. Потом сделал рукой приглашающий жест.

Внутри библиотеки было темно. Единственный свет исходил от масляной лампы, оставленной Бертремом на столике возле двери. Человека, отдавшего распоряжение впустить путников, видно не было.

— Закрой дверь, — велел голос. — Когда рыцари явятся сюда узнать, что случилось, скажи им, что ты страдаешь лунатизмом. Звон колокола был всего лишь одним из проявлений твоей болезни. Ты понял меня?

— Да, Мастер, — отозвался Бертрэм. Голос его звучал подавленно.

— Сюда, — позвал человек, скрывающийся в темноте. — Поторопитесь. Пока я стою тут с вами, в летописи возникают пробелы. Зажги свой посох, маг! Твой дядя ждет тебя.

Палин произнес заклинание, и на конце посоха зажегся свет. Стали видны полки с книгами в тяжелых кожаных переплетах, рулоны свитков, аккуратно сложенных на стеллажах. Концы полок уходили в темноту, так же, как терялись во глубине веков истоки сказаний, записанных на их страницах.

Наконец свет упал и на автора всех этих бесчисленных книг и свитков. Его лицо не имело признаков возраста: оно не было ни лицом юноши, ни лицом старца, ни лицом человека средних лет. Оно было таким же гладким и лишенным выражения, как чистые листы бумаги, на которых он писал свою бесконечную летопись, отражающую каждый миг истории Кринна. На этом лице не отражались никакие чувства. Он видел слишком много всего, чтобы поражаться чему бы то ни было. Он описывал рождение этого мира, славу Дома Сильванос, изготовление Серой Драгоценности, создание Торбардина, героизм Хумы во вторую Драконию Войну, Братоубийственные Войны, возникновение Ордена Рыцарей Соламнии, основание Истара. Он продолжал писать во время катаклизма, когда сотрясались стены самой библиотеки.

Он писал о падении Соламнийских Рыцарей, возникновении ложных культов, Войне Копья.

Говорили, что давным-давно он был монахом Гилеана. В то время он и начал писать свою ныне знаменитую Историю Кринна. Гилеану, как говорили, так понравилась его работа, что он даровал смертному человеку бессмертие — покуда тот продолжает свой труд.

Другие же полагали, что он сам и есть бог Гилеан.

Никто из тех, кому доводилось его видеть, не могли потом вспомнить черты его лица, в памяти оставались лишь глаза — темные, отстраненные, много повидавшие, бесстрастные.

— Я Астинус, дитя Эрдов, — ответил он на произнесенный Ашей вслух вопрос.

— Я не... — начала Аша.

На нее смотрели безжалостные глаза. Аша не стала больше ничего отрицать. Вместо этого она решила перейти в нападение.

— Но как ты узнал? *Что* ты знаешь?

— Все.

— Ты знаешь правду обо мне? — Аша запнулась и бросила долгий взгляд на Палина.

— Спроси себя саму, дитя Эрдов, — отстраненно ответил Астинус. — Не спрашивай меня об этом. Здесь не лучшее место для разговоров, — добавил он и посмотрел на дверь. — С минуты на минуту тут будут рыцари. Пойдем.

Он повернулся направо и пошел по коридору. Оставив несчастного Бертрема сторожить дверь, путники поспешили следом. Тотчас же раздался громкий звон колокола. Палин, Тас и Аша ускорили шаги.

— Привет, Астинус! — сказал Тас, шагая рядом с летописцем. В отличие от остальных он был совершенно не впечатлен его величием.

Ты меня помнишь? А я вот тебя вспомнил. Я тут давеча в Бездне видел бога Гилеана. Ты и вправду сам Гилеан? Не очень-то ты на него похож, но Фисбен ведь тоже был на себя не похож. Ну, точнее сказать, когда он выглядел как Фисбен, он был совсем не похож на Паладайна. Дуган Красный Молот, вот тот очень похож на Реоркса. Правда, я и раньше замечал, что у гномов с воображением не густо. А ты не замечал? Эх, если бы я был богом...

Астинус резко остановился. По его лицу пробежала тень чувства.

— Если бы богами были кендеры... Мир тогда превратился бы в весьма интересное место, вот только боюсь, мало кто был бы в состоянии *найти* там что-либо.

— Где дядя? — поинтересовался Палин, желая и в тоже время боясь представить ему Ашу.

— Он ждет вас в моих апартаментах, но... — Астинус окинул Палина взглядом. — Он не ожидает увидеть вас в подобном виде.

Палин пожал плечами.

— Я уверен, дядя все поймет. У нас не было выбора...

Астинус остановился перед закрытой дверью.

— Здесь ты найдешь теплую воду и перемену одежды.

— Я крайне признателен за заботу, господин, — начал Палин. — Но дядя велел мне спешить...

Он говорил в спину Библиотекарю. Астинус уже отвернулся и обращался к Тасу и Аше:

— Для вас одежда тоже найдется. Мы собирались передать ее беднякам, но она чистая и вполне еще годная для носки. Вы, двое, следуйте за мной.

— Я скоро вернусь, Палин Маджере, — добавил он, оглянувшись. — Когда будешь готов, я отведу

тебя к дяде. Пошли, дитя Эрдов, и ты тоже, Мастер Непоседа.

— Ты слыхала, как он меня назвал? — гордо поинтересовался Тас у Аши, когда они шли за Астинусом. — *Мастер* Непоседа!

Палин решил, что Астинус, пожалуй, прав. Вряд ли Рейстлин будет рад видеть племянника, который пахнет так, как будто явился к нему после совместной трапезы с овражными гномами.

Он открыл дверь и вошел в комнату — маленькое помещение, подобное тем, в которых жили Эсты — монахи, посвятившие свою жизнь служению библиотеке и Мастеру. Обстановка была весьма скудной. Там были лишь кровать и умывальник, у которого стоял сейчас таз с водой, кувшин и зажженная свеча. Край кровати терялся во тьме, там лежала смена одежды.

Палин подозрительно огляделся, потом подошел к умывальнику и, скинув тошнотворно пахнущую одежду, принялся яростно отмываться.

Закончив и чувствуя себя много лучше, он отпихнул ногой подальше в угол грязную одежду и подошел к кровати за чистой.

Внезапно он замер, дыхание его перехватило. Он схватил одежду и поднес ее поближе к свету, надеясь, что ошибся.

Ошибки не было. Глаза сказали ему правду.

Одежды, приготовленные для него Астинусом, были черными.

10. Выбор

начала Палин решил, что Астинус просто решил над ним подшутить. Вспомнив его бесстрастные глаза, Палин отбросил эту мысль. Он потрогал ткань. Черные одежды были мягкими и приятно согревали руку. Он вспомнил свои слова, сказанные Рейстлину в Башне Высшего Волшебства:

«Я знаю, мне будет сложно и очень тяжело, но я на все готов, готов все отдать, чтобы обрести Силу!»

Может быть, это ответ? Может, это та жертва, которую ожидает дядя?

В дверь постучали. Прежде чем Палин успел ответить, дверь отворилась. На пороге стоял Астинус. Под мышкой он держал большую книгу, в руке у него было перо.

— Ну, — скомандовал он. — Чего ты ждешь? Быстро одевайся.

— Я не понимаю, господин, — ответил Палин. — Что все это значит?

— Значит? О чем ты? Ты уже принял решение, так что побыстрее одевайся.

— Решение? Какое решение? Я никогда не принимал такого решения. Я не хочу носить Черную Мантию. Я совсем не хочу использовать магию

ради денег, во зло или для того, чтобы заставлять других выполнять мою волю...

— В самом деле? — холодно осведомился Астинус. — А я-то полагал, что тебе было сложнее решиться обречь человека на верную смерть, чем надеть Черную Мантию.

— Смерть? Мне решиться? — запротестовал Палин. — Ты, наверно, ошибся, я никогда... — он осекся. — О боги! Ты о Стили! Нет, Черные Рыцари наверняка не предадут его смерти. Он *должен* был им объяснить все обстоятельства. Он не мог ничего сделать. Они что, ему не поверили?

Астинус вошел в комнату. Подойдя к Палину, он открыл книгу и указал на строчки, написанные в конце страницы.

Сегодня, с первыми лучами солнца, был казнен Стил Светлый Меч. Он умер вместо Палина Маджере, который дал слово чести вернуться и нарушил его.

— С первыми лучами солнца, — пробормотал он и поднял взгляд на Астинуса. — Солнце еще не взошло! Этого не может быть! Как ты...

— До рассвета несколько часов, — ответил Астинус, пожимая плечами. — Иногда я опережаю события. Так проще, особенно в тех случаях, когда измениться ничего не может.

— Где? — спросил Палин. Он лихорадочно облачался в черные одежды. — Где будет проходить казнь?

— В Башне Верховного Жреца. Он умрет бесславно, разжалованным. Он положит голову на окровавленный камень, и повелитель Ариакан собственноручно отсечет ему мечом голову.

Палин замер, не двигаясь и не говоря ни слова.

Астинус безжалостно продолжал:

— Труп Светлого Меча не будет предан земле, его скинут со стены на растерзание стервятникам. Его смерть послужит примером для остальных рыцарей. Вот что бывает с теми, кто не выполняет приказ.

Перед Палином одна за другой проносились картины: Стил, преклоняющий колени на могилах его братьев, Стил, сражающийся на его стороне в Шойкановой Роще, Стил, спасающий ему жизнь...

— Но разве это важно? — громко и назойливо продолжал звучать голос Астинуса. — Этот человек — сущий дьявол. Он отдал душу Владычице Тьмы. Он убил много хороших людей — Соламнийских Рыцарей. Он заслуживает смерти.

— Но не позора и бесчестья! — Палин вновь посмотрел на надпись в книге. — С первыми лучами солнца. Слишком поздно. Я бы не допустил казни, если б мог, но это невыполнимо. Нужно несколько дней, чтобы добраться до Башни Верховного Жреца из Палантаса. Я никак не смогу появиться вовремя и предотвратить казнь. — Ему было очень стыдно, но где-то в глубине души он почувствовал облегчение.

В голове Палина возник шепот:

— *На тебе Черная Мантия. Теперь, когда это свершилось, я открою тебе книгу заклинаний Фистандантилуса. Ты заслужил.*

Горький привкус появился во рту Палина. Он чувствовал себя гаже, чем во время путешествия по Палантасской канализации. Он провел рукой по одежде. Она была мягкой и теплой, удобно облегла его тело и защищала его.

— Я не виноват, дядя. Я никак не думал, что Стил попадет из-за меня в беду. Но даже если я выйду прямо сейчас, я все равно никак не успею!

— ** Ты принял решение. Гордо объяви его! Не лги самому себе, племянник,* — прошептал голос. — *Ты*

можешь туда попасть. У тебя есть кольцо — кольцо Даламара. Кендер вернул его тебе. Ты можешь оказаться в Башне Верховного Жреца со следующим ударом сердца.

Палин вздрогнул. Посох в его руке внезапно потеплел, стал теплее рукава его черных одежд. Кольцо перенесет его. Ему надо только пожелать.

Но какое это ужасное желание! Он посмотрел на Астинусу.

— Ты слышал?

— Да, я слышу все произнесенные слова, даже если они произносятся только в душе.

— То, что он сказал, правда? Я могу предотвратить казнь?

— Если ты придешь вовремя в Башню Верховного Жреца, то рыцари отменят казнь, — ответил Астинус и с легким недоумением взглянул на Палина. — Они отменяют казнь *Стила*. Я должен зачеркнуть его имя и вставить твое?

Палин задохнулся. Каждый вздох давался ему с трудом. Нет. Нет, я не готов умирать. Я боюсь смерти, боли, бесконечной темноты и тишины. Я хочу видеть восход солнца, слушать музыку, пить родниковую воду. Я нашел любимую. Я хочу еще хоть раз почувствовать, как магия играет в крови. А родители! Горька будет их печаль. Я не хочу уходить из жизни!

— *И не надо, племянник, —* пришел к нему шепчущий голос. — *Стил Светлый Меч вручил свою душу Владычице Тьмы. Многие расценят его смерть как благое дело.*

— Я дал слово. Я обещал вернуться.

— *Нарушенное слово? Невыполненное обещание? Что из того? Когда умрет Светлый Меч, кто об этом узнает и кого это будет занимать?*

— Меня! — ответил Палин.

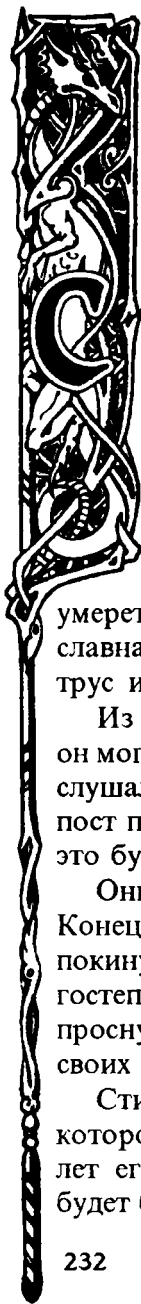
— *А ты как думал, племянник? Что ты подра-
зумевал, говоря: откажусь от всего? Я скажу тебе,
что это значит. Отказ от всего — всего! — любви,
чести, семьи, самой души — ради магии. Не этого
ли ты хотел? Или ты думал, что можно все обре-
сти, ни от чего не отказываясь?*

— Ты спрашиваешь, отдам ли я жизнь, — сказал Палин.

— *Конечно.*

— Так или иначе, — осознал Палин, — я отдам ее.

— *Так или иначе,* — согласился Рейсглин.

11. Казнь

Стил Светлый Меч лежал на куче соломы, брошенной на каменный пол его камеры. Он не спал. Последнюю ночь перед казнью юноша проводил в горьком молчаливом бдении. Стил не боялся смерти, он примирился с ней и ждал ее.

А смерть не пришла, не взяла его, когда он звал ее. Если бы ему было позволено умереть в битве! Теперь его ожидала смерть бесславная и позорная. Он умрет в оковах, как вор, трус и изменник.

Из окон его камеры не было видно восхода, но он мог слышать, как перекликаются часовые. Стил слушал их всю ночь. Он слышал, как заступила на пост последняя смена, и представлял себе, как все это будет выглядеть для часовых.

Они будут улыбаться, потягиваться и зевать. Конец их вахты будет уже близок. Через час воины покинут посты и вернутся в бараки, окунутся в их гостеприимную тьму и наконец заснут. Потом они проснутся, разбуженные жарой или просто храпом своих товарищей.

Стил Светлый Меч через час уснет во тьме, из которой нет возврата, если только Чемош не пошлет его в мир, и тогда его неупокоенная душа будет бесцельно бродить повсюду. Стил не боялся

ничего в этом мире, но последняя перспектива ужасала даже его. Ему пришлось встретиться однажды с мертвым Рыцарем Соламнии — властителем Сотом. Трепеща пред силой призрачного воина, Стил смотрел тогда на него с ужасом и сожалением и молил про себя: «О Такхизис, Владычица Тьмы, пусть постигнет меня любая судьба, но только не такая».

Всю ночь его мучил вопрос, простит ли его Такхизис или отдаст в рабство Чемошу.

Эти мысли заставляли холодеть его члены, ужас охватывал его, тело покрывалось ледяным потом. Скорчившись, лежал он на куче соломы, моля о милости Ее Темное Величество, как вдруг услышал звук поворачивающегося в замке ключа.

— Посетитель, — сообщил тюремщик. По его срывающемуся, неуверенному голосу Стил понял, что это не просто посетитель.

Стил встал и выпрямился. Он был уже одет для казни в прямую рубаху из грубого сукна, вроде тех, которые надевают на трупы безвестных бродяг перед тем, как бросить их в безымянную могилу. Он нетерпеливо ждал, боясь и горячо надеясь. Может быть, это повелитель Ариакан пришел отменить смертный приговор. Дверь в камеру со скрипом отворилась.

Вошел человек в черных одеждах. Он остановился, оглядываясь. Стил не мог разглядеть его во тьме камеры и даже не понимал, какого пола существо посетило его. Казалось, вошедший сам был сгустком тьмы. Но он был не один, спустя мгновение еще одна фигура проскользнула в дверь и, бесшумно подойдя, встала рядом с первой.

— «Выйди и запри дверь, — раздался тихий, но твердый и четкий голос.

Стил внезапно понял, кто перед ним. Он уже видел, встречался с ней. Он пал ниц, воздев руки над головой.

— О, госпожа! — прошептал он.

— Свет, — приказала Верховная Жрица прислужнице.

Женщина помоложе произнесла слово, и появился рассеянный свет, источник которого был не виден. Свет не разогнал тьму, казалось, он сделал ее глубже и одушевленное.

Верховная Жрица Такхизис подошла и встала над Стилом.

— Встань, — негромко сказала она. — Посмотри на меня.

Полный благоговения Стил встал на колени.

Верховная Жрица казалась ему дряхлой старухой еще тогда, когда он только начинал свое служение, много лет назад. Сейчас она была невероятно древней, за пределами понимания и сравнения. Седые волосы прядями висели вокруг ее лица. Кожа туго обтягивала череп. Губы ее были голубыми, того же цвета, что и вены, выступавшие на костлявых руках. Протянув одну руку — другой она опиралась на прислужницу — Жрица взяла Стила за подбородок. Пальцы ее напоминали когти — длинные, желтые, остро отточенные ногти переходили в костлявые пальцы.

— Владычица слышала твои молитвы. Она довольна тобой, Стил ут Матар Светлый Меч. Ты хорошо послужил Ес Темному Высочеству, лучше, чем ты думаешь. Она обретет сегодня две души. Для тебя уже приготовлено место в Ее личной гвардии, почетное место...

Стил закрыл глаза. Слезы облегчения и благодарности потекли из-под век.

— Большая честь для меня, я от всего сердца благодарен Ее Высочеству...

— Одно требование, — прервала его верховная жрица.

Стил поднял глаза.

Ее ногти впились в его тело так, что выступила кровь. Она отпустила его подбородок, палец скользнул ниже, указывая:

— Сними этот талисман.

Стил поднял руки к серебряной цепочке, обвивавшейся вокруг шеи. На этой цепочке висело украшение, которое Стил никому не показывал. Только четверо знали о его существовании. Один из них — Танис Полуэльф — был мертв. Повелителю Ариакану о нем рассказал сам Стил. О нем знали еще Верховная Жрица и Карамон Маджере, который был свидетелем его обретения. Пальцы Стила сомкнулись на талисмане — Камне-Звезде.

Стил часто и сам недоумевал, почему он его носит. Драгоценная брошь царапала кожу и раздражала его. Неоднократно он решал избавиться от нее и сжимал пальцы вокруг цепочки, собираясь ее сорвать и бросить в грязь.

Но каждый раз, когда он касался ее, его охватывало светлое чувство, гасящее гнев, как поток холодной воды гасит жажду, горящую в груди. Он ощущал нисходящее на него спокойствие. Его обычно беспорядочные, спутанные мысли становились ясными и четкими, как грани бриллианта. Все сомнения отметались прочь, оставалась только светлая составляющая его личности, ее чистые надежды и желания.

Его пальцы сомкнулись на цепочке. Зная, как действует на него сама драгоценность, Стил остерегался трогать ее. Он был спокоен. Последние

сомнения покинули его. Владычица простила его грех и приготовила ему почетное место подле себя. Камень-Звезда только смущал душу и мешал ему.

Конечно, Верховная Жрица была права. Он должен избавиться от него, избавиться сейчас, чтобы душа его предстала перед Такхизис свободной от каких-либо ограничений.

— Да, — сказал он, сжимая цепочку и пытаясь ее порвать.

Цепочка осталась целой.

— Сними ее, — велела верховная жрица. В голосе ее прозвучало недовольство. Воспаленные глаза сузились. — Ты рискуешь навлечь на себя гнев Владычицы Тьмы.

Перед глазами Стила возникло видение — бесплотная рука в Шойкановой Роще, вылезающая из-под земли в поисках горячей крови, дабы согреть то, что согреть невозможно. С внезапным ужасом он осознал, что это его рука. Неистово и безнадежно он рванул цепь, и она глубоко врезалась ему в шею.

— Отпусти меня, отец! — вскричал он, не осознавая, что говорит, не зная даже, произносит ли вообще что-нибудь. — Отпусти меня! Я сделал выбор...

Его рука скользнула вдоль цепочки. Он схватил брошь, думая оторвать и бросить ее.

Теплый и яркий свет брызнул из-под его пальцев. Его опасения, подобные страхам оставленного в темноте ребенка, рассеялись. Сильная рука отца поддерживала и успокаивала его, защищала от зла.

Он внезапно успокоился. Ему больше не было горько. Он осознал, что одним его смерть покажется бесславной, другие же сочтут ее достойной. Его душа оставалась в его власти. Такхизис не могла завладеть ей, даже несмотря на то, что он сам желал ее отдать. Ему опять предстоял выбор.

Он должен иметь веру. Она была не только в нем самом.

Стил разжал кулак и позволил Камню-Звезде упасть на грудь.

— Идиот! — недовольно прошипела Верховная Жрица. — Ты предал свою Владычицу. Да будут твои мучения бесконечны!

Стил застыл в жутком оцепенении. Но он не собирался просить и умолять о милости. Все чувства покинули его, даже страх.

— Уведи меня отсюда! — приказала Верховная Жрица.

Прислужница подняла склоненную голову, окинула Стила недобрый взглядом и помогла ей покинуть камеру. Неслышными шагами они удалились.

Стил мог бы многое сказать им, но внезапно почувствовал себя усталым, страшно усталым. Он устал от жизни. Ему не терпелось поскорее завершить ее, прервать череду страданий и сомнений. Избавиться наконец от ощущения двух отдельных сущностей, запертых в его теле и ведущих непрерывную битву за его душу. Скоро этот бой закончится. Он с изумлением обнаружил, что рад этому.

Удар колокола, прозвучавший чистой серебряной нотой, возвестил Первую Стражу.

Тяжелые шаги раздались около его двери. Стил поднялся. Пусть те, кто войдут сюда, найдут его гордо и прямо стоящим на ногах.

Дверь широко распахнулась. Два рыцаря высокого ранга из личной гвардии Ариакана вошли внутрь. Стил понял оказываемую ему честь. Он был благодарен за это.

— Стил ут Матар Светлый Меч, — медленно и торжественно сказал один из них. — Ты предстаешь

перед правосудием повелителя. Можешь ли ты сказать что-нибудь в свою защиту в этот последний твой час?

— Нет, господин, — твердо ответил Стил. — Я принимаю суд моего повелителя как справедливый. Я принимаю мое наказание как правильное.

— Да будет так, — сказал рыцарь мрачно и неуверенно.

Стил был удивлен тому, что рыцарь явно рассчитывал на иной ответ.

Решение было принято. Лица рыцарей окаменели. Они приблизились к Стилу и полоской черной кожи связали ему руки за спиной. Длинные волосы Стила были также перевязаны полоской кожи, дабы открыть шею для удара мечом. Сделав это, они встали по сторонам, взяв его за руки.

Стил передернул плечами и освободился от их хватки.

— Я пойду сам, — заявил он.

Втроем они вышли из камеры.

Стоявший у двери тюремщик тихо пробормотал:

— Да будет суд Владычицы Тьмы к тебе милостив, господин рыцарь.

— Да поможет тебе Паладайн, Светлый Меч! — раздалось многоголосое пожелание из окрестных камер.

— *Салерис Хума дарвей. Керемнис Хума дарвей...* — начал кто-то из тьмы.

Это была песнь Хумы, героя Рыцарей Соламнии. Один за другим узники присоединялись к песне. Их голоса громко и торжественно разносились в воздухе.

— Пусть они прекратят этот рев, — велел один из рыцарей тюремщику, но сказал это тихо. Тюремщик удалился, сделав вид, что ничего не слышал.

Стил хотел ответить, но не находил слов. Голос не слушался его. Он молча и благодарно кивнул. Глаза его наполнились слезами.

От камер до центрального крепостного двора было недалеко. Вот тот самый двор, где Стил храбро сражался, где на его руках умер Танис Полуэльф. Не такой уж длинный путь к месту, где Стилу предстояло умереть от своего собственного меча. От меча его отца.

Он был удивлен, обнаружив, что его путь пролегает между выстроившимися шпалерами рыцарями. Сначала он решил, что это сделано для того, чтобы он не сбежал, но по мере того, как он в своих позорных одеждах миновал их, каждый рыцарь торжественно и печально приветствовал его.

В его сознании все они слились в одного рыцаря в сияющих доспехах, в образ его отца, стоящего перед ним. Это его серебряный доспех сверкал в первых лучах рассвета.

Стил вступил в центр крепостного двора, полного рыцарей, стоящих по кругу. В центре была установлена плаха из черного мрамора, покрытая потеками засохшей крови, место, куда Стилу предстояло положить голову.

Твердым, бестрепетным шагом Стил в сопровождении двух стражей проследовал к плахе и остановился перед ней.

Повелитель Ариакан, покровитель и судья Стила, был и его палачом. В руках он держал семейную реликвию — клинок Светлых Мечей. Лицо его было холодно и невыразительно, как камень. Он смотрел не на Стила, а на сопровождающих его рыцарей.

— Были ли у заключенного доводы, согласно которым вынесенный приговор не может быть приведен в исполнение?

— Нет, господин, — ответил один из них.

— Он полагает приговор справедливым, повелитель, — добавил другой. — А наказание — правильным.

— В таком случае приговор будет исполнен, — взгляд Ариаkana переместился на Стила.

— Следующим твоим судьей будет Ее Темное Высочество, Стил ут Матар Светлый Меч. Ты скажешь ей, как сказал нам, что тебя судили по справедливости и предоставили все возможности для защиты своей невиновности, но ты их отверг.

— Да, повелитель, — ответил Стил, голос его был тверд и далеко разносился в утреннем воздухе, — горячем, несмотря на ранний час. — Ты не виновен в моей смерти, повелитель. Это целиком моя вина.

Ариакан удовлетворенно кивнул. Владычица Тьмы не так уж редко вмешивалась в правосудие, посылая душу невинно убиенного отомстить тому, кто его незаконно погубил.

— Да свершится приговор!

Один из сопровождающих его рыцарей предложил Стилу завязать глаза. Стил гордо отказался, слегка покачав головой. Поддерживая его за предплечья, конвоиры помогли ему опуститься на колени перед плахой. Один из них откинул волосы, открыв шею.

— Руби там, — слышался шипящий голос, голос Верховной Жрицы. — Бей по красной полосе на шее.

По следу, оставленному серебряной цепочкой.

Стил повернул голову, поудобней устраиваясь на мраморном камне, который, несмотря на жару, был холоден, как сама смерть.

— Молись Владычице! — сказал Ариакан.

— Я совершил молитвы,— твердо ответил Стил.— Я готов.

Он видел, как повелитель начал поднимать меч. Сейчас он опустит его, и вместе с этим ударом головы Стила отделится от тела. Стил заворожено следил за подъемом. Меч достиг высшей точки, луч солнца заиграл на лезвии, и все оно ярко засияло, как утренняя звезда.

Стил закрыл глаза. Пусть это прекрасное сияние будет последним, что он видел. Он с нетерпением ждал удара.

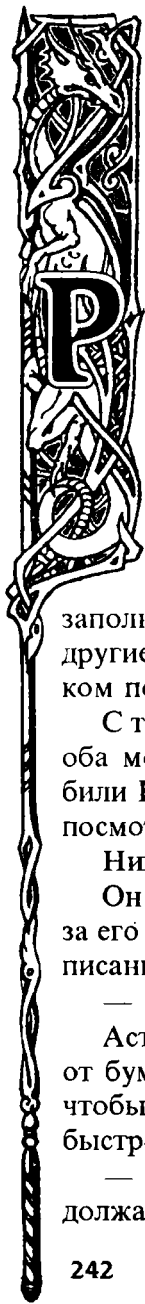
Вместо этого Стил почувствовал, как на него навалилось какое-то тяжелое тело. Руки его были связаны, он не смог удержать равновесия и завалился набок.

Удивленный, а еще более разозленный внезапной помехой, он открыл глаза, чтобы посмотреть, что же происходит.

Над ним, защищая его, стоял юноша в белых одеждах. В руках он держал посох, навершие которого украшал хрустальный шар, сжатый драконьей лапой.

— Что все это значит? — прогремел повелитель Ариакан. — Во имя Владычицы, кто ты?

— Я тот, кто вам нужен, — ответил юноша прерывающимся голосом, потом голос его окреп, и он продолжил. — Я — Палин Маджере!

12. Старые друзья. Долгожданная встреча

Рейстлин Маджере был в кабинете Астину-са Палантасского. Великий маг беспокойно ходил по комнате, взгляд его был мрачен и не останавливаясь скользил по томам недавних хроник, стоящим на полках. Астинус сидел за столом и что-то писал в книге. В перерывах тихо, стараясь не побеспокоить Мастера, заходили Эстеты, забирали заполненные тома, относили их в библиотеку, где другие монахи раскладывали их в хронологическом порядке.

С того момента, как Астинус вернулся к работе, оба молчали. Колокола на городской Башне отбили Первую Стражу. Рейстлин прервал ходьбу и посмотрел на дверь, как будто ожидая кого-то.

Никто не вошел.

Он подождал, потом подошел к Астинусу, встал за его креслом и наклонился, чтобы прочитать написанное. Прочитав, удовлетворенно кивнул.

— Спасибо, друг мой, — спокойно сказал он.

Астинус продолжал писать. Он отрывал перо от бумаги только на краткий миг, необходимый, чтобы окунуть его в чернильницу, и делал это так быстро, что движение было едва заметным.

— Я почти ничего не сделал, — сказал он, продолжая писать.

— Ты показал Палину Книгу, — заметил Рейстлин. — Я не считал бы это чем-то необычным, но ты сделал это, чтобы повлиять на его решение. А ведь ты не любишь вмешиваться в дела людей.

— Людские дела — это и мои дела, — возразил Астинус. — А как же иначе? Я их описываю, живу в каждом из них на протяжении веков.

Скорость его письма замедлилась, и наконец он остановился. Сегодня утром Мастер начал новый том. Толстый, переплетенный в кожу, его гладкие белые страницы ждали, готовые запечатлеть смех и слезы, горе и радость, первый крик новорожденных и последний вздох умирающих. Рука Астинуса, даже пустая, как бы держала перо, указательный палец был ярко-синим от чернил. Он пролистал книгу и, дойдя до конца, вновь открыл ее.

— Может так случиться, — тихо сказал он, — что книга эта будет последней.

Он вновь взял перо, поднес его к листу. Перо сломалось, чернила вытекли, забрызгав лист. Астинус нахмурился, откинул перо в сторону и, взяв со стола новое, продолжал писать.

— Я думаю, ты знал, какое решение примет твой племянник.

— Знал, — спокойно согласился Рейстлин. — Поэтому-то я и отослал Карамона домой. Он мог бы помешать. Палин должен был сам сделать выбор.

— Правильный для него, конечно, — заметил Астинус.

— Да, он еще очень молод и никогда не подвергался серьезным испытаниям. Жизнь его была слишком легкой. Его любили, им восхищались, его уважали. Все, чего бы он ни пожелал, доставалось ему без особого труда. Он не испытал настоящих трудностей. Когда он хотел спать, для него была готова

кровать с чистыми простынями в теплой и уютной комнате. Да, конечно, он путешествовал вместе с братьями, но, за исключением последнего, это были скорее развлечения, чем что-либо другое. Мы с Карамоном, когда были наемниками перед Войной, жили совсем не так.

Рейстлин задумался.

— Только однажды он подвергся серьезной проверке, в битве, когда погибли его братья. Он потерпел неудачу...

— Это не было поражением, — заметил Астинус.

— Он считает это поражением, — пожал плечами Рейстлин. — Что, в сущности, самое главное. В действительности он сражался хорошо. В пределах той магической силы, каковая ему доступна. Среди страха и хаоса он сохранил ясную голову и вспомнил заклинания, когда впору было забыть собственное имя. Но он проиграл. Он был обречен на неудачу. Только держа в руках черные одежды, только подойдя вплотную к смертному приговору невинному, он приблизился к пониманию той жертвы, которую он должен быть готов принести.

— Он вполне может погибнуть, обретая подобное знание, — заметил Астинус, не прекращавший писать на протяжении всего диалога.

— Все мы смертны. Так решил Конклав... — Рейстлин хмуро уставился на книги, как будто читал их содержимое и не находил в нем ничего для себя утешительного.

— Когда-то они приняли решение и по твоему поводу, старый друг.

— Они испытывали меня... Я не выдержал испытания, но был возрожден. И тяжело поплатился за это. Однако, не случись этого, Война Копья почти наверняка была бы проиграна. — Губы Рейстлина

искривила горькая улыбка. — Интересно все же, как эта мелочь вплетается в общий замысел?

— Так же, как и все другие, — ответил Астинус. — Посмотри на ковер под ногами. Если поднять его и посмотреть с изнанки, то увидишь беспорядочное и рыхлое переплетение разноцветных нитей, а с лицевой стороны каждая нить плотно прилегает к соседним, и все они вместе образуют прочную ткань. Да, по краям слегка поистрепалась, но в целом сделана добротно.

— Прочность ей очень понадобится, — тихо сказал Рейстлин. — Чтобы противостоять тому, что грядет. Я хотел бы попросить тебя, старый друг, еще об одной вещи.

— О чем же? — Астинус не поднял головы, но рука его дрогнула и на листе появился росчерк.

— Я хотел бы повидать госпожу Крисанию.

Астинус поднял голову и прекратил писать. Его трудно было поразить чем-либо, поскольку он все знал, все слышал, все чувствовал. Однако подобного он не ожидал.

— Увидеться с госпожой Крисанией? Зачем? — поинтересовался Астинус. — Что ты ей собираешься сказать? Принести извинения за то, что ты с ней сделал? За то, как ты ее использовал? Это будет фарсом. Ты разве не сказал брату, что будь у тебя возможность начать сначала, ты бы пошел тем же путем?

— Я использовал ее, — на впалых щеках Рейстлина проступили пятна. — А как насчет того, что она тоже меня использовала? Мы оба были детьми, просто одетыми в одежды разных цветов.

— Она любила тебя...

— Свои амбиции она любила больше.

— Да, — согласился Астинус. — В конце концов она это поняла, но только сделать уже ничего было

нельзя. Что ты ей скажешь? Мне любопытно было бы узнать, как ты предполагаешь с ней встретиться? Боюсь, это невозможно.

— Почему бы нет? — сухо поинтересовался Рейстлин. — Все, что мне надо сделать для этого — просто прогуляться в парк при храме. Они не смогут, не посмеют меня задержать.

— Ты, конечно, можешь пойти туда в любой момент, но только это мало тебе поможет. Ты забыл об опасности, угрожающей ныне миру? Как и многие другие, Крисания призвана на свою собственную битву с Хаосом. История, в которой действуешь ты, а также Палин и Светлый Меч, — лишь одна из многих, что я пишу сейчас.

— Нити спутаны, — пробормотал Рейстлин, проводя ногой по ковру. — Она отправилась одна?

— Нет, рядом с ней другой, преданный ей человек. Он путешествует вместе с ней, хотя она и не в восторге от его истинной сути. Это тоже отдельная история. Прости мое любопытство, но все-таки... Ты собираешься попросить у нее прощения?

— Нет, — холодно ответил Рейстлин. — Почему я должен это делать? Она получила то, что хотела, я получил то, что мне причиталось. Мы в расчете.

— Итак, ты не склонен оправдываться и просить прощения. Что же тогда ты можешь ей сказать?

Рейстлин долго молчал. Он повернулся к книжным полкам, всматриваясь в окружающие их тени, тени того, что не случится уже никогда.

— Я хотел сказать ей, что иногда в моем долгом сне я мечтал о ней, — тихо промолвил он.

13. Записка. План Аши. Беспорядок в библиотеке

Аша вымылась — как кошка лапой, сказал бы Прот, имея в виду, что теперь она выглядела только чуть более прилично. По крайней мере, ей удалось отмыться от грязи канализации и запахов гостиничной стряпни и эля, который был не многим лучше. Аша переоделась, хотя она, в свою очередь, была не менее Палина удивлена и напугана той переменной одеждой, которую она нашла на кровати в комнате, куда ее привели.

Там лежало ее старое одеяние, то самое, которое для нее сшили Эрды. Одежда, как она полагала, лежала в деревянном сундучке в тесной комнатке над таверной. Там же обнаружилась сумочка с ее единственной собственностью — магическими предметами, что дали ей Эрды. Вид одежды, а особенно сумочки испугал ее. Кто-то не только принес их, но и сходил за ними до того, как мог узнать, что она собирается сюда прийти!

Аше это было не по нутру. Ей не нравилось место. Не нравились люди. Единственный, кто был ей мил — Палин, но он ей так сильно нравился, что это пугало ее больше чего-либо другого.

— Почему я продолжаю ему врать? — спрашивала она себя в совершенном отчаянии. — Одна ложь поверх другой, а за ней еще и еще.

Сначала маленькая, с горстку песка, она выросла до горы камней. Ей приходится тратить массу усилий, чтобы удержать их; если хоть один из них соскользнет, вся гора обрушится и раздавит ее. Гора лжи встала преградой между ними, отделила ее от Палина.

Аша любила его, хотела, чтобы он принадлежал ей. Весь прошедший месяц она вспоминала его, оживляя в памяти короткий миг, когда они были вместе в той ужасной башне.

Другие, вроде Джеффри Висельника, помогались ее любви. Аша наконец осознала, что люди считают ее привлекательной. Она смогла теперь сама поверить в это. Глядя в зеркало, она больше не считала себя уродиной, может быть, потому, что образы бесспорно прекрасных Эрдов поблекли в ее памяти, как блекнут летние розы, засушенные между страниц книги.

Насколько другие люди упали в ее глазах, настолько Палин возвысился. Хотя она постоянно говорила себе, что больше ей никогда его не увидать, все равно образ мага в Белой Мантии заставлял ее сердце биться быстрее.

— Как странно, — пробормотала она, — когда он вошел, я была настолько в спешке и заботах, что и не заметила его...

Она на мгновение замерла, вспоминая удивительное тепло, разлившееся по всему ее телу в тот прекрасный миг, когда она слышала его голос, пронзающий ее имя с такой любовью и нежностью.

— А я отплатила ему еще большей ложью! — осуждающе сказала она самой себе. — Но я боюсь даже мысли о том, что снова могу потерять его! — воскликнула она тут же, не успев даже осознать, что говорит вслух. — Теперь, когда его дядя рядом...

Аша осторожно одевалась, озабоченная загадочным появлением одежды. Но в выборе не колебалась. Одеваясь, она приняла решение.

— Я разыщу Палина. Я уведу его отсюда до того, как он сможет поговорить с дядей и обнаружить, что я... я не та, за кого он меня принимает. Я сделаю это ради него самого, — успокоила она себя.

Тихий стук в дверь разрушил воздушные замки ее мечты.

— Аша? Это я, Тас. Открой быстрее! — послышался сдавленный голос, раздававшийся как будто бы из замочной скважины. К своему изумлению Аша обнаружила, что так оно и было.

Она так резко отворила дверь, что Тас потерял равновесие и ввалился к комнате.

— Привет, Аша! Ты не будешь против, если мы запрем дверь? Бертрем, похоже, здорово меня полюбил, он велел мне ни при каких обстоятельствах не покидать комнату и не показываться в библиотеке без него. Но мне не хочется его беспокоить. Он пошел сказать Астинусу, что мы готовы.

Аша недоумевала, почему потребовалось закрыть дверь.

— Где Палин? Можешь провести меня к нему в комнату?

— Запросто, — отозвался Тас. — Это через две комнаты от твоей и не доходя до моей. — Он подкрался к двери и выглянул наружу. — Мы же не хотим беспокоить Бертрема, — пояснил он громким шепотом.

Аша всем сердцем была согласна с этим утверждением. Убедившись, что в коридоре никого нет, они выскользнули наружу и бросились к комнате Палина.

Дверь была заперта. Аша нетерпеливо подергала за ручку.

— Палин! — тихо позвала она. — Палин, это мы, Аша и Тас. Ты... ты одет?

Ответа не было.

— Кажется, сюда кто-то идет. — Тас дернул ее за рукав.

Аша постучала еще раз, и дверь открылась словно сама собой.

— Палин? — позвала она.

Тас вошел, не дожидаясь приглашения.

— Палин, я... О-о. Входи, Аша, Палина здесь нет.

— Нет! — Аша ворвалась внутрь и огляделась. Осмотр не потребовал много времени, так как комната была очень мала. Одежды из мягкой черной ткани валялись у двери, как будто их сбросили в спешке. В комнате стоял густой запах канализации, были видны отчетливые следы от ботинок. Остался также след от посоха — грязная точка у стены.

— Смотри, записка, — Тас указывал на обрывок бумаги, которую маги обычно используют для записи заклинаний. Записка лежала поверх черных одежд. — Для тебя, — уточнил кендер, беря ее в руки. — Я прочитаю...

Аша выхватила записку и начала нетерпеливо читать.

Похоже, писали в сильной спешке, почерк был почти нечитаем. На бумаге виднелись кляксы и разводы, подозрительно похожие на следы высохших слез. Аша прочитала несколько слов, нацарапанных на обрывке, и холод, как от пронизывающего зимнего ветра, заставил ее съежиться.

— Аша, — забеспокоился Тас. Девушка страшно побледнела. — Аша, в чем дело? Что случилось?

Молча, непослушными, заледеневшими пальцами она протянула кендеру записку.

— Аша, я всем сердцем люблю тебя. Помни всегда... Здесь я прочитать не могу, совсем все смазано. Непонятно, непонятно. ...Отправился в Башню Верховного Жреца... Опять непонятно. ...Стил... Люблю... — Тас прервал чтение. — Он отправился в Башню Верховного Жреца!

— Это ведь цитадель Черных Рыцарей, да? — безнадежно спросила Аша, заранее зная ответ.

— Сейчас да, — подавленно подтвердил Тас. — Не так уж давно. Непонятно, почему он решил туда отправиться? Да еще не посоветовавшись с нами?

— Он решил выкинуть свою жизнь псу под хвост! — со злобным отчаянием выкрикнула Аша. — Вот, в записке: он дал слово тому... тому ужасному рыцарю, Светлому Мечу, или как там еще его зовут... Мы должны пойти за ним. Остановить его! — Она посмотрела на дверь. — Черные Рыцари убьют его. Ты пойдешь со мной?

— Обижаешь! — немедленно отозвался Тас. — Вот только вряд ли он пошел пешком, Аша. Я немного разбираюсь в магах. Они не любят физических усилий. А если Палин *вжикнулся* прямо в цитадель Черных Рыцарей, то, похоже, он в большой опасности. Я думаю, может быть, лучше посоветоваться с Рейстлином...

Аша резко захлопнула дверь и, обернувшись, прислонилась к ней спиной.

— Нет. Мы никому не скажем!

— Но почему? — изумился Тас. — Если Палин действительно отправился в Башню Верховного Жреца, его надо спасать. Я, конечно, и сам спасатель что надо, но все-таки иметь под рукой волшебника бывает порой очень даже полезно... О-о, да я совсем забыл! Ты же ведь тоже волшебница, правда, Аша?

Аша, казалось, не слушала.

— Тас, тебе приходилось бывать в Башне Верховного Жреца?

— Сколько раз! — небрежно ответил Тас. — В первый раз мы с Флинтом побывали там, когда ее атаковала Китиара, там еще потом драконы влетели в ловушки, а я разбил Драконий Глаз, совершенно случайно, надо сказать. Тогда погиб Стурм, а Лорана взяла Копье... В общем, — помолчав, подытожил кендер, — дорогу к Башне Верховного Жреца я знаю хорошо, а тамошнюю тюрьму ну просто как свои пять пальцев.

— Прекрасно, — сказала Аша. — Туда-то мы и направимся. У меня есть идея.

Она подобрала черные одежды, встряхнула их и натянула на себя через голову. Раскрасневшаяся и запыхавшаяся, она пригладила волосы и расправила складки. Одежда сидела на ней хорошо. Они с Палином были приблизительно одного роста. Аша перепоясалась черным шелковым шнурком и повернулась к Тасу.

— Как я тебе нравлюсь? — спросила она. — Я похожа на черного мага?

— Вполне, — нехотя согласился тот. Ему не хотелось гасить ее энтузиазм, но он не мог отрицать очевидного. — Вот только черных магов у Рыцарей Тьмы нет, у них — серые.

— Ты прав, — упавшим голосом согласилась Аша.

— Но, — Тас даже подпрыгнул от возбуждения, — у них есть жрецы в черном. Я их видел, пока бродил по городу!

— Ты прав! — воскликнула Аша. — Я буду жрицей Такхизис, но как быть с тобой?

— Я тоже могу надеть черные одежды, — жизнерадостно заявил кендер.

— Умолкни! — нахмурилась Аша. — Не мешай мне думать.

В языке кендеров вообще не было понятия «молчание», а потому Тас спокойно продолжил:

— Однажды жрец Моргиона, это бог чумы и болезней, пришел в Кендермор в поисках новообращенных. Эйдердаун Лежебока всегда хотел быть жрецом, ну и вызвался. Надо сказать, Лежебока был не совсем тот человек, которого хотел найти Моргионов жрец, но он ловко перед ним прикинулся. Не прошло и недели после того, как Эйдердаун надел черную мантию жреца, абсолютно все в Кендерморе подхватили жестокую простуду. Ты никогда не слышала подобного: над страной стоял сплошной кашель, все сипели и непрерывно сморкались!

Хуже всего пришлось жрецу Моргиона. Он пролежал пластом целую неделю и чуть не помер от удущья. Эйдердаун устроил классную эпидемию. И, хотя, конечно, простуда доставила всем нам немало хлопот, а носовые платки сушились на всех кустах, мы все страшно им гордились. У бедного Лежебоки до того ну никогда ничего толком не выходило. Эйдердаун хвастал, что в следующий раз он потрепируется на подагре, а потом планирует наслать стригущий лишай. Жаль, жрец Моргиона как только смог подняться на ноги, так сразу сорвал с Лежебоки черную жреческую мантию и поспешно ушел из деревни. С чего бы он это — до сих пор понять не могу...

— Ничего не могу придумать, — проговорила Аша. — Ладно, если нас кто-нибудь остановит, чего, может быть, удастся счастливо избежать, то можно просто сказать, что ты мой пленник.

— Таковую роль я играть большой мастер, — торжественно заявил Тас. — У меня та-акой опыт... Но

как мы собираемся попасть к Башне Верховного Жреца? Это же чертовски далеко отсюда...

— Мы отправимся не пешком. Со мной магические принадлежности, и я умею ими пользоваться, — добавила Аша с гордостью. — Малютка Салли мне все объяснила. Посмотри, нет ли кого-нибудь снаружи...

Тас выглянул. Ему показалось, что за углом он увидел мелькнувший край коричневой рясы. Он дождал еще немного, но никто не появлялся. Тас сообщил девушке, что путь свободен. Из комнаты Палина они поспешили в Ашину.

Оказавшись внутри, Аша бросилась к кровати и начала лихорадочно рыться в сумочке.

Всегда готовый помочь, Тас присоединился к ней и тоже принялся копаться в ее сумке. Наконец Аша обнаружила то, что искала. Аккуратно вынув найденный предмет, она закрыла сумку.

Ей пришлось вновь открыть ее, чтобы извлечь оттуда руку Таса, почему-то там оставшуюся. Затем она разжала кулак. На ее ладони лежала маленькая глиняная фигурка лошади, покрытая белой глазурью, сверкавшей в свете свечи. Тас затаил дыхание. Такой замечательной, потрясающей вещи он еще не видел.

— Что она может сотворить?

— Я подую на нее, и она примчит нас к Башне Верховного Жреца со скоростью ветра. По крайней мере, Салли уверяла меня, что так оно и будет.

Аша поднесла лошадку ко рту и подула в крошечные ноздри.

Ноздри затрепетали. Лошадка глубоко вздохнула, и вдруг в комнате материализовался огромный конь, едва в ней помещавшийся.

Животное было ярко-белого цвета, казалось, глазурь по-прежнему покрывает его. Конь вскидывал

голову и нетерпеливо перебирал копытами. Аша за-
таила дыхание. Салли ничего не говорила о подоб-
ном, но времени на колебания не было — животное
производило невероятный шум. Тас успел уже вска-
рабкаться ему на спину и протягивал ей руку, пред-
лагая помощь. Аша с благодарностью приняла ее.
Она никогда в жизни не ездила на лошадях, а раз-
меры коня ее просто пугали. Аша чувствовала себя
на его спине неуверенно и ненадежно. Тас, вставши
на колени, подхватил поводья и повернулся к Аше.

— Что дальше? — Ему приходилось кричать,
чтобы перекрыть храп коня.

— Отправляемся в Башню Верховного Жреца, —
ответила Аша.

— Как? — крикнул Тас.

— Пожелай этого! — Аша закрыла глаза и со-
средоточилась.

Рейстлин сидел в кресле в кабинете Астинуса и
просматривал почти законченную хронику, описы-
вающую захват Квалинесты Черными Рыцарями. За-
хват без боя.

Рыцари с синими драконами окружили Квали-
несты, но не нападали. Ариакан, как обычно, пред-
ложил эльфам капитуляцию. Он тайно встретился с
представителями высшего эльфийского совета.

В эльфийском королевстве не было согласия.
Эльфы были разобщены, они боялись непрерыв-
но кружащих над головами драконов с рыцарями
на спинах. Эльфы послали просьбу о помощи зо-
лотым и серебряным драконам, но не получили
ответа.

Эльфийская молодежь полагала, что надо драться.
Портиос с отборным отрядом скрывался вне

Квалинести, в тылу армии Черных Рыцарей. Он не мог напасть на них сам, его отряд не имел шансов справиться с огромной армией осаждающих, но если бы эльфы нанесли удар из Квалинести, то Портнос ударил бы с тыла и армия рыцарей попала бы к кольцо.

Эльфы уже собирались приступить к реализации этого плана, когда верховные советники объявили, что Квалинести воевать не будет. Высший совет проголосовал за капитуляцию, оговорив, что правителями останутся Гилтас и Лорана, жена и сын Таниса Полуэльфа.

Собрание едва не закончилось свалкой, многие из эльфов помоложе были закованы в цепи и уведены своими же братьями. Гилтас молча наблюдал, не вмешиваясь. Его вдовствующая мать Лорана была на его стороне. Все решили, что Гилтас не более чем марионетка в руках Черных Рыцарей, послушно пляшущая, когда те дергают за нитки.

Большинство эльфов было убеждено в этом. Рейстлин читал и улыбался.

Водяные часы отмеряли ход времени, перо Астинуса его запечатляло. Настало и прошло время Второй Стражи. Из глубины библиотеки раздался громкий шум.

— Конь? — удивленно поднял голову Рейстлин.

— Он самый, — безразлично согласился Астинус, не прекращая писать.

— В Великой Библиотеке? — Рейстлин приподнял бровь.

— В ней. — Астинус кивнул. — Или был в ней.

Стук лошадиных копыт сменился быстрым топотом сандалий.

— Входи, Бертрем, — пригласил Астинус еще до того, как раздался стук в дверь.

Дверь осторожно приоткрылась, и показалась голова монаха. Убедившись, что он не побеспокоит Мастера, Бертрем вошел в комнату.

— Ну, — поинтересовался Рейстлин. — Они отбыли?

Бертрем посмотрел на Мастера.

Астинус раздраженно отложил перо и поднял глаза на монаха.

— Ответь великому магу! Девушка с кендером отбыли?!

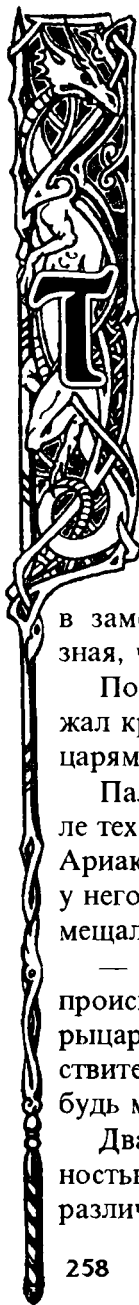
— Да, Мастер. — В голосе Бертрема чувствовалось явное облегчение.

Как-то во время войны Бертрему пришлось сражаться с драконидами, которые собирались поджечь библиотеку. Но в кошмарах, мучающих его по ночам, драконидов не было. Зато там был кендер, кендер, потерявшийся в библиотеке, кендер, карманы которого были забиты книгами.

— Их нет! Они привели в библиотеку коня! — добавил он с выражением ужаса на лице. — Конь в Великой Библиотеке!

— Достопримечательное происшествие, — заметил Астинус, делая соответствующую запись. Он коротко взглянул на Рейстлина. — Они отправились выручать твоего племянника. Удивительно, что ты не с ними.

— Я с ними, но на свой лад, — спокойно парировал Рейстлин и вновь углубился в книгу.

14. Черная Госпожа обвиняет. Ответ Палина. Дурное знамение

Те же два рыцаря, что сопровождали Стила к плахе, помогли ему подняться. Им пришлось в буквальном смысле поставить его на ноги, а потом поддерживать. Стил уже простился с этим миром. Он настолько полностью отдал себя в руки смерти, что теперь был слишком слаб для жизни. Он с трудом держался на непослушных ногах и в замешательстве оглядывался по сторонам, не зная, что принесет ему эта новая жизнь.

Повелитель Ариакан опустил меч, но продолжал крепко сжимать его в руке. Он приказал рыцарям построиться и соблюдать тишину.

Палин стоял там, где и материализовался. После тех первых слов он стоял молча и неподвижно. Ариакан, конечно, отменил казнь. Но, очевидно, у него возникло много вопросов. Взгляд его перемещался с Палина на Стила и обратно.

— Может мне кто-нибудь объяснить, что тут происходит? — обратился он к окружающим его рыцарям. — Кто этот маг Белых Мантий? Он действительно тот узник, которого потеряли? Кто-нибудь может его опознать?

Два человека сделали шаг вперед. Оба с готовностью покинули строй, хотя мотивы у них были различны. Одним был бригадир Тревалин, недав-

но вернувшийся после победоносного захвата Ква-
линести. Его лицо сияло от счастья. Представ перед
Ариаканом, он бросил на Стила взгляд, в котором
явно читалось все его доброжелательство. Следом
за ним выступила Черная Госпожа. Она, в отличие
от Тревалина, смотрела только на Палина.

Тревалин хотел немедленно начать свою речь, но
Черная Госпожа была старше его по званию. Он
вынужден был сдерживать нетерпение. Лилит имела
право говорить первой.

— Повелитель Ариакан, — взволнованно начала
она. — Это на самом деле узник Палин Маджере, за
которого поручился Стил Светлый Меч. Я пленила
юного мага в битве. Я его знаю. Клянусь в этом
именем Владычицы Тьмы. Тем не менее я считаю
своим долгом заметить, что его появление никоим
образом не должно сказаться на судьбе Стила Свет-
лого Меча. Он был приговорен за потерю узника!
Не его заслуга, что тот здесь. Вы, повелитель, при-
говорили его к смерти. Я настаиваю на том, что
приговор должен быть приведен в исполнение!

Ариакан мрачно кивнул ей и, кратким жестом
прервав ее попытку продолжать, взглянул на Тре-
валина:

— Бригадир, ты знаешь этого мага? Можешь
поклясться в этом?

— Да, повелитель! Я его узнал, — твердо отве-
тил Тревалин. — Это узник, Палин Маджере. Я кля-
нусь в том именами Владычицы во всех ее ипоста-
сах! Его возвращение отменяет смертный приговор
Стилу Светлому Мечу! — Он бросил горящий не-
навистью взгляд на Лилит.

— Отменяет, бригадир, — слегка улыбнулся Ари-
акай и повернулся к Стилу: — Светлый Меч, это твой
пленник?

— Да, повелитель, — тихо ответил Стил. — Это Палин Маджере.

— Племянник Рейстлина Маджере, который сейчас разгуливает где-то в нашем мире! — Черная Госпожа была в ярости. — Повелитель, я умоляю тебя, отдай этого мага и его кузена в руки Рыцарей Терновника. Мы с ними разберемся! Я предупреждаю тебя, они заодно! Зачем бы иначе этот юноша явился сюда и добровольно обрек себя на смерть? Он надеется спастись! Убей их обоих немедленно, повелитель! Иначе, я тебя предупреждаю, иначе эти двое погубят Черное Рыцарство!

Рыцари во дворе переглядывались и приглушенно взволнованно переговаривались. Страстная обвинительная речь Лилит производила впечатление.

Ариаган поднял руку, призывая к тишине, и внимательно посмотрел на юного мага, одиноко и безучастно стоящего у залитого кровью камня.

— Приговор Стилу Светлому Мечу будет принят к пересмотру. Что же касается мага, Рыцари Терновника смогут получить узника в свое распоряжение. Пусть только он побыстрее скажет, что может, в свое оправдание. Пока солнце еще не высоко, но скоро все мы тут сваримся заживо.

Хотя утро еще только начиналось, было уже довольно жарко. Солнце имело странный вид. Оно было огромным и казалось ближе чем обычно к земле, если только допустить возможность этого. Его лучи безжалостно нагревали черные доспехи рыцарей, многие из которых с тоской смотрели на небо — в поисках хотя бы малюсенького облачка.

Ариаган вытер со лба выступивший пот и начал вопрос:

— Палин Маджере, ты явился выкупить себя?

— Он пришел погубить нас! — громко сказала Черная Госпожа.

Ариаган зло посмотрел на нее и она, стиснув зубы, замолчала.

— Нет, — покачал головой Палин.

— Ты на самом деле сговорился со своим кузеном Светлым Мечом? Отвечай мне правдиво, юноша, у нас есть способы поймать тебя на лжи, и вряд ли они придутся тебе по вкусу.

— Я ношу Белую Мантию, и заслуженно, — гордо ответил Палин. — Как ты себе это представляешь, повелитель? Могу ли я быть заодно с рыцарем Владычицы Тьмы?

Ариаган кивнул. Казалось, он был удовлетворен ответом. Сквозь стиснутые зубы Лилит пробормотала что-то неразборчивое.

Не обращая на нее внимания, Ариаган вновь обратился к Палину:

— После пленения ты был приговорен к смерти, если только тебе не удастся предоставить выкуп. Я прикажу немедленно исполнить приговор. Хочешь ли ты сказать что-нибудь перед смертью?

— Да, повелитель! — ответил Палин. — Я дал слово вернуться. Прежде чем умереть, я хотел бы попросить прощения у Стила Светлого Меча и объяснить, почему я не сдержал слова.

— Не позволяй ему говорить! — не выдержала Лилит. — Это все происки наших врагов! Не верь ему. Он племянник одного из могущественнейших магов, когда-либо живших на Кринне. Я говорила тебе, повелитель, я встретила Рейстлина Маджере у Вайретской Башни. Он вырвался из Бездны...

— Мой дядя никогда не был в Бездне! — возразил Палин.

Черная Госпожа не склонна была обсуждать этот вопрос.

— Рейстлин вернулся,— подчеркнула она.— Это он послал тебя сюда, не так ли?

— Нет, не так! — Румянец окрасил бледные щеки юноши. — Я появился здесь по своей собственной воле. В любом другом случае дядя остановил бы меня.

— Ты позволишь мне сказать, Черная Госпожа? — поинтересовался Ариакан. — Спасибо. Так вот, я хорошо знаю подвиги, совершенные представителями семейства Маджере. Мужество, похоже, у них в крови. Я хочу побеседовать с этим юношей. Если ты так его боишься, Лилит, — добавил он сухо, — то можешь связать его заклинаниями по твоему выбору.

Черная Госпожа, нахмурившись, подошла к Палину. Она с презрением окинула взглядом его кошельки и сумочки. Какое бы заклинание он не решил произнести, она легко могла разрушить любое. Глаза ее с подозрением задержались на магическом посохе и вспыхнули от ревности и алчности.

— У него магический посох, повелитель, один из самых могущественных магических предметов во всем Ансалоне.

— Так заberi его, — нетерпеливо сказал Ариакан.

— Я хочу, чтобы он сам отдал мне его. Это докажет мне, что тут нет подвоха со стороны его дяди.

Палин не смотрел на Лилит. Он продолжал смотреть на Ариакана.

— Вы сможете взять посох, когда он выпадет из моей мертвой руки, не раньше. Это не трюк, поверь мне, повелитель. Я не договаривался ни о чем с кузенном. Могу я говорить?

— Не верь ему, повелитель! — закричала Лилит. — Ты видишь, он отказался передать посох. Он может причинить нам огромный вред!

— Если бы он собирался навредить нам, то уже давно сделал бы это. Я предоставлю ему право оправдаться перед Светлым Мечом, которого он обманул. Я тоже хотел бы услышать эту историю.

Палин благодарно кивнул и подошел к Стиллу.

— Кузен, ты поступил честно и благородно, доставив тела моих братьев для захоронения в родной земле. Ты помог мне безопасно добраться до Башни Высшего Волшебства, чтобы я мог попытаться выполнить задание, данное мне этой серой ведьмой. Я думаю, в глубине души мы оба знали, что задача была невыполнимой, фальшивой, преследующей совсем другие цели.

Черная Госпожа фыркнула, но остановить Палина она не могла. Приказ Ариакана был ясен, и она старалась не нарушать его. Палин продолжал:

— Мы вступили в Башню Высшего Волшебства, имея в виду каждый свою цель. Стил Светлый Меч всегда и во всем был предан своей Владычице, а я оказался не столь честен. Если бы я был таким же, как он, то вошел бы в магическую лабораторию моего дяди, только убедившись, что он следует за мной. Дверь, однако, резко захлопнулась, а мои попытки ее открыть были безуспешны. Поскольку делать мне было нечего, я начал осматриваться по сторонам и обнаружил Врата. Я вошел...

— Он врёт! — взвизгнула Лилит. — Не может маг его ранга вступить в Великие Врата Бездны! Ибо написано, что только маг Черных Мантий в сопровождении жреца Паладайна... — У нее перехватило дыхание от ужаса от того, что она сказала.

Ариакан приподнял бровь.

— Я полагал, что ты сама послала его открыть Врата. Может быть, он нашел ключ. Продолжай, Палин Маджере, твой рассказ заставил меня почти забыть про жару.

— Я вступил во Врата, — повторил Палин. — Никакого ключа не потребовалось. Ничто мне не препятствовало. Врата были открыты. Владычица Тьмы забыла про них.

— Ложь! — пробормотала Лилит, но не решилась произнести это громко. Только стоявшие рядом слышали ее.

В этом месте рассказа Ариакан нахмурился, а рыцари обменялись недоуменными взглядами.

Палин хотел продолжать, но поперхнулся, закашлялся и робко спросил:

— Повелитель, могу я попросить глоток воды?

Ариакан нетерпеливо махнул рукой. Тотчас же был принесен кувшин с водой и вручен Палину. Палин с благодарностью принял его и долго пил. Стил неподвижно стоял рядом. Он освободился от поддерживавших его рук и теперь стоял глядя в лицо Палину.

— Благодарю, повелитель, — сказал маг. — В Бездне я нашел дядю. Он вовсе не подвергался мучениям, как говорили о том предания. Он взял меня и моего спутника, кендера Тассельхофа Непоседу, в свидетели необычного события — совета богов.

Со стороны рыцарей послышалось усилившееся бормотание. Многие качали головами и выказывали недоверие, некоторые просто смеялись.

Командиры призывали их соблюдать тишину.

Ариакан смотрел на мага со все возрастающим подозрением. Он обернулся к помощнику:

— Можем ли мы предать смерти сумасшедшего?

Палин гордо выпрямился и вскинул голову:

— Клянусь, повелитель. Клянусь Солинари и именами Паладайна, Мишакаль и прочих богов белого пантеона, что я говорю правду. Я знаю, звучит она невероятно, — продолжил он с нарастающим пафосом. — В то же, что мы услышали там, поверить еще сложнее.

Мир, весь мир Кринна в величайшей опасности! Эрды не так давно обрели Серую Драгоценность и намеревались использовать ее магию против тебя, повелитель, чтобы не допустить захвата их земель. Отец богов — Хаос, был заключен в Серой Драгоценности. Когда Эрды, открывая, разбили ее, они освободили Хаос!

Отец обвинил детей в своем заключении и поклялся разрушить наш мир — их творение. Боги собирались драться с ним и предполагали, что смертные присоединятся к ним. В противном случае мир обречен. Каждое живое существо, да и сам этот мир погибнет.

Жар волнами поднимался от нагретых камней. Мухи с назойливым жужжанием кружились над засохшей кровью у черной мраморной плахи. Черная Госпожа возвела глаза к небу и покачала головой, давая понять окружающим, что она думает по поводу рассказанной Палином сказки, губы ее кривились в язвительной усмешке.

Брови Ариакана сошлись на переносице.

— Не думаю, что у тебя есть серьезные доказательства твоих заявлений, Палин Маджере? Ты должен согласится, что все это звучит совершенно неправдоподобно.

— У меня нет серьезных доказательств, повелитель, — ответил Палин. Он и не ожидал, что ему поверят, да, по правде сказать, его это и не слишком интересовало. Ему важно было, чтобы поверил толь-

ко один человек. Он перевел взгляд на Стила. — Я слышал, как Паладайн договаривался с вашей Владычицей. Власть в Ансалоне была отдана в руки Черных Рыцарей, с тем чтобы они объединили всех способных носить оружие и смогли единой силой выступить на битву с легионами Хаоса. Именно поэтому Башня пала под вашим натиском, впервые силы Тьмы смогли захватить ее.

— Я полагаю, что наше подавляющее превосходство в людях и вооружении все-таки сыграло какую-то роль в этой победе, — криво улыбнулся Ариакан.

— Повелитель, можно я скажу? — Стил повернулся к Ариакану.

— Конечно, Светлый Меч. Удивляюсь, почему ты молчал до сих пор.

— Повелитель, я верю Палину Маджере! Не знаю, как объяснить... — Стил пожал плечами. — Я путешествовал вместе с ним. Я знаю, он человек чести. То, что он пришел сюда, чтобы спасти мою жизнь в обмен на свою собственную, только подтверждает это. Я прошу вспомнить один странный эпизод, происшедший во время Битвы за Башню Верховного Жреца, — исчезновение серебряных и золотых драконов. Мы думали, что они отступили для перегруппировки, но они не появились вновь. Есть ли этому иное объяснение, кроме того, что Паладайн приказал им покинуть Битву?

Ариакаң задумался. Он был верующим человеком. У него было свое мнение о богах. Многие считали, что его матерью была богиня моря Зебоим. А в далеком прошлом он был удостоен чести предстать перед Владычицей Такхизис, получил ее личное благословение на создание рыцарского Ордена, ей посвященного.

— Пошлите за Верховной Жрицей, — приказал он. — Мы узнаем правду.

Посыльный убежал. Рыцари стояли, обливаясь потом под безжалостными лучами палящего солнца.

Высокий, пронзительный крик разорвал тишину. Крик ужаса и муки, от которого волосы вставали дыбом.

— Что там еще? — поинтересовался Ариахан.

Рыцари, стоявшие у входа, разом отошли с дороги, очистив путь.

Прибежал бледный, даже слегка синеватый посыльный.

— Повелитель! Верховная Жрица мертва!

Все оцепенели. После всего того, что они слушались от Палина, смерть жрицы высочайшего ранга казалась худшим из возможных знамений.

— Как это случилось? — спросил потрясенный Ариахан.

— Со мной ее прислужница, она была с ней в тот момент. — Посыльный отодвинулся, пропуская вперед жрицу Такхизис. Женщина была мертвенно бледной, волосы спутаны, одежды разорваны в знак траура.

— Ее святейшество была глубоко взволнована, повелитель. С момента, когда она отправилась посетить приговоренного этим утром, она была погружена в себя и невнимательна к окружающему. Ее святейшество приблизилась к алтарю, чтобы вознести молитву. Она проводила обычную службу, как вдруг рука ее задела сосуд со священным маслом, стоявший на алтаре. Сосуд разбился, масло разлилось по алтарю. С одной из свечей упал перегоревший фитиль и поджег масло. Огонь мгновенно распространился по алтарю, пожирая священные реликвии одну за другой. Верховная Жрица смот-

рела на все это, потом на лице ее отразился такой ужас, что мне не забыть его до самой моей смерти. А затем, повелитель, она упала перед горящим алтарем. Пламя погасло, но, когда мы подняли Верховную Жрицу, она была мертва.

Рыцари в глубоком молчании выслушали рассказ. Тишина повисла над крепостным двором. Ее прервал пронзительный голос Черной Госпожи, взволновавший всех, подобно камню, брошенному в воду.

— Я предупреждала тебя, повелитель! Это дело рук белого мага! И его тоже! — Она указала пальцем на Стила. — Они связаны друг с другом! Оба предатели, оба виновны в смерти Верховной Жрицы!

— Командирам распустить людей, — приказал Ариакан. — Пусть возвращаются к повседневным обязанностям. Лилит, стведи Палина в камеру. Он мне понадобится. Исполнение приговора откладывается до прояснения ситуации. Я буду в замке — расследовать происшествие.

Ариакан повернулся, собираясь уйти.

— Повелитель! — с беспокойством воскликнул Тревалин.

— Да, бригадир, — раздраженно оглянулся тот. — Что еще?

— Повелитель, поскольку Стил Светлый Меч оправдан и никакого *другого* наказания на него не наложено, я прошу вернуть ему его звание и место в составе моего отряда.

— Освободи его, на свою погибель, повелитель Ариакан, — проговорила Черная Госпожа, голос ее был тих, но в нем чувствовалась смертельная угроза. — Освободи его, и Рыцарство падет!

Ариакан недовольно посмотрел на Лилит, затем перевел взгляд на Стила и пожал плечами:

— Хорошо, бригадир. Светлый Меч, я разрешаю тебе вернуться в отряд, но крепость пока не покидай.

Повелитель миновал строительные леса храма Такхизис, возводимого вне крепостных стен Башни Верховного Жреца. Хотя Черные Рыцари владели Башней, они обнаружили, что священные предметы, посвященные Владычице Тьмы, невозможно внести даже внутрь крепостных стен.

Черная Госпожа, покачивая головой, махнула рукой своим рыцарям, приказывая им сопроводить Палина. Они схватили его за руки и заткнули ему рот, чтобы он не смог произнести заклинание. Однако магический посох у Палина не отобрали, и он крепко сжимал его в руке.

Черная Госпожа приблизилась к Палину. Крепко сжав губы, чтобы не выдать обуревавших ее чувств, она протянула руку и попыталась отобрать посох у мага. На лице ее отразилось сначала удивление, а затем триумф — она держала посох, и он не причинял ей вреда. Она рванула посох из рук мага и на мгновение замерла, ожидая реакции. Ничего не произошло. Посох вел себя, как обычная деревянная палка.

— Похоже, твой посох избрал себе нового хозяина! Это знак, который Ее Темное Высочество подает мне! Отныне повелитель может не опасаться твоих темных пророчеств! — сказала она, язвительно улыбаясь. — Я хочу, чтобы он сам увидел этот знак. — Лилит кивнула стражнику, чтобы он увел юного мага. Ее пальцы нежно поглаживали гладкую поверхность посоха.

Когда Палин оказался рядом со Стиллом, он бросил долгий взгляд на своего бывшего конвоира и тихо сказал:

— *Верь мне! Ты должен убедить повелителя!*

Стил, не шевельнувшись, проводил взглядом магов, конвоировавших Палина. Слова юного мага звучали в его мозгу.

Тревалин хлопнул Стила по плечу, привлекая внимание:

— Поздравляю тебя, Светлый Меч! Тебя вытащили из Бездны. Ну и как ты себя чувствуешь теперь? Ты рад?

— Если ты хочешь знать, я чувствую себя не в своей тарелке.

15. Неловкость. Пути пересекаются. Молнии без дождя

Стил вернулся в казарму вместе с остальными рыцарями своего отряда. Ему возвратили его доспехи и, что еще важнее, его меч, сопроводив все это личными извинениями повелителя Ариакана. Он позавтракал вместе с Тревалином. Все его товарищи сгорали от нетерпения, желая услышать подробности его совместного путешествия с магом

Белых Мантий.

Но Стилу не хотелось говорить о Палине. Он односложно отвечал на вопросы друзей и явно избегал разговора. Почувствовав это, рыцари перевели разговор на недавний поход в Квалинести, где так и не состоялось решающего сражения.

— Эльфы! — фыркнул Тревалин. — Мне встречались жабы с более развитым чувством собственного достоинства! Они приползли к нам на брюхе, под покровом ночной темноты. Их верховные советники преподнесли нам Квалинести на блюдечке с голубой каемочкой. — Тревалин презрительно сплюнул. — А один из них... как там его звали?..

— Рэшес, — подсказал кто-то из рыцарей.

— Точно, Рэшес. Так вот он закатил длинную речь, прославляющую честность и благородство эльфов. Можно было понять его так, что у Черного Рыцарства всего этого нет и в помине. А

потом он заткнулся, преспокойненько уселся за стол и как миленький подписал договор, по которому шея его народа навсегда отдается под ярмо нашего повелителя. Все это выглядело ну прямо очень культурно, вполне в духе эльфов, — рассмеялся Тревалин. — Да и что с них взять, если правитель их — совершеннейший мальчишка. Этот самый Рэшес водит его на помочах. Кстати, Стил, он сын Таниса Полуэльфа...

— Кто, кто? — переспросил Стил, который в этот момент думал совсем о другом.

— Правитель эльфов. Зовут его вроде бы Гилтас. Эти идиотские эльфийские имена как-то выскальзывают из моей головы. Мальчишка не унаследовал могучий дух отца — это я вам точно могу сказать. Да и от матери он мало что взял, если, конечно, истории о Лоране Золотом Полководце — не сплошное вранье.

— А я так не очень уверен в этом, Тревалин, — возразил один из рыцарей. — Сейчас, конечно, мальчишка притаился и сидит на своем троне тихо, какмышь, но он все видит и понимает и, может быть, еще скажет свое слово... Если бы я был тем жирным советником, я бы не спускал с мальчишки глаз.

— Ха! — фыркнул Тревалин. — Единственный эльф, который хоть чего-нибудь стоит, это тот парень — Портиос. Сейчас его объявили вне закона. Сказать по правде, эльфы изгнали единственного полководца, который мог бы их возглавить. Они называют его бандитом.

— Говорят, что он со своими воинами напал на лагерь Красного отряда. Они убили трех драконов и исчезли прежде, чем кто-нибудь понял, что происходит.

— Да. Если такое случилось, так это точно он, больше некому, — кивнул Тревалин. — Он умен и

решителен и даже имеет некое представление о чести, насколько это возможно для эльфа. Я с радостью сразился бы с ним. И после этого у меня не возникло бы ощущения, что мне надо хорошенько вымыться. Каждый раз, когда возле меня оказывался этот Рэшес, мне хотелось пойти и вымыть руки.

Они продолжали разговор о войне и походах, но Стил больше не слушал их. Слова Палина звучали в его голове. Они перекликались со строчками песни, которую пленные Соламнийские Рыцари пели в его честь. Стил смутно припоминал, что он и раньше слышал где-то слова этой песни, но никак не мог вспомнить, где именно. Может быть в детстве, в Палантасе во время войны? Он не вспоминал об этой песне 20 лет, однако сейчас торжественная и мощная мелодия звучала в его мозгу. Это был гимн победе, прославляющий подвиг самопожертвования, окрашенный легкой печалью безвозвратной утраты. Слов ее он не знал, песня исполнялась на древнесоламнийском языке. Но вместо неизвестных ему слов на величественную мелодию накладывались недавние слова молодого мага, которые казались Стилу пророчеством, всплывшим из древних глубин, как масло всплывает на поверхность воды.

— Светлый Меч!

Стил поднял голову. Тревалин положил тяжелую руку на плечо рыцаря:

— Отправляйся в кровать, мой друг. Сомневаюсь, что ты хорошо спал последние несколько ночей.

Стил согласился. Он не очень нуждался в отдыхе, но был рад поводу избавить компанию от своего мрачного присутствия. В комнате было ужасно душно. Обливаясь потом, Стил улегся на жесткую кровать и принялся думать о судьбе Палина. Что бы

ни делали с ним сейчас серые маги, вряд ли это было чем-то хорошим.

Стил был солдатом. Ему и раньше приходилось видеть, как мучили и убивали людей. Но этот случай виделся ему иначе. Черная Госпожа вовсе не собиралась получить от Палина какую-нибудь важную для Дела информацию. Ей нужен был посох, и она получила его. Для серых магов это было тем же, чем для Стила — взятие вражеского укрепления, но что-то все же смущало рыцаря. Посох по праву принадлежал Палину. Отобрать его у схваченного и безоружного... Слишком похоже на воровство. Стил вспомнил слова бригадира, он сам чувствовал подобное при встречах с Черной Госпожой — ему всегда хотелось после этого умыться.

— В любом случае, я должен проследить за тем, чтобы Палин умер легко и безболезненно, — подумал Стил, погружаясь в сон. — Он был верен законам чести и наверняка заслужил такую малость.

Размышляя о способах осуществления своего решения, он заснул окончательно и проснулся лишь тогда, когда солнечный свет сменился светом факелов.

К ночи жара не спала. В течение дня караульные были вынуждены сменяться каждые полчаса, потому что доспехи раскалялись под палящими лучами и люди теряли сознание. Несколько юных пажей жарили яичницу прямо на раскаленных камнях. Дежурный офицер разогнал мальчишек, но отобранную яичницу целый день носил с собой и как диковинку показывал всем желающим.

Ариакан закончил расследование обстоятельств смерти Верховной Жрицы и приказал немедленно

приступить к погребальному обряду. Труп сожгли. Нечего было и думать о том, чтобы оставить его лежащим при такой жаре. На теле Верховной Жрицы не было обнаружено никаких следов магических или физических повреждений. Женщина была очень старой. Говорили, что ей уже больше ста лет. Ариакан рассудил, что скорее всего смерть была вызвана естественными причинами, и провел остаток дня среди варваров, в корне пресекая слухи, которые поползли среди суеверных дикарей, испуганных жуткими обстоятельствами смерти Верховной Жрицы.

Стил поднялся с кровати и обнаружил, что его товарищи как раз готовятся отходить ко сну. Он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Стил обратился к Тревалину с вопросом, не слышно ли чего-нибудь о судьбе белого мага.

Тревалин выразил уверенность в том, что Черная Госпожа забрала Палина вниз, в древние Драконьи ловушки, где нынче разместились резиденция Рыцарей Терновника. Напоследок бригадир посоветовал Стилу не связываться больше с магами, независимо от цвета их одежд.

По здравому размышлению Стил согласился, что это, пожалуй, самое лучшее. Он был не в состоянии спасти Палина, скорее уж мог ему навредить. Маджере был магом и сам выбрал свой путь и свою судьбу. Постановив выкинуть Палина из головы, Стил решил навестить Флэр.

По словам Тревалина, во время похода на Квалинести с драконницей почти невозможно было иметь дело. Она отвергала всех навязываемых ей всадников, находя в каждом массу недостатков. Она подралась с собственным дружком-драконом и так разодрала тому морду, что он почти на неделю был из строя. Начальник над драконами ничего не

мог с ней поделаться и признал ее негодной к несению службы. Остальные драконы отряда старались держаться от нее подальше.

Стил надеялся, что с его возвращением все придет в норму, хотя он хорошо помнил, что Флэр, бывало, дулась неделями, прежде чем простить его. Рассчитывая ускорить процесс примирения, Стил решил зайти на кухню и попытаться уговорить повара дать ему молочного поросенка. Флэр любила свинину, и Стил был почти уверен, что она не откажется принять поросенка как знак доброй воли и примирения.

Он шел тихими и пустынными коридорами на четвертый этаж, где располагалась кухня, когда обратил внимание на странное мелькание света вдали. Яркое многоцветье в этом царстве теней и мрака резко контрастировало с теми оттенками серого и черного, которые были характерны для одеяний магов и рыцарей. Тут было целое столпотворение цветов, ярко сверкающих в свете факелов, совершенно, абсолютно неуместное здесь.

То, что свет переместился и потух, когда Стил решил рассмотреть необычное явление поближе, только усилило его подозрительность. Ему показалось, что он услышал голос, мгновенно сменившийся бормотанием.

Обнажив меч, Стил отправился на разведку. Звук исходил из-за каменной лестницы, расположенной в удаленной и неосвещенной нише коридора. Стил старался идти бесшумно, чтобы не спугнуть шпиона, ибо никем другим, по его мнению, забравшийся сюда быть не мог. По случаю жары доспехов он не надел и двигался почти совсем бесшумно. Обогнув лестницу, он заметил две фигуры, выделявшиеся черными силуэтами на фоне теней. Одна была одета в длинные черные одежды с капюшоном. Это не

казалось странным, так одевались все жрецы Такхизис, но вот другая была крайне странной. Стил с изумлением понял, что перед ним кендер.

— Да, к нему! — приглушенно говорил кендер одетому в черное спутнику. — Я его легко узнаю! Он, видишь ли, очень похож на Стурма. Я думаю, мы должны спросить у него...

Стил быстро приближался к ним, подходя со спины. Двое были так увлечены разговором, что ему удалось неслышно подобраться к ним почти вплотную. Он схватил кендера за хохолок и, намотав его на руку, поднял того.

— Спросить меня о чем? — поинтересовался он.

— Ой! А-а! Не надо! Ну больно же! — заверещал кендер, безуспешно пытаясь вырваться.

— Отпусти его, — раздался женский голос.

Не обращая внимания на жрицу, Стил вытащил отчаянно брыкающегося кендера на свет. Он узнал голос, но хотел точно убедиться.

Он убедился.

— Что *ты* здесь делаешь? — потряс он кендера.

— Ой-ой-ой, ты мне все волосы выдерешь! — заскулил тот в ответ.

— Я же тебе сказала, отпусти его! — Подошедшая жрица в черном схватила Стила за руку и попыталась разжать кулак, сжимавший хохолок кендера. Стил отшвырнул к стене кендера и повернулся к ней. Капюшон сполз с ее головы. В свете факела ярко сверкнули серебристые волосы.

Заметив, что Стил ее узнал, девушка низко нагнула капюшон.

Слишком поздно.

— Ты! — растерянно прошептал рыцарь.

Не ответив, а только бросив на него уничтожающий взгляд, девушка направилась к кендеру.

Тот сидел у стены, потирая попеременно то голову, то щеки, размазывая слезы и придушенно вопрошая, остались ли у него вообще волосы на голове.

Стил быстро огляделся. Похоже, никого больше рядом не было. Лестница находилась в нише. Час ужина давно миновал. Единственными людьми, которые могли находиться в этой части Башни, были повар и его помощники. Первой мыслью Стила было поднять тревогу, вызвать стражу и арестовать эту подозрительную парочку. Такова была его первая мысль. Он действительно намеревался так поступить, однако пока не решался что-либо предпринять.

Схватив девушку за плечи, он увел ее обратно в тень. Кендер последовал за ними.

«Я сначала сам допрошу их, а потом вызову стражу», — сказал он самому себе.

— Во имя Такхизис, что вы здесь делаете? — громко поинтересовался Стил.

Он не мог вспомнить имени ни женщины, ни кендера.

Кендер начал было объяснять, но спутница пнула его, и он обиженно умолк.

— Тебя это не касается! — высокомерно заявила она. — Но если тебе так уж необходимо знать, то знай — ныне я жрица Такхизис. Я доставляю этого преступника...

— То есть меня, — пояснил кендер, желая помочь.

— ...В тюрьму, — закончила она, бросив хмурый взгляд на кендера.

— Да, наверно, он очень важный преступник, — заметил Стил. — Настолько важный, что ты пропускаешь церемонию погребения.

— Погребение? — Ее золотистые глаза сверкнули. — Я... Я не слышала. Кто умер? — поинтересовалась она уже более робко.

— Верховная Жрица твоего Ордена, — безжалостно ответил Стил. — Все здешние жрецы пребывают в глубоком трауре. А что касается твоей жалкой выдумки о пленном кендере, так ей и без того никто не поверит. Любой жрец Такхизис, обнаруживший разгуливающего здесь кендера, тут же, без лишних разговоров, отправил бы его прямоком к Чемошу. Попытайся придумать что-нибудь еще.

Он должен был дать ей шанс. Девушка мужественно приняла поражение. Она побледнела, губы ее задрожали, но усилием воли она взяла себя в руки. Девушка стиснула зубы, гордо выпрямилась и с достоинством посмотрела на рыцаря:

— Что ты сделаешь с нами? Выдашь страже?

— Сейчас вопросы задаю я. Что вы здесь делаете? На этот раз, пожалуйста, правду.

Покусав губы, женщина наконец согласилась:

— Мы здесь, чтобы освободить Палина, но мы не можем найти, где его держат.

— В темнице его нет, — добавил Тас. — Я уже проверил. Видишь, Аша, я был прав! Это Стил, а он-то уж точно знает, где Палин.

— Правда? — Аша бросилась к рыцарю и, взяв за руку, с надеждой заглянула ему в глаза. — Ты нам скажешь? Ты можешь нас туда не провожать, только объясни, куда идти... Ну что в этом плохого? Ведь Палин пришел сюда, чтобы спасти твою жизнь, ты не можешь обречь его на смерть.

Стил молча разглядывал Ашу и кендера и думал о правратностях судьбы, которая свела их как раз в тот момент, когда рыцарь и сам размышлял о том, что юный маг не должен умереть. Если Стил не вос-

препятствует этому, его рыцарской чести будет нанесен какой-то ущерб — так Стил расценивал ситуацию. Он думал обо всем этом и потому молчал.

Эта неожиданная встреча — только стечение обстоятельств, или здесь приложила руку Владычица Тьмы? Несомненно, это Такхизис привела его сюда — наконец решил он. Стил чувствовал ее присутствие в окружающей темноте. Однако... что хотела от него Владычица? Предать этих двоих в руки серых магов? Или помочь им освободить Палина?

Всех Черных Рыцарей учили: в минуту сомнений нужно обратиться мыслью к Делу. Стил всегда был смущен противоречивостью собственных взглядов на Дело и потому сейчас не мог обратиться к этому испытанному способу разрешения сомнений. Он чувствовал, что его одновременно тянет в две противоположные стороны: с одной стороны, следовало немедленно выдать Ашу и Таса рыцарям, а с другой стороны, необходимо было оказать им поддержку в деле спасения юного мага. Но в одном он был уверен твердо — в правдивости истории, рассказанной Палином Ариакану.

Воздух был пронизан тревогой, а горизонт освещали молнии, вспыхивающие и гаснущие с сухим треском. Где-то был нарушен правильный порядок вещей.

— Пойдемте со мной! — резко бросил Стил Аше и Тасу. — Надвинь капюшон на лицо.

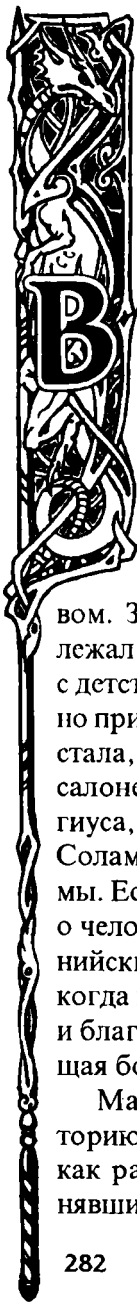
— Спасибо! — радостно вскрикнула Аша.

— Рано благодарить, — холодно ответил Стил. — Я вовсе не намерен идти и освобождать мага. Я просто хочу потолковать с ним. Узнать побольше обо всех этих делах с Серой Драгоценностью. А тебя с кендером я беру с собой просто для того, чтобы не упускать вас из виду. Окончательное решение я еще

не принял. И помните: если кто-нибудь нас остановит, разговаривать буду я.

Девушка и кендер молча кивнули. Кендер открыл было рот, но Аша жестом остановила его. «Интересно, как они собирались выбраться из крепости вместе с магом?» — подумал Стил. Он хотел было спросить об этом, но потом передумал, решив, что, чем меньше он знает, тем лучше. Пусть их тайны останутся при них, в конце концов девушка владеет магией...

Пока Стил размышлял об этом, они покинули верхние этажи Башни и отправились вниз, к Драконьим ловушкам.

16. Драконьи ловушки

Башне Верховного Жреца не было подходящих условий для деятельности магов. И это не удивительно, так как Соламнийские Рыцари никогда, на протяжении всей своей истории, не имели дела с волшебниками.

Поговаривали, что Хума отправился в свою последнюю битву вместе с магом, и они успешно разили врагов сталью и волшебством. Звали того волшебника Магиус, он принадлежал к Ордену Алых Мантий и был другом Хумы с детства. Посох, что носил ныне Палин, изначально принадлежал Магиусу, чья трагическая кончина стала, кстати, причиной, по которой магам на Ансалоуне было позволено носить кинжалы. Имя Магиуса, впрочем, никогда не называлось Рыцарями Соламнии, когда *они* рассказывали о подвиге Хумы. Если про него и упоминали, то мимоходом, как о человеке, чья роль была незначительной. Соламнийские Рыцари всегда подчеркивали, что Хума никогда не полагался на Магиуса, но, как доблестный и благородный воин, не раз рисковал собой, защищая более слабого друга.

Маги Кринна рассказывали совсем другую историю. По их словам, настоящим героем был как раз Магиус, отдавший жизнь за друга и принявший страшную смерть от рук врагов. Хума

в историях, которые рассказывали в Башне Вышнего Волшебства, был персонажем несущественным. Так, храбрый, но недалекий парень, под мудрым руководством мага и с его решающей помощью повлиявший на судьбу битвы.

Истина была похоронена в давно забытой и затерянной могиле Магиуса, да в пустом склепе Хумы. Но тем не менее ни кладовых магических предметов, ни лабораторий волшебников, ни книжных полок и шкафов, полных книгами заклинаний, в Башне Верховного Жреца не было.

И потому серые маги — волшебники Рыцарей Такхизис — вынуждены были начинать на пустом месте.

Они решили использовать давно заброшенные Драконьи ловушки по нескольким причинам. Прежде всего им была необходима уединенность. Хотя серые маги были частью Черного Рыцарства и принимали деятельное участие в повседневной жизни своих собратьев-рыцарей — жили, тренировались и сражались с ними вместе, тем не менее они были еще и кудесниками. Поэтому им требовались особые тайные места, тихие и спокойные, в которых можно было работать.

Драконьи ловушки подходили для этого просто идеально. Никто и никогда не входил туда без серьезного повода. Во время Войны Копья зал, в котором помещался Глаз Дракона, был разрушен. Соламнийские Рыцари убрали обломки, но «камни, помнящие пролитую кровь», как называли их гномы, дочиста отмыть не удалось. Каменный пол Драконьих ловушек был окрашен красным: кровью драконов и рыцарей, которые убивали здесь этих огромных зверей. Место, дышащее смертью. Ужасное место, мрачное и печальное.

Палин слышал жуткие крики, вопли раненых, стоны умирающих. Не раз он в страхе оборачивался, ему казалось, что громадные неистовые крылья разрывают воздух около его головы. Все эти звуки лишь мерещились ему, если, конечно, духи драконов не продолжали битву с духами рыцарей в иных планах бытия. В этом мире Драконьи ловушки были просто темным, холодным помещением, полным звуков, сопровождающих работу магов: скрипом перьев, шепотом волшебника, повторяющегося заклинание, легким шелестом длинных одежд по полу.

Палин находился там уже долго. Он успел послушаться и живых, и мертвых звуков. Его не подвергали пыткам, которых он ожидал, попав в руки Черной Госпожи. Его не убили. Впечатление было такое, что про него просто забыли. Он сидел в глубине Башни, куда не проникали лучи солнца, так долго, что потерял ощущение времени. Может быть, прошло лишь несколько часов, а может, минул уже не один день. Он был совершенно один, ему не с кем было поговорить, никто даже не приближался к двери.

Рот юноше завязали. Повязка больно врезалась в губы, оставляя рот раскрытым. Ощущение было ужасным. К тому же он страдал от жажды. Веревки на запястьях глубоко врезались в кожу и пережали сосуды, отчего руки затекли и почти ничего не чувствовали. Палин был прикован цепью к массивному мраморному столу, сплошь покрытому магическими символами.

Один раз он попытался привлечь внимание, чтобы попросить воды у проходящего мимо мага. Палин мычал и извивался, но маг безучастно прошел мимо, словно не замечая пленника.

Черная Госпожа забрала с собой его магический посох. Эта утрата мучила Палина, пожалуй, сильнее, чем кляп, затекшие руки и жажда вместе взятые. Вместе с посохом исчез и голос дяди. Палин ощущал себя совершенно покинутым и одиноким — чувство, которого он не испытывал с момента обретения посоха.

Палин недоумевал: что же серые рыцари собираются с ним делать, и когда, и почему до сих пор ничего не происходит? Чем больше проходило времени, тем страшнее ему становилось. Ему не было страшно, когда он стоял посреди крепостного двора и говорил с Ариаканом. Он не боялся даже тогда, когда смотрел на плаху, покрытую потеками засохшей крови. В тот момент он готов был умереть. Умереть достойно, без сожаления, печалась только о горе, которое принесет его смерть тем, кого он любил.

Страх начал постепенно нарастать, пока он сидел в пронизанной звуками темноте. Мысли его путались, в голове проносились картины всевозможных ужасов. Чтобы отвлечься, он огляделся по сторонам. Внимательно всматриваясь в конструкцию Драконьих ловушек, он заметил отверстия, через которые рыцари разили драконов копьями. Убитые здесь драконы были настоящими дьяволами, — мрачные порождения Владычицы Тьмы, синие и красные твари, они безжалостно губили ни в чем не повинных людей, изощренно глумясь над своими жертвами.

Драконий Глаз, помещенный на возвышении в сердце Башни, призывал драконов в ловушки. Они не могли не повиноваться его приказам. Как только дракон влетал в ловушки и оказывался в тупике, две половинки опускающей решетки с вырезом посередине закрывались, сдавливая его шею. Двери, ведущие

к Глазу, закрывались, и дракон оставался в западне, выбраться из которой не мог. Голова оказывалась запертой в маленькой комнатке, а тело в узком коридоре. Рыцари разили их копьями, мечами и стрелами. Представив себе, как умирали драконы — пойманные, яростно и неистово пытающиеся вырваться и ревущие в агонии и ярости, — Палин обнаружил, что ему в глубине души жаль этих обрекаемых на смерть жутких, но все же великолепных животных.

В конце концов Палин задремал, измученный своими видениями. Но сны его были полны крови и непрекращающейся муки; он чувствовал себя подобно древнему существу, пойманному в коварную ловушку и не видящему никакого иного избавления из нее, помимо смерти.

Усилием воли маг изгнал эти видения из своего мозга, но они норовили вновь вернуться. Возникло ощущение, что раз от разу сила их нарастает. Не понимая, что происходит, Палин почувствовал нарастающий страх, переходящий в ужас. Теперь Палин почти с симпатией думал о своих палачах и возможных пытках. Физическая боль казалось предпочтительней хотя бы потому, что проводниками ее стали бы живые люди.

Когда вернулась Черная Госпожа с магическим посохом в руке, Палин был даже рад ее приходу. Но радость его оказалась короткой. Лилит держала в вытянутой руке посох, и затуманенный ум Палина сначала не обнаружил в этом зрелище ничего необычного. Но затем маг вспомнил о том, как посох обжег Черную Госпожу, когда она впервые попыталась коснуться его. Как же это могло случиться? Что изменилось? Неужели посох отверг его и передал власть над собой Черной Госпоже?

— *Ширак!* — с триумфом сказала Лилит. Камень на вершине посоха засветился тусклым светом, сердито мигая и словно не желая повиноваться.

Палин опустил голову, надеясь, что Черная Госпожа не заметит его слез. Лилит рассмеялась и положила посох на столик так, чтобы Палин не мог коснуться его.

— Я знала, что рано или поздно посох будет моим, я видела это в расположении гадательных камней. Что ты скажешь на это?

В ответ Палин промычал что-то невразумительное. Лилит сорвала повязку с его рта. Палин облизал пересохшие губы и с трудом прошептал:

— Дай мне воды!

— Ну конечно, ты же хочешь пить! Как я об этом не подумала! — усмехнулась Лилит и поднесла кувшин к пересохшим губам мага. Палин закашлялся и яростно взглянул на Черную Госпожу.

— Почему ты до сих пор не убила меня? Чего ты еще ждешь?

— А ты не догадываешься? — злобно усмехнулась Лилит. — Охотник никогда не убивает кролика в ловушке до тех пор, пока волк не засунет свою голову в петлю.

Палин некоторое время мучительно соображал, морща лоб. Потом до него дошел смысл слов Лилит.

— Ты хочешь устроить ловушку? На кого? На моего дядю? — Улыбка против воли раздвинула его губы. — Хотел бы я дожить до мгновения вашей встречи и взглянуть *на это!*

— Да, я тоже хотела бы, — в свою очередь улыбнулась Лилит. — Но это как-нибудь в другой раз. Рейстлин меня сейчас интересуется меньше, чем некоторые другие твои родственники.

Решив, что колдунья имеет в виду его отца или мать, Палин с сомнением покачал головой. Но тут новая мысль пришла ему в голову.

— Стил?!

Глаза Черной Госпожи вспыхнули. На этот раз Палин рассмеялся в открытую. Он смеялся так долго, что снова закашлялся.

— Тебе не удастся поймать *этого* волка на имеющегося у тебя кролика, — наконец сказал он. — Ты думаешь, что он примчится сюда меня освобождать? Да какое ему до меня дело?

Лилит наклонилась к лицу мага и впилась в него пристальным взглядом.

— Ее Высочество не случайно свела вас вместе. Я много раз кидала камни, и ответ всегда был один. Смотри: я кину их еще раз, для тебя.

Черная Госпожа достала из сумочки, висевшей на ее левом запястье, пригоршню полированных агатов. Пробормотав слова заклинания, она рассыпала камни по серой мраморной поверхности стола. Вершина посоха разгорелась чуть ярче, и свет бликами отразился от разноцветных агатов.

— Вот, смотри! — Лилит вытянула тонкий палец. — Черный камень — это Стил. Белый — ты. А посередине — крепость... — Взглянув на стол, Палин увидел зеленый агат, помеченный рунами, обозначающими Башню. — А на вершине Башни, вот здесь — огонь. — Палин взглянул на красный агат с выгравированным на нем тонким языком пламени. — Ты с одной, он — с другой стороны, а между вами — рок, гибель. — Закончив, Лилит сгребла камни со стола. — Вот! Вас нет. Вы оба — мертвы. И...

— А проклятие остается, — холодно заметил Палин, глядя на камни, обозначающие пламя и Башню. Оба они по-прежнему лежали на столе. Черная

Госпожа удивленно мигнула. В ее намерения входило собрать ВСЕ камни. На мгновение она задумалась о смысле нового знамения. Но Палина все это уже не волновало. Он слишком устал.

— Ты ведь слышала, что я говорил повелителю о богах, — безразлично промолвил он. — Я видел...

— Ты видел то, что Рейстлин позволил тебе видеть! — фыркнула Лилит. — Так я и объяснила повелителю. Очередная уловка твоего дядюшки. Он постоянно играет в какие-то игры, и когда-нибудь доиграется — это я могу тебе пообещать! — Лилит взяла два оставшихся камня и бросила их в сумочку. — А что касается Стила, так он просто предатель, и я буду не я, если не докажу это повелителю. И тогда вы умрете вместе, как и подобает столь близким родственникам. — Договорив, Черная Госпожа удалилась, забрав тускло светящийся посох.

Палин положил голову на стол. Тьма снова сомкнулась вокруг него. Вместе с темнотой пришло отчаяние. Он понял, что умрет здесь. Его найдут прикованным к этому столу...

Разбудили его голоса и свет факела. Он поднял голову. Привыкшие к темноте глаза слезились. Он с трудом различал силуэты, блеск оружия, может быть, сияние драгоценностей. Люди, кто бы они ни были, почему-то переговаривались шепотом.

— Стойте здесь и тихо! — приказал суровый, холодный мужской голос.

Палин узнал голос, и сердце чуть не выпрыгнуло у него из груди. Он хотел предостеречь его, но был так поражен и удивлен, что не мог вымолвить ни слова. Человек с факелом, на груди которого сиял Камень-Звезда, без сомнения, был Стил Светлый Меч. Он покинул своих спутников, тотчас же рас-

творившихся во тьме, отталкиваемой светом факела, и приблизился к Палину.

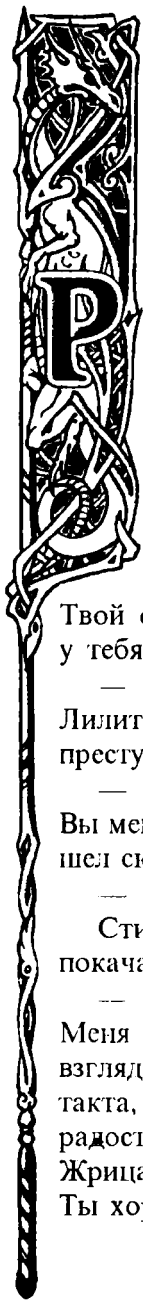
— Маджере? — Стил не понижал голоса, а его шаги гулко разносились по помещению. Он шел не таясь, уверенный в своем праве находиться здесь. Люди, собирающиеся тайно освободить узника, *так* не ходят. Он подошел ближе. — Маджере, я должен поговорить с тобой...

Неожиданно вспыхнул яркий свет. В нишах за зубчатыми колоннами, где во времена битв с драконами скрывались Соламнийские Рыцари, теперь стояли Рыцари Такхизис.

— Вот видишь, повелитель! — Голос Лилит был пронзителен и полон триумфа. В руке она сжимала ярко сияющий магический посох. — Ты сам видишь!

Из темноты послышался голос Ариакана, тяжелый, полный печали и гнева:

— Стил Светлый Меч подтвердил, что он предатель. Взять его!

17. Сломанная ловушка

Рыцари бросились вперед и схватили Стила за руки. Он не сопротивлялся. Глаза его скользнули по Палину и остановились на стене над его головой.

— Поверь мне! — тихо сказал Палин. — Я тут ни при чем!

— Стил Светлый Меч, что привело тебя сюда? — поинтересовался Ариакан. — Твой отряд не на дежурстве. Никаких дел здесь у тебя нет.

— Причина очевидна, повелитель! — заметила Лилит. — Он прокрался сюда, чтобы освободить преступника.

— Я не прятался, — холодно возразил Стил. — Вы меня прекрасно видели и слышали. Я открыто шел сюда.

— Зачем? — настаивал Ариакан.

Стил ничего не ответил. Повелитель печально покачал головой:

— Я ошибся, приняв тебя в ряды рыцарей. Меня предостерегали. — Он бросил мимолетный взгляд на Черную Госпожу, у которой хватило такта, или скорее ума, не демонстрировать свою радость. — Но другие убедили меня. Верховная Жрица, что лежит ныне мертвой, была среди них. Ты хороший солдат — благородный, мужествен-

ный, верный. Да, я сказал верный, — добавил он, снова посмотрев на Лилит.

— Я верю, Светлый Меч, что ты старался душой и сердцем служить Владычице. Только сердце твое полно темного честолюбия твоей матери, а душа благородна, как у отца. Потому и поступаешь ты противоречиво, а значит, ты ненадежен и опасен для Дела. Я приговариваю тебя к смерти. Приговор исполнить немедленно.

Рыцарь вынул меч и подошел к Стиллу.

Стилл не сопротивлялся, не возражал. Каждое слово, сказанное повелителем, было правдой. Каждое ранило, как удар меча.

Рыцарь поднял меч.

— Повелитель! — раздался голос другого рыцаря. — Он не один! — Послышались звуки борьбы и крики.

— Да умрет он когда-нибудь? — раздраженно заметил Ариакан. — Но, — добавил он, пораженный внезапной мыслью. — Может, по замыслу Ее Темного Величества он должен остаться в живых? Казнь отложить! — громко добавил он. — Ну что вы там нашли?

— Еще двое, господин. — Вперед вышел рыцарь, таща за собой кендера и человека, закутанного с головой в черный плащ с капюшоном. — Судя по всему, Светлый Меч был не один.

— Рейстлин! — прошептал Палин, вскакивая. В душе его вспыхнула надежда. — Дядя!

У Лилит тоже возникло такое опасение. Она бросилась вперед, в руке ее грозно сверкал магический посох.

— Кто ты, маг? — спросила она. — Сними капюшон!

Человек в черных одеждах поднял голову. В свете посоха блеснули золотистые глаза.

Черная Госпожа испуганно отпрянула, но, приоткрывшись, залилась нервным смехом.

— Ты не волшебник. В тебе совсем не чувствуется магии! — Она резко откинула капюшон.

Палин задохнулся от ужаса.

В ярком свете факелов стояла бледная и испуганная Аша.

— Что здесь происходит? — Ариакан казался теперь скорее изумленным, чем разозленным. — Кендер и чародейка Черных Мантий?

— Она не волшебница, — фыркнула Лилит. — В ней не больше магии, чем в этой стене. Просто шпионка!

— Я вообще не понимаю, о чем она там говорит, — встрял Тас. — Мы вовсе не с тем рыцарем. Мы вообще ни с кем. Так, сами по себе.

— Заткните эту козявку, — распорядилась Лилит.

— Нет, пусть говорит, — приказал Ариакан. — Здесь что-то не так. Я собираюсь докопаться до сути происходящего. Отпусти его. Кендер, иди сюда.

Тас поправил свои многочисленные сумочки, вышел вперед и протянул Ариакану руку.

— Как поживаешь, повелитель? Я Эйдердаун Лежебока, а это моя подруга Аша, *очень* могущественная злая волшебница. Если бы я был на твоём месте, я бы поостерегся сердить ее — она дочь Рейстлина Маджере! — Он драматически замолчал, давая возможность слушателям осознать услышанное.

Ариакан нахмурился, не обратив внимания на протянутую руку кендера.

— Шпионы! — фыркнула Черная Госпожа. — Вы пришли сюда вместе со Стилом. Расскажи повелителю истинную причину, по которой вы здесь.

— Тем я и занят, — с достоинством произнес Тас. Он вновь повернулся к Ариакану: — Ты можешь, конечно, этого и не знать, но я кендер, который поклялся служить силам Тьмы. Вот потому-то я и здесь. Я хотел предложить свои услуги Ее Темному Высочеству. Такхизис изменила всю мою жизнь! Ныне я чрезвычайно злобен. В доказательство этого я готов совершить злодеяние, если хотите. Смотрите!

Тас рванулся вперед. Несколько рыцарей попытались его поймать, но он был слишком юрок. Он прошмыгнул мимо рыцарей и подскочил к Палину.

— Я убью для вас этого белого мага! — заорал он.

Тас выхватил маленький кинжал и направил его в живот Палину. Потом он резко вскинул его и одним махом перерезал веревки, связывающие Палину запястья.

— Держи! — крикнул Тас и всунул ему в руку кинжал.

Ошеломленный и не ожидавший такого Палин, руки которого затекли от долгой неподвижности, безуспешно пытался удержать кинжал в руках. Рыцари выхватили мечи. Двое, державшие Стила, вместе с другими двинулись к Палину. Тас вскочил на столик и прыгнул оттуда на спину ближайшему рыцарю. Взявшись за шлем обеими руками, он резко надвинул его тому на глаза. Рыцарь не удержал равновесия и упал вместе с Тасом под ноги остальным. Те повалились на них.

— Тверды, как лед! — покрыл шум голос Аши. Она стояла, сжимая в руке светящийся прозрачный кристалл.

Все замерли. Остановились занесенные для удара мечи, люди застыли, пойманные в движении, не в состоянии пошевелиться, крик застрял в открытых ртах. Холод магии Эрдов облаком растекся над

Черными Рыцарями, заковывая их в невидимый магический лед.

Только один из них сохранил свободу движения — Стил. Что защитило его? Может быть, Камень-Звезда, или меч, или темное влияние матери. Только он мог двигаться.

Палин облокотился на столик и неуверенно посмотрел на Стила.

— Мы кузены, — сказал он. — Ты спас мне жизнь. Я не хочу драться с тобой.

Аша подбежала к Палину. В одной руке она держала светящийся кристалл, а в другой — маленькую фигурку коня.

— Почему бы тебе не присоединиться к нам? — спросила она Стила. — Поедем с нами! Они ведь собираются тебя убить.

Стил нахмурился, его рука, вынимающая меч из ножен, замерла на поддороге.

— Повелитель справедлив, — сказал он наконец.

— В Бездне я видал такую справедливость! — выругался Палин. Он взмахнул кинжалом, вынуждая Стила отступить. — Ты *хочешь* умереть, потому что ты трус, ты боишься жить!

Разозлившись, Стил бросил меч в ножны.

Палин с беспокойством посмотрел на него, а затем опустил кинжал.

— Ты отправишься...

Стил прыгнул на него и, схватив руку с кинжалом, прижал ее к мраморному столику. Некоторое время они боролись. Палин пытался удержать свое единственное оружие, а Стил выворачивал ему руку. Наконец кинжал выпал из ослабшей руки Палина и с негромким звоном упал на пол.

Вдруг раздался удар, потрясший Башню Верховного Жреца до самого основания. Пол дрожал,

стены трещали и шатались. Магический кристалл выпал из руки Аши и, упав на мраморный стол, погас. Заклинание, сковывающее рыцарей, потеряло силу.

— Что... — начал Ариакан.

Башня содрогнулась еще от одного ужасного удара, от которого многие рыцари повалились на пол. Стил навалился на Палина, который инстинктивно поддержал его, что позволило обоим сохранить равновесие.

— Быстро наверх! — приказал Ариакан ближайшему рыцарю. — Узнай, что происходит. На нас напали?

Тот побежал к выходу, спеша выполнить распоряжение, остальные рыцари поднялись и застыли на месте.

— Повелитель! Где повелитель Ариакан? — Юный паж с круглыми от страха глазами бежал к ним.

— Я здесь! — крикнул Ариакан, его голос легко перекрыл все остальные звуки.

— Повелитель! — задыхаясь проговорил паж. — В Башню... ударила молния! Дважды, повелитель! Ужасная молния! Я никогда такой не видел! Она упала с неба, как брошенное громадное копье. Дважды она поразила нас, — повторил потрясенный паж. — В одно и то же место! И еще... Еще... — Он жадно хватал воздух открытым ртом. — Драконы, повелитель! Сотни драконов... Золотые, серебряные...

— На нас напали, — мрачно подвел итог Ариакан. Он выхватил из ножен меч.

— Нет, повелитель. — Паж понизил голос, и окружающие замолчали, чтобы расслышать его слова. — Вместе с ними красные и синие, они летят все вместе, бок о бок, красные вперемишку с золотыми,

синие посреди серебряных. Жуткий свет сияет на севере. Кошмарное красное зарево, оно делается все ярче и ярче и распространяется все дальше и дальше, как будто все деревья запылали в великих северных лесах. Даже сюда долетает запах...

Серый пепел летел в открытые ворота. Раздался удар грома, и башня зашаталась, еще одна молния поразила ее. Кольца для факелов выпали из стен и со звоном покатались по полу. Решетки дребезжали, раскачиваясь из стороны в сторону, помещение окутали клубы пыли. Рыцари в тревоге переглядывались. Они были смелыми людьми, но перспектива быть заживо похороненными под обломками Башни их совсем не привлекала.

Палин и Аша стояли рядом, взявшись за руки. Кендер, пойманный наконец одним из рыцарей, вырывался и умолял своего пленителя:

— Ну пожалуйста, я только хочу посмотреть! Ну очень тебя прошу, ты ведь можешь меня и потом убить. Я только посмотрю, что там, и сразу вернусь. Слово чести! Ну что тебе стоит, мне ведь только посмотреть!

Стил пристально взглянул на Черную Госпожу.

— Башня, пораженная молнией... — тихо произнес он.

Ариакан отдавал короткие команды, направляя рыцарей к ближайшим лестницам.

— Сзовите командиров на совет, — приказал он на ходу окружившим его офицерам. — Собрать сведения о происходящем. Я хочу знать все о том, что кто-либо видел или слышал. С драконами я поговорю сам. Пошлите за Предводителем Неупокоенных.

— Что делать с арестованными? — поинтересовался один из его помощников.

— Меня не... — раздраженно начал Ариакан.

— Убей их, повелитель! — прервал его слова крик Лилит, она мертвой хваткой вцепилась ему в рукав. — Немедля прикажи их убить! Они!.. Они во всем виноваты! Я прочитала это по гадательным камням.

— Да провались ты в Бездну со своими камнями, Лилит! — ответил Ариакан, пытаясь стряхнуть ее руки. — Дай мне пройти! — рывкнул он и отшвырнул ее от себя.

Черная Госпожа попыталась удержать равновесие, но зацепилась за магический посох и упала на пол под одну из решеток, что запирали Драконью ловушку.

Раздался оглушительный удар грома. Башня вновь вздрогнула. Решетка, механизм крепления которой был разрушен предшествующими сотрясениями, упала.

Лилит заметила несущуюся на нее смерть и попыталась отползти, но не успела. Остро отточенные прутья решетки, рассчитанные на то, чтобы пробить толстую и чрезвычайно крепкую драконью шкуру, легко пронзили мягкую плоть Черной Госпожи. Решетка плотно вошла к гнезда на каменном полу, пригвоздив к нему Лилит.

Она дико закричала и вцепилась в прутья решетки в безнадежной попытке поднять их. Кровь хлестала из ужасных ран. Руки ее разжались. Она вытянулась на полу, последним усилием положив руку на магический посох. Сумочка с агатами раскрылась, и камни высыпались во все увеличивающуюся лужу крови. Глаза ее остекленели, рука соскользнула с магического посоха.

Ариакан в ужасе смотрел на ее труп. Даже черная борода его не могла скрыть смертельной бледности,

которая легла на лицо повелителя. Его прошиб холодный пот.

— Много я видел смертей, но немногие были страшнее этой. Это знамение! Да будет Владычица к ней милостива, — сказал он.

Он оглянулся и, найдя глазами Палина, кивнул:

— Маджере, подойди сюда! Не бойся! Ты говорил мне что-то там, в крепостном дворе, про Хаос, намеревающийся пожрать нас. Это что, начало?

— Я думаю, да, — тихо сказал Палин после минутного замешательства. — Но точно я сказать не могу, не знаю.

Ариакан глубоко вдохнул и медленно-медленно выдохнул. Потом вытер пот со лба.

— Я хотел бы еще раз поговорить с тобой, белый маг. А ты, Светлый Меч, будь с ним. Вы оба придете ко мне, когда я позову.

— Я хочу, чтобы мои друзья были со мной, — сказал Палин, указав на Ашу с Тассельхофом. — Я должен быть уверен, что они в безопасности.

— Ладно, ладно, — нетерпеливо перебил его Ариакан. — Давайте убираться отсюда, пока мы окончательно не оглохли, или пока эта проклятая Башня не обрушилась нам на головы....

— И я хочу, — не двигаясь с места, продолжил Палин, — ...я хочу взять мой посох.

— Ну так и заberi его, — сумрачно согласился Ариакан. — Сомневаюсь, что еще кто-нибудь будет на него претендовать. Светлый Меч, ты приведешь в мой штаб всех троих.

— Да, господин, — ответил Стил.

Ариакан поспешно удалился, оставив всех четверых в стенах Драконьей ловушки. Палин подошел к Черной Госпоже, которая лежала на полу

в луже крови. Когда он наклонился, чтобы поднять посох, взгляд его остановился на остекленевших глазах Лилит. Запах теплой крови щекотал его ноздри.

Посох ли убил ее, предав и бросив в смертельную ловушку? Или все это — лишь игра слепого случая? Палин замер в неуверенности, вытянув руку и не решаясь дотронуться до посоха. Аша подошла к нему и осторожно погладила по плечу. Маг с благодарностью взглянул на девушку. Кендер утер рукавом заливающую глаза кровь, и сказал:

— Давай-ка поскорее, Палин. А не то мы, как всегда, пропустим все самое интересное!

— Если ты слишком брезглив, то я могу взять для тебя посох, — нетерпеливо предложил Стил, наблюдая за маневрами Палина.

Палин отстранил рыцаря, глубоко вздохнул и вытянул посох из-под мертвой руки. Выпрямившись, он в изумлении посмотрел перед собой. В двух шагах от мага стояла фигура в черных одеждах с низко надвинутым на лицо капюшоном.

Встревоженный Стил обнажил меч.

— Не надо! Это мой дядя! — закричал Палин и бросился к рыцарю, чтобы остановить его.

Рейстлин откинул капюшон и безучастно взглянул на Стила. Потом он перевел взгляд на племянника:

— Неплохая работа, Палин.

— Дядя! Как?.. — В этот момент глухой удар грома очередной раз сотряс Башню. Казалось, его издавала сама земля. Пол под ногами людей начал ломаться, как пересохшие вафли, а на стенах появились трещины.

— На вопросы времени уже не осталось! — заметил Рейстлин. Он взял Палина за руку и жестом

велел Аше и Тассельхофу подойти поближе. — Мое путешествие сюда predetermined Даламар. Он хочет видеть нас в Башне Высшего Волшебства.

— Ты, Палин, никуда не отправишься отсюда, — мрачно заметил Стил. — Никуда, кроме как в штаб к повелителю Ариагану. И твой дядя тоже.

— Я и правда обещал Ариагану, что мы поговорим с ним... — в замешательстве сказал Палин. — Может быть, мы должны...

— Время для разговоров прошло. Началась битва. Ариаган сейчас уже сражается. — Рейстлин перевел взгляд на Стила: — Твой меч в любом случае еще пригодится ему. Позволь нам уйти с миром, сын Стурма.

Стил и сам склонялся к этому. Звуки битвы проникали в глубины Башни и призывали к действию. Рейстлин подошел к рыцарю. Стил сжал рукоять меча.

— Я знаю этот меч, — медленно произнес маг. — Это ведь меч твоего отца? Я никогда особенно не любил его, и все эти его рыцарские заскоки с честью и знатностью рода. Это все было так пошло и театральное... — Стил молчал, но костяшки его пальцев, сжимающих меч, побелели. — А потом я узнал о нем одну замечательную вещь. Он врал нам всем. Он был не больше рыцарем, чем я. Его возвели в рыцарское достоинство незадолго до смерти. А до этого он таскал все эти побрякушки, доспехи и прочее... И все это было вранье, дешевый спектакль... — Рейстлин пожал плечами. — А знаешь ли ты, что после того, как я все это обнаружил, я стал относиться к нему куда лучше?

— Потому что ты решил, что теперь вы с ним равны? Так? — хрипло выговорил Стил. Рейстлин улыбнулся с едкой горечью.

— Да, конечно, ты *должен был* подумать именно так. Но на самом деле причина была в другом. — Рейстлин подошел вплотную к Стиллу. Рыцарь ощущал на своем лице его дыхание. — Твой отец лгал всем и каждому; за одним-единственным исключением. И этим исключением был он сам. В своем сердце Стурм Светлый Меч *БЫЛ* рыцарем. Он носил этот фальшивый титул с большим достоинством, чем многие из тех, кому он принадлежал по праву. Он повиновался законам, которым *НЕ ОБЯ-ЗАН* был повиноваться. Он жил, сообразуясь с кодексом чести, в который не верил никто, кроме него. Он принес присягу, которой не слышал никто. Только он сам... и Боги. Никто не побуждал его хранить верность этой клятве — Мере. Он делал это сам. А кто ты такой, Стил Светлый Меч? — Золотистые глаза Рейстлина блеснули. — Знаешь ли ты?

Кровь отлила от лица Стилла. Он открыл рот, но не смог вымолвить ни слова. Слезы струились по его щекам. Он так низко опустил голову, что волосы закрыли его лицо.

Резким движением он загнал меч в ножны и, развернувшись, бросился к выходу на лестницу, навстречу звукам разгорающейся битвы.

18. Плечом к плечу

Рейстлин стоял около одного из окон в верхних покоях Башни Высшего Волшебства. Он находился в своем старом кабинете, с удивлением и благодарностью отмечая тот факт, что Даламар сохранил всю обстановку такой, какой она была до того, как ушел его *шалафи*. Кабинет не был полностью изолирован от внешнего мира, в отличие от лаборатории с ее опасными волшебными предметами и темными секретами.

Несколько вещей магической природы исчезли из кабинета. Может быть, они были перенесены в комнаты Даламара, а может быть, в учебные классы, где юные маги работали над ними, изучая их тайны. Но украшенный затейливой резьбой деревянный стол все еще стоял здесь. Книги на полках были старыми друзьями Рейстлина, их переплеты были ему более близки, чем лица многих людей из его прошлого. На полу лежал тот же ковер, слегка вытершийся за долгие годы.

Аша расположилась в том же кресле, где когда-то сидела госпожа Крисания. Рейстлин попытался представить себе лицо праведной дочери, но тщетно. Он покачал головой и опять отвернулся к окну:

— Что это за странный свет сияет там, на севере?
— Это Бурный океан в огне, — ответил Даламар.
— Что-о?! — вскрикнул Палин, вскакивая с кресла. — Разве такое возможно?!

— Я хочу это увидеть! Такое нельзя пропустить! — Тас попытался протиснуться к окну, у которого застыл черный маг.

Ночное небо привычно чернело, но на севере его озаряло огромное оранжево-красное зарево.

— Море горит, — пробормотал потрясенный Палин.

— Хотел бы я взглянуть на это поближе, — вздохнул Тас.

— Может быть, тебе еще представится такая возможность, — заметил Даламар, пытаясь отыскать на полке какую-то книгу. — Члены Конклава были там. Они сообщили, что образовался обширный провал между Ансалоном и Драконьими островами. Из него вырываются языки пламени, и поэтому кипят океанические воды. То, что ты видишь — это всего лишь облака пара, в них отражается свет пламени, из которого рождаются огненные драконы, а их всадниками становятся злые духи и некие существа, сотканные из теней. Количество их неисчислимо. Каждый язык пламени, вырывающийся из разлома, порождает дракона, состоящего из пламени и владеющего магией. Существа, восседающие на нем, созданы из крутящейся тьмы Хаоса. Именно их силы осадили сейчас Башню Верховного Жреца. Скоро атаке подвергнутся и все остальные ключевые места Ансалона. Нам сообщили, что гномы Торбардина уже сражаются со злыми духами в подземных пещерах.

— Как насчет книги? — перебил Даламара Рейстлин.

— Ну не могу, не могу я ее найти! — проворчал Даламар и снова отвернулся к полкам.

— Мой народ... — дрожащими губами прошептала Аша. — Они... они живут совсем рядом с теми местами...

— Твой народ навлек на нас это проклятие, — ядовито заметил Рейстлин.

Аша подалась назад, пытаясь скрыться от пронизывающего взгляда мага. В поисках поддержки она посмотрела на Палина, но тот с момента прибытия в Башню Высшего Волшебства почему-то избегал ее.

Рейстлин внимательно наблюдал за ними обоими.

Если Аша до сих пор не сказала Палину всей правды, то лишь из-за недостатка времени...

— А что собирается делать Конклав? — спросил Палин у Даламара.

— Пока что мы пытаемся определить природу этих магических существ, чтобы потом отыскать способ борьбы с ними. К сожалению, это можно сделать, только столкнувшись с ними лицом к лицу. Как глава Конклава, я сам за это взялся.

— Опасное дело, — заметил Рейстлин, оглядываясь на темного эльфа, который когда-то был его учеником. — Ты вполне можешь и не вернуться.

— Ты не слишком расстроишься, не так ли? — пожал плечами Даламар. — Ты же присутствовал на заседании Конклава, когда обсуждался этот вопрос. Если твои предположения верны, то все это совсем не важно.

— Я пойду с тобой, господин! — предложил Палин. — Мой ранг невысок, но, может быть, и я окажусь чем-нибудь полезен.

→ Боги нуждаются в помощи каждого из нас. Особенно Владычица Тьмы. Она еще продолжает играть с обеих сторон против середины. — Рейстлин

умолк, задумавшись. — Она хочет выйти из всего этого победительницей.

— Лучше бы ей думать о том, выйдет ли она отсюда живой, — сухо заметил Даламар.

— Так ты возьмешь меня? — спросил Палин, и его пальцы крепко сжали посох.

— Нет, юноша. Не унывай. Шанс умереть тебе еще представится. Для тебя есть другое задание. Со мной отправляются глава Ордена Белых Мантий Данбар Мастерсмайт и представительница Ордена Алых Мантий — госпожа Йенна. Будем надеяться, что, даже если мы погибнем, добытые нами сведения вовремя попадут в руки Конклава.

— Тем, кто сражается в Башне Верховного Жреца, это уже не поможет, — заключил Рейстлин, указывая на окно. Яркое зарево поднималось над горными пиками, разгораясь все ярче и ярче и превращая ночь в серый, мрачный день.

— Как жаль, что с рыцарями нет Таниса, — печально сказал Тас. — Тот всегда был хорош в подобных обстоятельствах.

— Танис Полуэльф сражается ныне в своем плане бытия, — проговорил Рейстлин. — Как, впрочем, и эльфы, гномы, кендеры...

— Они напали на Кендермор? — У Таса перехватило дыхание.

— Везде на Кринне, Мастер Непоседа, — сказал Деламар, — все создания, независимо от того, кому они служат, вынуждены сейчас бросить свары и вместе, плечом к плечу, биться за свое выживание.

— Возможно, они объединятся, — вставил Рейстлин. — А может быть, и нет. Ненависть пустила глубокие корни в сердцах людей на Ансалоне. Союз — единственная наша надежда... Впрочем, на худой конец может помочь и оккупация.

— Ты пошлешь меня домой, Даламар? — спросил Тас. Он стоял, гордо выпрямившись. — Лорана многому научила меня, ну, например, как быть полководцем. Я знаю массу необходимых вещей, ну, например, что не стоит произносить «отход» в *начале* сражения. Воины почему-то очень смущаются от этого, даже если это просто миленькая такая мелодия трубы. Не уверен, правда, что смогу играть на трубе, но можно ведь и попробовать. Словом, если ты можешь вжикнуть меня домой в Кендермор, то я сделаю все, что смогу, чтобы помочь им там.

— Боюсь, Кендермору придется обойтись без полководца, — ответил за Даламара Рейстлин. — Кажется, я вспомнил, где стоит этот том. — Он подошел к полкам. — Твои таланты понадобятся в другом месте.

— Слушай, ты не... Повтори еще раз, — проглатывая от волнения слова, попросил Тас.

— Что повторить? — раздраженно отозвался маг.

— Ну о том, что я... Ну что я нужен, — растерянно пробормотал кендер. — Фисбен, он тоже так думал, но он-то тогда был малость не совсем в своем уме — пара сендвичей, это ведь тоже в некотором роде пирушка, если вы понимаете, о чем я... Нет, я не обижаюсь, — добавил он, оглядываясь по сторонам. — Мы с ним решили, что поскольку я человек маленький, то и дела мне по плечу маленькие. Ну там, спасение овражного гнома, чтоб того дракон на завтрак не съел, а что-то там действительно великое стоит оставить для больших людей...

— Есть тут один большой человек, ему вскоре понадобится твоя помощь, — сказал Даламар. — Мы пошлем тебя с Палином.

— Ты слышал, Палин! Мы отправимся вместе! — восхищенно закричал Тас.

— Слышал, — без особого энтузиазма отозвался тот.

— Вот она. — Рейстлин снял с полки книгу и положил ее на стол.

Они с Даламаром стремительно склонились над книгой, нетерпеливо перелистывая страницы.

Тас принялся кружить по комнате, рассматривая многочисленные и разнообразные предметы, стоящие на маленьких столиках и украшавшие полку над камином. Словно между прочим он взял один из них, который казался не более чем куском полированного дерева. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что это коробочка, на которой вырезаны бесчисленные фигурки гномов.

Коробочка стремительно переключалась в одну из сумочек кендера, но вдруг Тас замер, потом снова вынул ее, долго смотрел, поглаживая пальцами поверхность, и наконец, тяжело вздохнув, поставил обратно на каминную полку.

— Я отправляюсь на ответственное задание, — мрачно сказал он. — Не стоит брать с собой лишний вес.

— Да, теперь я вижу, что конец света вот-вот наступит, — пробормотал Даламар.

— Так, вход здесь, — проговорил Рейстлин. — Видишь, я помню правильно.

Даламар склонился над книгой. Два мага дружно читали, иногда перебрасываясь странно звучащими словами.

Палин прилагал все усилия, чтобы понять, о чем они говорят. Слова были похожи на эльфийские, но, наверно, то был древнеэльфийский, так как Палин едва ли понимал одно слово из двадцати. Поняв, что дядя занят и ему не до него, Палин подошел к Аше и встал позади нее.

Аша со страхом глядела на красное зарево в ночном небе. Палин успокаивающе положил ей руки на плечи. Аша благодарно подняла голову и накрыла его руки своими.

— Я боюсь за них, — пожаловалась она, слова давались ей с трудом. — Это зарево... Оно похоже на то, что я видела в ту ночь, когда их покинула... Только... Оно сейчас значительно ярче. Я так беспокоюсь, Палин. Ведь твой дядя сказал правду. Они... Мы... навлекли это проклятие на всех!

— Не волнуйся. — Палин нежно гладил сияющие волосы девушки. — Эрды — могучие маги. Когда я вернусь...

— Что значит «когда я вернусь»? Куда ты собираешься? Я пойду с тобой! — Она резко вскочила и, обернувшись, обняла Палина.

— Тогда это закроет их, — заключил Даламар, выпрямляясь.

— Да, надеюсь, что так, — пробормотал Рейстлин. Он начал было кашлять, но сдержался и вытер платком губы.

Раздался стук в дверь. Затем створки бесшумно раздвинулись. В дверях стояла Йенна.

— Даламар, — спокойно сказала она, — нам пора. Все необходимые для заклинаний компоненты и те свитки, что ты просил, у меня с собой.

— Я должен идти. — Даламар повернулся к Рейстлину. — Мы не можем терять время. Ты объяснишь Палину и кендеру их задачу, *шалафи*?

Рейстлин покачал головой:

— Тебе нет нужды так меня называть. Я больше не твой учитель.

Даламар улыбнулся темной, кривой улыбкой. Он расстегнул застежку, украшенную изображением черного лебедя, и распахнул складки черного вель-

вета. На гладкой коже эльфа были отчетливо видны пять ран, по виду и расположению которых становилось очевидно, что нанесены они были длинными ногтями. Раны были свежими и еще кровоточили.

— Ты всегда будешь моим учителем, — заявил Даламар. — Как видишь, я усвоил урок, что ты преподал мне сегодня.

— Похоже, он пошел тебе на пользу, — холодно заметил Рейстлин. Он начал постукивать пальцами правой руки по поверхности стола.

— Я восхищаюсь тобой, — тихо сказал Даламар, — до сих пор. — Он запахнул одежды и добавил: — И буду вечно тебя ненавидеть. Пока, Маджере. — Он обернулся к Палину. — Да благословят тебя все боги — покровители магов!

— И всех нас, — тихо добавила Йенна. — Пока, Палин Маджере. До свидания, и ты, — волшебница лукаво улыбнулась, — Аша Маджере.

Йенна протянула Даламару руки, тот взял их, произнес несколько слов, и маг с чародейкой исчезли.

Палин не ответил на их прощание. Он не отрываясь смотрел на дядю.

— Куда я направлюсь, дядя? Куда вы хотите послать меня?

— И меня! — с готовностью поддержал Тас.

— И меня! — решительно заявила Аша.

— Нет... — начал Палин.

— Да, — отрезал Рейстлин. — Девушка пойдет с вами. Так надо. Она единственная знает дорогу.

— Домой! — Аша внезапно все поняла. Она затаила дыхание. — Ты отсылаешь меня домой!

— Я посылаю тебя за этим, — Рейстлин ткнул пальцем в рисунок на странице книги, которую они с Даламаром читали. Палин заглянул туда.

— Серая Драгоценность! Но... она ведь сломана. Так говорили боги.

— Она сломана, — согласился Рейстлин. — Ваша задача ее восстановить. Прежде всего вам, я думаю, придется украсть ее у тех, кто ее охраняет. — Он многозначительно посмотрел на Ашу.

— Ты отправишься с нами, дядя?

— Душой, — ответил Рейстлин. — Я помогу вам всем, чем смогу. Я не принадлежу этому миру, Палин, — добавил он, видя разочарование племянника. — Магическая сила покинула меня. Я могу действовать только через вас.

— Я, конечно, очень горд, — Палин был в недоумении, — что ты так веришь в меня, но почему все-таки посылают меня, дядя? Есть ведь множество куда более могучих магов...

— Все маги Кринна участвуют в этой битве, племянник. Серые и красные, черные и белые, искуснейшие мастера и совсем зеленые ученики. Конклав решил, что ты больше, чем кто-либо, подходишь для этого задания. Почему? У них есть свои соображения на этот счет. С некоторыми я согласен, с другими нет. Если это для тебя важно, то твоя привязанность к воспитаннице Эрдов была одним из факторов выбора, твоя связь со мной — другим. У тебя есть посох, и, что, пожалуй, самое важное, однажды ты уже показал свою способность управлять Серой Драгоценностью.

— Я не столько управлял, сколько изображал управление, — печально сказал Палин. — К тому же мне помогали. Там был Дуган Красный Молот.

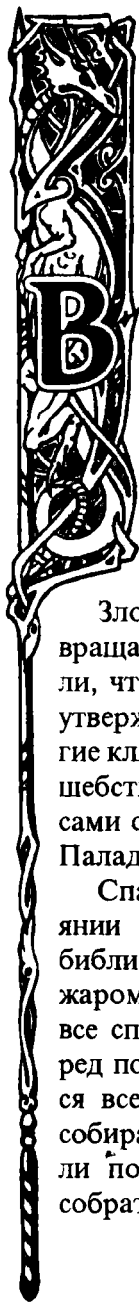
— На этот раз тебе тоже помогут. Ты отправляешься не один. — Рейстлин бросил взгляд на Тассельхофа, который на протяжении этого раз-

говора сидел на полу и сортировал содержимое своих многочисленных сумочек и кошельков.

Палин проследил его взгляд и подошел к Рейстлину поближе.

— Дядя, — понизив голос, сказал он. — Я отправлюсь, куда ты скажешь, и в точности исполню то, что ты мне прикажешь. Аша отправится со мной, чтобы выяснить, что произошло с ее народом, но Тас? Благодарю покорно, он самый лучший из кендеров, который жил когда-либо, но... Ну... Он же *кендер...*

— Вот потому-то я и посылаю его. — Рейстлин положил руку Палину на плечо. — У кендеров есть одно качество, которое тебе очень пригодится, племянник. Кендеру неведом страх. — Рейстлин сильно сжал Палину плечо. — Там, куда вы направляетесь, эта особенность просто бесценна.

19. Слухи. Грохот и пламя. Отплытие

В тот горячий, наполненный дымом серый день в порту на Бренчальской косе было полно народа. Над горами разразилась ужасная гроза, раскаты грома были отчетливо слышны в Палантасе. Слухи, один страшнее другого, поползли по городу и по мере распространения становились все ужаснее.

Зловещее зарево на севере освещало ночь, превращая ее в жуткое подобие дня. Сначала говорили, что в городе грандиозный пожар. Некоторые утверждали, что горит Великая библиотека. Другие клялись, что видели, как Башню Высшего Волшебства пожирает пламя. Многие уверяли, что сами слышали очевидцев того, как из окон храма Паладайна вырывались языки пламени.

Спать никто не мог. Все находились в состоянии нервного возбуждения. Люди бросались к библиотеке, храму, желая помочь бороться с пожаром, но с изумлением обнаруживали, что там все спокойно. Палантасцы слонялись взад и вперед по улицам, смотрели на зарево, становившееся все ярче, и гадали, что же происходит. Они собирались группами на перекрестках, обсуждали последние слухи, вновь расходились, чтобы собраться уже возле следующего очевидца оче-

редного неподтверждающегося события. Время от времени раздавался истерический звон колоколов из разных районов города. Это кто-то, поверив очередному кошмарному слуху, старался оповестить горожан.

Поначалу Рыцари Такхизис пытались навести в городе порядок. Они с оружием в руках вышли на улицы города. Усиленные патрули рассеивали толпы и призывали горожан расходиться по домам. Закрыли таверны, поставили посты у колоколов. Однако ближе к утру рыцари исчезли с улиц и, построившись в колонны, под барабанный бой направились в сторону дороги, ведущей к Башне Верховного Жреца.

Утром обнаружилось, что ни одного рыцаря в городе нет. Город был ими оставлен. Жители пришли в восторг. Ужасные слухи сменились радостными: эльфы поднялись и бьются с Черными Рыцарями. Гномы вышли из подземного королевства и разбили рыцарей. Эльфы объединились с гномами и вместе гонят рыцарей прочь... И так далее, вплоть до того, что кто-то клялся, будто слышал о том, как армия кендеров штурмом взяла Башню Верховного Жреца. Колокола звонили победу. Звон, впрочем, скоро стих.

Ближе к полудню в гавань один за другим поспешно начали входить корабли. Взволнованные моряки в один голос утверждали, что видели горящее море. Красное зарево — это отсвет волшебного пламени, в котором морская вода горит так же хорошо, как масло в светильнике. Эта история мгновенно распространилась по городу, и толпы народу бросились в порт, чтобы своими ушами услышать рассказы моряков и посмотреть на полыхающее багровое зарево. Оно смахивало на

закат солнца, вот только время и место были неподходящими.

Потом распространились известия о том, что горят леса на склонах Вингаардских гор, а на Башню Верховного Жреца напали могущественные враги, силы которых огромны, но никто не знает, откуда они пришли. Известно только, что они же зажгли море и заставили его полыхать, как сухое дерево. Ветер относил дым в сторону от города. Леса горели еще далеко, но если ветер сменится...

— Где ты оставила лодку? — спросил Палин, когда они вместе с кендером вышли из ворот в Старой Стене и направились к гавани.

— У причала общего пользования. Я заплатила гному, он обещал присмотреть за ней. Ой, Палин, — воскликнула Аша, останавливаясь. — Посмотри какая толпа! Как мы сквозь нее проберемся?

Казалось, половина города набилась в гавань, запрудив все причалы. Люди ждали прихода новых судов с последними известиями. Некоторые тихо переговаривались с соседями, другие молча и мрачно смотрели на пламенеющее небо. Стена людей стояла между друзьями и общественным причалом. Стена эта волновалась, живо реагируя на все новые слухи, в ней возникали водовороты, она подавалась из стороны в сторону, но оставалась притом очень плотной. Пробриться сквозь нее казалось делом невозможным.

— Что? Ерунда! Никаких сложностей не будет, — жизнерадостно заявил Тас. — Просто идите за мной.

Он подошел к ближайшей группе людей. Несколько лавочников, сблизив головы так, что почти касались друг друга обильно потеющими лбами, тихо и взволнованно переговаривались, иногда пре-

рываясь, чтобы узнать новости у пробирающихся мимо людей.

— Простите, — громко сказал Тас, дернув одного из них за длинный свисающий рукав. — Мы с друзьями пытаемся...

— Кендер! — взвизгнул лавочник. Одной рукой он схватился за кошелек, другой — за богато украшенную цепь, висевшую у него на шее, и отпрыгнул назад. Он сильно толкнул человека, стоящего за ним в другом подобном же кружке. Тот возмущенно обернулся, но, увидев кендера, в свою очередь схватил кошель и подался назад. Окружающие засуетились, отпихивая друг друга, через мгновение вокруг кендера образовалось пустое пространство.

— Большое спасибо, — вежливо поблагодарил Тас и двинулся дальше. Аша с Палином поспешили за ним. Они вновь уткнулись в живую стену, но стоило только кендеру произнести «простите» своим высоким и громким голосом, как все повторялось сначала.

Так они и пробрались сквозь толпу, значительно проще и быстрее, чем думали. Конечно, их движение сопровождалось некоторыми не очень приятными моментами, вроде воплей «сведи за ним» или назойливо повторяющегося «эй ты, а ну отдай!», но подобные мелочи не стоили того, чтобы на них обращать внимание.

Наибольшее людское скопление было возле стен города и у торговых пристаней, к которым подходили лодки, перевозившие на берег пассажиров и команды больших судов, стоявших в центре гавани. Как только те вступали на берег, толпа сразу же бросалась к ним.

Над домом смотрителя гавани висели предупреждающие флаги, но моряки не нуждались в них.

Они сами все видели. Ни один нормальный человек сейчас в море не выйдет.

Аша не была профессиональным моряком, она ничего не знала о сигнальных флагах, а если бы и знала, то не обратила бы на них внимания. Она отправлялась домой. Она выяснит правду, какой бы ужасной она ни оказалась.

Страх обострил все ее чувства, и она тут же заметила свою лодку, покачивающуюся на волнах среди сотен других.

— Там, — указала она.

— Она кажется чертовски маленькой, — удивился Палин.

— Нас троих она выдержит.

— Я... Я имел в виду маленькая для... путешествия по морю.

Палин посмотрел на гавань. Стоял полный штиль. Море лениво плескалось под досками причала, на небе — ни облачка. Яркое сияло солнце. Картина была бы совсем мирная, но не доносилось привычных криков чашек, да и самих птиц ни на воде, ни в воздухе не наблюдалось. На востоке были видны отблески молний, доносились глухие раскаты грома. На севере зловещее зарево сияло над горизонтом, отражаясь в воде.

— Ветра нет, — покачал головой Палин. — Вряд ли мы сможем пройти весь путь к тебе домой на веслах. Надо подумать над другими способами.

— Не надо, — ответила Аша, увлекая Палина вперед. — Лодка волшебная. Ты забыл? На ней я попаду домой, Палин. Домой, — тихо повторила она.

— Аша, — проговорил Палин, разворачивая ее лицом к себе. — Аша...

Она прочитала на его лице, поняла по его тону, что он хотел сказать. Как в зеркале ее собственные страхи отражались на его лице.

— Все будет хорошо, — сказала она. — Ведь ты со мной.

Крепко сжимая его руку, она повернулась и зашагала по причалу, направляясь к лодке.

Аша спрыгнула в свою утлую посудину и принялась осматривать ее, чтобы убедиться, что та выдержит морское путешествие. Палин с Тасом оставались на причале, готовые по ее команде отвязать веревки. Окружающие посматривали на них с удивлением, но молча. Наверно, решили, будто Аша собирается прикрыть лодку в предвидении возможного дождя. Мысль о том, что они могут выйти в море, никому и в голову не приходила.

Палин гадал, что они будут делать, если им попытаются помешать.

Ему совершенно не хотелось плыть в ненадежной лодчонке навстречу пламенеющему небу, но выбора не было. Им необходимо попасть к Эрдам, а, как справедливо заметила Аша, волшебная лодка доставит их именно туда. Другого способа оказаться там не было просто потому, что никто не знал, где же расположены их земли. Даже члены Конклава и те не представляли себе, где это. Только драконы могли бы знать, но все драконы сейчас сражались.

— Я прирожденный моряк, — заявил Тас, сидя на краю причала, свесив ноги и пытаясь разглядеть в воде рыб. — Флинт — тот совсем другое дело. Он ненавидел воду. Он не мог понять, зачем она вообще нужна. «Реоркс дал нам эль, — любил говаривать он, — и почему бы ему было на том не остановиться?» Я пытался ему указать на то, что по элю трудно

было бы плавать на лодке, то есть, наверно, можно, но пена будет сильно мешать. Впрочем, Флинт все равно считал лодки изобретением вредным. Смешно, но это из-за того, что он вечно из них вываливался и тонул. Ты когда-нибудь слышал историю о том, как Флинт чуть было совсем не утонул? Однажды, когда твой отец...

— Давай не будем говорить об утопленниках, — прервал его Палин. — Или о моем отце.

К мирной гостинице его родителей наверняка вплотную подступила опасность. Карамон отправился предупредить жителей Утехи. Он постарается сделать все, что в его силах, чтобы защитить их от грядущих ужасов, какими бы они ни были.

— Знает ли отец, что мне предстоит? — спросил Палин дядю уже перед самым выходом. — Знает ли он о том, куда я направляюсь?

— Знает, — ответил Рейстлин.

— И что он сказал? — забеспокоился Палин.

— Он сказал, — Рейстлин улыбнулся, — что когда все закончится, они с матерью ждут тебя дома к обеду.

Вспоминая сейчас этот разговор, Палин радовался. Отец знал, с какими опасностями встретится его сын, и вместо того, чтобы, как обычно, пытаться отговорить Палина, он дал понять, что родители верят в сына и убеждены в его силе.

Почувствовав, что его дергают за рукав, Палин посмотрел вниз. Перед ним стоял Тас.

— Палин, — прошептал он. — Боюсь, Аша сильно расстроится, попав домой. Ну, помнишь, мы еще слышали на совете богов...

— Да, — согласился Палин. — Она очень расстроится.

— Может быть, нам сказать ей? Ну там подготовить, и вообще?

Палин посмотрел на суетящуюся в лодке Ашу, разбирающую вещи, чтобы освободить место еще для двух путешественников.

— Она знает, Тас, — заметил он. — Она уже знает.

Так уж получилось, что выйти из гавани им не помешали. Никто и не заметил, что они отправились, а если кто-то и обратил на них внимание, то у него хватало своих проблем. Ветер, о котором все лето молили горожане, прохладный ветер с гор, который мог бы принести облегчение изнывающему от жары городу, — наконец задул. Но он нес не облегчение, а ужас. Горные леса горели, и ветер гнал пламя к Палантасу.

Вновь тревожно зазвонили колокола. Люди бросились к домам, надеясь сделать что-нибудь для их спасения. Улицы были полны клубами дыма, он разъедал глаза и затруднял дыхание. Пепел летел вдоль улиц. Палин стоял в лодке, с тревогой глядя на великий Палантас. Он попытался представить себе, как это будет выглядеть, если город запылает. Он подумал о дяде, одиноко сидящем в Башне Высшего Волшебства. Все маги и ученики уже отправились в Вайрет помочь готовить магические средства борьбы с Хаосом. Вспомнил, как он в последний раз видел дядю, вглядывающегося в магическое зеркало.

— Здесь я буду все видеть, — объяснил он. — Я смогу отсюда направлять вас.

Затем Палин подумал об Астинусе, продолжающем свою бесконечную летопись. Он мог живо пред-

ставить себе, как мечется в панике Бертрём, суетятся другие монахи. Как они готовятся самоотверженно спасать книги, историю этого мира. Для кого? Может случиться, что читать их будет уже некому.

А мы плывем к острову смерти. Возможно, мы плывем навстречу собственной гибели...

— Отплываем! — весело объявил Тассельхоф. Он устроился на носу лодки и внимательно вглядывался вдаль все время, пока Аша выводила лодку из гавани в открытое море. — Знаете, — проникновенно заметил он, оборачиваясь, — ничто так не вдохновляет меня, как путешествие в места, где я еще не бывал.

20. Зола и пепел

Они отплыли от Бренчальской косы в Бурный океан, и ветер погнал их вперед так, как будто он был на их стороне. Через некоторое время ветер стих. Их лодка застыла посреди океана.

Аша положила руку на руль и развернула суденышко так, чтобы нос его указывал на север.

— Домой, — скомандовала она.

Лодка заскользила по окрашенной красными бликами зарева воде. Парус уныло повис на мачте, поскольку никакого ветра не было, но лодка продолжала набирать скорость и двигалась все быстрее и быстрее. Соленые брызги летели в лицо путешественникам.

Тас сидел на носу, вцепившись обеими руками в борта и подставив лицо ветру и брызгам. Рот его был открыт от восхищения. Аша держала руль. Палин пытался пристроиться так, чтобы соленые брызги не попадали в глаза.

Скорость лодки между тем продолжала нарастать. Тас отцепился от борта и пристроился на мотке веревки, лежавшем на дне. Через некоторое время к нему присоединился Палин. Волны перехлестывали через борт, и около их ног плескалось уже довольно много воды. Они промокли и

замерзли. Палин беспокоился об устойчивости лодки. Но Аша успокоила его, уверив, что волшебная лодка не может утонуть. Тас прижался к Палину. Они молча смотрели на багровое зарево, полыхающее на горизонте.

— Ой-ей-ей! Она, кажется, останавливается! Наверное, приехали! — раздался взволнованный голос кендера.

Аша проснулась, с удивлением обнаружив, что успела задремать. Палин поднял голову, протирая глаза. Все трое были голодны и мокры до нитки.

Палин взглянул на солнце, которое уже почти скатилось к линии горизонта.

— Мы проспали почти весь день, — заметил маг. — Солнце садится.

— Да, оно уже довольно давно этим занимается, — подтвердил Тас.

— Что ты имеешь в виду? — Палин осторожно выпрямился.

— Я смотрю на него уже часа три. Вы все это время дрыхли. Но, ты знаешь, оно не шевелится. Оно просто висит там.

— Ты, должно быть, ошибаешься, Тас. Такого просто не может быть. Наверное, прошло куда меньше трех часов.

Тас вернулся на свой наблюдательный пункт на носу и почти сразу же закричал:

— Смотрите! Смотрите! Там, впереди!

На фоне красного неба была видна тонкая темная линия.

Аша вскочила так резко, что лодка зашаталась. Девушка, быстро перебежав на нос, напряженно всматривалась вперед. Палин присоединился к ней.

— Должно быть, это и есть твоя родина. Да, Аша? Похоже, мы направляемся прямо к ней.

Лодка приблизилась к берегу.

— Какие, однако, у вас тут смешные деревья, — заметил Тас. — Так ты родом отсюда?

— У нас деревья такие же, как и везде. Но ты прав, эти деревья выглядят очень странно.

Волны и магия приближали лодку к линии прибоя.

— О, Паладайн! — ужаснулся Палин.

— Ого! — воскликнул Тас. — Да это и не деревья вовсе. Они же все сгорели!

— Нет! — тихо сказала Аша. — Магия направила лодку куда-то не туда. — Слова давались ей с трудом. — Это не мой дом!

— Мне очень жаль, Аша, — сказал Палин и взял девушку за руку.

Не обращая внимания на его слова, Аша вырвала руку и бросилась на корму. Там она попыталась повернуть руль, чтобы изменить курс. Руль не двигался. Аша бросилась на него всем телом, но и это ни к чему не привело. Когда Палин попытался ее оттащить, она заколотила кулаками по плечам и груди мага, требуя, чтобы он отпустил ее.

— Успокойся! — твердо сказал Палин. — Ты опрокинешь лодку.

— Ну и пусть! — разрыдалась девушка. — Мне теперь все равно!

— Конечно! — повторял маг, нежно обнимая девушку. — Да-да. — Он гладил ее по волосам. — Конечно... — Постепенно рыдания ее стихли, девушка успокоилась в его руках.

Они наконец достигли песчаного пляжа. Аша сидела не двигаясь. Ее замороженная неподвижность была столь же неестественной, как и предыдущая

вспышка ярости. Они вышли на берег в том же месте, где раньше высаживались Рыцари Такхизис.

Аша смотрела на картину крайнего опустошения.

Песок, когда-то белый, был ныне черным. Только там, где набегали на берег волны, он сохранил свой первоначальный цвет.

Палин вытащил лодку на берег и пошел вдоль пляжа. Сначала он решил, что черный цвет песка — просто игра природы, но потом обратил внимание на грязь и мусор, качающиеся на волнах. Он увидел скорченные и обугленные останки того, что было когда-то живыми деревьями, и внезапно понял, почему песок стал черным. Его покрывали пепел и зола.

Палин печально вздохнул и помог Тасу перебраться на берег. Когда он повернулся к Аше, то увидел, что она быстро бежит по направлению к тому, что раньше было лесом. Увязая в песке, они вместе с Тасом бросились за ней. Аша оставила их далеко позади. Немолодой уже кендер скоро просто выбился из сил, с его короткими ногами и прерывающимся дыханием трудно было рассчитывать догнать длинноногую девушку. Палин же был непривычен к физическим усилиям, да к тому же ему мешали его намокшие длинные одежды. Он тоже отставал.

Впрочем, проследить ее путь было совсем не сложно, как заметил Тас. Цепочка отчетливо отпечатавшихся в пепле следов вела в глубь разоренной местности. Сладковатый резкий запах обуглившегося дерева был повсюду. Пепел и зола, поднятые с земли налетевшим ветерком, вызывали кашель, глаза горели и слезились. Над головами раскачивались полусгоревшие ветки, готовые в любую минуту обломиться и упасть.

Они подбежали к каменной стене, сохранившейся с одной из сторон разрушенного дома. Обожженные камни стены да разбитый камин напротив — вот и все, что осталось от маленького уютного домика.

— Палин! — прерывающимся голосом позвал Тас.

Палин обернулся к нему. Тас указывал на какой-то чернеющий невдалеке предмет. Магу не надо было приближаться, чтобы понять, что там. Он знал.

Неподалеку от останков жилища лежало тело, вернее, то, что от него осталось, — как будто человек, выбежавший из горящего дома, встретил поджидавших его за порогом убийц.

— Я видел развалины деревни Квс-Шу, — тихо сказал Тас, подавленный ужасным зрелищем, — после того как там побывали драконы. Там было вроде этого. Более печальной картины мне в жизни не встречалось, и вот опять... Как ты думаешь, они все... все погибли?

Палин смотрел на обгорелые стволы деревьев, на толстый слой пепла, ковром покрывающий землю.

— Надо найти Ашу, — сказал он наконец, взяв Таса за руку. Они пошли по хорошо заметным ее следам.

Аша молча стояла перед каменной стеной другого дома, от которого ничего более не осталось. При пожаре стены и крыша рухнули внутрь, и теперь там лежала куча обгорелых обломков.

Аша стояла неподвижно. Палин подошел и обнял ее. Она была похожа на каменную статую. Тело ее было напряжено и казалось холодным, широко раскрытые глаза слепо смотрели вперед.

— Аша! — позвал Палин, сильно встревоженный ее состоянием. — Аша, не надо. Это не поможет. Аша...

Девушка не отвечала, она, казалось, даже не замечала его. Она пристально смотрела на обгорелые развалины дома. Под слоем пепла, покрывшим ее лицо, была заметна его неестественная бледность. Так же отчетливо, как следы ее ног на пепле, на щеках отпечатались дорожки, промытые слезами.

— Мне очень жаль, Аша, — тихо и мягко сказал Палин. — Но Эрды не могли быть полностью разбиты. Ты найдешь...

— Нет, — ответила девушка с ужасающим спокойствием. — Нет, их больше нет, полностью, окончательно. Заступник знал, что это случится. Вот потому-то они и отослали меня. О Заступник, как мне жаль! — зарыдала она. — Так ужасно жаль!

— Не надо, любимая. Ты не могла ничего сделать. Может быть, — с надеждой добавил он, — некоторым все-таки удалось спастись. Их магия...

— Нет. — Аша безнадежно покачала головой. — Даже если бы кто-то и мог спастись, он никогда бы не оставил в беде всех остальных. Нет, они все погибли, никого не осталось. Никого.

Красный диск заходящего солнца просвечивал сквозь скелеты деревьев. Его лучи падали на Ашу, окрашивая ее фигуру в красный цвет, заставляя ее золотистые глаза сверкать, как полированную бронзу.

Солнце...

— Тас был прав! — У Палина перехватило дыхание. — Солнце не двигалось! Тас, ты где, Тас?

Он оглянулся. Кендер исчез.

21. Дуган Красный Молот. Серая Драгоценность. Любимцы Хаоса

ак-то лучше, — пробормотал Тас, наблюдая за Палином с Ашей. — Теперь они вместе, а значит, все будет хорошо. По крайней мере, они явно заслужили, чтобы с ними все было хорошо. Я, правда, замечал, — со вздохом добавил он, — что заслуги с воздаянием не всегда ходят в обнимку.

Он наблюдал за ними достаточно долго. Он видел, что в объятиях Палина Аша постепенно успокаивается. Истинная любовь, если, конечно, ты сам не принимаешь в ней непосредственного участия, а так, стоишь в стороне и смотришь, — достаточно скучна. Тас зевнул, высморкался, чтобы избавиться от залетевшего в нос пепла, и оглянулся в поисках чего-нибудь поинтереснее.

Рядом с ним проходила дорога, когда-то обсаженная деревьями.

«Каждая дорога куда-то ведет», — говорится в старинной кендерской поговорке. Если к ней добавить другую: «По какой бы дороге ты ни пошел, всегда будешь прав, даже если это поворот налево», — то представление о философии кендеров будет почти полным.

— Возможно, как раз эта дорога и приведет меня к Серой Драгоценности, — задумчиво проговорил Тас.

Он хотел было сказать Аше с Палином, что уходит, но, посмотрев на них еще раз, решил их не тревожить. Он тихо скользнул в сторону и бодро отправился по только что замеченной дороге.

Пока он шел, бесшумно продвигаясь вперед, поговорить ему было не с кем (поскольку он шел один), и Тас решил вспомнить, что же он знает о Серой Драгоценности.

«Я полагаю, что это некое драгоценное украшение, ну брошь или еще что-нибудь, а отличу я ее просто — она сломана, — размышлял Тас. — Последнее, без сомнения, просто замечательно, потому что теперь, даже при большом желании, я уже не смогу ее испортить».

Он вспомнил, Рейстлин говорил что-то об ее охране, но Тас не слишком задумывался на эту тему. Драгоценности всегда охраняют, а он по опыту знал, что у охранников обычно сильно развиты совершенно необъяснимые предрассудки в отношении кендеров, и эти наверняка не были исключением. Он продолжал путь, перепрыгивая через упавшие обгорелые стволы и рассуждая о том, что покрывающая землю сажа во многом похожа на снег, вот только черная, пачкается и противно пахнет. Тут он заметил гнома, притаившегося за деревом.

— О боги, — сказал Тас, останавливаясь. — Как странно.

Гном был исключительно хорошо одет, особенно для гнома, который прятался за обгорелым деревом в горелом и разоренном лесу. Его красивые одежды покрывал толстый слой сажи, ею же были покрыты его длинные волосы и борода. Плюмаж его шляпы поистрепался и был грязен. Он что-то высматривал. Он стоял вполоборота к дороге, то есть кендеру была видна только его спина.

— Похоже... Да, я прав, — пробормотал Тас. — Это Дуган Красный Молот.

Он проследил направление взгляда гнома, но ничего не увидел. С его точки зрения обзор закрывала обугленная сосна.

Гном, казалось, был очень увлечен своим занятием. Тас решил не беспокоить Дугана, а потому стал подбираться к нему поближе тихо, как мышь. Как это делается, он имел сведения из первых рук, а еще точнее — личный опыт. Однажды он случайно оказался превращенным в мышь. Подобравшись к гному, Тас тихо положил руку ему на плечо.

Просто поразительно, как высоко может прыгать гном, — при его-то росте. А подпрыгнуть, да еще не потерять притом широкополую шляпу, — это просто невероятно.

После вышеописанного прыжка Дуган так посмотрел на Таса, что тот отшатнулся и, споткнувшись о лежащее за ним бревно, свалился на землю. Толстый гном тяжело дышал и постепенно наливался кровью. Вскоре он стал таким же красным, как небо. Он подошел к кендеру и первым делом зажал тому рот.

— Во имя Реоркса, кто ты такой? — хриплым шепотом осведомился он. — И что ты тут делаешь?

Тас попытался ответить, заметив про себя, что с заткнутым ртом это получается не слишком ловко.

— Ханксмелепон Ноойеда? — повторил гном. — Никогда о таком не слышал. Однако я тебя где-то видел.

Тас яростно крутил головой, гримасничал и пытался знаками дать понять, что, будь рот у него открыт, разговор был бы более приятным.

Дуган некоторое время наблюдал за ним, а потом убрал руку.

— Только тихо! — предостерег он. — Они близко. Вон там. Хотя я не уверен, слышат они или вовсе глухие, проверять не стоит.

Тас кивнул и потер ушибленную при падении голову.

— Кто они? — шепотом спросил он.

— А ты кто? — поинтересовался Дуган.

— Извини, забыл представиться. — Тас встал на ноги. Дуган тоже поднялся. Тас подумал, что гном, судя по его выдающемуся животу, вероятно, уже несколько веков как собственных ног не видел. Кендер протянул руку: — Я Тассельхоф Непоседа.

— Хм, — фыркнул Дуган. — Вот, значит, откуда я тебя знаю. Я...

— Я знаю. Реоркс, — громко прошептал Тас. — Но ты не беспокойся, я никому не скажу, — торопливо добавил он, заметив, как потемнело лицо гнома.

— Нечего рассказывать, — прорычал гном, пристально глядя в глаза кендера. — Мое имя — Дуган Красный Молот. Понятно?

— Нет, — подумав, ответил Тас. — Но, с другой стороны, есть еще масса вещей, которых я не понимаю. Смерть, например, или, допустим, шерифы. Они лишают нашу жизнь стольких радостей. Ну и раз уж мы об этом заговорили, почему икота? То есть я имею в виду, почему люди икают? А еще я надеюсь, ты сможешь объяснить...

Дуган сказал что-то об адском пламени, которое скорее превратится в лед. Тас нашел замечание крайне любопытным и уже собирался попросить рассказать об *этом* поподробнее, но рука Дугана снова крепко запечатала ему рот.

— Зачем ты здесь? Что ты тут делаешь? — Он слегка приподнял ладонь, готовый вновь заткнуть кендеру рот.

— Меня послал Рейстлин Маджере! — гордо ответил Тас. — Я приехал за Серой Драгоценностью.

— Тебя? — Гном, забыв об опасности, произнес это слово достаточно громко. Он испуганно пригнулся и пригнул с собой Таса.

— Тебя? — повторил Дуган в полнейшем изумлении. — Он послал тебя?

Тасу не понравилось выражение, с которым Дуган произносил «тебя», — звучало как-то очень похоже на интонации Рейстлина.

— Я герой Войны Копья! — обиженно заметил Тас. — Я сражался с драконами. Однажды я даже захватил пленника, что бы там Флинт по этому поводу ни говорил. Я вытащил Сестана почти из самой пасти красного дракона. Я побывал в Бездне и вернулся оттуда, причем, заметь, дважды. Я...

— Довольно! — взвыл гном, стараясь не повышать голоса. Интересно, как ему это удалось. Тас готов был поклясться, что это невозможно, но, однако...

— Ладно, ты уже здесь. Я полагаю, что мне надо будет постараться извлечь из этого какую-нибудь пользу, — проворчал Дуган и добавил, что он не понимает, почему маг не послал еще десяток-другой овражных гномов, чтобы его, Дугана, несчастье было бы совсем уж полным. — Иди сюда, — сказал он в конце концов и, подхватив Таса под руку, подвел его к дереву. — Я хочу тебе кое-что показать. Только держи рот закрытым!

Тас посмотрел и промолчал, как ему и было приказано, но вовсе не по приказу, а потому, что увиденное резко усилило его желание помолчать. И не раскрывать рта долго-долго.

По кругу стояли семь мертвых сосен. Иголки на них сгорели, но в отличие от других деревьев, от которых остались только обгорелые стволы да иногда

несколько самых толстых веток, эти сосны были почти нетронуты. Они стояли как призрачные скелеты, и кора на их стволах и ветках сморщилась и свисала лохмотьями.

Рыдания подступили к горлу Таса от этого зрелища погибших величественных деревьев. В центре кольца мертвых сосен стояла деревянная пирамида. Поразительно и необъяснимо, но пирамида не носила на себе следов того всепожирающего пламени, которое еще недавно бушевало по всему остальному острову. У ее подножия что-то блестело, отсвечивая красным в лучах закатного солнца, которое так и не желало двигаться с места.

Тас сложил руки рупором у рта и, приблизившись к Дугану, еле слышным шепотом спросил:

— Это и есть Серая Драгоценность?

— Половина. Она раскололась пополам,— мрачно ответил гном. — Вторая половина осталась лежать на алтаре. Я спрятал ее от НЕГО. ОН может искать долго и тщательно, но все равно не найдет. Теперь я должен немного подумать.

— О чем подумать?

— Не твое дело, — сурово ответил Дуган. — Первое, что необходимо сделать, — добыть Серую Драгоценность.

— Тогда пошли и возьмем ее. Что нам мешает?

— Они, — мрачно кивнул Дуган в сторону алтаря.

Тас присмотрелся. Он не увидел ни драконидов, ни орд гоблинов и людоедов, или там неупокоенных рыцарей и скелетов воинов, ни одного из обычных хранителей волшебных драгоценностей. Там не было даже шерифа. Там просто никого не было.

— Ты слегка переусердствовал с «гномьей водкой», да? — с симпатией сказал кендер.

— Я не пьян, — яростно возразил Дуган. — Ох-рана! Смотри, вон они там, между деревьев.

— Там никого нет, только черные тени самих деревьев, — сообщил Тас.

— Это они и есть! — прошептал в ответ Дуган. — Это не просто тени. Это живые тени. Страшные воины Хаоса.

— Они что, сделаны из теней? — проговорил пораженный Тас.

— Они не тени. Это дыры в ткани мира смертных. Ты смотришь не на них, а сквозь них в их мир — в мир несуществования. Если они коснутся тебя, то ты сам превратишься в то же, что и они, — в ничто. Этот проклятый Хаос уготовил подобную долю всем разумным и неразумным существам, живым и неживым, всем деревьям, и скалам, и рекам, и океанам... Все превратится в ничто.

Тас почувствовал внезапный холод в животе. Он попробовал представить, как он сам станет ничем и все вокруг превратится в ничто; все станут ничем... Все растворится во тьме забвения, и никто никогда не узнает, что вообще что-то было.

— Ты... ты уверен, Дуган? — робко переспросил Тас, потирая живот и пытаясь избавиться от неприятного ощущения.

— Да, парень. Я уверен. ОН так обещал — и сдержит свое обещание. В этом ЕМУ можно верить, — зловеще добавил гном.

— А если мы добудем Серую Драгоценность, то сможем остановить ЕГО?

— Надеюсь, парень. Я, видишь ли, не уверен, но есть у меня одна мысль. — Он вздохнул. — Это, видишь ли, единственная наша надежда, насколько мне известно. А значит, мы должны попробовать.

— Дай я еще раз посмотрю. — Тас вернулся на место, с которого они наблюдали. — Так, значит, нам надо утащить половинки Драгоценности из-под носа этих теней.

— Живых теней, — уточнил тихо Дуган.

— Ну это не так уж и трудно. Есть у меня, — Тас уселся на землю и принялся перерывать содержимое своих сумочек, — один могущественный магический предмет...

— У тебя? — Дуган опустил на колени рядом с ним, пытаясь разглядеть, что же Тас там нашел.

— Да, у меня! Мне дал его мой дядя Неуловимый...

— Нет, не эта сушеная ящерица. По крайней мере, я думаю, что это сушеная ящерица...

— Может, это?

— Носовой платок с инициалами «Ф. Б.». Интересно, у кого такие инициалы? О, вот... Нет, это не то. Ага! Вот! — заявил Тас, с достоинством поднимаясь на ноги. — Знаменитый талисман кендеров. Смотри. Ты увидишь, как он действует.

Тассельхоф вышел из-за дерева и направился к алтарю, выставив перед собой серебряную чайную Ложку Даламара.

22. Тассельхоф в затруднении.

План Дугана. Вор

ас? Ты где? — позвал Палин.

Ответа не было.

Каждый путешественник на Кринне, достаточно храбрый или безрассудный, чтобы путешествовать в компании с кендером, знает, сколько это причиняет хлопот. Но в десять раз больше проблем возникает, когда обнаруживается, что кендер решил прогуляться в одиночку. Кендеры очень любят всевозможные приключения и обладают интересной особенностью навлекать приключения на головы своих спутников, вне зависимости от желания последних.

Оглядевшись и непрерывно укоряя себя за то, что оставил кендера без присмотра, Палин принялся осматривать местность и вскоре обнаружил маленькие следы вдоль дороги.

— Куда это он пошел? — удивился маг.

— Все так изменилось. — Аша печально посмотрела по сторонам. — Просто не узнать. Я думаю... Да, эта дорога должна вести к алтарю, что Эрды построили для Серой Драгоценности.

— О боги! Вот куда он направился. — Палин крепко сжал магический посох. Настороженно оглядываясь по сторонам, Палин и Аша поспешили по следам кендера.

Вдоль дороги тянулась аллея, от которой ныне остались только обгоревшие стволы. Палину стало казаться, что на свете вообще осталось только три цвета: черный — цвет горелого дерева, серый — пепла и красный — неба.

— Далеко до алтаря? — спросил он.

— Почти пришли. Это должно быть рядом, — ответила Аша. Она минуту помолчала, приглядываясь, а потом протянула руку: — Вон! Семь сосен...

Громадные деревья, некогда гордо охранявшие алтарь, стояли как скелеты погибших воинов, вечно вынужденных смотреть на предмет, навлекший на них проклятие. В центре круга мертвых деревьев высилась деревянная пирамида. Палин заметил что-то блестящее, возможно, это солнце отражалось в одной из граней драгоценного камня. Потом блеск пропал, мимо алтаря проскользнула какая-то тень.

Палин пригнулся, застыв на месте от ужаса, как замирает кролик, когда на него падает тень ястреба. Тень затерялась среди мертвых деревьев, и страх почти сразу прошел. Палин снова увидел, как что-то блестит у подножия алтаря.

Несмотря на ужасную жару, Палин почувствовал холод и поплотнее запахнул полы одежды. Он поразился этому странному порыву страха и собрался уже спросить Ашу, не чувствовала ли она что-то подобное, но заметил, что девушка смотрит в другую сторону.

— Смотри, Палин! — воскликнула Аша. — Не Дуган ли это?

— Да, похоже, но где же Тас?

Они говорили тихо, но гном все-таки услышал их. Он вздрогнул, оглянулся и, заметив их, принялся махать рукой.

— Скорее сюда! — прошипел он. — Тихо, тихо! — предостерегал он. — Но быстро!

Подозревая, что странное поведение гнома может иметь отношение к Тасу, Палин пробиравлся через поваленные деревья как только мог быстро, стараясь не шуметь. Кроме гнома, он никого не видел, но у него было необъяснимое и тревожное ощущение, что кто-то или что-то за ним наблюдает.

— Дуган, — тихо произнес Палин, приблизившись к взволнованному донельзя гному. — Ты Таса не видел?

Дуган молча показал на группу мертвых деревьев.

Палин перевел туда взгляд и встревожился еще больше, увидев кендера, направляющегося прямо к алтарю.

— Тас! Тас, вернись! — закричал он и бросился было за ним, но Дуган схватил его за длинную полу одежд и держал мертвой хваткой.

— Не ходи за ним, парень, — мрачно предостерег он. — Тебе там нечего делать. Я пытался остановить его... — Гном пожал плечами, покачал головой и бессильно заскрипел зубами.

Палин внимательно следил за кендером.

— Ради всего святого, что он там делает?

Тас двигался как на похоронах — медленно и торжественно. В руке он держал какой-то блестящий на солнце предмет.

— Ложка? — В полнейшем изумлении сказал Палин. — Но что он собирается делать с Ложкой?

— Кендерская Ложка Перемен, или что-то в этом духе, — заметил Дуган.

— Да, вспомнил. Из Башни... — Палин недоумевал. — Черт побери, неужели он не понял, что все это только... только игра моего дяди? Куда он направляется?

— Он собирается добыть Серую Драгоценность.— Дуган снова застонал. — Она там, вон видна одна половина, другая лежит на алтаре. Не ходи за ним, парень, я тебя предупредил! Он идет навстречу жуткой опасности. Видишь... ну нечто вроде сгустка тьмы... мелькает среди деревьев?

— Да, — отмахнулся Палин, пытаясь вырваться. — Что?..

— Живые тени, парень, — мрачным голосом, в котором проскальзывали нотки страха, ответил Дуган. — Создания Хаоса. Они ввергнут в забвение сначала твою душу, а потом и тело. Ты исчезнешь, как будто тебя никогда и не было.

— Я почувствовал их присутствие, — тихо проговорил Палин. — Хотя и не понял, что это.

— Боюсь, ты до сих пор не понимаешь, — мрачно заметил Дуган. — Когда я говорю, что ты исчезнешь, как будто тебя и не было, я именно *это* и имею в виду! Память о тебе исчезнет. Все, кто тебя знал, о тебе забудут. Твоя мать не вспомнит, что тебя родила, отец не узнает твоего имени. Любящие тебя не только не будут плакать, но даже не помянут тебя ни с любовью, ни как-то по-иному. Как будто и не было тебя вовсе на свете!

Вот, что ОН уготовил всему миру! Мы, боги, забудем все, что сотворили, затем мы умрем, и СОЗДАННЫЙ НАМИ МИР тоже забудет нас. Потом и звезды забудут...

— Палин, похоже, они его увидели, — взволнованно прошептала Аша. — Кендер так близко!

— Как, Дуган?.. — Палин повернулся к гному. — Как мы можем остановить их?

— •Серая Драгоценность! — тихо ответил тот. — Мы должны получить в свои руки Серую Драгоценность.

— Но как? Эти кошмарные создания охраняют ее.

Тас приближался к алтарю. Тени начали перемещаться.

— Тас! — Палин решился негромко позвать его. — Тас, вернись!

Кендер не услышал его. В тот момент он уже начал говорить:

— Прочь с дороги, выпивающие душу подонки! Убирайтесь, пока я не обратил против вас смертельную мощь моей семейной реликвии. Убирайтесь поскорей, не то я вычерпаю этой Ложкой ваши призрачные кишки!

— Тас, — закричала Аша. — Тас, пожалуйста, вернись...

— Заткнись! — Дуган бросился к ней, едва не сбив девушку с ног. — Смотри! Они пришли за ним!

Из-за мертвых сосен выползала чернейшая, глубочайшая тьма. Все цвета, все звуки, все движения, все надежды были поглощены этой бездонной тьмой. Четыре бесформенные тени начали свое скольжение над землей, неумолимо приближаясь к небольшой фигурке кендера. Живые тени закрыли собой солнце, деревья, землю.

— Смотрите! — возбужденно прошептал Дуган. — Они оставили Серую Драгоценность без охраны!

Палин не мог разглядеть алтарь, он с трудом помнил, где находится. За живыми тенями ничего не существовало. Создавалось такое впечатление, что объекты, которые они заслоняли, исчезали.

— Глупый кендер! Я иду за ним, — сказал Палин. Он быстро перебрал в голове все известные ему заклинания, прикидывая, которое из них поможет разрушить живые тени.

— Я иду с тобой, — объявила Аша.

— Нет, — Палин покачал головой, — ты оста-
нешься здесь с...

— Ты пойдешь за Серой Драгоценностью, де-
вушка, — прервал его Дуган, сверкая черными гла-
зами. — Ты можешь пробраться туда и утащить ее —
так, что эти твари и не заметят. Тебя обучили этому
искусству. Я видел твою работу... Девятипалый ска-
зал, что ты одна из лучших... Для вопросов нет вре-
мени, девочка. Ты можешь принести Драгоценность?

— Это остановит живые тени? — спросила Аша.

— Ага, девочка, может быть, — сказал Дуган. —
В конце концов, хуже не будет.

— Хотите обратить меня в ничто? — пронзи-
тельно вскрикнул Тассельхоф. Голос его слегка дро-
жал. Тени приблизились. — Засуньте свое ничто ту-
да, где не светит солнце!

— Давай, девочка! — сказал Дуган.

Аша бросила на землю свой узелок, чтобы осво-
бодить руки. Не обращая внимания на протесты
Палина, она быстро поцеловала его в щеку и, вы-
скользнув из его объятий, беззвучно исчезла среди
деревьев.

Палин мрачно посмотрел на Дугана:

— Ты ведь бог, по крайней мере, предположи-
тельно. Почему же ты ничего не делаешь?

— Я? — Дуган казался бесконечно удивлен-
ным. — Я делаю, парень! Это же была моя идея
отправить девчонку за Драгоценностью. Не так ли?

— Я имею в виду — против этих тварей! —
Палин махнул рукой в сторону живых теней.

— Эх, парень! — мягко произнес Дуган. — Они
подобны мне, в некотором смысле они — боги. Хотя
я и бессмертен в твоем плане бытия, в их плане это
вовсе не так, — если ты понимаешь, о чем я говорю.

А что может случиться с миром, если они меня уничтожат?

— Не знаю, — холодно ответил Палин. — Может, заключим пари?

Дуган почесал бороду:

— Я думаю, тебе пора идти, парень. У твоего друга кендера, кажется, возникли проблемы.

— Если что-нибудь случится с ним или с Ашей, то, клянусь Паладайном, я заставлю тебя пожалеть об этом! — пообещал Палин. — *Ширак*, — скомандовал маг — камень на верхушке посоха ярко засверкал.

Он поспешил вперед, к Тассельхофу. Кендер находился еще на полпути к алтарю. Живые тени выстроились перед ним, оставив Серую Драгоценность без охраны.

Насмешки кендера могли вывести из себя самое миролюбивое существо и даже сподвигнуть его на жестокие поступки. Но действительно ли насмешки вынудили живые тени покинуть свой пост? У Палина было неприятное чувство, что не это явилось причиной. Как он полагал, эти кошмарные существа мало интересовались охраной Серой Драгоценности. У них была только одна страсть — уничтожение.

Если они заметят Ашу, когда она будет забирать Драгоценность, то им ничего не стоит напасть на нее. Палин краем глаза наблюдал за ней. Он опасался прямо смотреть на девушку, живые тени могли проследить направление его взгляда и обнаружить ее. Аша тихо скользила через сгоревший лес.

По крайней мере в эту минуту ей ничего не угрожало. Живые тени были полностью заняты Тасом. А совсем скоро они встретят еще и Палина.

Палин был слишком занят, чтобы бояться. Он придумывал план спасения Таса, при котором, од-

нако, внимание этих жутких созданий будет отвлечено от Серой Драгоценности. Если повезет, то хотелось бы, чтобы все друзья и он сам вышли из этой переделки живыми.

Он быстро перебрал в голове известные ему заклинания. Казалось логичным, что поскольку живые тени были порождением тьмы, то они должны реагировать на свет. Может быть, удастся разрушить их с помощью света или хотя бы напугать. Он засунул руку в кошель с магическими предметами и достал оттуда кругленький шарик, состоящий из экскрементов летучей мыши, обваленных в сере. Свет магического посоха ярко сиял над Палином. Он сосредоточился и начал произносить слова заклинания огненного шара.

— Сосредоточься на предмете, который собираешься украсть, — так сказал бы Джеффри Висельник. — Мысленно прикоснись к нему, возьми его, пусть он сначала станет твоим в воображении.

Не позволяй ничему отвлечь тебя от главного. Думай о Серой Драгоценности, думай о том, как ты хочешь ее! Забудь о Палине! Не думай о Тасе! Тебе нет дела до этих кошмарных существ, которые попытаются тебя остановить... Серая Драгоценность, Серая Драгоценность... Только она, и ничего больше.

Аша увидела, как живые тени медленно приближаются к кендеру. Его голос звучал уже не так уверенно, то и дело он прерывался. Кендер шел все медленнее, а Ложка, которую он прежде так твердо держал, плясала в его руке.

Тассельхоф смотрел на что-то перед собой расширенными глазами, как будто увидел нечто невозобразимо ужасное.

Палин показался из-за деревьев. Камень на вершине посоха ослепительно сверкал.

— Камень, девочка! — донесся до Аши голос Дугана. — Это единственное, чем ты можешь им помочь! Добудь камень!

Аша отвела взгляд от Палина и Таса и вновь, как ее учили, сосредоточилась на своей цели. Войдя в круг семи мертвых сосен, она проскользнула мимо их невидимой охраны. Деревянная пирамида, служившая ранее алтарем, стояла в центре круга. Теперь, когда Аша подошла ближе, она видела ужасные разрушения: когда-то прекрасное, покрытое ажурной резьбой и рунами, полированное дерево было жестоко, яростно и безжалостно разбито в щепки.

В памяти Аши внезапно всплыла картина, как Эрды сооружали этот алтарь. Долгие часы они с помощью инструментов и магии наносили узор, полировали, украшали и произносили могущественные защитные заклинания, которые должны были прочно сковать Серую Драгоценность.

Заступник не принимал в этом участия, он с самого начала был против этого плана. Аша представила, как Заступник наблюдал за строительством алтаря, вспомнила его дурные предчувствия.

— Ты был прав, мой дорогой друг, — прошептала она, и все расплылось у нее перед глазами от слез.

— Камень, девочка, камень!

Аша отбросила прочь печаль. Алтарь был разрушен. Эрды мертвы. Она не могла вернуть их, но она должна попытаться исправить зло, которое они невольно совершили.

Серая Драгоценность, сиявшая прежде своим собственным рассеянным серым светом, была теперь разломана надвое и частично засыпана обломками

дерева. Она напоминала расколотый грецкий орех. Внутренность камня была пуста, как будто хитрый прожорливый червяк грыз его долгие годы.

Даже разбитый, камень выглядел крайне необычно: он был одновременно и красив, и безобразен, казался огромным, оставаясь при этом маленьким, ярко сверкал, оставаясь матовым, был одновременно и твердым, и мягким... Аша протянула руки, дотронулась до него и подняла. Камень был невесомым, но при этом она ощущала его тяжесть. Бесчисленные грани были так остры, что резали пальцы, но при этом ощущались мягкими. Камень был холодным, обжигающе холодным.

Торжествуя, Аша уже собиралась положить камень в кошель, когда увидела леденящую душу картину.

Палин был уже совсем рядом с Тассельхофом, камень на вершине его посоха продолжал светиться, но тусклым, рассеянным светом. Живые тени заслоняли ей картину. Отчетливо она видела совсем немного, только лица. И на этих лицах с широко открытыми глазами застыло выражение такой жути, которая оказалась сильнее даже бесстрашного кендера.

23. Я — не ничто

Палин подходил к Тасу. Кендер прекратил дразнить своих врагов. Казалось, Тас теряет остатки мужества — вещь для кендера неслыханная.

— Я вовсе вас не боюсь! — крикнул он. — Я просто раздражен, вы действуете мне на нервы! Потому... — проваливайте! Я... — Голос его прерывался и звучал сдавленно. — А ну, прекратите!.. Прекратите это! Что вы делаете?.. Хватит смотреть на меня, как будто...

Палин не смотрел на тени. Он думал о заклинании, представлял себе слова, которые должен произнести. Та малая часть его внимания, что оставалась, была разделена между Ашей, которая вошла в круг деревьев, и Тасом.

Услышав крик кендера, Палин впервые посмотрел прямо на живую тень.

Он не смог отвести взгляд.

Он смотрел на самого себя: перед ним стоял Палин.

— Кто ты? — прерывающимся голосом спросил Палин. Он посмотрел в глаза этому существу и не увидел там ничего, даже своего отражения. — Что ты?

— Кто ты? Что ты? — Существо издевалось над ним.

— Я — это я, — ответил Палин, но, уже отвечая, он почувствовал какое-то истончение своего существа.

Живая тень высасывала жизнь из его тела.

— Ты — ничто, — заявила живая тень устами Палина-двойника. — Ты появился из ничего, в ничто и обратишься.

— *Не смотри туда!* — пришел предупреждающий голос Рейстлина. — *Не смотри ему в глаза!*

Палин попытался отвести взгляд от собственного изображения, но не смог. Он неотрывно смотрел прямо в глаза двойника. Слова заклинания расплывались у него в голове, как расплываются слова на листе бумаги под каплями дождя. Все его воспоминания, все его знания становились какими-то нечеткими, размытыми и постепенно уносились куда-то прочь. У него было слабое ощущение, что Аша выкрикнула какое-то имя. Он тупо удивился: кого бы это она могла звать?

— Палин! — закричала Аша от алтаря.

Живые тени приблизились к Палину и совсем скрыли от нее кендера. Сейчас она видела только его хохолок.

— Палин! Тас! Уходите! Бегите!

Но ни один из них не шелохнулся. Палин стоял, уставившись на тень, на лице его застыл смертельный ужас.

— Быстро, девочка, или они — трупы! — закричал Дуган.

— Что я могу сделать? — безнадежно спросила Аша. Ее узелок с магическими предметами, которые ей дали Эрды, был далеко, он лежал у ног Дугана. Времени бежать туда не было.

— Серая Драгоценность! — заорал Дуган. — Попробуй поймать их с помощью Серой Драгоценности! Я помогу тебе, девочка! Ты сможешь!

Несмотря на все сомнения, ничего другого ей не оставалось, надо было спешить. Темнота распростерлась над Палином и уже почти поглотила Таса. Взяв в каждую руку по половинке камня, Аша протянула их в сторону живых теней.

— Не смотри на них, девочка, — предостерег Дуган. — Что бы ты ни делала, ни в коем случае не смотри на них!

Аша и не собиралась на них смотреть. Каждый раз, когда ее взгляд проходил через них, она чувствовала поднимающийся в душе ужас. Она сосредоточила свой взгляд на Палине, на его любимом лице, которое сейчас было искажено страхом.

Внезапно она обнаружила, что перед ней стоит еще одна Аша. Аша мигнула удивленно и испуганно.

— Не смотри в глаза, девочка, — кричал Дуган. — Не смотри!

Аша смотрела на Палина, она смотрела на него, не обращая внимания на голос, который пытался увлечь ее во тьму. Отвернувшись, она слепо протянула руки в направлении своего двойника.

Ужасный холод обжег ее пальцы. Аша вскрикнула от боли и чуть не выронила камень. Ей показалось, что это продолжалось бесконечно долго. Казалось, что кровь замерзла в жилах. Она потеряла представление о том, что происходит, ей казалось, что она, кружась, падает во тьму.

— Хватай ее! — приказал Дуган. — Втяни ее в камень!

Безразлично, почти не сознавая, что делает, отчаянным движением Аша соединила две половинки Серой Драгоценности вместе.

Холод стал теплом.

Тьма обратилась светом.

Живые тени исчезли.

Аша огляделась вокруг в недоумении, не понимая, где же она. Потом ее взгляд упал на Серую Драгоценность. Ее затрясло в запоздавшем ознобе.

К ней шел Дуган, отдуваясь и размахивая руками, его тяжелые ботинки стучали по земле и поднимали клубы серого пепла.

— Прекрасно сработано, девочка! Молодец! Мы их поймали! — сказал Дуган. — По крайней мере, некоторых из них, — пробормотал он в сторону. — А это я возьму, — сказал он поспешно, забирая Серую Драгоценность у Аши.

Аша была только рада избавиться от нее. Она бросилась к Палину.

— Палин! — с беспокойством воскликнула Аша и взяла его за руку. — Как ты? — Юноша стоял неподвижно, уставившись вперед. Выражение ужаса застыло на его бледном лице.

— Палин. Я — Палин.

Аша обняла Палина. Он прижался к ней, обнял ее. Палин дрожал всем телом.

Дуган склонился над Тассельхофом. Кендер упал на колени, но продолжал крепко сжимать Ложку в руке.

— Я — *не ничто*! — рыдал он снова и снова. — Я — *не ничто*! Я — *не ничто*!

— Парень, а парень! Их больше нет! — успокаивал его Дуган, положив тяжелую руку ему на плечо. Он хотел подбодрить кендера. От сотрясения рыдания кендера захлебнулись, и он закашлялся. Наконец Тас приподнялся, откашлялся, вытер слезящиеся глаза и неуверенно улыбнулся Дугану:

— А, привет!

— Ты меня узнаешь, парень? — с искренним беспокойством спросил Дуган.

— А как же! Ты — Реоркс.

— Так, — покачал головой Дуган. — Сейчас это не важно. Важно, кто *ты*, парень! Ты помнишь, кто ты?

Тас вздохнул глубоко и свободно. Он широко раскинул руки:

— Я — это я! Кто же еще! Я — это я!

Гном держал в руках Серую Драгоценность. Он выглядел внезапно состарившимся. Руки его тряслись, а лицо казалось очень усталым и древним. Свою шляпу с веселым пером он отложил в сторону. Его распахнутая одежда была испачкана сажей и пеплом. Реоркс держал в руках камень, тяжело и печально вздыхая.

— Я хорошо помню день, когда я создал Серую Драгоценность, — сказал он. — Крошечный кусочек Хаоса — вот, что мне было нужно. Но если говорить в терминах, понятных смертным, что-то вроде клочка волос или обрезка ногтя. ОН крутился вокруг и всюду совал свой нос. Наш мир, тот мир, который мы создали без него, еще только начинался. ОН не мог этого перенести. ОН наслаждался тем, как беспорядок, анархия, смещение всего и вся захлестывали созданный нами мир. А больше всего ОН ненавидел мой горн. Созидание, строительство, изготовление вещей для НЕГО ненавистно. Ломать — вот что ОН любит.

У НЕГО много детей, но трое из них — Паладайн, Такхизис и Гилеан — были его любимцами. ОН дал им великое могущество. А потом ОН пришел в ярость, когда они использовали это могуще-

ство, чтобы ЕГО же и ограничить, по крайней мере, *ОН* так понял. Они создали мир и населили его живыми существами, вдохнули в них душу, чтобы те смогли продолжить созидание, строительство и упорядочение мира. Никогда ранее никто из его детей не решался на такое. *ОН* не мог это так оставить.

ЕМУ хотелось сокрушить их создания, но мы уже были слишком сильны и смогли отбросить его. *ОН* дал своим детям возможность создать все это. Как *ОН* потом пожалел об этом! *ОН* презирал Паладай-на и Такхизис, этих двоих, которые всегда тянулись к порядку, мечтали о нем и добивались его. Гилеан был ЕГО самым любимым ребенком, но он разочаровал ЕГО больше всех.

Я думаю, в основном заслуга Гилеана, что *ОН* отказался от мысли разрушить вновь созданный мир в самом начале. *ОН* думал, Гилеан присмотрит за тем, чтобы в этом мире царил Хаос. Но Гилеан и не думал беспокоиться о мире, он предпочитал кабинетную работу. У Паладай-на и Такхизис были свои пути. Равновесие колебалось от одного к другому, а Гилеан в это время перелистывал страницы.

Дуган уставился на две половинки Серой Драгоценности. Он взвешивал их на ладонях, внимательно вглядываясь в полый центр.

— Они сказали, чтобы я поймал ЕГО внутрь, захватил кусочек Хаоса, принес ЕГО сюда, чтобы покончить со всем этим. Камень должен был служить якорем, понимаете? Предполагалось, что он выполнит роль Гилеана, который ничего не делает, затерявшись среди своих книг. В тот момент план казался мне удачным. Возможно, если бы я чуть больше подумал... Но я этого не сделал. А теперь мы имеем то, что имеем... Но я не думаю, что я

поймал ЕГО, нет... ОН это сделал специально. ОН увидел в этом шанс и использовал его. ОН внедрил-ся в камень как раз перед тем, как я его запаял. Так ОН смог оказаться в этом мире.

ОН летал над миром, изменяя то, это, бросая все, что только мог, в пучину беспорядка. ОН весело проводил время: войны, катаклизмы... ЕГО дети сражались между собой. А потом Эрды все испортили. Они сломали Драгоценность и отравили ЕМУ всю радость. ОН пришел в бешеную ярость и с видом оскорбленной невинности заявил, что ОН уничтожит мир (поскольку ОН не может больше на него влиять). Вот в чем, как мне кажется, состоит правда происходящего. — Гном выразительно кивнул и, аккуратно положив камень на колени, вытер со лба пот.

— Ты не виноват, — согласился Палин. — Паладайн тоже, да и Такхизис тут ни при чем. Виноватых, похоже, просто нет, но я не понимаю, чем это поможет сейчас, когда мир разбит, наподобие проклятого камня, и всем нам уготованы смерть и забвение?

— Ты прав, парень. Ты прав, — грустно отозвался гном.

— Но должен же быть какой-то способ победить Хаос? — заметил Тассельхоф. — Теперь у нас есть Серая Драгоценность. Можно мне ее поддержать? Ну на минутку, не думаю, что мне захочется оставить ее у себя. Я тут же ее верну...

— Уйди! — взревел Дуган, схватив камень и зажав его в кулаке. — Отойди-ка ты вон туда. Нет, дальше, не останавливайся...

— Ну если еще дальше, так я просто свалюсь с того конца острова, — возмутился Тас.

— Что было бы не так уж плохо, — проворчал гном.

— Стой где стоишь, — сказал Палин. — Послушай, Дуган, или Реоркс, или кто бы ты там еще ни был, мы обязаны что-то сделать!

— Камень разрушил живые тени, — с надеждой проговорила Аша.

— Не все, — поправил ее Дуган. — И с весьма короткой дистанции. Подобные тени покроют землю, как самая темная ночь. Начнут они свой путь от Башни Верховного Жреца. Там Хаос предстанет перед сильнейшими из своих детей — Паладайном и Такхизис. Когда они будут побеждены — а это непременно случится, если падет Башня, — тогда он пошлет свои легионы на остальной мир.

— Значит, мы должны отправиться туда, — задумчиво предложил Палин. — Мы можем использовать Серую Драгоценность и помочь рыцарям победить Хаос...

— Рыцарям помогают, хотя, возможно, они об этом и не догадываются. Остальные боги тоже не бездействуют. Все они прилагают силы для защиты Ансалона, но здесь... — Дуган осторожно погладил камень. — Здесь ключ ко всему. Если моя идея работает, мы сможем остановить ЕГО, отослать прочь вместе со всеми ЕГО воинами.

— То есть у тебя есть план, — резюмировал Палин.

— Ты сказал, что хочешь что-то сделать. Я правильно понял тебя? — хитро посмотрел на него Дуган.

— Конечно, — нетерпеливо подтвердил тот. — Мы готовы сделать все, что в наших силах!

— И не важно, что это опасно? Вы вполне можете погибнуть, а если и выживете, то можете полностью и навеки измениться. Вы согласны на это?

— И я, — поднял руку Тассельхоф. — Я тоже иду. Рейстлин сказал: я могу!

— Теперь я готова к встрече с любой опасностью. — Аша оглянулась на мертвые сосны, перед которыми еще недавно скользили живые тени. — Хуже этой я вряд ли встречу.

— Пари? — предложил гном.

— По твоим словам, опасность угрожает всем и каждому на Ансалоне. Мы выбрали свой жребий, как и все прочие. Что надо сделать?

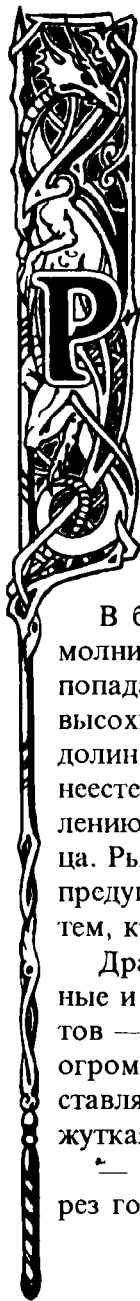
Дуган держал в каждой руке по половинке Серой Драгоценности, как бы взвешивая их.

— Вы должны поймать Хаос и поместить его вновь в камень.

У Палина перехватило дыхание.

— Ты сумасшедший! — прошептал он. — Разве такое нам под силу? Мы же не боги!

— *Это возможно*, Палин. Я все продумал. Я говорил с другими, они тоже считают, что может получиться. У нас, у богов, тоже есть свои сложности. Паладайн согласился помочь нам, *если* уцелеет. В отличие от Такхизис. — Гном покачал головой. — Она продолжает сражаться за власть над миром. Лучше бы ей подумать о том, как спастись самой, но она не хочет видеть очевидного. Они сражаются в Башне Верховного Жреца. — Дуган тяжело вздохнул. — Такхизис все еще может выиграть. Но может оказаться и так, что в качестве приза она получит всего лишь кучку пепла.

24. Черный воин. Заговор. Природа врага

Рыцари готовились сражаться под красными лучами заходящего солнца, которое почему-то упорно не желало садиться. Яркий свет золотил наконечники их копий и окрашивал багрянцем лезвия мечей. Рыцари Такхизис были полны решимости защитить Башню Верховного Жреца от ужасных и опасных врагов.

В безоблачном небе, не останавливаясь, били молнии, постоянно грохотал гром. Если молнии попадали по склону хребта, то сразу вспыхивали высохшие от жары деревья. Дым поднимался над долиной. Ниже дыма в долину с гор сползала неестественная тьма, продвигавшаяся по направлению к северной стене Башни Верховного Жреца. Рыцари собирались сражаться с ней. Драконы предупредили их, что эта тьма не дружественна тем, кто служит Владычице.

Драконы — золотые, красные, синие, серебряные и вообще всех возможных для драконов цветов — рассказали, что в Бурном океане появился огромный провал. Из него вырывается пламя, заставляя кипеть море. Из него же идет в мир и эта жуткая тьма.

— Широкая река бесконечной ночи течет через горы. Разрушения, которые она оставляет на

своем пути, — чудовищнее, чем если бы это была река огня, — говорил повелителю Ариакану древний золотой дракон — предводитель своего племени. — Все живое исчезает без следа, не оставляя даже памяти о себе.

Ариакан с сомнением качал головой, он не очень-то доверял золотым драконам.

— Что это за тьма? — спросил он.

— Мы не можем сказать, повелитель, — ответил молодой дракон, покрытый свежими шрамами. — Он недавно был избран предводителем красных драконов. — Мы никогда не видели ничего подобного. Впрочем, ты скоро сможешь сам решить, что это. Она уже здесь.

Ариакан отправился на свой командный пост, расположенный на крепостной стене Рыцарского Бастиона. Как и говорили драконы, битва уже началась. Со стены лучники стреляли во тьму, как море колыхавшуюся у подножия. Стрелы бесследно пропадали в ней, не нанося видимого ущерба. Тьма постепенно поднималась, и вот она начала просачиваться сквозь зубья крепостной стены.

Ряды дикарей под предводительством рыцарей двинулись ей навстречу, готовые сражаться копьями и мечами. С ними шли Рыцари Терновника и жрецы Такхизис, готовые поразить нового и непонятного противника заклинаниями и молитвами.

— Что за черт! — выругался Ариакан. — Что там происходит? Я ничего не вижу!

Над краем горизонта ярко сияло солнце, но северную стену Башни Верховного Жреца поглотила тьма. Ариакан слышал дикие крики ужаса, страшные стоны, доносящиеся оттуда, но не это волновало его. Ему очень не нравилось, что он не слышал звуков битвы. Не звенели мечи, не скрипели доспе-

хи, не раздавалось команд офицеров. Он слышал, как маги начали произносить заклинания, но ни одно из них так и не было закончено. Молитвы Владычице Тьмы резко оборвались.

— Я иду вниз, — объявил наконец Ариахан своим офицерам, не в силах более переносить неизвестность, и, не слушая их возражений, шагнул к лестнице.

Внезапно тьма отступила. Она сползла со стен и затерялась в дыму среди горящих деревьев. Рыцари в Башне Верховного Жреца сначала радостно закричали, приветствуя победу своих товарищей, но, как только солнце осветило стену, крики тут же стихли. Стало очевидно, что это вовсе не победа. Тьма отступила по какой-то иной причине.

— Всемиловитейшая богиня! — прошептал потрясенный Ариахан.

Из сотен воинов, защищавших стену, в живых не осталось ни одного. Единственным свидетельством того, что там вообще были люди, остались предметы, которые они носили или держали. Доспехи, шлемы, тунки, браслеты, сапоги, серые одежды магов и черные жрецов лежали на стене. Поверх доспехов лежал меч, рядом с украшенным перьями головным убором варвара лежало его раскрашенное копьё. На сером плаще мага покоилась сумочка с магическими предметами, на мантии жреца — черный жезл.

Людей не было. Все они исчезли. Следов крови не было тоже, но, судя по ужасным стонам, смерть их была нелегкой. А самое ужасное то, что смотрящие со стен не могли вспомнить ни лиц, ни имен пропавших людей. Но никто не сомневался в том, что еще недавно внизу стояли живые мужчины и женщины. К тому же налицо были свидетельства их

существования. Тем не менее никто ничего не мог вспомнить о них. Люди сжимали в руках предметы, принадлежавшие друзьям и товарищам, вглядывались в них со страхом и надеждой, но не могли вспомнить, кому же они принадлежали.

— Что же это за кошмарная сила? — в ярости вопрошал Ариаган. Его лицо было искажено гримасой ярости и изумления. Люди, привыкшие к его спокойствию и сдержанности, даже в разгар сражения, впервые видели его взволнованным до глубины души. — Как нам сражаться с ней? Найдите кого-нибудь, кто сможет мне это сказать! Позвать сюда немедленно серых магов и жрецов — всех, кто уцелел! — мрачно добавил он.

Никто из магов и жрецов ничего нового сказать не мог. Ни у одного из них не было достоверной информации.

— В конце концов, — заметил бригадир Тревагин, — тьма отступила. Те, кто сражался с ней, — победители, хотя они и отдали свои жизни.

— Нет, — возразил Ариаган, вглядываясь во тьму, колышущуюся среди деревьев. — Нет, тьма отступила не потому, что ее победили. Ее отвели назад специально, чтобы мы увидели, что стало с нашими товарищами. Ее предводитель, кто бы или что бы он ни был, хочет запугать нас, посеять панику в наших рядах. Клянусь именем Ее Темного Величества, я не допущу этого! Возвращайтесь к своим отрядам, — распорядился он. — Вещи исчезнувших немедленно убрать с глаз. Расспросите своих людей. Попытайтесь найти кого-нибудь, кто может пролить хоть какой-нибудь свет на это дело. Нужно узнать основное: что же это за враг и куда сгинули воины. Обо всем докладывать непосредственно мне. Я буду в Гнезде Зимородка.

Офицеры разошлись исполнять приказы и успокаивать взволнованных воинов. Рыцари вернулись к своим делам. Только время от времени то один то другой из них замирал на мгновение, пристально глядя на северную стену.

Ариакан с личной охраной отправился на смотровую площадку на вершине Башни, известную как Гнездо Зимородка. Он оставил телохранителей у подножия лестницы и в одиночестве пошел наверх.

Гнездо Зимородка представляло собой маленькую круглую комнату с прорезанными во все стороны окнами. Из нее открывался великолепный вид на Вингаардские горы, Соламнийскую равнину и прилегающие к ним территории. Ариакан увидел клубы дыма, поднимающиеся из долины и достигающие вершин гор. Он увидел тьму, текущую между утесов и расщелин. Тьму, поглощающую мир.

Теперь, в одиночестве, он мог подумать. Ариакан ходил по комнате от окна к окну и пытался найти ответ. Душа его была полна страха и дурных предчувствий. Он вспоминал рассказ юного мага о возвращении Хаоса, о том, что сами боги вовлечены в битву. Он не верил... до этого момента.

Он всматривался в панораму гор, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, что могло как-то намекнуть ему на возможный выход, когда услышал на лестнице шаги обутых в тяжелые сапоги ног.

— Посыльный, — пробормотал Ариакан с надеждой. — Они нашли что-то.

Вошедший был, однако, вовсе не запыхавшимся гонцом, спешащим доставить важное послание. Он оказался рыцарем, по всей видимости, одним из воинов самого Ариакана, если судить по полированным черным доспехам. Лицо воина было скрыто опущенным забралом шлема.

— Кто ты, рыцарь? — спросил Ариакан. — Почему ты покинул свой пост?

Рыцарь не ответил. Он был невероятно высок. Черный плюмаж его шлема задевал потолок. У него были широкие плечи и могучие руки. На боку прищельца висел тяжелый меч в кожаных ножнах, украшенных пятью полосами разных цветов: красного, синего, зеленого, черного и белого. На рукояти меча было изображение пятиглавого дракона. Черный плащ за спиной ночной тьмой окутывал плечи. Глаза рыцаря были светлы и сверкали подобно звездам.

Ариакан вспоминал. Он знал этого рыцаря, встречался с ним когда-то где-то невообразимо давно...

Повелитель Ариакан пал на колени, полный благоговения и преданности:

— Ваше Высочество!

— Встань. — Ее голос был глубок как Бездна. — Пришел роковой час. Вернулся Хаос — Отец Всего и Ничего. Он вернулся в ярости, готовясь уничтожить все мироздание. Мы бьемся за само существование мира!

— Мои рыцари и я готовы, Ваше Высочество, — сказал Ариакан, поднимаясь на ноги. — Мы ждем приказа.

Черный воин пересек комнату и остановился у окна. Богиня сделала легкий жест рукой, затянутой в черную перчатку, Ариакан поспешил к ней присоединиться.

— Сейчас решается судьба мира, — мягко сказала Такхизис. — Но, кроме того, это шанс одержать окончательную победу. Нашу полную и окончательную победу, Ариакан! — повторила она и сжала руку в кулак. — Если ты победишь Хаос, то люди на Кринне будут знать, кому они обязаны своим спасением. И будут благодарить *меня*. Они

навек станут моими должниками. Мир будет моим, и никто не сможет изменить этого.

— Это так, Ваше Высочество, — согласился Ариакан. — Но как мы добьемся этого?

— Народы Ансалона после войны будут обезглавлены, их вожди погибнут, все будет в смятении. Анархия будет править миром. В этом наш шанс. Когда легионы Хаоса будут отброшены, вы — мои рыцари — должны быть готовы взять власть в свои руки.

— Я уже контролирую большую часть Ансалона, Ваше Высочество, — возразил Ариакан, думая, что она обвиняет его в бездействии.

— Ты правишь в Сильванести? — поинтересовалась Такхизис. — Королевство гномов — Торбардин — разрушено?

— Еще нет, — мрачно ответил Ариакан.

— Твои силы до сих пор сражаются в Северном Эрготе. В Квалинесте полно мятежников. А как насчет Таладаса и отдаленных областей мира?

— Ваше Высочество, ты должна дать нам время, — нахмурившись и побледнев, ответил Ариакан.

— Тебе не нужно времени. Мы позволим силам Хаоса поработать за нас. Понятно?

— Я понял, Ваше Высочество, — поклонился Ариакан. — Какие будут приказания?

— Паладайн бросил все силы против Хаоса. Силы добра будут полностью разбиты, рассеяны и уничтожены. Мы должны позаботиться о том, чтобы подобная участь нас миновала. Ты будешь держать в резерве определенное количество рыцарей и драконов. Пусть один из отрядов не участвует в битве. Это должно быть сделано тайно.

Когда же битва за Башню Верховного Жреца закончится и мы победим, эти рыцари будут полны

сил и легко смогут захватить важнейшие стратегические точки Ансалона. Твои рыцари будут не одинокими. Я подняла всех верных мне созданий. Дракониды, людоеды, минотавры и даже гоблины сражаются уже сейчас. Они бьются как союзники вместе с силами добра. Когда все закончится, они присоединятся к твоей армии и закрепят победу.

— Как прикажет Ваше Величество, — сказал Ариакан, но взор его против воли обращался в сторону окна, за которым накапливалась неестественная тьма. — Сначала нам надо удержать Башню Верховного Жреца. Не может ли Ваше Величество рассказать мне о наших врагах. Что это?

— Живые тени — существа, созданные из самой сущности Хаоса. Формы и вида они не имеют. Глядя на них, ты смотришь в ничто. Когда они нападают, то принимают вид противника с точностью до мельчайших деталей. Они произносят слова тьмы и отчаяния, лишая противника воли к жизни. Их прикосновение превращает живое существо в ничто.

Следом за ними появятся демоны-воители. Они холодны, как межзвездная пустота. Меч, погруженный в них, ломается, как стеклянный. Если тронуть их рукой, то она навеки станет мертвой и никогда более не согреется.

Есть еще огненные драконы, выдыхающие серу и пламя. Вот те враги, которых ты встретишь. Ты должен их победить.

— Как можно победить подобные создания, Ваше Величество? — мрачно спросил Ариакан.

— Поскольку они создания Хаоса, нематериальные и бесформенные, их можно уничтожить железным оружием, которого коснулись боги. Все мечи твоих рыцарей получили мое благословение. Ими можно убить живую тень. Рыцарь ни в коем случае

не должен смотреть в глаза своему теневому двойнику, но ему придется подойти к живой тени вплотную, чтобы поразить ее. Что до демонов-воителей, то железное оружие разрушит магические нити, скрепляющие их существо, но и само разрушится. Рыцарь останется беззащитен.

— А как насчет магов и жрецов?

— Заклинания света помешают живым теням принять вид противника, огненные заклинания разрушат их, но маги должны заставить замолчать смертоносные голоса, которые зазвучат у них в голове, иначе они сами погибнут. Любой священный предмет при прикосновении к живой тени уничтожит ее, но и сам будет принесен в жертву — исчезнет.

Ариахан молчал, задумавшись. Затем он кивнул.

— Я начинаю понимать, почему Вашему Величеству угодно сохранить резервы. Битва, похоже, сильно ослабит нас.

— Все понесут потери, Ариахан, — уточнила Такхизис. — И это дает нам шанс одержать полную и окончательную победу. Я буду править миром. До свидания, повелитель.

Богиня протянула затянутую перчаткой руку. Ариахан пал на колени, прося благословения.

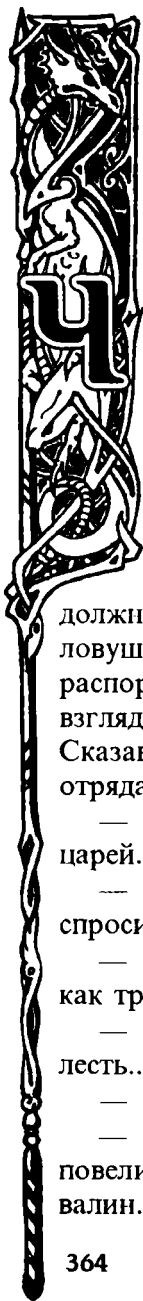
— Не пожалеем жизни, Ваше Величество! — взволнованно воскликнул он.

Такхизис недовольно отдернула руку.

— У меня хватает душ, Ариахан, — холодно сказала она. — Мне нужны живые воины.

Ариахан склонил голову.

Когда он ее поднял, богини уже не было.

25. Приказ. Спрятаны

то ты сказал? — вскричал Стил, охваченный разочарованием и на мгновение позабывший о дисциплине. — Тревалин, ты явно чего-то не понял!

Остальные рыцари отряда, сгрудившиеся вокруг командира, были с ним согласны.

— Мне это нравится не больше, чем вам, но это приказ! — ответил Тревалин. — Мы должны сосредоточить силы в бывших Драконьих ловушках и, не вступая в битву, ждать дальнейших распоряжений. И, — Тревалин обвел всех суровым взглядом, — мы должны молчать об этом приказе. Сказавшего хоть слово о нем кому-нибудь вне отряда ждет смерть.

— Нас наказали, — предположил один из рыцарей.

— Чем мы заслужили немилость повелителя? — спросил другой.

— Удрать по-тихому и спрятаться в темноте, как трусливые овражные гномы!

— О наших товарищах сочинят песни, доблесть...

— И будут петь о нашем позоре!

— Довольно, господа! У меня приказ лично от повелителя Ариакана! — мрачно оборвал их Тревалин. — У него есть план. Наше дело — не зада-

вать вопросы, а повиноваться. Если у кого есть возражения, обращайтесь непосредственно к нему.

Протесты прекратились, по крайней мере вслух их больше не произносили. Рыцари хмурились, мрачно, недовольно переглядывались, но молчали.

Для сохранения тайны Тревалин отвел отряд в казарму, подальше от основной массы рыцарей. Он посмотрел в окно. Солнце начало наконец садиться. Оно сверкало у самого горизонта, как будто медлило, боясь пропустить грядущую битву. Защитники Башни готовились отразить следующую атаку тьмы, которая сползала с гор и накапливалась у подножия стен. Среди живых теней появились демоны-воители, и во тьме теперь были видны их глаза. Только глаза — красные, сверкающие, ужасные, как сама смерть.

Причастность к Делу позволила каждому рыцарю получить знания о природе живых теней и демонов-воителей и способах сражения с ними в тот же миг, как они стали известны Ариакану. Теперь воины готовились к бою: рыцари снаряжали драконов, жрецы благословляли именем Такхизис доспехи, щиты, оружие; серые маги собирали необходимые волшебные компоненты, повторяли заклинания. А отряд Тревалина готовился к отходу.

— Нам пора двигаться, — неохотно произнес наконец Тревалин. — Я не спрашиваю, есть ли у вас вопросы. Ответить на них я все равно не смогу, даже если они у вас и есть. Мы должны переместиться на нашу новую позицию расположения не позднее чем через час. Поскольку необходимо соблюдать строжайшую тайну, отправитесь туда по одному или по двое разными маршрутами. Рыцарь Светлый Меч вам подскажет.

Войны мрачно готовились к переходу на новое место.

— В подземелье вместе с женщинами и детьми, — горько заметил один из них, понизив голос, чтобы Тревалин его не услышал.

Стил, как и все прочие, был вне себя от мысли, что они пропустят битву, но после первой вспышки гнева хранил молчание. Его восстановили в звании, и теперь он снова был вторым после Тревалина командиром в отряде. Как рыцарь и офицер, он, безусловно, должен был помочь Тревалину обеспечить выполнение приказа. Стил организовал перемещение рыцарей отряда. Каждой группе он давал свой маршрут и, слушая их недовольное ворчание, старался приободрить, на ходу выдумывая версии о «внезапных ударах» и «особых заданиях». Когда последний из рыцарей был отправлен, Стил направился к Тревалину с докладом.

— Ты был не так уж далек от истины, — заметил Тревалин, когда они, в свою очередь, направились в Драконьи ловушки. — Как я понял, нас держат в резерве для выполнения какого-то важного задания, которое дала Ариакану сама Владычица. Я слышал от одного из телохранителей Ариакана, что он встречался с Ее Величеством в Гнезде Зимородка. Телохранитель видел, как повелитель поднялся туда в одиночестве, а потом там разговаривали двое. Причем женский голос был звучен, как колокол судьбы. Когда Ариакан сошел вниз, он был бледен и его трясло. Вскоре после того я и получил этот приказ.

— Почему же ты не сказал об этом остальным? — улыбнулся Стил. — Они чувствовали бы себя сейчас гораздо лучше.

— Потому, что наше дело — повиноваться приказам, а не рассуждать о всяких там чувствах! А кроме того, я ведь поделился с тобой только своими соображениями на эту тему, не более, — терпеливо

объяснил Тревалин. Он улыбнулся и пожал плечами. — Другими словами, я не могу ничего сказать официально, но ты вполне можешь передать этот разговор, Светлый Меч.

«Владычица сама выбрала нас!» — восхищенно сказал самому себе Стил, открывая бронзовые двери Драконьих ловушек.

Поддерживать в себе гордость и душевный подъем от своей избранности в обступившем его непроглядном мраке оказалось весьма затруднительным. К тому же тяжело было отделаться от мыслей, что его товарищи уже сейчас вступили в смертельную и решающую схватку.

Рыцари стояли и сидели в тишине, которая вскоре была нарушена звуком трубы, зовущей в битву. Зов, повиноваться которому они не имели права.

Стил заставил себя успокоиться и терпеливо дожидаться приказа. Он с неодобрением посматривал на некоторых рыцарей, нетерпеливо ходивших по помещению, а потом приказал им сесть и не расходовать зря силы. Весь первый час он провел, чистя и полируя меч. Он восхищался своим мечом, мечом отца, его поражало мастерство, с каким тот был исполнен. Мастер, изготовивший его, был на голову выше любого из лучших оружейников, работавших на повелителя. Ариакан однажды сам признался, что лучшего меча ему не доводилось видеть.

Меч не нуждался в чистке, Стил и так относился к нему крайне бережно, но полировка клинка скрашивала Стилу ожидание и в то же время давала хоть какое-то занятие. Он поймал себя на том, что думает об отце. Вспоминает истории, которые он слышал о его воинской доблести. Его мысли скользнули дальше по шкале времени, минуя годы жизни отца. Он размышлял обо всех рыцарях, с честью и славой

носивших этот меч. Интересно, собрались ли они вместе, все Светлые Мечи? Выстроились ли они все за Паладайном, готовые мчаться в битву? Все предки Светлого Меча сражались на стороне Паладайны, а он — их единственный живой потомок — был на стороне Такхизис. Сейчас это не беспокоило Стила: свет и тьма — две стороны одной медали.

Он представил себе битву, что разыгрывается в Бездне. Богов, объединившихся для борьбы с Хаосом. Владычицу Тьмы во главе легионов мертвых воинов, ведущую их к победе. Сердце его трепетало от гордости и восхищения. Он вознес горячую молитву Такхизис, моля ниспослать ему малую толику ее великой доблести. Он почти завидовал тем мертвецам, идущим на битву рядом с ней.

За мечтами, мыслями и работой первый час ожидания пронесся незаметно. Второй он провел, сидя на полу, и, вытирая обильный пот от ужасной жары, проникающей даже в глубины Башни, внимательно прислушивался к звукам идущей наверху битвы. Звуки были неразборчивы и смазаны, время от времени все покрывал грохот, сотрясавший Башню до основания. Слышны были звуки труб, тяжелые удары таранов. Время от времени отчетливо доносился далекий, но ужасный, пронзительный вопль — предсмертный крик дракона. При этих звуках рыцари молча опускали головы и разглядывали пол под ногами.

Время шло, а никаких приказов не поступало. Не спешил по ступеням запыхавшийся гонец, не приносил им приказ садиться на драконов и нестись в битву.

Наступил третий час ожидания. Внезапно все звуки стихли. Наступила жуткая тишина. Все предположения о происходящем наверху исчерпали себя.

Все замолчали. Тревалин подошел к бронзовым дверям и мрачно уставился на них. Стил не мог больше спокойно сидеть или даже стоять, он нервно ходил, периодически сталкиваясь с другими рыцарями.

Внезапно он ощутил, как что-то капнуло ему на лицо. Он машинально вытер каплю и посмотрел на пальцы.

— Эй, кто-нибудь, принесите факел! Быстро! — хрипло приказал он.

Принесли несколько факелов, и вокруг Стила столпились взволнованные рыцари. Тревалин тоже направился к ним.

— В чем дело? Что у вас там случилось? Дайте пройти!

— Посмотри сюда, бригадир, — обратился к нему Стил. — Посветите!

Один из рыцарей опустил факел: на полу была видна свежая лужа, которая постоянно увеличивалась. В наступившей тишине ясно слышался звук падающих капель.

Тревалин встал на одно колено и погрузил пальцы в лужу. Он поднес их к свету.

— Кровь, — тихо сказал бригадир и перевел взгляд на потолок.

— Я иду наверх, — объявил он, и несколько рыцарей радостно бросились к дверям.

— Прекратить! — зло приказал Тревалин. — Всем быть готовым к бою, но оставаться на местах. Светлый Меч, пойдешь со мной.

Рыцари зашевелились, радуясь, что надо хоть что-то делать, даже если это всего лишь приказ достать меч из ножен.

Стил проводил Тревалина до двери.

— Если я не вернусь, командиром будешь ты. — Тревалин замолчал, но не уходил, а несколько раз

взглянул на оставшихся рыцарей, на дверь и снова на них, как человек, который хочет что-то сказать, не будучи уверен, что это стоит делать.

— Светлый Меч, — произнес наконец Тревалин, понижая голос. — Ты не заметил ничего странного? Чего-то с самим Делом?

Стил медленно кивнул.

— Я надеялся, что это только со мной, командир, — тихо промолвил он. — Со мной ведь всегда было не все в порядке.

— К сожалению, не только, — вздохнул Тревалин. — Я не ощущаю его больше, как ни стараюсь. А ты?

— Нет, командир.

— Я нарушаю прямой приказ. — Тревалин покачал головой и натянул перчатки. — Но без чувства Дела, которое подсказало бы мне... Что-то случилось. Возможно, мы сумеем это исправить. Жди меня, я ненадолго.

Тревалин отодвинул тяжелый засов и, отворив дверь, вышел. Стил стоял на пороге, наблюдая за движением огонька его факела. Вот он скрылся за углом. Некоторое время был виден его отсвет, но и он скоро пропал. Стил продолжал стоять перед раскрытой дверью, пытаясь что-нибудь расслышать.

Постепенно к нему присоединились другие рыцари, образовав полукруг за его спиной. Все стояли тихо, только иногда раздавалось тихое клацание доспехов.

Через некоторое время вдали появился отсвет далекого факела, а затем и сам факел. Огонь дрожал, как будто рука, держащая его, была слаба. Шаги казались неуверенными и шаркающими. Стил увидел Тревалина. Тот медленно шел по коридору, держась за стену.

Дойдя до двери, Тревалин остановился и посмотрел на рыцарей пустыми глазами, как будто не узнавая их и не понимая, что они тут делают. Его лицо было мертвенно-бледным. Факел выпал из руки и теперь дымил на полу, но никто не сдвинулся с места, чтобы поднять его.

— Командир? — спросил Стил. — Что там? Что происходит?

— Ничего, — слабо ответил тот. — Они все... мертвы.

Все молчали, слышалось только несколько судорожных вздохов.

— Повелитель... — Лицо Тревалина скривилось как от боли, слезы текли по его щекам. — Повелитель... мертв! — Он почти рыдал. Тревалин обвел рыцарей покрасневшими глазами. — Мертв! Понимаете? Все мертвы! Мертвы... Все... Мертвы...

Колени его подкосились, и он тяжело осел на пол. Стил поддержал его:

— Командир, ты ранен! Где? Помогите мне снять доспехи...

— Не стоит, — остановил его Тревалин, взяв за руку. — Оно... — Он сглотнул. — Оно ударило меня... со спины. — Тревалин нахмурился, он был удивлен и разгневан. — Труссы... всегда бьют... в спину... Я не видел... Не мог сражаться спиной... Бесчестно...

— Командир... Там враги? Сколько?

Тревалин кивнул головой. Он пытался говорить, но не мог. На губах его пузырилась кровь. Он прислонился к стене. Его рука, сжимавшая руку Стила, разжалась. Стил еще несколько мгновений поддерживал ее, а потом бережно положил мертвому на колени.

— Ушел к Такхизис, — тихо проговорил он.

Он видел ужасную рану, что-то пробило черный доспех с такой легкостью, как будто тот был бумажным. Края страшной рваной раны обуглились.

— Нанесена как будто когтем, — мрачно заметил один из рыцарей.

— Если так, то это был огненный коготь, — сказал Стил, медленно поднимаясь на ноги и глядя на дверь.

— В чем же заключался приказ?

— Теперь это не важно, — сказал один из рыцарей. — Каковы будут *твои* приказы, командир?

До Стила дошло, что теперь командующим был он. Он был предводителем своего отряда и, если Тревалин верно оценил обстановку, начальником всей Башни Верховного Жреца. Стил изгнал из головы эту кошмарную мысль, — Тревалин, конечно, ошибся. Он был тяжело ранен. Все не могли погибнуть!

Стил принял решение.

— Вы двое уложите бригадира здесь. Прикройте тело плащом. Все остальные — мечи из ножен и за мной! Если Башня пала, враги, возможно, не знают, что мы здесь. Попытаемся застать их врасплох. Идем без света. Не шуметь!

Погрузив пальцы в лужу крови Тревалина, Стил окропил ею черные браслеты, которые носил на руках, как другие носили ленту цвета своей дамы. Он вынул из ножен меч — меч отца — и пошел вперед.

Один за другим, отдавая последний салют павшему, Черные Рыцари двинулись за ним.

26. Дело

Стил медленно пробирался коридорами Башни. В такой жуткой тьме увидеть что-либо было невозможно. Он не предполагал, что снаружи окажется так темно, и, чтобы исправить свою ошибку, послал несколько человек назад за факелами. Опасность переломать ноги в темноте представлялась ему менее предпочтительной, чем любая вражеская засада.

Странное, упрямое солнце наконец село, и ночь пришла, но очень уж странная это была ночь. Стил не видел ни света двух лун, ни даже звезд. Ожидая, пока посланные вернутся с факелами, Стил подошел к окну и выглянул наружу. Сначала он решил, что засуха наконец кончилась и небо заволокли дождевые тучи. Но небо было чистым и пустым. И в чистом и пустом небе сверкали молнии.

Без лун, без звезд.

Стил до боли в глазах вглядывался в черное бездонное небо, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Бесполезно. Он отошел от окна, запретив себе даже думать о том, что все это может означать. Подошли рыцари с факелами, и отряд продолжил путь. Стил следил, чтобы никто из рыцарей не подходил к окнам. Он приказал всем внимательно смотреть вперед. Конечно, скоро они

узнают правду, но к тому моменту он, может быть, уже поймет, с чем они столкнулись.

По мере продвижения наверх им все чаще попадались следы битвы. Стены были обожжены и обуглены, местами в камне виднелись проплавленные дыры. Груды упавших камней перегораживали коридор, затрудняя их путь. А потом начали встречаться тела, многие со следами страшных ожогов. Они наталкивались на кучи пустых доспехов, печальные груды серых одежд, а рядом с ними по полу были рассыпаны предметы для заклинаний, черные рясы жрецов, на которых лежали священные символы Владычицы Тьмы.

Время от времени Стил приказывал остановиться и прислушаться. Воины чутко вслушивались, надеясь распознать звуки приказов, победные крики, стоны раненых или проклятия пленных.

Ничего не было слышно. Ничего, только вой ветра над развалинами сильнейшей крепости Ансалона.

Рыцари, держа строй, продвигались вперед, и лица их становились все мрачнее и мрачнее. Они вышли в крепостной двор.

Тело огромного красного дракона почти целиком заполняло его собой. Свет факелов отразился в разбитых чешуях, осветил жуткие рваные раны на теле, порванные и переломанные крылья. Дракон умер от неисчислимых ран, и его кровь залила весь двор. Рыцари скользили по мокрым камням.

— Разойдитесь, — приказал Стил. Он начал понимать, что его людям ничего не угрожает, но и надеяться им тоже не на что. — Поищите, может, хоть кто-то выжил. С докладом вернетесь сюда, я буду здесь.

Рыцари разбились на группы по двое, по трое и пошли на разведку, держа в руках обнаженные

мечи. Стил воткнул факел в кольцо на стене и подошел к голове дракона.

Рядом с драконом лежал повелитель Ариаган. Должно быть, он вступил в свой последний бой на красном драконе. Они сражались до тех пор, пока тот не рухнул во двор, и тогда Ариаган продолжил битву пешим. Его холодная рука сжимала покрытый кровью обломок меча, как будто Ариаган продолжал сражаться им и после того, как меч сломался. Вокруг него не было тел врагов, но невдалеке Стил заметил обгорелые студенистые комочки. Перед его глазами встала картина: Ариаган поражает мечом демонов-воителей, и те под его ударами превращаются в пламя.

Он преклонил колени перед телом своего господина, человека, отыскавшего Стила, возведшего его в рыцарское достоинство. В его душе живо вспыхнуло воспоминание о том памятном дне, когда Ариаган пришел к нему, двенадцатилетнему мальчику, и оценивающе окинул его взглядом своих темных глаз.

«Я предлагаю тебе тяжкий труд, суровую, беспоконную жизнь, без удобств. Ты не получишь личной выгоды. Самое большее, чего ты можешь добиться, — это уважение товарищей по оружию. Ты откажешься от любви, семьи и друзей. Вместо всего этого будут сражения, слава, честь. Примешь ли ты такой жребий, юный Стил?»

— Я принимаю, повелитель, — повторил Стил вновь слова, произнесенные когда-то.

Трудно было сказать, какая из многочисленных ран Ариагана послужила причиной его смерти. Лицо его исказила гримаса не боли, а неизбежности гибели. Он храбро сражался до самого конца. Лезвие меча сломалось, но мужество не оставило его.

Стил понял, почему Дело погибло. Оно умерло вместе с создавшим его человеком.

— Прими его душу, Владычица. — Стил молился прерывающимся от волнения голосом, слезы текли по его щекам. Он закрыл Ариакану глаза, постарался придать лицу спокойное выражение. Потом нашел обломки лезвия и положил их поперек груди Ариакана.

Затем медленно поднялся.

— Ныне, повелитель, ты бьешься вместе с Владычицей. Ты сражался с честью.

Стоя с опущенной головой в крепостном дворе, Стил размышлял о том, что же ему теперь делать. Враги победили. Башня Верховного Жреца пала. Но неприятеля не интересовало завоевание как таковое, ему не нужны были крепости, города, земли, имущество. У него была одна цель — уничтожение всего живого. Сильнейшая крепость Ансалона пала, ее гарнизон — самая мощная на Кринне военная сила — полностью истреблен. Основная цель была выполнена, и враги двинулись дальше, неся кровь, смерть и ужас.

— Мы единственные, кто уцелел, — подвел итог своим размышлениям Стил. — Ну и что же нам теперь делать? Дела больше нет, но я уверен, его можно возродить! — Он поднял взор к пустым небесам и широко раскинул руки. — Владычица! Скажи мне, что делать? Направь меня!

Шаги, легкие шаги обутых ног, быстро приближались к нему.

— Кто там? — окликнул он.

На свет вышла женщина, одетая в синие рыцарские доспехи. Ее курчавые черные волосы были коротко подстрижены, она улыбалась Стилу загадочной чарующей улыбкой.

Стил опустил меч. Он был совершенно уверен, что Владычица услышала его. Теперь он получит ее приказ.

Китиара подошла к сыну. Увидев кровь на его доспехах, она с беспокойством спросила:

— Ты ранен, Стил?

— Нет, это кровь моего командира, он погиб, защищая Башню. — Лицо Стила пылало от позора. — Я не принимал участия в сражении, мать. Мой отряд получил приказ быть в резерве, спрятаться...

— Я знаю, — отмахнулась Китиара. — Я сама отдала этот приказ.

— Ты?! — Стил уставился на нее в полном изумлении. — Ты приказала мне прятаться во время битвы! Моя честь...

— В Бездну это дерьмо! — фыркнула Китиара. — Ты разоряешься о чести ну в точности как этот дубоголовый кретин, твой отец. Слушай внимательно, Стил, у нас мало времени.

Китиара вплотную приблизилась к нему. От нее веяло холодом. Казалось, мороз проникает сквозь тело до самых костей, стало больно дышать. Ее слова, минуя уши, попадали прямо в мозг.

— Битва проиграна. Война тоже. Легионы Хаоса оказались слишком сильны. Владычица собирается спастись бегством, пока это еще возможно. Она покидает мир и берет с собой самых верных. По моему настоянию, ты, мой сын, среди избранных. Пойдем со мной!

— Пойти с тобой? — Стил растерялся. — Пойти с тобой — куда?

— В другой мир, сын! — нетерпеливо ответила Китиара. — В иной мир. Править. Завоевывать! Ты примешь участие в победоносном шествии наших сил. Мы будем вместе, ты и я.

— Ты говоришь, война проиграна? — переспросил Стил, полный сомнения и беспокойства.

— Мне что, повторить? Поспеши, сын. Давай быстрее.

— Моя богиня не станет спастись бегством, — заявил Стил, отодвигаясь от матери. — Ее Величество не отвергнет, не предаст тех, кто сражался с ее именем на устах и погиб за нее...

— Погиб за нее? — рассмеялась Китиара. — Ну конечно, они погибли за нее. Это было их право. Она им ничего не должна! Она ничего не должна миру. Пусть он будет разрушен. Возникнут иные, новые миры! Их чудеса, их богатства — все это будет твоим. Но сначала, однако, ты должен снять эту глупую эльфийскую побрякушку, что ты носишь на шее. Избавься от нее.

Стил посмотрел на тело Ариакана, на древнего и могущественного красного дракона, ныне лежащего мертвым. Он подумал о Тревалине, вернувшемся к отряду, несмотря на смертельную рану.

Свет факела ослеплял его. Стил подался назад, прислонился к стене, он с трудом дышал. Ему почудилось, что стена подается назад под его тяжестью. Мир, казавшийся ему таким прочным и незыблемым, внезапно зашатался и начал ускользать из-под ног.

Предан и отвергнут. У него ничего не осталось: Дела больше нет и, оказывается, вовсе не потому, что Ариакан перестал его видеть. Оно просто перестало существовать. С неба упали звезды...

— Пойдем, Стил! — резко повторила Китиара. — Почему ты растерялся? Снимай камень.

— Нет, мать, — спокойно ответил Стил. — Я не иду с тобой.

— Почему? Не будь дураком!

— А почему бы и нет, мать? — горько поинтересовался Стил. — Похоже, я был дураком все эти годы. Все, во что я верил, — ложь.

— Что ж, — сказала Китиара, внимательно глядя на сына. Глаза ее были глубоки и темны, как беззвездное небо над ее головой. — Похоже, и я ошибалась. Я думала, что годы сделают из тебя настоящего воина. Битва! Победа! Сила! Власть! Это все. В *этом* все! Поступай, как твой отец, — и ты умрешь один, отвергнутый и преданный, как он. Вышвырнешь свою жизнь из-за чертовой ерунды. Ты не сможешь победить один, Стил! — Китиара почти шипела. — Не сможешь выиграть!

— Ты права, мать, — холодно согласился Стил, — но я и так уже проиграл. Я потерял Богиню, Повелителя, Мечту. Я потерял все. — Он вытащил из-под доспехов цепочку, и его рука сомкнулась на Камне-Звезде. — Осталось только то, что внутри меня.

— То, что у тебя внутри, пришло от меня! — Китиара была в ярости.

Стил склонил голову, чтобы не видеть этого.

Внезапно настроение ее изменилось, она заговорила мягким, заботливым голосом.

— Ты скорбишь о потерях, Стил, оплакиваешь павших. Я была не права, пытаясь заставить тебя принять решение в такой миг. Подождем. Подумай о моем предложении, сын. Новый мир. Новая жизнь...

Китиара ласково посмотрела на Стила и... исчезла.

Стил закрыл глаза и в изнеможении оперся на стену, снова ставшую твердой и надежной. Он чувствовал себя так, как будто его долго били и пинали, а потом бросили одного в темном тупике. Бросили умирать.

«Почему я должен умереть?»

Новые миры... Чудеса... Завоевания... Слава...

Почему бы и нет? Почему, черт побери, нет? Мать права. Этот мир обречен. Меня здесь ничто не держит!»

Стил ощущал в душе ужасающую пустоту. Подобно огненному дыханию дракона, предательство Владычицы выжгло его душу, оставив только пустую оболочку.

Почему бы и не наполнить ее войной, яростным упоением битвы, радостью победы, удовольствием от трофеев. «Я не хочу больше сражаться во имя богов. Я буду драться только для себя. Я стану заботиться только о собственной выгоде!»

Стил стиснул рукой Камень-Звезду.

— Она солгала... — послышался голос. Другой голос, звучащий одновременно и изнутри, и извне.

Стилу было все равно.

— Не пытайся остановить меня, отец, — проговорил Стил, не открывая глаз. — С этим миром покончено. Битва закончена, мы проиграли.

— Китиара обманула тебя. Битва продолжается: Паладайн и другие боги сражаются против Хаоса. Их дети, покровители магов — Лунитари, Солинару и Нуитари возглавляют магический бой. Саргонас поклялся биться до конца. Чемош поднял мертвых и повел их в атаку. По всему Крикну кипит бой, люди сражаются без надежды на победу. Никто не помышляет о бегстве.

— Что это им даст, отец? — горько поинтересовался Стил. Он подумал о погибшем Ариакане, лежащем бок о бок с мертвым драконом. — Кто вознаградит их? Кто споет песни, прославляющие их подвиги?

— Ты, Стил! — ответил отец. — Ты будешь славить их каждый день своей долгой, долгой жизни.

Стил не ответил. Он сжимал в руке драгоценность, но не мог решить, что же делать: то ли сорвать и отшвырнуть ее, то ли спрятать назад под доспехи.

— Чего хочешь от меня ты, отец? — с презрительным отчаянием спросил он наконец. — Хаос невозможно победить.

— Да, но его можно заставить отступить. Хаос прорвал ткань мироздания и открыл проход в этот мир. Через него он двинул сюда свои создания — живые тени, огненных драконов и демонов-воителей, но это же делает его уязвимым. В его доспехах образовалась прореха. Он вынужден был *сам* появиться в нашем плане бытия. Оба: и Паладайн, и Гилеан уверены, что если нам удастся поймать его здесь, запереть в нашем мире, то ему придется прекратить битву и закрыть эту прореху, иначе гибель мира обернется и его гибелью.

— Как я могу сражаться с Хаосом? Каким оружием?

— Группа рыцарей, вооруженных Копьями, теми знаменитыми Копьями, что поражают драконов, должна вгоргнуться в Бездну и выступить против легионов Хаоса. Они должны идти в бой, сознавая, что вернуться им не придется, и жертва их вполне может оказаться напрасной, и не останется никого, кто воспел бы их подвиг.

Стил стоял в нерешительности. В нем разгоралось внутреннее сражение, битва, не прекращавшаяся ни на минуту со дня его рождения. Он стоял в пляшущем свете факела, низко опустив голову. Внутри него в который уже раз столкнулись две противоборствующие силы. Удары каждой из них тяжело ранили его душу.

— Командир! Светлый Меч, что с тобой?

Стил отмахнулся. Он был истощен внутренней битвой, душевные раны нестерпимо болели. Он был зол, страшно зол, что его заставили пройти через этот ад.

— Оставь меня! — вскричал он.

— Да, командир. — Рыцарь растерянно подался назад. — Виноват, господин, но я только хотел доложить...

— Нет, подожди...

Стил открыл глаза и огляделся. Он не понимал, где он и что с ним. Взгляд его упал на тело Ариакана, и он все вспомнил. Он глубоко вздохнул и с удивлением обнаружил, что все это время сжимал в кулаке Камень-Звезду.

Стил разжал руку и убрал брошь под доспехи. Вытер пот со лба. Ночь не принесла прохлады, казалось, стало даже жарче, чем днем. Возбуждение и жара повинны в его странном состоянии — успокоил он сам себя.

— Извини. Должно быть, я задремал. Я принял тебя за продолжение сна. — Усилим воли Стил заставил себя слушать рапорт. — Я слушаю.

— Никаких следов врага не обнаружено, господин. Вообще никого в живых не нашли. Никто не уцелел. Раненые... — Рыцарь судорожно сглотнул. — Раненые были зарезаны прямо на госпитальных койках... Они не могли даже...

Стил хотел по привычке вознести за них молитву Такхизис, но слов не было.

— Что-нибудь еще? — спросил он слабым голосом.

— Да, есть и хорошие новости. Несколько синих драконов остались живы. Они тоже получили приказ не ввязываться в битву. К тому же прилетело несколько серебряных драконов. Они несли охрану

усыпальницы Хумы у горы Серебряной Драконицы и получили приказ отправиться сюда.

— Приказ? Чей приказ?

— Они утверждают, что приказ отдал сам Хума, — твердо ответил рыцарь.

Стил кивнул.

— Это все?

— Все оружие, которое нам встретилось, было сломано, за одним исключением — мы нашли копья. Они похожи на знаменитые Копья, которыми убивали драконов. Они здесь неподалеку, туда можно попасть по ближайшей лестнице.

— Копья? — переспросил удивленный Стил. — Ты уверен?

— Нет, господин, не совсем. Никто из нас не видел их, но они подходят под описание, которое нам когда-то давали.

— Где они? — спросил Стил, чувствуя, что, несмотря на жару, теперь его пробирает холод. — Покажи их мне.

— Да, командир. Вот сюда.

Рыцарь провел Стила ко входу в Чертог Паладайна. Снизу пробивалось серебристое сияние.

— Это сияние и привлекло наше внимание, — заметил рыцарь. — Мы подумали, что внизу мог кто-то остаться, но там только Копья.

Стил спускался по ступеням, вспоминая, как он вместе с Карамоном Маджере и Танисом Полуэльфом шел сюда, чтобы почтить память отца.

Все рыцари его отряда уже собрались здесь и бродили по Чертогу, рассматривая захоронения и удивляясь количеству накопившейся здесь пыли. Могилы казались странно пустыми, хотя покой мертвых явно не тревожил никто из живущих — тела лежали нетронутыми. Возможно, души давно павших рыцарей

были вновь призваны в битву. Копья, сияющие серебром Копья стояли у стены. Черные Рыцари стояли поодаль и тихо переговаривались, недоверчиво и подозрительно глядя на них.

Действительно ли то были знаменитые Копья, выкованные Теросом Серебряной Рукой из магического серебра? То оружие, что помогло победить Владычицу Тьмы во время Войны Копья? Если так, то почему и каким образом они оказались в погребальном покое? Никто из слуг Такхизис не мог даже коснуться оружия, несущего на себе благословение Паладайна, предназначенного для его последователей.

Стил подошел, чтобы рассмотреть Копья поближе. Он встречал описание этого оружия, когда изучал историю войн, в которых они использовались. Если это действительно были знаменитые Копья, а они выглядели очень на них похожими, то использовались они для пешего боя; эти были легче и короче, чем те, что крепились на драконах.

Вблизи Копья поражали красотой и совершенством работы. Стил ими просто восхищался. Они были приблизительно восьми футов длиной, наконечник и основание древка, без сомнения, выковали из магического серебра, взятого из горы Серебряной Драконицы. По легенде, Копья могли быть сделаны только человеком с серебряной рукой и лишь с помощью гномьей реликвии — Молота Хараса. Зазубренные наконечники Копий были немыслимой остроты и, похоже, прекрасно уравновешены. Стил взял одно из них.

Казалось, удар молнии потряс Стила. По руке от пальцев до плеча пробежала волна огня. На несколько секунд Стил был парализован весь, потом онемевшей осталась только рука. Придя в себя, Стил отошел, массируя руку, пытаясь вернуть ее к жизни.

— Очаровательная шутка, отец, — пробормотал он. — Ты, должно быть, здорово посмеялся. Я отрекаюсь от всего. Катитесь вы все в Бездну! — Стил хотел вытереть текущие по лицу слезы, но рука не слушалась. — Возьми Копья, говоришь ты! Лети на битву с Хаосом! Интересно, как? Эти чертовы Копья мы совершенно не можем использовать!

— Мы можем!

Стил с удивлением обернулся на голос.

Небольшая группа одетых в лохмотья Рыцарей Соламнии со следами от бича на руках и спинах спускалась в Чертог.

— Пленники! — Несколько рыцарей выхватили мечи. — Они бежали!

— Уберите оружие, — приказал Стил. — Они здесь не для того, чтобы сражаться с нами. По крайней мере, я так думаю.

Он узнал говорившего. Это был тот самый молодой рыцарь, которого хлестнули бичом за ошибку Стила, когда он был среди узников.

— Что ты здесь делаешь, рыцарь? — спросил его Стил. — Мы не знали, что вы выбрались из тюрьмы. Вы могли бы уже быть на пути домой, в Палантас.

— Мы туда и направлялись, — с грустной улыбкой ответил тот, подходя к Стилу. — Когда начался штурм, мы были в подземной тюрьме. Стражи покинула нас. Все ушли наверх — сражаться. Мы не могли, конечно, видеть, что происходит, но прекрасно все слышали. Жуткие звуки этой битвы чуть не свели нас с ума. Мы думали, что нас убьют прямо в камерах, но враги не спустились вниз. Башня время от времени сотрясалась до основания под такими ужасными ударами, что трескались стены. Мы боялись, нас похоронит заживо. Когда все стихло,

обнаружилось, что мы не только живы, но и свободны — дверь камеры не выдержала и превратилась в щепки.

Мы выбрались наружу и собирались покинуть крепость через боковые ворота Рыцарского Бастиона. Но в этот момент услышали твой голос. — Рыцарь показал на Стила. — Ты говорил о том, что война почти проиграна, но шанс победить еще есть, если группа героев вторгнется в Бездну. Ты соби-
рался вести их туда.

Молодой рыцарь подошел к сверкающим Копьям и легко поднял одно из них. Копье удобно легло ему в руку. Как Стил и предполагал, оно было великолепно уравновешено.

Черные Рыцари глухо зароптали и придвинулись ближе к Соламнийскому Рыцарю, готовые броситься на него при первых признаках враждебных намерений. Тот, не обращая на них внимания, опустил Копье перед собой, уперев его древком в пол.

— Нам редко доводилось видеть столь мужественного и благородного человека, как ты. Если ты готов принять нашу помощь, веди нас в бой. Мы пойдем с тобой в Бездну.

— Вы могли бы спастись, — удивился Стил, — вернуться домой, к семьям. Почему вы пришли ко мне?

— Да, — согласился рыцарь. — Но мы слышали, что ты сказал о героических песнях. Ты был прав. Возможно, их не споют про нас, но, по крайней мере, нам не придется провести остаток жизни, слушая, как их поют про других.

— Надежды вернуться живыми нет. Вы это понимаете? Боги ничем не помогут нам. Сражаться придется одним, — с горькой улыбкой заметил Стил.

— Да. Мы все понимаем и на все готовы. Единственно, о чем мы просим, — вернуть нам доспехи и мечи.

— *Ты идиот, Стил!* — раздался у него в голове голос матери. — *Получив оружие, они обратят его против тебя!*

— *Вот тебе пример людей чести, сын,* — послышался голос отца. — *Они идут в бой, а единственной их наградой будет то, что они погибнут за правое дело.*

Стил снял цепочку с Камнем-Звездой, подержал ее еще мгновение и твердой рукой положил на могилу отца.

Беспокоящие его голоса стихли. Все молчали. Рыцари ждали решения Стила. Он вынул из ножен меч. Меч, который сломается только тогда, когда будет сломлен его владелец.

— Вперед, в песню, — сказал он глядящим на него людям.

27. Подготовка

Черные Рыцари отдали последнюю дань павшим. В их честь были произнесены речи и спеты песни. К сожалению, на большее у них не было времени. Ни достойно похоронить, ни даже сжечь тела они не могли. Их было слишком мало, а павших так много... Некоторых из рыцарей это сильно беспокоило, они говорили о птицах, шакалах и еще более жутких тварях, что могут потревожить покой мертвых.

Рыцари Такхизис стояли вокруг тела своего повелителя и думали, что же они могут сделать, чтобы не оставлять тела на поругание. При этом им необходимо было спешить. Внезапно они обнаружили, что среди них стоит женщина.

Никто не заметил, когда и как она оказалась тут. Она была прекрасна. Ее глаза напоминали о лунном свете, отраженном в ночной воде. Несмотря на хрупкую внешность, в ней чувствовалась могучая и опасная сила. Она носила отблескивающие водой доспехи, которые казались сделанными из рыбьих чешуй. Ее темные волосы были украшены морскими цветами и ракушками. Рыцари склонились перед ней в глубоком поклоне.

Это была Зебоим — богиня моря, мать Ариакана.

Она преклонила колени перед телом сына и долго смотрела на него. Две слезы, подобные сверкающим жемчужинам, скатились по ее щекам. Потом она встала и окинула взором Башню. В неровном свете факелов богиня узрела развалины крепости, покрытые телами защитников, пустые коридоры, тихие залы. Затем взгляд ее остановился на рыцарях.

— Никто не потревожит мертвых, — сказала богиня. — Оглянитесь вокруг. Прислушайтесь. Птицы не кружат в небе этой ночью, звери не бродят окрест, мух и тех нет. Все живые твари, от малюсенькой букашки до громадного дракона, знают, что этой ночью решается их судьба. Все ждут конца. Мы тоже.

Стил жестом отозвал рыцарей. Они удалились, оставив богиню одну прощаться с мертвым.

Соламнийские Рыцари облачились в доспехи, которые были отобраны у них после пленения. Вскоре они в полной готовности: с мечами у пояса, в шлемах и с Копьями в руках — ждали сигнала, восседая верхом на серебряных драконах, которые прилетели в Башню уже после окончания битвы.

Черные Рыцари сели на синих драконов, оставленных, как и они сами, в резерве.

Стил был огорчен и разочарован, обнаружив, что Флэр среди них нет. Оставшиеся драконы не представляли, куда она делась. Она была в такой ярости, когда рыцари получили приказ не принимать участия в сражении, что чуть не сожгла принесшего приказ офицера. Потом она исчезла. Никто не знал куда, но все были уверены, что Флэр нарушила приказ и отправилась на битву сама по себе.

Стил поискал тело Флэр среди погибших драконов, он хотел отдать ей последний долг. Среди

трупов драконов, лежащих в самой крепости и неподалеку, Флэр ему найти не удалось. Времени на более тщательные поиски у него не было, и он решил, что она погибла вдали и тело ее лежит на поросших лесом склонах Вингаардских гор, окружающих Башню.

Он уже взбирался на незнакомого синего дракона, как вдруг откуда-то сверху раздался яростный вопль. Подняв крыльями тучи пыли, с неба упала Флэр и приземлилась прямо перед мордой дракона. Ее шея изогнулась, она била крыльями и хлестала себя по бокам хвостом.

— Это мой рыцарь! — зло прошипела она дракону. — Он не полетит на битву ни на ком, кроме меня!

Стил поспешил вмешаться, пока не разгорелась драка, поскольку дракон, на котором он собирался лететь, вовсе не собирался уступать скандальной особе. Стил вежливо извинился перед ним, объяснил ситуацию и попросил присоединиться к другим драконам, идущим в бой без седоков. Дракон сухо согласился, всем своим видом показывая, что он уступает исключительно из уважения к Стилу. Флэр тоже не стала задираться, раз уж Стил все решил в ее пользу, но в последний момент не удержалась и кинула синего за хвост, когда тот уже улетал.

Драконица и рыцарь радостно приветствовали друг друга. Они были счастливы увидеться вновь живыми и невредимыми.

— Мне сказали, что ты была в ярости и одна бросилась в битву, — сказал Стил. — Где же ты была и что делала?

Флэр вскинула голову, ее синие чешуи блеснули в свете факелов.

— Летала к тому провалу, о котором было столько разговоров. Я решила слетать туда и посмотреть, а есть ли он вообще. Я вполне допускала... — Она кивнула в сторону серебряного дракона. — Я подумала, что это мог быть просто обман. — Голос ее помрачнел, она опустила голову. — Нет, Стил, к сожалению, это правда. В Бездне кипит ужасная битва. Я там была. Я видела.

— Что там происходит?

— Владычица сбежала, — сверкнула глазами драконица. — Ты знаешь?

— Знаю, — мрачно, но спокойно ответил Стил.

— Некоторые из богов улизнули вместе с ней: Хиддукель был первым. Зивилин отбыл, заявив, что он видел, чем все кончится, и не хочет своим присутствием невольно повлиять на исход событий. Гилеан, как обычно, сидит и пишет книгу, последнюю книгу. Остальные сражаются. Их возглавляют Кири-Джолит и Саргонас, но так как они пребывают в том же бессмертном плане бытия, что и Хаос, то нанести ему серьезный урон, похоже, не в силах.

— А мы можем? — поинтересовался Стил.

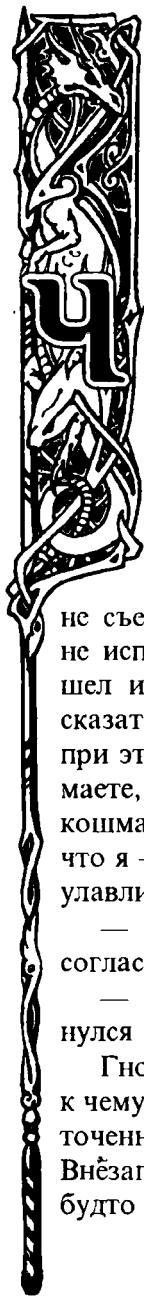
— Да, это как раз то, о чем я и хотела тебе рассказать, но... — Флэр окинула взглядом садящихся на драконов рыцарей. — Похоже, ты уже об этом слышал.

— Да, слышал, но был бы рад услышать подтверждение.

Стил уселся на спину Флэр и поднял флаг Рыцарей Такхизис. Черный флаг с черепом и увядшей лилией. Соламнийские Рыцари подняли свой флаг с изображением зимородка, держащего в одной лапе розу,* а в другой меч. Флаги безвольно повисли в горячем неподвижном воздухе.

Не было воинственных криков. Все молчали. Люди пристально в последний раз смотрели на окружающий мир, понимая, что больше им не придется его увидеть. Соламнийский Рыцарь поднял знамя в прощальном приветствии Башне Верховного Жреца. Стил поднял свой стяг, приветствуя смерть.

Драконы взлетели и унесли всадников в беззвездное, покинутое богами небо.

28. Дар. Указания

его мы ждем? — раздраженно поинтересовалась Аша. — Почему мы никуда не идем и ничего не делаем?

— Уже скоро, — пробормотал Дуган.

— Ага, — сказал Тас, беспокойно бродя вокруг и поднимая ногами тучи пепла. — Наверняка в мире произошло много значительных перемен, пока нас тут чуть было не съели эти жуткие тени-притворялы. Я совсем не испугался. Точно не испугался. Я просто вышел из себя, когда его увидел. То есть я хочу сказать, когда увидел себя стоящим напротив. И при этом точно знал, что это не я, если вы понимаете, о чем я... А потом еще этот я стал говорить кошмарные вещи мне самому. И все насчет того, что я — это ничто... Ведь я же вовсе не ничто, вы улавливаете?..

— Хватит об этом. — Палин поежился. — Я согласен с Ашей. Мы должны *что-нибудь* делать.

— Скоро, скоро, — повторил Дуган, но не двинулся с места.

Гном сидел, склонив голову набок, и, казалось, к чему-то прислушивался. Лицо его было сосредоточенным и отстраненным. Глаза смотрели вдаль. Внезапно он застонал и закрыл лицо руками, как будто получил какую-то ужасную весть.

Трое друзей склонились над ним и наперебой задавали вопросы, остававшиеся без ответа. Постепенно все уgomонились.

Аша с Палином уселись в стороне и тихо разговаривали.

Тас пожаловался на то, что пепел вызывает у него приступы кашля, и тоже уселся разбирать содержимое своих сумочек.

— Ага! Вот оно! — воскликнул Дуган и вскочил на ноги. От его резкого движения все вздрогнули. — Итак, они двинулись в путь. Нам тоже пора отправляться, чтобы встретиться с ними.

— Еще нет! — слышался голос. — Еще рано! — В круге семи сосен, вблизи разрушенного алтаря, появилась черная фигура Рейстлина.

— Замечательно! — пробормотал Дуган, удовлетворенно взглянув на мага. — Теперь *все* в сборе. — Он пошел к Рейстлину, пиная ногами сгоревшие ветки, попадающиеся у него на пути.

Маг смотрел на него с тонкой улыбкой.

— Дядя! — радостно воскликнул Палин. — Какие новости ты нам принес? Ты видел этих существ, которые на нас напали? — Молодой маг двинулся навстречу дяде, а Аша неохотно последовала за ним.

— Эй! Эй! Подождите меня! — завопил Тас, поспешно рассовывая по сумочкам разложенное вокруг содержимое.

Палин и Дуган вступили в круг деревьев. Аша отстала от них.

— Тебе надо поговорить с дядей, — пробормотала она. — Я не хочу мешать вам...

Рейстлин нетерпеливо наблюдал за всеми этими маневрами и презрительно шурился. Палин, оставив девушку, поспешно приблизился. Рейстлин холодно взглянул на племянника.

— Ты почти проиграл, — сказал Рейстлин и посмотрел на то место, где молодой маг сражался с живой тенью.

— Мне очень стыдно, — Палин покраснел. — Но это было так ужасно... так необычно... — Голос его дрожал.

Рейстлин перевел взгляд своих золотистых глаз на Ашу.

— Возможно, ты был недостаточно сосредоточен...

— Нет, дядя. — Палин покраснел еще сильнее. — Не думаю. Это было... — Он склонил голову, потом резко выпрямился и взглянул прямо в глаза мага. — Мне нет прощения, дядя! Если бы не Аша, я бы превратился в ничто, как и говорила эта жуткая тень. Такого больше не повторится, я обещаю!

— Говорят, поражение дает нам больше уроков, чем победа. Надеюсь, это справедливо в твоем случае, племянник. На нас на всех лежит громадная ответственность.

— Я не подведу тебя, дядя!

— Не подведи самого себя, — усмехнулся Рейстлин и перевел взгляд на Ашу, которая стояла в тени сожженного дерева.

— Хватит об этой ерунде, — прорычал Дуган. — Мне кажется, мальчик вел себя вполне прилично. Учитывая его возраст и отсутствие опыта... А если он и был малость невнимателен, так стоит вспомнить о том, что именно любовь этой девчушки спасла его. И, в конце концов, кто знает, чего бы достиг ты сам, Рейстлин Маджере, если бы рассматривал любовь как силу, а не как слабость!

— Возможно, я сидел бы на кухне моего брата и развлекал бы ребятешек тем, что вынимал золотые монеты из носа и ушей. Я отдал всего себя

магии и не жалею об этом. Магия была моей любовью, женой, детьми...

— Ты даже брата своего не пожалел ради магии, — заметил Дуган.

— Да, — холодно согласился Рейстлин. — Я уже говорил о том, что все мы учимся на своих ошибках. Довольно об этом. Мы опаздываем. Даламар вернулся в Башню. Они встретились со многими опасностями. Я не буду терять время, перечисляя их для вас. Достаточно того, что им удалось обнаружить уязвимое место Хаоса. Он был вынужден проявить себя в этом плане бытия. Он обрел физическую форму.

— Ага, такой же уязвимый, как гора для овражного гнома с киркой, — проворчал Дуган.

— Я не сказал, что победа будет легкой. — Рейстлин неодобрительно взглянул на гнома. — Но в этой горе есть трещина.

— Да, я знаю, — кивнул Дуган.

— Тогда, может быть, ты знаешь и то, что должно быть сделано?

— Да, я и это знаю, — сказал Дуган, переминаясь с ноги на ногу. — Посмотрим.

— Так что же мы должны делать, дядя? — спросил Палин.

— Вы должны отправиться в Бездну. Там вы присоединитесь к Стилу Светлому Мечу и группе рыцарей, которые отправились туда сражаться с Хаосом. Им нужен маг, и этим магом будешь ты.

— Но рыцари не верят магам, — удивился Палин. — Они не примут меня.

— Это твоя задача — убедить их доверять тебе. Не буду врать тебе, племянник, — это основная причина, по которой решено было послать именно тебя, а не другого мага более высокого ранга. Ты един-

ственный кудесник, которого твой кузен Стил согласится терпеть рядом с собой.

— Да, дядя, я пойду и сделаю все возможное... Но я не уверен, что от меня будет так уж много пользы, если буду воевать с Хаосом, используя розовые лепестки и помет летучей мыши.

— Ты просто удивишься, как многого можно достичь с помощью этих простых предметов, — улыбнулся Рейстлин. — Однако мы вооружим тебя дополнительно. Конклав дарит тебе это.

Рейстлин протянул руки ладонями вверх. На руках появилась книга. Казалось, она материализовалась из серого от пепла воздуха. Книга была старой, ее красный кожаный переплет потрескался и сильно обтрепался. Страницы пожелтели и стали ломкими. Золотые буквы заглавия стерлись и были почти невидимыми от наслоений грязи.

Рейстлин вручил книгу Палину.

— *Магиус*, — прошептал Палин с дрожью уважения. Он с благоговением смотрел на книгу, на имя, вытисненное на обложке.

— Самый ценный фолиант из книжного собрания Конклава, — произнес Рейстлин. — Только достигшим высшего ранга позволялось ее читать, и даже им запрещалось выносить ее из Вайретской Башни. Только несколько человек во всем мире знают о ее существовании. Книга заклинаний Магиуса, величайшего из магов-воителей, которые когда-либо жили на Кринне.

Он отправился в битву вместе с Хумой, хотя и тайно, из-за предрассудков Соламнийских Рыцарей. Это нарушало все правила. Он открыто сражался на стороне Хумы. Заклинания Магиуса — боевые. Ты должен знать их. Они очень сложны, и пользоваться ими неимоверно трудно, а времени на их

запоминание у тебя мало. Ты должен полностью сосредоточиться на этой задаче.

Рейстлин многозначительно взглянул на Ашу, которая вышла из тени деревьев и подошла немного ближе к ним.

Палин с беспокойством проследил направление его взгляда. Он некоторое время молчал, а затем резко вытянул руку в ее сторону и спокойно проговорил:

— Я понимаю, о чем ты говоришь. Не хочу злить тебя, дядя, но я не покину ее. Я знаю, что, если она твоя дочь, нам никогда не стать друг для друга большим, чем теперь, но все равно. Ее любовь — благословение для меня, она будет моим доспехом и щитом, даже в Бездне.

Подошедшая Аша крепко взяла его за руку. Ее голова была опущена.

— Я надеюсь, ты понимаешь меня, дядя! — взволнованно сказал Палин.

— Лучше, чем ты можешь предполагать, — ответил Рейстлин, глаза его сверкнули. — Однако пора. Иди сюда и встань около алтаря. Книга заклинаний теперь у тебя есть. Тебя переправят в Бездну. Врата ныне широко распахнуты. Владычице больше нет нужды охранять их.

Палин обнял Ашу и поцеловал ее в щеку. Она прижалась к нему на мгновение, шепча слова любви и прощания, потом отступила. Палин с посохом Магиуса в одной руке и книгой заклинаний Магиуса в другой пошел к алтарю.

— Заклинание творит Даламар? — поинтересовался он, внезапно вспомнив слова дяди.

— Даламара, возможно, уже нет в живых, — холодно ответил Рейстлин. — Заклинание сотворит Данбар Мастерсмайт. Прощай, племянник. Да будут с тобой боги, хотя бы те, что остались.

— Врежь ему как следует, парень! — крикнул Дуган, размахивая шляпой. — Ты только рань его, парень. Большого не требуется!

Заклинание начало действовать, Палин плавно поднялся в воздух и, как поймавшая ветер чайка, быстро унесся прочь.

Аша с Рейстлином и Дуганом стояла в круге мертвых деревьев неподалеку от опрокинутого алтаря. Глаза Аши были полны слез.

— Я никогда больше не увижу его, — горько произнесла она.

— Я полагаю, что вы еще встретитесь, дорогая *доченька*, — насмешливо произнес Рейстлин.

— Твой сарказм ни к чему, — тихо сказала Аша. — Если мы встретимся, я расскажу ему правду. Я собиралась сделать это еще в Палантасе, но... — Аша опустила голову. — Я не смогла.

— Может быть, так даже и лучше, — сухо заметил Рейстлин. — В противном случае ему труднее было бы сосредоточиться.

— Он возненавидит меня за то, что я лгала ему. Он не захочет иметь со мной дело.

— Сомневаюсь, дитя. Палин похож на своего отца. У него большая способность любить и... и прощать. — Рейстлин спрятал руки в рукава одежды. — Мне пора возвращаться в Башню. К чаше видений. Прощай, Аша, чье имя значит «утренняя заря», будем надеяться, что оно пророческое. — Рейстлин поднял голову и произнес, глядя в небо: — Я готов, Мастерсмайт. Я жду.

Аша, изжив свой страх, наблюдала за отбытием мага. Она расскажет Палину правду. Может быть, он любит так сильно, что поймет и простит ее. Аша

не могла до конца в это поверить. Она до сих пор не могла представить, что ее кто-то вообще может полюбить. Прот ее любил, но он был единственным, остальные Эрды не любили ее. Она всегда их разочаровывала. Дурнушка. Страшненький человеческий ребенок. Это была одна из причин, по которой, раз начав врать, остановиться Аша уже не могла. Она бы не перенесла разочарования в глазах своего защитника...

— Девочка, — Дуган дернул ее за рукав. — Я понимаю, что сердце твое с этим парнем, но если все остальное не занято, то я бы хотел воспользоваться твоей помощью.

— И моей! — воскликнул Тас, подпрыгивая. Его многочисленные сумочки, вновь заботливо уложенные, подпрыгнули у него на поясе. — Я уверен, что без меня тебе не обойтись!

— Ага, — согласился Дуган. — Если бы я собирался прыгать головой вперед в драконью пасть, то с радостью взял бы тебя, но поскольку я не собираюсь...

— Мы вместе, — заявила Аша, подходя к кендеру и кладя руку ему на хохолок. — Если иду я, то идет и он.

— Точно! — важно заявил Тас. — Ты же помнишь, что у меня есть Великая Кендерская Ложка Перемен.

— По крайней мере, до того момента, как Даламар сосчитает свое столовое серебро. Очень хорошо, — проворчал Дуган. — От тебя тоже бывает польза. *Была* в прошлом, если верить Флинту Огненному Горну.

— Флинт? Флинт сказал такое обо мне? — Кендер расплылся в счастливой улыбке. — Я был полезен в прошлом! Ну надо же, — повторил он несколько раз.

Дуган вновь сосредоточил свое внимание на двух половинах Серой Драгоценности и о чем-то размышлял. Наконец он вздохнул и, отвернувшись, передал камень Аше.

— Я не могу этого сделать! — произнес он прерывающимся от волнения голосом. — Я думал, смогу, но нет. Из всего, что я выковал, эта штука причинила мне больше всего неприятностей, но я все равно люблю ее больше, чем что-либо еще. Я не могу уничтожить ее. Это придется сделать тебе, девочка. Ты должна это сделать!

— Как? — удивленно и недоверчиво глядя на гнома, спросила Аша.

— Каплей крови, девочка, — ответил Дуган. — Надо, чтобы внутрь попала капля крови.

— Чьей крови?

— ЕГО.

29. В Бездне.

Книга, посох и меч

рассветом рыцари достигли провала, что разверзся в Бурном океане. Сначала они слышали шум: грохот тысячи водопадов, производимый океанской водой, падающей в пропасть.

Подлетев ближе, они увидели величественную радугу, вызванную к жизни лучами встающего солнца, проходящими через пары выкипающего океана. Вскоре драконы влетели в облака горячего пара. Рыцари задыхались, потели и пытались хоть что-нибудь разглядеть в плотном тумане, сомкнувшемся вокруг них.

Флэр показывала путь, поскольку уже была здесь. Она могла слышать звуки битвы, видеть сквозь туман пламя и тьму.

Неожиданно под ними открылась пропасть.

Кружась, драконы начали спускаться вдоль стены падающей воды. Стоял ужасный грохот, казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут, от сильнейшей вибрации сердца готовы были остановиться. Драконы спускались все ниже и ниже, пока тьма не поглотила их. С темнотой пришла и тишина, еще более жуткая, чем грохот водопада. Тишина настолько глубокая, что все испугались, не оглохли ли они.

Когда Стил заговорил, он удивился, услышав собственный голос:

— Где мы?

— Мы летим по тоннелю, ведущему в Бездну, — ответила Флэр. — Это тайный путь, известный только драконам, он приведет нас к Вратам.

Драконы быстро летели вперед, и вскоре рыцари увидели вдали красное зарево. Из тоннеля они попали в местность, казавшуюся еще более пустынной и голой, чем пустота тоннеля. Единственным исключением была фигура человека, одетого в белую мантию мага. Он спокойно стоял у Врат и, казалось, дожидался их появления. Когда они появились в его поле зрения, он поднял руку, призывая их остановиться.

— Кто бы это мог быть? — задумчиво произнес Стил, вглядываясь в стоящего внизу человека.

— Белый маг, — безразлично отозвалась Флэр, не меняя ни скорости, ни направления полета.

Стил продолжал напряженно смотреть, человек казался ему знакомым. Он уловил сияние камня на верхушке посоха.

— Стой, — приказал он Флэр. — Спускайся к нему. Я его знаю.

— Господин, но у нас совсем нет **времени!** запротестовала Флэр.

— Это ненадолго, — пообещал Стил. Он связан с другими магами, у него могут **быть** важные новости.

Флэр больше не возражала, но **спускалась** с явной неохотой. Она приземлилась у **самых Врат**, и ее когти заскрежетали по серому **каменистому** грунту.

— В чем дело, Маджере? — спросил Стил. — Почему ты остановил нас? **Мы спешим на битву.**

— Я знаю. Потому-то и **остановил** вас. **Возьмите** меня с собой.

— Нет. — Стил нахмурился и медленно продолжил: — Я отдаю должное твоей отваге, в ней я уже имел возможность убедиться, но должен отказать тебе.

Остальные драконы кружились у них над головами. Синие вместе с серебряными. Рыцари Тьмы вместе с Рыцарями Света.

— Отправляйся назад в верхний мир. Отправляйся к любимой девушке, к любящим тебя родителям. Проведи это время с ними. Не бойся пропустить сражение. Если мы проиграем, битва придет к порогу твоего дома. Прощай.

Палин встал на его пути.

— Я могу помочь вам победить. Смотри, — Палин протянул Стилу книгу заклинаний. — Посмотри на имя, вытисненное на ее обложке. Мне дали эту книгу по решению Конклава магов. Еще я должен сообщить тебе вот что: вам достаточно только ранить Хаос.

— Ранить? — Стил все еще сомневался.

— Да, этого будет довольно, — подтвердил Палин. — Так мне сказал бог — Реоркс, когда я сюда направлялся.

— Это *все*? — саркастически спросила Флэр, вступая в разговор. — Это все! Мы что, говорим о предводителе шайки людоедов? Это же Отец Всего и Ничего. Даже приняв облик смертного, он невероятно ужасен. Он выше Вингаардской Башни. Руки его велики и могучи, как река Торет. Его волосы — пламя, его дыхание — проклятие, его кулак — смерть. Его окружают огненные драконы, живые тени и демоны-воители. Только ранить его! — фыркнула Флэр.

— Мы можем сделать это, — холодно сказал Палин, сжимая в руках книгу заклинаний. — Вместе, ты и я. Мы вместе прошли через Шойканову Рощу

и вернулись оттуда живыми. Немногие смертные могут похвастаться подобным.

— Ты прав. — Стил слегка улыбнулся, на мгновение задумался, а потом махнул рукой. — Воин не бросает оружия, которое может пригодиться в битве. Будь по-твоему. Ты отправишься с нами, но учти, что у меня мало воинов и я не могу выделить для тебя охрану. Если ты попадешь в беду, тебе придется выпутываться самостоятельно.

— Согласен. Я не буду вам обузой. Со времени моей первой битвы я многому научился.

Стил поднялся на спину дракона. Уже оттуда он подал Палину руку и помог ему сесть за собой. Флэр расправила крылья и рванулась вверх, к остальным.

Красно-оранжевое зарево на небе становилось все ярче, воздух был сух и горяч, дышать стало трудно.

— Сколько у тебя заклинаний? — поинтересовался Стил, оборачиваясь. — Они могущественны? Что они делают?

— Я не могу тебе ответить, — заявил Палин. — Это запрещено.

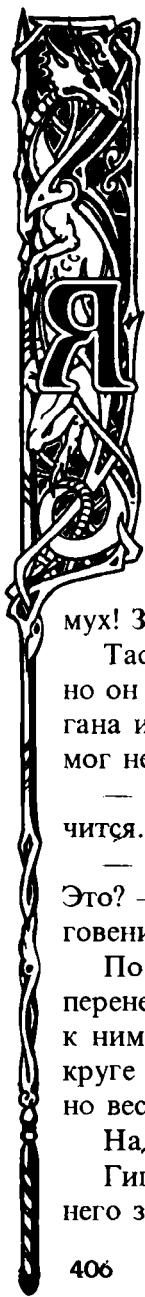
Стил усмехнулся:

— К дьяволу запреты! У тебя их не так уж много, не так ли?

— Они очень сложны, — улыбнулся Палин. — У меня было совсем немного времени, чтобы разобраться в них.

— Так в скольких же ты уверен?

— В одном, — торжественно сказал Палин, — но очень хорошо.

30. Хаос. Отец. Все и Ничто

Я так ему и скажу, — заметил Тас, поднимая глаза все выше и выше. — Он просто безобразен.

— Заткнись! — прошептал Дуган. — ОН тебя услышит!

— Он обидится?

— Нет, ОН не обидится, — зло бросил Дуган. — ОН просто прихлопнет нас как мух! Заткнись и не мешай мне думать!

Тас совсем не собирался больше разговаривать, но он посмотрел на Ашу. Она была бледна, испугана и выглядела совершенно несчастной. Тас не мог не попытаться ее успокоить.

— Не переживай! С Палином ничего не случится. У него посох и книга заклинаний.

— Как? Ну как он может победить... победить Это? — тихо спросила Аша, со страхом и благоговением глядя на Ужасного великана.

По слову Дугана Аша, Тас и сам гном были перенесены в Бездну, или, скорее, Бездна пришла к ним по слову бога. Они продолжали стоять в круге мертвых сосен подле разрушенного алтаря, но весь остальной остров пропал.

Над ними возвышался Хаос.

Гигант был один. Он не заметил возникшей у него за спиной группы деревьев, он внимательно

смотрел вперед, сквозь время и пространство. Он молчал. Вокруг было тихо, только издалека доносились звуки битвы.

— Люди сражаются с Хаосом и его легионами, — тихо произнес Дуган. — Каждый по мере сил и возможностей. Злейшие враги стали союзниками. Эльфы бьются плечом к плечу с людоедами. Люди и гоблины, дракониды и гномы — все отбросили вражду и сражаются вместе. Даже гномы, — повторил Дуган. — Да благословят их и помогут им боги! — Он вздохнул. — Кендеры тоже вносят свой вклад, небольшой, но важный.

Тас открыл было рот, чтобы прокомментировать его последнее высказывание, но Дуган нахмурился и так зло на него посмотрел, что Тас не решился раскрыть рта.

— Вот потому-то, девочка, у нас есть шанс. Если бы нам пришлось встретиться еще и с его легионами... — Гном вытер потное лицо. — Вот тогда это было бы совсем безнадежно.

— Не знаю, смогу ли я сделать что-нибудь, — дрожа, произнесла Аша. — Хватит ли у меня для этого мужества.

— Я буду с тобой, — заявил Тас и сжал ее руку. Кендер окинул взглядом фигуру Хаоса. — Хмм, велик, да просто огромен, если говорить честно. И, конечно, ужасен, но я встречался с разными там громадными и ужасными и раньше. Взять хоть властителя Сота. Вот ведь страшилище, но, в конце концов, я не испугался. Ну то есть немного страшновато все-таки было, потому что он был *мертвый* рыцарь и ужасно могучий. Он мог убить одним словом. Он отшвырнул меня с дороги, я еще головой ударился...

— Заткнись! — яростно прошептал Дуган.

— Ага, уже затыкаюсь, — покладисто согласился Тас и прикрыл рот ладонью. Он знал, что это самый надежный способ сохранять молчание. По крайней мере, некоторое время. Пока рука не найдет себе более интересного занятия, например проверить содержимое карманов гнома, пока тот так занят.

Аша сжимала в руке Серую Драгоценность и сосредоточенно смотрела на гиганта.

— Что?.. — Голос ее прерывался. — Что я должна сделать?

— Слушай внимательно, девочка. — Дуган говорил так тихо, что ей пришлось придвинуться к нему почти вплотную. — Рыцари и твой парень нападут на Хаос. Он призовет свои легионы и вступит с ними в бой. Это будет тяжелая битва, но ты не бойся, они значительно сильнее, чем кажется. Теперь, если кто-нибудь из них сумеет ранить Хаос, хотя бы просто оцарапать, ты же знаешь, нам нужна всего капля ЕГО крови, ты должна уловить ее в Серую Драгоценность. Так мы лишим его силы. Он окажется пойманным на физическом плане. Ему придется выбирать — оставаться здесь в том виде, в котором он пребывает ныне, или убираться.

— А если он решит остаться? — поинтересовалась Аша. План казался ей непонятным и нелепым.

— Не останется. — Дуган яростно поскреб бороду. Гном прилагал все усилия, чтобы слова его прозвучали убедительно: — Мы много думали над этим. Я и покровители магов. Он не останется! Понимаешь, ОН ненавидит порядок в любом его проявлении. То, что ЕМУ пришлось принять некую упорядоченную форму — вот это тело, пусть тебе оно и не кажется особенно упорядоченным, ему во все не нравится. И потом все его армии, ими приходится руководить — отдавать приказы и прочее.

ОН вынужден следить за ними, посылать их туда-сюда. ОН устал от всего этого. Все это ЕМУ уже не в радость.

— Радость...— Аша подумала о судьбе своего народа, разрушенных домах, обугленных трупах. Глаза ее наполнились слезами. Она заставила себя взглянуть на Хаос, она смотрела долгим тяжелым взглядом. Сквозь слезы фигура его казалась нерезкой и не столь ужасной. В общем-то задача не так уж и сложна. Подобраться сзади, не привлекая его внимания...

Хаос внезапно взревел. Земля содрогнулась от этого рева, на соснах начали ломаться ветки и падать, на сломанный алтарь нападала целая куча веток, образовав подобие пирамиды. ОТЕЦ ревел не в гневе. ОН смеялся.

— Реоркс, ты, тщедушный, вечно хныкающий, недоделанный недомерок, не бог, а печальное недоразумение! И компанию ты подобрал нынче себе под стать.

Прижав палец к губам, Дуган отпихнул Ашу за кучу веток. Он попытался схватить Таса, но тот увернулся и продолжал стоять на виду, во все глаза глядя на гиганта.

— Я не боюсь тебя! — сказал кендер, пытаясь проглотить внезапно вставший в горле комок. — Я был чертовски рад, что мне довелось увидеть столь огромного и столь безобразного типа, как ты, но теперь, когда я тебя увидел, я согласен, что было бы лучше, если бы ты отправился куда-нибудь подальше отсюда.

— Убраться отсюда? — рассмеялся Хаос. — О конечно, я уйду. Как только уничтожу этот комок грязи, который вы по недоразумению называете миром. Реоркс, играть со мной в прятки бесполезно. Я знаю, что ты здесь, тебя выдает запах.

Хаос повернулся. Его жуткие глаза — без век, казавшиеся просто провалами в бездонную пустоту — смотрели на группу деревьев, как будто пытались исторгнуть из них душу.

— Я вижу бога, человека и нечто, но даже не знаю, что бы это могло быть.

— Нечто! — возмущенно повторил Тас. — Я во все не *нечто*! Я кендер! А что касается недомерков, то я предпочитаю быть маленьким, чем выглядеть как гора горячего дерьма.

— Тас! Прекрати! — в ужасе закричала Аша.

Высказавшись, кендер почувствовал себя лучше и продолжал ругаться:

— А что это там торчит у тебя на том месте, которое ты, вероятно, считаешь своим лицом? Это что, нос? Или прыщ? Зато какого размера...

Гигант зарычал, глаза его сузились.

— Дуган, останови его! — взмолилась Аша.

— Нет, девочка, не сейчас, — прошептал в ответ гном. — Смотри! Смотри, кто там!

В оранжевом небе показалась группа синих и серебряных драконов. На их спинах сидели рыцари — Рыцари Света и Рыцари Тьмы. Они подлетали все ближе, и их обнаженные мечи и наконечники Копий сверкали красным цветом, отражая пламя.

Впереди летел синий дракон с рыцарем в черных доспехах и магом в Белой Мантии.

Хаос не видел их. Его внимание сосредоточилось на кендере. Опасаясь, что Хаос может обернуться и заметить рыцарей, Дуган вскочил на ноги и, потрясая кулаками, заорал:

— Ты большой хвостун!

— Не слишком оригинально, — тихо заметил Тас, повернувшись к Дугану.

— Это не важно, парень, — ответил гном, вытирая пот рукавом. — Просто продолжай говорить. Еще несколько секунд... Это все...

Тас глубоко вдохнул, но не смог выдохнуть, как будто получил сильный удар в живот.

На громадной ладони Хаос держал маленькое солнце — огромную гору. Она горела и плавилась. Ее жар достигал гнома, кендера и девушки, опаливая кожу.

— Каплю моей крови? Вы этого хотели? — спросил Хаос. Голос его был холоден и пуст, как ночное небо. — Вы полагаете, что это даст вам контроль надо мной? — Он рассмеялся. Гигант жонглировал солнцем, небрежно подкидывая и ловя его вновь. — Вам ли контролировать меня! Не сможете. Не выйдет. Ваши крепости, укрепленные города и каменные дома вам не помогут. Вы можете наполнить их светом и музыкой, радостью и смехом, но и это не поможет вам. Я несчастный случай. Я чума и лихорадка. Я убийца. Я нетерпимость и ненависть. Я засуха и наводнение, землетрясение и ураган. А вы... — Хаос поднял горящую гору, собираясь кинуть ее. — Вы ничто!

— Ты ошибаешься! — раздался сильный, чистый голос. — Мы все! Мы надежда!

В воздухе, сверкнув красным и серебристым, мелькнуло Копье. Оно вонзилось в солнце и исчезло. Скала разлетелась на множество маленьких осколков, которые дождем посыпались на землю, постепенно остывая в полете.

Хаос обернулся.

На него в боевом строю летели рыцари. На обнаженных мечях и наконечниках Копий сверкало пламя.

— Надежда? — вновь расхохотался Хаос. — Не вижу для вас надежды! Вы обречены!

Обломки горы превратились в воинов Хаоса — порождения людских кошмаров. Бесцветные и колеблющиеся, они каждому казались разными. Они принимали форму страхов своего противника, становились тем, чего он больше всего боялся.

Со стороны разлома появились пять огненных драконов. По форме повторяющие живых драконов, они были созданы из магмы, с чешуей из обсидиана, огненными когтями и хвостом. Дыхание их было смертоносным, глаза — раскаленные угли. С крыльев слетали языки пламени, поджигая все вокруг.

Рыцари в растерянности смотрели на чудовищные создания, летящие к ним, на их лицах застыла гримаса страха и отчаяния. Флаги выпали из ослабевших рук и медленно полетели к земле.

Хаос указал на Соламнийских Рыцарей.

— Паладайн мертв! Вы сражаетесь одни!

Он повернулся к Черным Рыцарям:

— Такхизис бежала! И вы сражаетесь одни!

Хаос развел руками, казалось, они охватили всю вселенную.

— Нет для вас надежды. Нет у вас богов. Что у вас осталось?

Стил высоко поднял меч. Лезвие не отражало пламя, но сверкало своим светом, холодным белым светом, как луна в морозную ночь.

— Мы сами, — ответил он.

31. Свет. Заноза.

Кинжал «Убийца Кроликов»

Я должен тебя высадить, Маджере, — сказал Стил, оборачиваясь к Палину. — Я не могу сражаться с тобой за спиной.

— Я тоже не могу драться на спине дракона, — согласился тот.

Флэр приземлилась. Стил помог Палину спуститься. Юный маг на мгновение задержал его руку в своей.

— Ты знаешь, что делать? — беспокойно спросил он.

— Произноси свои заклинания, маг, — холодно ответил Стил. — О себе я побеспокоюсь сам.

— Прощай, кузен! — Палин кивнул и отпустил руку Стила.

— Прощай... — Стил помедлил, глаза его потеплели, и он добавил: — Кузен.

С пронзительным боевым кличем Флэр взлетела в воздух. Вдохновенные Рыцари Света и Рыцари Тьмы собрали все свое мужество и бросились в атаку.

Хаос был готов к встрече. Их ждали замешательство и сумасшествие, ужас и боль. Полыхало пламя, неясно бормотали кошмарные создания Хаоса. Подняв Копья, Соламнийские Рыцари напали на огненных чудовищ. Серебряные драконы, рискуя сгореть в ужасающем пламени, поднесли

своих седоков почти вплотную к огненным драконам. Рыцари Соламнии, обливающиеся потом от жуткой жары, глядя против света, с трудом смогли определить направление и бросили Копья. Вера и могучие руки направили их в цель. Несколько огненных драконов упали на землю и взорвались яростным пламенем. Многие из серебряных драконов тоже рухнули на землю. Их тела были покрыты ожогами, крылья опалены.

Черные Рыцари сражались с демонами-воителями. Синие драконы помогали им, извергая на противника пламя и молнии. Рыцари разили демонов-воителей мечами, но, попадая в сердце ужасного порождения Хаоса, меч оказывался в холоде и тьме, существовавших до начала времен. Невобразимый холод передавался по металлу лезвия к держащей меч руке, рука переставала слушаться. Не обращая внимания на боль, рыцари перекладывали меч в другую руку и продолжали сражаться.

Палин стоял довольно далеко позади развернувшейся битвы и не сразу вступил в нее. Яростное нападение рыцарей отбросило огненных драконов и демонов-воителей, заставив их перейти к обороне, но вряд ли полученный перевес мог сохраниться надолго. Одним мановением гигантской руки Хаос создавал новые и новые полчища, используя как материал тела павших.

Палину надо было спешить. Он открыл книгу Магиуса. Сжимая ее в одной руке, а в другой магический посох, Палин последний раз пробежал глазами слова заклинания. Глубоко вздохнув и готовясь начать, он поднял голову и увидел Ашу.

Он не заметил ее раньше потому, что она пряталась за сломанным алтарем, но теперь девушка под-

нялась во весь рост и со страхом наблюдала за битвой. В руках Аша сжимала Серую Драгоценность. Что она здесь делает?

Палину хотелось позвать ее, но он побоялся привлечь к ней внимание Отца Богов. Палин разрывался между желанием броситься к ней и необходимостью оставаться на месте и произнести заклинание для защиты рыцарей.

Ощущение прилива магических сил начало покидать его. Мысли путались. Слова заклинания ускользали из его сознания, просачивались сквозь трещины разрушенной сосредоточенности. Он видел слова, написанные в книге, но не мог вспомнить, как они произносятся, с какой интонацией, а это самое важное. Заклинание быстро превращалось в бессмысленный набор звуков.

Любовь моя сила!

Он снова был на том ужасном берегу, вновь стоял, парализованный страхом за жизнь братьев, отчаянно желая помочь, но не в силах этого сделать. И бесполезно твердить себе о превосходстве врагов, о том, что он ранен и с самого начала шансов на победу не было...

Он знал, что не смог. Он вновь был обречен на неудачу.

— *Мы учимся на своих ошибках, племянник,* — слышался тихий шепот.

Слова заклинания ясно всплыли в голове.

Он поднял посох и чистым громким голосом нараспев произнес:

— *Эбдис такнг! Камнал-эх кенаденуэ косехен!* —

Он нетерпеливо ждал, когда же зайграет в крови магическая сила. — *Барис лонганг деганг биисих сикелилегенг!*

Ощущения магической силы не было. Палин знал, что он все делает правильно: он не допустил ни одной ошибки. Осталось всего несколько слов:

— *Дигенг кошнуэ, лемпер тиибонг килат майти йанджахэт!*

Над ним возвышался Хаос. Пламя опаляло мага. Его окружала смерть. Стил погибнет, Аша погибнет, Тас и Дуган, его родители, обе его маленькие сестры и многие, многие другие...

— *Жертва. Жертва для магии. Чем ты пожертвовал ради нее, племянник? Я отдал здоровье, счастье. Я отказался от любви — любви моего брата, друзей. Я покинул единственную женщину, которая любила меня.*

Я все отдал магии!

А ты, что ты отдашь?

Палин произнес последние два слова заклинания:

— *Кстс врайэ!* — и холодно добавил: — Я отдаю самого себя.

Слова заклинания на странице книги Магиуса засияли ярким серебристым светом. Свет прошел сквозь книгу, миновал красный кожаный переплет и коснулся руки Палина.

Яростное вскипающее чувство поднялось в нем. Он был полон магической силы, она бурлила в нем, наполняя болью и радостью. Он не боялся ни поражения, ни смерти. Свет прошел по его телу и сконцентрировался в сердце.

Камень на верхушке посоха начал светиться серебристым огнем. Сияние его становилось все сильнее, пока наконец не стало ярче пламени Хаоса. Сияние отражалось на серебряных доспехах Соламнийских Рыцарей, одевая их в свет. Черные доспехи Рыцарей Такхизис поглощали свет, но не затеняли

его. Чешуи серебряных драконов сверкали как бриллианты, синие драконы казались покрытыми мерцающими сапфирами.

Когда свет достиг демонов-воителей, они скорчились от боли и ярости. Живые тени рассеялись как дым. Огненные драконы пытались бежать от непереносимого света, но пали под ударами светящихся серебром Копий.

Сам Хаос, казалось, был обеспокоен этим сиянием. Он отвлекся от управления своими армиями и начал искать источник сияния. Он увидел посох и какое-то незначительное существо, которое держало его. Он присмотрелся повнимательнее, посмотрел прямо на него...

Магическая сила из сердца Палина рванулась наружу, он упал на колени, но удержал посох. Из камня, вставленного в драконью лапу, вырвался нестерпимо яркий луч света, направленный прямо в глаза гиганта.

— Давай, Стил! — крикнул Палин. — Нападай!

Стил Светлый Меч и Флэр находились в тылу сражавшихся, ожидая своего часа. Для обоих это было непросто. Они смотрели, как гибнут товарищи, и не могли прийти им на помощь, спасти их. Стил видел, как запнулся Палин. Он с трудом взял себя в руки и продолжал ждать. Успех Палина обрадовал его и наполнил его сердце чувством гордости за брата.

Стил был воином и умел выбрать лучшее время для нападения. Крик Палина был излишним. В тот самый миг, когда луч ослепил гиганта, Стил поднял меч и послал Флэр вперед.

Хаос пришел в ярость, но не мог избавиться от света, бьющего ему в глаза. Свет ослеплял его и причинял боль. Его глаза не имели век и не закры-

вались. Отверстия, ведущие во тьму, они жадно всасывали все попадающее в поле их зрения. В том числе и сияние посоха.

Флэр неслась к Хаосу. Гигант вертел головой, пытаясь ослабить силу света и избавиться от него. Стил направлял драконицу, подбадривал ее, ведя через стены ревушего пламени, которые были волосами и бородой Отца Богов.

Светлый Меч выбрал цель и теперь стремился любой ценой достичь ее. Нестерпимый жар обжигал его. Он едва не задохнулся и сбросил шлем, после чего глаза пришлось закрывать рукой. Воздух обжигал легкие, дышать было неимоверно трудно, но он продолжал лететь вперед.

Хаос был одет в несокрушимые доспехи из горячего металла, но прикрывали они только грудь, руки были открыты.

— Правее! — крикнул Стил Флэр, натягивая повод и поворачивая ее голову. — Подлети к его плечу!

Драконица наклонила обожженную о бороду гиганта голову и извергла из себя молнию. Молния ударила в Хаос, еще более раздражив и взбесив его. Он понял, что враг где-то вблизи, и вслепую размахивал руками, надеясь сокрушить его. Стил пригнулся, обхватил руками шею Флэр, и они понеслись к цели.

Флэр повернула и подлетела так близко к раскаленной поверхности доспехов Хаоса, что жар их опалял ее крылья. Стил задыхался от жары. Глаза его слезились, но он упрямо смотрел вперед.

Драконица подлетела к плечу гиганта. Стил поднялся в седле и с боевым кличем обрушил меч на гору плоти.

— Он смог, девочка! Смог! — закричал Дуган, приплясывая от возбуждения. — Давай! Теперь действовать надо быстро!

Меч Стила остался в плече гиганта. Хаос ревел и рычал. Не видя, что же его укололо, он резко вскинул руку.

Из раны, сверкая, показалась капля крови.

— Сейчас, девочка, давай! — страстно говорил Дуган.

— Я иду с тобой! — крикнул Тас. — Одну минуту, только Ложку найду...

— Нет времени! — Дуган подтолкнул Ашу. — Иди, девочка, пора!

— Я щас, один момент. — Тас лихорадочно рылся в сумочках. — Ну куда подевалась эта чертова Ложка?..

Аша неуверенно посмотрела на Дугана и Таса, яростно копающегося в карманах. Дуган нетерпеливо махнул рукой.

Аша двинулась вперед.

Сосредоточься на предмете. Не думай о Палине, не думай о Тасе, выбрось из головы страх. Думай о Проте и остальных. Вспомни, как они погибли. Ты никогда ничего не сделала для них, даже не сказала, насколько ты им благодарна. Ты уплыла, не простившись. Это для... для твоей семьи, для погибших Эрдов...

Аша сосредоточила все свое внимание на капле ярко сверкающей красной крови, висящей на мече Стила.

Она приближалась, подходя все ближе и ближе к громадной ноге, чудовищной ступне, которая стояла, глубоко проминая землю.

Капля крови, сверкая как драгоценный камень, висела высоко вверху и не падала.

Меч Стила торчал, как шип розы, в теле Хаоса.

Гигант не претерпел большого ущерба, лишь капля крови скатилась по его руке.

Стил не считал схватку оконченной, но он не мог сражаться без меча. И рыцарь, и дракон сильно устали. Ожоги покрывали тело Флэр, она лишилась глаза, а чешуя на ее боках потрескалась и кое-где обуглилась. Ее голубые крылья почернели, в нескольких местах мембрана была повреждена. Стил с трудом дышал, каждое движение сопровождалось болью в обожженных местах. Заскрипев зубами, он обхватил шею Флэр.

— Нам нужно еще раз подлететь туда, девочка моя, — сказал он. — Мы должны закончить это дело и тогда сможем отдохнуть.

Флэр мотнула головой, соглашаясь, слишком утомленная, чтобы говорить. Собрав все силы, преодолевая боль в опаленных крыльях, она ринулась вперед, неся в битву своего всадника.

Драконница подлетела вплотную к раненой руке гиганта, свернув в сторону в самый последний момент. Стил схватился за рукоять своего меча и отчаянным усилием вырвал его из плоти Хаоса.

Капля крови, сверкая, упала из раны.

Аша видела, как падала капля. Надежда придавала ей сил. Несмотря на то что ноги ее подгибались от страха, она бросилась вперед, надеясь поймать каплю. В этот момент Хаос окончательно вышел из себя и попытался свободной рукой прихлопнуть беспокоящее его насекомое. Драконница напрягла всю мощь своих крыльев, чтобы избавить себя и своего всадника от грозящей им ужасной опасности.

Но Хаос раздавил огромного дракона с такой же легкостью, с какой давят муху.

Со сломанной шеей драконица рухнула вниз, увлекая вместе с собой своего всадника. В возникшей вспышке серебристого света оба они упали на землю недалеко от Палина. Крыло дракона задело мага и выбило из его рук посох и книгу заклинаний. Посох потух.

Капля крови, завоеванная такой ужасной ценой, упала на землю и мгновенно впиталась в серую сухую почву.

Аша закричала от огорчения. Упав на четвереньки, она принялась царапать окрашенную кровью грязь, в тщетной надежде найти хоть немного драгоценной жидкости.

Сверху Ашу накрыла тень, наполнившая все ее существо ледяным ужасом и заморозившая сердце. Теперь Хаос мог видеть ее. Она стояла над местом, куда пролилась ЕГО кровь, сжимая в руках Серую Драгоценность. Гигант осознал грозящую ему опасность.

Палин, раненый и помятый, безуспешно пытался найти свой посох, скрытый где-то под телом дракона. Удлинившиеся тени сгустились вокруг него. Он оглянулся. Черные пустые глаза гиганта смотрели на Ашу.

— Аша! Беги! — отчаянно закричал маг.

Девушка не слышала его слов. Все перекрывал рев гиганта. Она по-прежнему надеялась найти частицу крови Хаоса, чтобы поместить ее между половинками Серой Драгоценности.

Забыв обо всем, Палин кинулся на помощь любимой. Но не успел. Хаос наклонился, огромная рука разжалась, выпуская на волю ветер. Струя

горячего воздуха отшвырнула Палина, закрутила и бросила на тело погибшего дракона.

— Аша! — прошептал он, преодолевая головокружение. Он попытался встать, но тело, распростертое в луже драконьей крови, не слушалось его. Собственная кровь Палина текла по его лицу. Хаос взглянул на него. Мгновение он был пятнышком грязи в пустых глазах гиганта, а затем стал ничем.

Тас лихорадочно копался в сумочках и кошельках, разбрасывая по сторонам попадающиеся вещи. Осколок голубого кристалла, кусок окаменелого дерева, клочок гривы грифона, дохлая ящерица на кожаном ремешке, сушеная роза, белое кольцо с двумя красными камнями, белое куриное перо...

— Где же эта чертова Ложка? — в отчаянии вскричал он.

— Аша! Беги! Все брось и беги! — крикнул Дуган.

— Что такое? Что происходит? — Тас поднял голову, пытаясь рассмотреть происходящее. — Я что-то пропустил, что-то интересное?

Аша, скорчившись, продолжала безнадежно копать в грязи, по лицу ее катились слезы. Палин, похожий на сломанную куклу, лежал в луже драконьей крови.

Нога гиганта, обутая в грубый башмак, поднялась и с жутким грохотом вновь опустилась, размазывая в пыль огромные камни и давя мертвых рыцарей и умирающих драконов. Хаос направлялся к Аше и Палину.

Сердце кендера болезненно сжалось, как будто холодная рука схватила его.

— Он раздавит их! — закричал Тас. — Раздавит в лепешку! Это... это даже хуже, чем Сот! Не смей давить моих друзей! Должен же найтись хоть кто-нибудь... кто-то большой, кто его остановит!

Кендер затравленно огляделся в поисках рыцаря, дракона или бога, который мог бы помочь. Рыцари и драконы продолжали сражаться. Что касается Дугана, то гном стоял на коленях, закрыв лицо руками, и раскачиваясь стонал: «Моя вина. Моя вина...»

Кендер встал во весь рост, внезапно осознав, что он здесь теперь самый большой и сильный. Он продолжал стоять прямо перед гигантом. В его душе волной поднималась гордость, вымывая из сердца холод, который, казалось, выпивал из него жизнь.

Тассельхоф отшвырнул прочь сумочки. Он схватил кинжал, тот самый кинжал, который Карамон презрительно обозвал как-то Убийцей Кроликов, и побежал к павшим друзьям. Он бежал быстро, высокая скорость бега была отличительной чертой всех кендеров и служила одной из причин выживания их расы в мире, полном свирепых минотавров, злых хозяев лавок и суровых шерифов.

Тассельхоф заслонил собой Ашу.

— Получай! — закричал он и вонзил кинжал в ногу гиганта.

Волшебное лезвие пробило кожу башмака и вошло в плоть Хаоса. Хаос поднял ногу, намереваясь раздавить эту незначительную букашку, которая осмелилась его поцарапать.

Гигант опустил ногу. Взлетели тучи пыли. Тас исчез.

— Тас! — в ужасе вскричала Аша и хотела броситься на помощь, но услышала, как закричал Дуган.

— Вы сделали это! Девочка, смотри вниз! Смотри на Серую Драгоценность!

Аша посмотрела на камень.

Капля крови сверкала в центре одной из половинок Серой Драгоценности.

— Закрой ее! Соедини половины, девочка! — кричал Дуган, приплясывая на месте. — Быстро соедини их!

Вокруг Аши завывал и грохотал Хаос. Пламя обжигало ее, ветры стремились сбить с ног. Она понимала, что сейчас умрет, но это было уже не важно. Палин мертв. Жизнерадостный кендер мертв. Рыцари Света и Рыцари Тьмы все мертвы. Прот мертв. Все умерли, никого не осталось. Надежды нет.

Аша свела руки вместе, соединив половинки камня с каплей крови Хаоса, пойманной между ними...

Все стихло.

Тишина и темнота окутали ее.

Аша ничего не слышала, не видела, не ощущала, даже земля под ногами и та, казалось, пропала. Единственно, что осталось — Серая Драгоценность. Холодная, твердая, с многочисленными острыми гранями.

Камень начал мерцать мягким серым светом.

Аша бросила его, но он не упал.

Вопреки всем законам, Серая Драгоценность начала подниматься. Она поднималась все выше и выше и вдруг взорвалась и рассыпалась на миллионы ярко сверкающих осколков, осветивших ночь брызгами света.

Брызги стали звездами. Новыми звездами, странно выглядящими на небе.

Взошла луна. Одна луна необычного бледного цвета. Ее лик казался добрым, хотя и неухоженным.

Новая луна залила своим светом место битвы.

Хаос исчез. Дуган тоже. Все вокруг было завалено мертвыми телами. Аша бродила среди них, пока не нашла Палина.

Обняв его, Аша легла рядом. Положила голову ему на грудь и закрыла глаза. Она не могла больше видеть эти странные звезды, холодную луну. Она надеялась встретиться с Палином во тьме.

32. Дождь. Осень. Прощание

Холодные капли падали ему на голову. Шел дождь, тихий прохладный дождь. Палин с закрытыми глазами лежал на влажной траве. Он подумал, что день будет сырой и мрачный, не лучший день для езды верхом. Старший брат будет ворчать, что от дождя доспехи и мечи заржавеют. Другой брат станет смеяться и, стряхивая капли, утверждать, будто все они пахнут как мокрые кони.

А я напомним им, что земле уже давно нужен дождь и мы должны быть благодарны богам, ибо засуха наконец кончилась...

Засуха.

Солнце.

Яркое, всежигающее солнце.

Мои братья мертвы.

Солнце не зайдет.

Вернулась память, ужасная и полная боли. Жидкость, которая падает сверху, это не дождь, а кровь. Тень — от фигуры гиганта, возвышающегося над ним. Палин со страхом открыл глаза. Он увидел листья, листья валлинов, мокрые от дождя, которые только начали менять цвет, становясь красными и золотистыми.

Палин сел и огляделся кругом в полном недоумении. Он находился где-то недалеко от дома,

потому что валлины росли только в одном месте Ансалона — в Утехе. Но как он оказался здесь? Последнее, что он помнил, — его собственная смерть в Бездне.

Вдалеке он увидел гостиницу «Последний Приют». Его дом, его родной дом, целый и невредимый. Из трубы поднималась тонкая струйка дыма. Он даже ощутил его сладкий и родной запах.

Потом он услышал всхлипывания. Рядом с ним, свернувшись клубочком, лежала Аша. Одной рукой она прикрыла голову, как бы защищаясь от чего-то. Она спала, и, похоже, ей снились нехорошие сны.

Палин с нежностью дотронулся до ее плеча. Девушка пошевелилась.

— Палин! Где ты? — позвала она.

— Я здесь, Аша, — мягко произнес Палин.

Девушка открыла глаза, увидела юного мага и, вскрикнув, прижалась к нему, обняв за шею мягкими руками.

— Я думала, что ты умер и я осталась одна, совсем одна. И звезды пропали, а ты был мертв...

— Со мной все в порядке, — сказал Палин и с удивлением осознал, что с ним действительно все в порядке, в то время как последнее, что он помнил, была боль агонии.

Он погладил роскошные волосы Аши, заглянул в золотистые, покрасневшие от слез глаза.

— Как ты, любимая?

— Со мной-то все хорошо, я даже не была ранена... Гигант... Тас... О Всемогушие боги! — Аша вскочила на ноги. — Тас! Гигант! — Она разрыдалась. Палин огляделся и увидел ужасающую картину.

Тела Соламнийских Рыцарей лежали вперемешку с телами Рыцарей Такхизис. Все те, кто отправился на битву с Хаосом, были мертвы. Никто не выжил.

Воины лежали вытянувшись, руки их были сложены на груди, на лицах был покой, все следы крови, страха и боли были смыты милосердным дождем.

Сквозь пелену дождя Палин заметил какое-то движение. Он не ошибся — один из рыцарей был еще жив. Маг бросился к нему. Приблизившись, он узнал Стила. Рыцарь стоял на четвереньках, пытается приподняться. Последним усилием он положил на грудь руку молодого Соламнийского Рыцаря, рядом с которым находился. В этот момент силы оставили Стила, и он повалился на мокрую пожелтевшую траву. Палин склонился над ним. Он увидел изрубленные доспехи, бледное лицо, услышал тяжелое дыхание рыцаря.

— Стил! — тихо окликнул Палин.

Светлый Меч открыл глаза, потемневшие от боли.

— Маджере! — Слабая улыбка появилась на губах Стила. — Ты хорошо сражался!

Палин коснулся руки Черного Рыцаря.

— Чем я могу тебе помочь? — Взгляд Стила скользнул по сторонам.

— Мой меч... — прошептал он. Палин увидел меч, лежащий рядом с упавшим рыцарем, и вложил рукоять ему в руку. Стил закрыл глаза и сказал: — Меня... рядом с остальными...

— Хорошо, Стил, — глотая слезы, прошептал Палин.

Пальцы Стила сжали рукоятку, он попытался поднять меч.

— *Est sularus...* — прошептал Стил. — *Моя честь... oth Mithas*, — слетело с его губ вместе с последним вздохом. — *Моя жизнь...*

— Палин. — Аша стояла рядом с магом у тела рыцаря.

Юноша поднял голову, вытер лицо, мокрое от слез и дождя.

— Ты видела Таса?

— Да, пойдем, я покажу тебе, — тихо сказала Аша.

Палин выпрямился. Его одежды намокли от дождя. Но воздух был теплым, осень еще только началась. Они шли между рядами тел. Палин думал почему-то о том, куда же подевались драконы. Внезапно его пронзила острая боль: он вспомнил о посохе и книге заклинаний. И тут же увидел их. Посох лежал на траве, рядом с ним — книга заклинаний. Красная кожа переплета стала почти черной, всю ее покрывали глубокие трещины. Палин бережно поднял книгу и открыл обложку. Страниц внутри не было. Все они были разрушены последним заклинанием. Палин вздохнул, размышляя о великой потере. Но Магиус, должно быть, порадовался бы, узнав, что его магия помогла победить Хаос. Палин взял посох и с удивлением и тревогой обнаружил, что посох тоже изменился. Дерево, которое всегда было теплым и приятным на ощупь, сейчас было холодным и шершавым. В руке чувствовалось какое-то неудобство. Палин опустил посох на землю, так и не поняв, что же с ним случилось.

Он подошел к Аше, которая стояла и смотрела на кучку разбросанных и растерзанных сумочек. Палин вмиг позабыл о посохе. Он склонился над кендерскими принадлежностями и глядел, не узнавая их, и почти уже убедил себя в том, что все это принадлежало какому-то другому кендеру, но в этот миг пальцы его коснулись связки карт.

— Да, это его, Тассельхофа Непоседы, — прошептал он, чувствуя холод в сердце. — Но где же он сам? Он никогда не оставил бы это!

— Тас! Тас! — отчаянно позвала Анна. — Палин, взгляни сюда! Это его хупак! Он... он лежит в... в куче куриных перьев...

Палин подошел к куче куриного пуха. Кроме хупака, там лежали еще носовой платок с инициалами Ф. Б., серебряная эльфийская ложка и кинжал, темный от крови.

— Он умер, — заплакала Аша. Он никогда не бросил бы Кеңдерскую Ложку Перемен...

На мгновение Палин увидел дорогу. Дорога бодро убегала вдаль, встречалась с другой дорогой, потом еще с одной. Они шли дальше вместе и снова разветвлялись, но всегда двигались вперед, проникая всюду только для того, чтобы вернуться, в конце концов, к своим истокам, домой.

Потом дорога померкла перед его внутренним взором.

— Есть только одна причина, по которой Тас мог оставить все эти вещи... — тихо сказал Палин. — Он нашел что-то еще более интересное!

Дождь прекратился. Серый день перешел в темную ночь. На небе показались звезды. Их рисунок был необычен, они напоминали пригоршню гадательных камней, раскинутых на черной материи. Встала бледная луна и осветила путь.

Палин посмотрел на звезды и на единственную оставшуюся в небе луну, поежился от холода. Внезапно его взгляд встретился со взглядом золотистых глаз Рейстлина.

— Дядя! — Палин обрадовался, но почувствовал себя весьма неуютно, поскольку посох больше не поддерживал его. И Палин так и не понял, что же с ним случилось. — Ты останешься с нами? Теперь,

когда война кончилась? Она ведь кончилась, да? — спросил он с беспокойством.

— Эта война окончилась, — сухо ответил Рейстлин. — Будут другие, но меня они уже не касаются. Я не собираюсь здесь оставаться. Я устал. Вернусь в свой долгий сон. Я пришел попрощаться.

— Ты должен уйти? — разочарованно уточнил Палин. — Я надеялся так многому научиться у тебя...

— Да, племянник, а учиться приходится до самого дня смерти, даже если ты доживешь до глубокой старости. А что с посохом? Ты держишь его так, как будто он причиняет тебе боль.

— С ним что-то не в порядке, — ответил Палин, страх и подозрение начали расти в нем.

— Дай-ка его мне, — тихо сказал Рейстлин. Палин передал дяде посох, испытав при этом неожиданное облегчение. Рейстлин принял посох с откровенным удовольствием. Его тонкая рука нежно погладила дерево. — *Ширак*, — прошептал он.

Камень на посохе засветился, затем сияние его потускнело и наконец, вспыхнув напоследок, пропало совсем. Палин в недоумении смотрел на посох. Затем он перевел взгляд на одинокую луну, и сердце его сжалось от страха.

— Что происходит? — в ужасе вскричал он.

— Я объясню тебе это, юноша. — Старый маг в мышасто-серых одеждах неверной походкой шел по дороге, приближаясь к ним. Он утер рукавом губы. — Прекрасный был эль, — заметил он. — Карамон не поскупился. Мне будет не хватать этого эля.

— Привет, старик, — улыбнулся Рейстлин, опираясь на посох.

— А? Что? Кто-то что-то сказал о моем возрасте? — Волшебник нахмурился и строго взглянул из-под кустистых бровей. Он обернулся к Палину

и увидел кендерский платок, который юный маг засунул себе за пояс. — Это мое! — Он выдернул платок и развернул его. — Вот, глядите, здесь мои инициалы — Ф. Б. Это значит... Это значит — Фусбал... Нет, непохоже... Флабер... Нет...

— Фисбен, — подсказал Палин.

— Где? — оглянулся старый маг. — Спросите его, он постоянно за мной таскается.

— Фисбен? — Аша с удивлением уставилась на старого волшебника. — Я слышала о тебе. Прот рассказывал мне. На самом деле ты Паладайн.

— Никогда о таком не слышал, — ворчливо ответил старик. — Люди вечно меня с кем-то путают. Но я выгляжу значительно лучше.

— Ты жив, — радостно воскликнул Палин. — А Хаос сказал нам, что ты умер. «Паладайн умер», — сказал он.

Фисбен с минуту обдумывал услышанное.

— Нет, я так не думаю, — наконец сказал он. — Вы ведь не оставляли меня на этот раз в куче куриных перьев?

Палин больше не боялся. Он снова чувствовал себя спокойным и готовым ко всему.

— Расскажи нам о том, что случилось. Мы ведь победили, не так ли? Хаос побежден?

Фисбен улыбнулся и кивнул. Выражение его лица изменилось, и все увидели старого и мудрого человека. На лице его были и печаль, и радость.

— Хаос побежден, сын мой, но не погублен. Отец Всего и Ничего не может быть уничтожен. Вы заставили его покинуть этот мир. Он ушел, но цена его ухода слишком высока. Мы, его дети, тоже должны покинуть Кринн.

— Вы! Вы уходите?! Вы не можете!.. — вскричала Аша.

— Все остальные уже ушли, — тихо сказал Фисбен. — Я пришел, чтобы поблагодарить и... — он тяжело вздохнул, последний раз выпить кружку эля с друзьями.

— Вы не можете поступить так... — прошептал Палин. — Как вы можете мне покинуть...

— Мы приносим эту жертву, чтобы сохранить созданное нами, мир, который мы любим... — Он перевел взгляд на платок, зажатый в его руке. — Так же, как они...

— Я не понимаю, — прошептал Палин с мукой в голосе. — И как насчет посоха? Что будет с магией? Я не чувствую ничего здесь, — он прижал руку к груди.

Рейстлин положил руку на плечо юного мага:

— Я говорил, что однажды ты станешь величайшим магом из всех, живших на Кринне. Пророчество сбылось — сам Магиус не смог бы сотворить это заклинание. Я горжусь тобой.

— Но книга погибла...

— Это не важно, — сказал Рейстлин, пожимая плечами. — Ты понимаешь это, племянник?

Палин в недоумении смотрел на него. Потом он наконец понял:

— Магии в мире больше нет...

— Той, которая тебе известна, действительно больше нет. Но, может быть, будет какая-нибудь другая. И твое дело — отыскать ее, — ласково сказал Фисбен. — Сейчас начинается то, что впоследствии будет названо Эпохой Смертных. Я думаю, это будет последняя эпоха. Последняя и самая длинная. И самая лучшая, может быть. До свидания, сын мой, до свидания, дочь моя...

Фисбен обнял молодого мага, потом обернулся к Рейстлину:

— Так... Ну ты идешь? Я не могу торчать здесь весь день, ты знаешь об этом. Я отправляюсь в путь, чтобы приступить к созданию нового мира. Как бишь это делается? Сейчас, сейчас... Это, значит, берется немножко грязи и смешивается с дерьмом летучей мыши...

— До свидания, Палин, позаботься о своих родителях. — Рейстлин глянул в сторону Аши. — Прощай, дитя Эрдов. Ты не только отомстила за свой народ, но и искупила их вину. — Он снова перевел взгляд на унылого Палина: — Ты еще не сказала ему правду? Я думаю, это его порадует.

— Нет еще, но я обязательно скажу, — застенчиво промолвила Аша.

— Прощайте. — Рейстлин улыбнулся.

Опираясь на посох, Рейстлин вместе с Фисбенем двинулись через поле, на котором лежали мертвые.

— Дядя! — растерянно позвал Палин. — Богов больше нет. Что же у нас осталось?

Рейстлин остановился, оглянулся. Его золотистые глаза блеснули в мертвом свете луны.

— Ты не один, племянник. Стил Светлый Меч сказал правду. У вас есть вы сами.

Палин и Аша остались одни. Они стояли недалеко от Утехи, на поле, которое впоследствии назовут именем Священной Битвы. Все народы Ансалона соберутся вместе на этом поле, чтобы возвести памятник тем, кто отдал свои жизни ради спасения Кринна.

Памятник соорудили из камня, который целая армия гномов притащила сюда из Торбардина. Гробница была простой и изящной, сделанной из белого мрамора и черного обсидиана. Вокруг нее

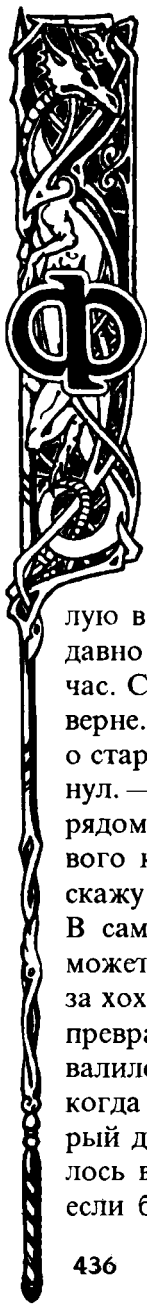
люди вырастили чудесные деревья, принесенные эльфами из Квалинесты и Сильванесты. Делегацию эльфов возглавлял король Гилтас.

Внутри гробницы тела Соламнийских Рыцарей и Рыцарей Такхизис лежали рядом. В центре на черных погребальных носилках покоилось тело Стила. Он был одет в черные доспехи, а в руке сжимал отцовский меч. Рядом на носилках из белого мрамора лежал Танис Полуэльф. Справа от него варвары с равнин — дети Золотой Луны и Речного Ветра — положили голубой жезл богини Мишакаль.

Склеп был закрыт. Две двери — серебряная и золотая — преграждали вход в него. На особом камне выгравировали имена всех погибших рыцарей. На одной из дверей были выгравированы роза и лилия, а другую украшало всего одно имя — имя Тассельхофа Непоседы — одного из самых почитаемых героев Кринна.

Торжественная тишина священного места не нарушалась, переходя иногда в малоприличное, на взгляд Соламнийских Рыцарей, веселье. Каждый кендер Ансалона считал своим долгом хотя бы раз в жизни предпринять паломничество к Гробнице Ушедших Героев. Кендеры не любили путешествовать в одиночку, собирались в компании, привозили с собой детей и устраивали веселые пикники в окрестностях Гробницы. Во время пирушек они рассказывали бесконечные истории о своем любимом герое.

Вскоре каждый кендер имел в своей сумочке серебряную ложку и готов был поклясться своим хохолком, что она обладает могущественной силой, а получил он ее непосредственно от «дядюшки Тассельхофа».

Эпилог

линт Огненный Горн ходил взад-вперед под деревом. Он вынужден был двигаться, поскольку огонь в горне угас и старый гном промерз до костей. Он хлопал в ладоши, топал ногами и даже подпрыгивал в надежде согреться.

— Где этот чертов кендер? Он обещал мне, что придет сюда. Я жду его уже целую вечность. Танис, и Стурм, и все прочие уже давно ушли. Могу представить себе, где они сейчас. Сидят, наверное, в какой-нибудь славной таверне. Пьют горячее вино с гвоздикой и говорят о старых добрых деньках. А где я? — Гном фыркнул. — Нигде — вот где я! Под мертвым деревом, рядом с остывшим горном. Жду этого дубоголового кендера. А где он, спрашивается? О, я вам скажу, где он! — Гном покраснел от злости. — В самом лучшем случае он сидит в тюрьме. А может быть, какой-нибудь минотавр тягает его за хохолок. Или какой-нибудь маг, разозлившись, превратил его в ящерицу. А может быть, он провалился в колодец, однажды он уже падал туда, когда пытался схватить свое отражение. Я, старый дурак, пытался достать его оттуда, а кончилось все тем, что он и меня утащил за собой, и если бы не Танис...

Флинт ходил, ворчал, прихлопывал и притопывал и был так увлечен всем этим, что не заметил, что он уже не один.

Кендер, одетый в ярко-желтые штанишки и веселый красно-зеленый жакет, обвешанный набитыми до отказа сумочками, крался позади него, передразнивая гнома. Он хлопал в ладоши, стучал ногами до тех пор, пока гном, остановившийся на середине своего ворчания, чтобы зажечь трубку, не полез в свой кисет и не обнаружил уже находящуюся там чью-то руку. Быстро подсчитав, что у него оказалось три руки, гном взревел и схватил вора. Вор обнял Флинта.

— Ага! Как раз вовремя! — проворчал Флинт. — Ты, тупоголовый, смотри, что ты наделал! Я уронил из-за тебя трубку! Ну ничего, ничего, парень... Не бери в голову, я совсем не хотел на тебя орать... Это я от неожиданности...

Тас смеялся и плакал одновременно. И слезы, и смех застревали у него в горле, затрудняя дыхание. Флинт похлопал кендера по спине. Вновь обретя дыхание, Тас обрел и способность говорить.

— В конце концов, я это сделал. Ты ведь скучал по мне? — И, не обращая внимания на возмущенное «нет» Флинта, продолжил: — И я по тебе скучал.

Кендер поправил пояс с сумочками и уселся под деревом.

— С чего бы мне начать? А, знаю... Кендерская Ложка Перемен — ее дал мне...

— Как ты думаешь, что ты делаешь? — поинтересовался Флинт, уперев руки в боки и глядя на кендера.

— Отдыхаю под твоим деревом, — удивился Тас. — А ты что подумал? — Он выглядел заинте-

ресованным. — А это как-то отличается одно от другого? Потому что, если это так...

— Разочарую тебя, — прорычал Флинт. — Это не то, что ты делаешь, это даже не то, что ты думаешь, что ты делаешь. Это то, чего ты НЕ делаешь.

Кендер в недоумении смотрел на гнома.

— Звучит довольно-таки бессмысленно. Если ты думаешь, что я делаю не то, что я полагаю, что делаю, а я думаю, что делаю не то, что полагаю делать, то...

— Заткнись! — взревел гном, хватаясь за голову.

— В чем дело, Флинт?

— У меня от тебя голова болит! Вот в чем дело! Итак, на чем я остановился?

— Ну я не делаю...

— Хватит! — Гном тяжело дышал. — Я не это имел в виду. Вставай, у нас нет времени расслаиваться тут. Нам надо спешить на встречу с Танисом и остальными. — Он неопределенно махнул рукой в пространство.

— Может, чуть позже?! — предложил Тас, устраваясь поудобнее. — Я чертовски устал. Если не возражаешь, я хотел бы отдохнуть немного прямо тут. Это чертовски славное дерево, ну я хотел сказать, оно было бы таким, не будь оно сломанным и пожелтевшим. Слушай, похоже, оно дрожит. Прохладно здесь. Я замерз. Тебе не холодно, Флинт?

— Замерз! Конечно, я замерз! Я почти превратился в ледышку. Если бы ты пришел, когда все тебя ждали...

Тас не слушал, оглядываясь кругом.

— Ага. Флинт, я, похоже, знаю, почему мне холодно, и тебе, и даже дереву (с ним что-то все-таки не в порядке). Горн погас.

— Без тебя знаю, что горн погас! — яростно рявкнул гном и продолжил бессвязно: — Я... но... ты...

— Как хорошо, что я пришел, — заметил Тас. — Видишь, ну куда ты без меня! Мы встретимся с Танисом и всеми остальными позже. Они к тому времени как раз окончательно запутаются и попадут в беду, вот тут-то мы и пойдем их выручать. Совсем как в старое доброе время. А теперь почему бы тебе не разжечь огонь в горне, а я пока посижу здесь, под этим славным деревом, и расскажу тебе, что со мной было. О кстати, это специально для тебя! — Тас покопался в своих многочисленных сумочках и извлек серебряную флягу. — Лучшее бренди Карамона!

Флинт взглянул на дерево, на горн, посмотрел на кендера, а затем перевел взгляд на флягу.

Он очень пристально смотрел на нее, потом покачал головой.

— Ради Реоркса, — проворчал он. — Глоточек мне совсем не повредит. Для согрева, понимаешь? Я надеюсь, ты заплатил за нее Карамону? — Гном отвернул крышку, медленно и торжественно поднял флягу и припал к ней.

— Ага, — кивнул кендер, укладывая сумочки. — Я заплачу. В следующий раз, как только окажусь там, так сразу и заплачу. Так на чем я остановился? Да, знаменитая Кендерская Ложка Перемен. Видишь ли, там был такой призрак...

Тас продолжил рассказ, но Флинт не слушал его. Он наслаждался бренди. Бренди и вправду было отличное. Сделав еще пару глотков, Флинт закрутил крышку и с сожалением убрал флягу в карман.

Что ж, к Танису они еще успеют. Спешить некуда.

— Разожгу-ка я и вправду огонь, — решил гном. — Все лучше, чем слушать этого полоумного кендера.

Флинт собрал обломки дерева, уложил дрова в горне и высек искру. Потом начал раздувать мехи

и занимался этим до тех пор, пока пламя не разгорелось.

Вскоре стало тепло и гному, и кендеру, и дереву.

Флинт уселся под деревом и решил проверить, действительно ли напиток настолько хорош, как ему показалось вначале.

Да, в самом деле, хорош.

Он протянул флягу Тасу, тот попробовал и вернулся обратно гному.

Пламя горна разгоралось все жарче и жарче.

А в небе над Ансалоном зажглась новая звезда. Красная звезда, которая будет вечно светить над миром, показывая, что и в Век Смертных человечество не одиноко.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	5
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	112

Месяц за месяцем, год за годом
проходят над Кринном.
Дуют промозглые осенние ветры,
сыплют колкие ледяные кристаллы
зимние облака, распускаются
на лугах дивные цветы.
Вслед за весной спешит лето...
Однако Тьме ненавистен
яркий солнечный свет.
Глазам, привыкшим к вековой мгле,
больше по нраву глухой сумрак и серые тени.
Темная Владычица жаждет мщенья и собирает
рассеянные в битвах полчища драконидов.
Черный Паладин подбирается
к Башне Верховного Жреца.
В синем, безоблачном небе древнего Кринна
зловещими силуэтами появляются

ДРАКОНЫ ЛЕТНЕГО ПОЛДНЯ

TM

179603
P/B 15000